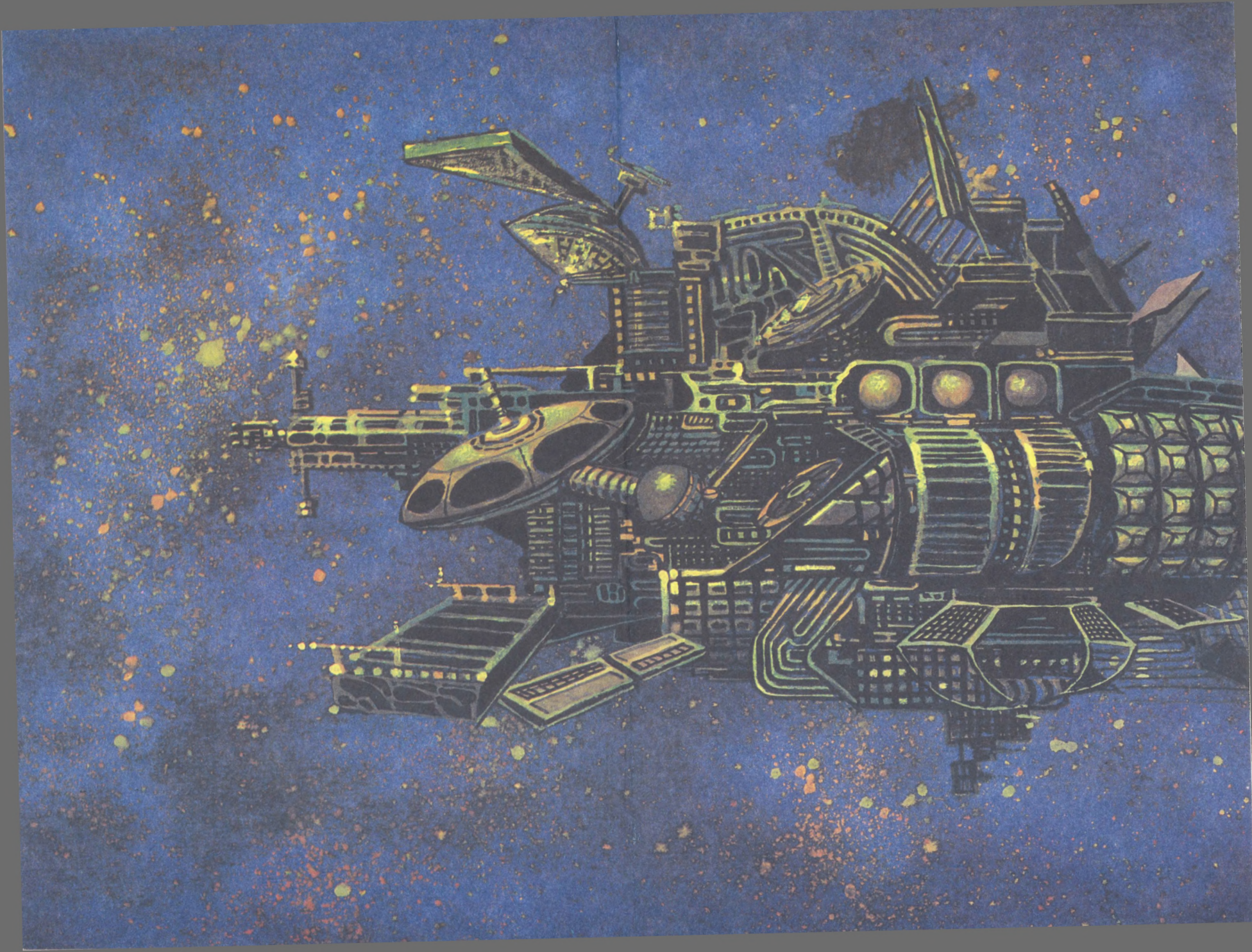

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

4

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROBERT A. HEINLEIN

Volume four

**FARNHAM'S
FREEHOLD**

**ORPHANS
OF THE SKY**

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга четвертая

**СВОБОДНОЕ
ВЛАДЕНИЕ
ФАРНХЭМА**

**ПАСЫНКИ
ВСЕЛЕННОЙ**

**Издательская фирма «Полярис»
1993**

"Farnham's Freehold",
Copyright © 1964 by Robert A. Heinlein

"Orphans of the Sky",
Copyright © 1963 by Robert A. Heinlein

«Свободное владение Фарнхэма»
© 1992 А. Киракозов, *перевод на русский язык*

«Пасынки Вселенной»
© 1991 Ю. Зарахович, *перевод на русский язык*

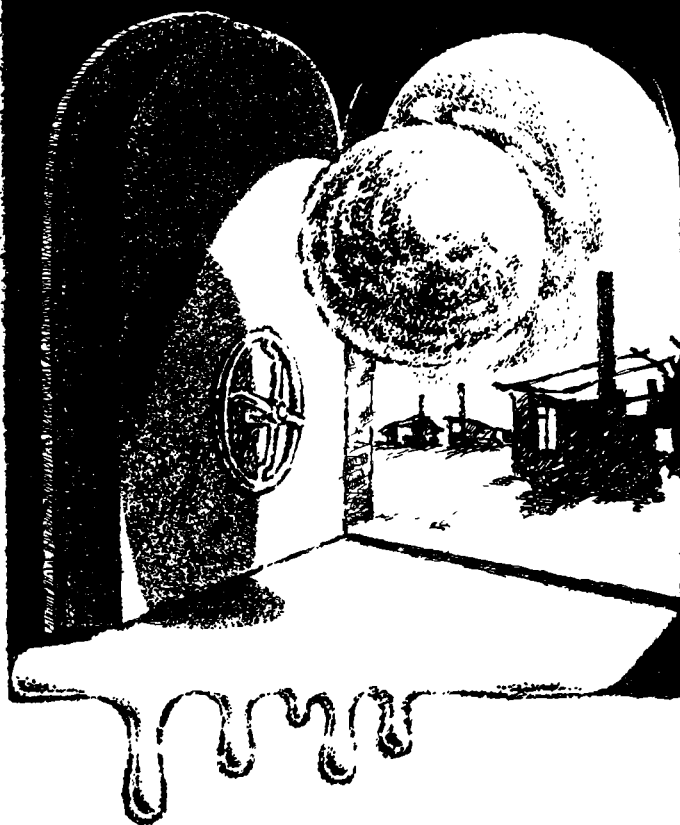
© 1992 А. Киррилов, *иллюстрации.*

© 1992 Издательская фирма «Полярис», *оформление, составление, название серии.*

Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом — запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с ведома издателя.

ISBN 5-88132-017-4

СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА

Глава первая

— Никакой это не слуховой аппарат, — объяснил Хьюберт Фарнхэм. — Это радиоприемник, всегда настроенный на частоту сигнала тревоги.

Барбара Уэллс от изумления замерла, так и не донеся ложку до рта.

— Мистер Фарнхэм, вы думаете, что они все-таки собираются напасть на нас?

Хозяин дома пожал плечами.

— К сожалению, Кремль не делится со мной своими намерениями.

— Отец, перестань пугать наших дам, — сказал его сын. — Миссис Уэллс...

— Называйте меня просто Барбара, — перебила его молодая особа. — Я даже собираюсь через суд добиться разрешения опускать слово «миссис» перед своим именем.

— Для этого вам вовсе не требуется разрешение суда.

— Учтите это, Барб, — заметила его сестра Карен. — В наше время бесплатные советы очень дороги.

— Помолчи. Барбара, при всем своем уважении к отцу я все же считаю, что ему просто мерещатся всякие страсти. На мой взгляд, войны, конечно, не будет.

— Надеюсь, вы правы, — спокойно сказала Барбара. — А почему вы так считаете?

— Потому что коммунисты — прежде всего реалисты. Они никогда не пойдут на то, чтобы начать войну, которая может повредить им, даже если бы в конечном итоге и смогли бы выиграть ее. А тем более они не рискнут начать войну, победить в которой не в состоянии.

— В таком случае, может быть, они заодно перестанут устраивать все эти ужасные кризисы, как на Кубе? А взять, к примеру, шум из-за Берлина: как будто кому-то есть до этого Берлина какое-нибудь дело! От всего этого просто постепенно становишься неврастеничкой, — заявила его мать. — Джозеф!

— Да, мэм?

— Приготовьте мне кофе. И бренди. Кофе-ройял.

— Да, мэм. — Слуга, молодой негр, убрал со стола ее тарелку, к содержимому которой она почти не притронулась.

— Отец, — заметил молодой Фарнхэм, — а ведь мать беспокоится не из-за каких-то там дурацких кризисов. Это ты нервидуешь ее своим поведением. Ты должен вести себя спокойнее.

— Разве?

— Да, должен! Мать совсем потеряла аппетит... и все из-за какой-то дурацкой пуговицы, торчащей у тебя в ухе. Нельзя же так!

— Перестань, Дьюк! Когда ты стал жить отдельно от нас, мы договорились оставаться друзьями. И я всегда рад выслушать твое мнение, как мнение друга. Но все это не дает тебе права встречать между мной и твоей матерью — моей женой.

— Но Хьюберт... — протянула его жена.

— Прости, Грейс.

— Ты слишком строг с мальчиком. Это беспокоит меня.

— Дьюк уже не мальчик. И я не сказал ничего такого, что могло бы тебя заставить переживать. Прости.

— Мне тоже очень неудобно, мама. Но если отец считает, что я лезу не в свое дело, что ж... — Дьюк изобразил на лице кривую улыбку. — Придется мне, видимо, обзавестись собственной женой, о которой я

мог бы с полным правом беспокоиться. Барбара, вы согласны выйти за меня замуж?

— Нет, Дьюк.

— Я же предупреждала тебя, Дьюк, что она очень умна, — поспешно вставила его сестра.

— Карен, спусти пары. Но почему, Барбара? Я молод. Я здоров. К тому же, не исключено, что у меня когда-нибудь появятся клиенты. А пока мы могли бы прекрасно перебиваться и вашими доходами.

— Нет, Дьюк. Я полностью согласна с вашим отцом.

— Что?

— Вернее, следовало бы сказать, что мой отец согласен с вашим. Не знаю, носит ли он сейчас приемник в ухе, но уверена, что обычное радио слушает внимательно. Дьюк, в нашей семье даже машины снабжены набором предметов первой необходимости на случай войны.

— Серьезно?

— В багажнике моей машины, что стоит перед вашим парадным входом, той самой, на которой мы с Карен приехали сюда, как раз лежит такой набор. Папа приготовил его еще тогда, когда я поступала в колледж. Он относится к этому очень серьезно, и я тоже.

Дьюк Фарнхэм открыл было рот, но так ничего и не сказал.

Его отец спросил:

— Барбара, интересно, что же включил в этот набор ваш отец?

— О, множество вещей. Десять галлонов воды. Продукты. Большую канистру бензина. Лекарства. Спальный мешок. Ружье...

— Вы умеете стрелять?

— Папа научил меня. Лопата. Топор. Одежда. Да, еще радио. Но самым важным, как он всегда считал, был вопрос «куда». Если бы я оставалась в колледже, то отец наверняка счел бы оптимальным вариантом подвал. А здесь он, скорее всего, посоветовал бы мне как можно дальше забраться в горы.

— В этом нет никакой необходимости.

— Почему?

— Отец имеет в виду, — пояснила Карен, — что, в случае чего, вы сможете укрыться вместе с нами в нашей дыре.

Барбара вопросительно посмотрела на хозяина дома. Тот объяснил:

— Это наше бомбоубежище. Мой сын называет его «каприз Фарнхэма». Мне кажется, что там вы будете в большей безопасности, чем в горах, особенно если учесть тот факт, что всего в десяти милях от нас расположена база стратегических ракет. Поэтому как только раздастся сигнал тревоги, мы укроемся в убежище. Верно, Джозеф?

— Да, сэр! Если так, то я согласен оставаться у вас на жаловании.

— Черта с два! Ты можешь считать себя уволенным тотчас же, как только прозвучит сирена. И с этого момента платить придется уже тебе самому.

— Мне тоже нужно будет вносить свою лепту? — спросила Барбара.

— Вам придется мыть посуду. Каждому придется что-нибудь делать. Даже Дьюку.

— Меня можно сбросить со счетов, — мрачно сказал Дьюк.

— Что? У нас не так уж много посуды, сынок.

— Я не шучу, отец. Хрущев заявил, что похоронит нас, — и ты всеми силами стараешься, чтобы именно так и произошло. Я не собираюсь хоронить себя заживо в какой-то дыре.

— Как вам будет угодно, сэр.

— Сыночек! — Его мать отставила чашку. — Если будет налет, обещаю тебе, что ты укроешься вместе с нами в убежище. — На глазах ее блеснули слезы.

Молодой Фарнхэм некоторое время упрямо молчал, затем вздохнул:

— Если начнется налет, — я имею в виду, если прозвучит сигнал тревоги, потому что никакого налета быть не может, — я, так и быть, полезу в эту самую дыру. Но сделаю это, отец, только ради спокойствия матери.

— В любом случае место для тебя там всегда готово.

— О'кей. А теперь давайте перейдем в гостиную и перекинемся в карты. Только уговор: о войне больше ни слова. Годится?

— Согласен. — Его отец поднялся и предложил руку супруге. — Дорогая...

В гостиной Грейс Фарнхэм заявила, что в карты она играть не будет:

— Нет, дорогой, у меня совершенно нет настроения. Ты уж, пожалуйста, составь компанию молодым и... Джозеф! Джозеф, принесите мне еще капельку кофе. Ройял, я имею в виду. Не смотри на меня так, Хьюберт. Ты ведь прекрасно знаешь, что мне только это и помогает.

— Может быть, тебе лучше принять милтаун, дорогая?

— Я терпеть не могу всех этих лекарств. Куда лучше выпить еще капельку кофе.

Они разбились на пары. Дюк печально покачал головой:

— Бедная Барбара! Играть вместе с моим отцом... Сестра, ты предупредила ее?

— Оставь свои предупреждения при себе, — посоветовал отец.

— Но она имеет право знать. Барбара, молодящийся грабитель, сидящий напротив вас, настолько оптимистичен в бридж-контракте, насколько пессимистичен... кое в чем другом. Так что ждите подвохов. Если у него на руках окажутся плохие карты...

— Заткнешься ты когда-нибудь или нет? Барбара, какую систему вы предпочитаете? Итальянскую?

Она широко раскрыла глаза:

— Единственное, что я знаю итальянское, так это вермут, мистер Фарнхэм. А играю я по Горену. Ни плохо ни хорошо, просто я знаю эту книгу.

— Ну что ж, по книге так по книге, — согласился Хьюберт Фарнхэм.

— По книге... — эхом отозвался его сын. — Вопрос только по какой? Ведь отец больше всего склонен следовать советам «Альманаха фермера», особенно когда у противника плохие карты. Тогда он начинает удваивать и вторично удваивать ставку. А потом сами увидите, чем это кончится, особенно если начнете ходить с бубен...

— Ваше высочество, — прервал его отец, — может быть, вы все-таки соизволите взяться за карты? Или вы желаете, чтобы я вбил их вам в глотку?

— Я уже сказал. Ну что, приправим игру чем-нибудь остреньким? Например, по центу за очко?

— Для меня это очень много, — поспешно сказала Барбара.

— К вам, девочки, это не относится, — ответил Дьюк. — Только ко мне и отцу. Таким способом я ухитряюсь платить за аренду конторы.

— Дьюк имеет в виду, — поправил его отец, — что таким способом он все глубже увязает в долгах своему старику. Я отыгрывал у него, бывало, все его месячное содержание, еще когда он учился.

Барбара смолкла, и игра началась. Высокая ставка держала ее в постоянном напряжении, хотя платить ей не пришлось бы. Волнение ее усиливалось еще и мыслью, что партнер был классным игроком.

Когда она поняла, что мистер Фарнхэм считает ее игру вполне сносной, ей удалось немного расслабиться, но внимание ее по-прежнему было сосредоточено на игре. Вообще-то играть в паре с Фарнхэмом было не так уж сложно, а роль «болвана» давала ей прекрасную возможность продолжать то, чем она занималась все каникулы, — наблюдать и изучать Хьюберта Фарнхэма.

Он ей определенно нравился: и тем, как он вел себя в семье, и тем, как играл в бридж, — спокойно, вдумчиво, практически никогда не ошибаясь, а иногда просто блестяще.

Она была восхищена тем, как он лишил противника взятка в последнем коне, когда она чуть было не погубила их обоих, по глупости сбросив туза.

Она знала, что Карен надеется обручить их с Дьюком за этот уик-энд, считая их вполне удачной парой. Дьюк был довольно привлекателен внешне (да и Карен была хорошенькой) и к тому же был бы для Барбары прекрасной партией: подающий надежды адвокат, всего на год старше ее, с молодой и цепкой хваткой.

Интересно, надеется ли он сам овладеть ею за эти выходные? Может быть, и Карен втайне надеется на это и сейчас с любопытством наблюдает за тем, как разворачиваются события?

Нет, этому не бывать!

Она, конечно, вполне согласна с тем, что один раз ей не повезло, но это не значит, что любая разведен-

ная женщина абсолютно доступна. Черт побери, да ведь она ни с кем не лежала в постели с той самой ужасной ночи, когда она собрала свои вещи и ушла. И почему это люди считают...

Дьюк смотрел на нее. Она встретила с ним взглядом, вспыхнула и отвела глаза. Теперь она смотрела на его отца.

Мистеру Фарнхэму было что-то около пятидесяти, так она решила. По крайней мере, на вид ему можно было дать именно столько. Волосы его уже начали редеть. Седой, худощавый, даже худой, хотя с небольшим животиком, глаза усталые, вокруг глаз морщинки, от носа к уголкам губ тянутся глубокие складки.

Симпатичным его никак не назовешь...

И тут с неожиданной теплотой она подумала, что если бы Дьюк Фарнхэм обладал хотя бы половиной мужественного очарования своего отца, то резинка трусов не оказалась бы для нее такой надежной защитой. Она вдруг почувствовала, что рассердилась на Грейс Фарнхэм. Какое оправдание можно найти женщине, ставшей хронической алкоголичкой, раздражительной, жирной, все прощающей себе, когда у нее такой муж?

Эту мысль сменила другая — о том, что с годами Карен может стать такой же, как ее мать. Мать и дочь вообще были похожи, если не считать того, что Карен не превратилась пока в жирную тушу. Барбаре вдруг стало неприятно думать об этом.

Карен ей нравилась больше, чем кто-либо из подруг по учебе, с которыми она столкнулась после возвращения в колледж. Ведь Карен такая милая, благородная и веселая...

Но может быть, когда-то и Грейс Фарнхэм была такой же.

Неужели женщина с годами всегда становится раздражительной и несносной?

Закончился последний кон, и Хью Фарнхэм оторвался от карт:

— Три пики, игра и роббер. Неплохо было заказано, уважаемый партнер.

Барбара покраснела.

— Вы хотите сказать, неплохо сыграно. Заказала-то я многовато.

— Ничего. В худшем случае мы могли бы потерять одну взятку. Кто не рискует, тот не выигрывает. Карен, Джозеф уже лег?

— Занимается. Завтра у него контрольная.

— Жаль. Я думал, что мы могли бы пригласить его сыграть. Барбара, Джозеф — лучший игрок в этом доме, всегда играющий смело, когда это оправдано. Прибавьте к этому, что он учится на бухгалтера и никогда не забывает ни одной карты. Карен, может быть, ты сама нальешь нам чего-нибудь, чтобы не беспокоить Джозефа?

— Конечно, масса Фарнхэм. Водка и тоник вас устроят?

— И чего-нибудь закусить.

— Пошли, Барбара. Придется нам похозяйничать на кухне.

Хьюберт Фарнхэм проводил их взглядом. Как несправедливо, думал он, что такое прелестное дитя, как миссис Уэллс, постигло такое несчастье — неудачный брак. В бридж она играет вполне прилично. Хороший характер. Может быть, немного нескладна, и лицо вытянуто чуть больше, чем надо... Но зато приятная улыбка, да и своя голова на плечах. Если бы у Дьюка была хоть капелька мозгов... Но у Дьюка ее определенно не было.

Фарнхэм поднялся и подошел к жене, тупо кивающей в телевизор.

— Грейс! — позвал он. — Грейс, дорогая, тебе пора ложиться. — Он помог ей дойти до спальни.

Вернувшись в гостиную, он застал сына в одиночестве.

— Дьюк, я хотел извиниться перед тобой за тот разговор во время обеда.

— Ах, это! Да я уже и думать забыл.

— Я предпочел бы пользоваться твоим уважением, а не снисхождением. Я знаю, что ты не одобряешь мою «дыру». Но ведь ты никогда и не спрашивал, зачем я построил ее.

— А что тут спрашивать? Ты считаешь, что Советский Союз собирается напасть на нас, и надеешься,

что, укрывшись в земле, спасешься. Обе эти идеи нездоровы по сути. Болезненны. И более чем вредны для матери. Ты просто принуждаешь ее пить. Мне это не нравится. И еще больше мне не понравилось то, что ты напомнил мне — мне, адвокату! — что я не должен вмешиваться в отношения между мужем и женой. — Дьюк поднялся. — Пожалуй, я пойду.

— Сынок, ну пожалуйста, разве защита не имеет права высказаться?

— Что? Ну ладно, ладно. — Дьюк снова сел.

— Я уважаю твое мнение. Я не разделяю его, и я не одинок. Множество людей придерживается моей точки зрения. Хотя, впрочем, большинство американцев и пальцем не пошевелило, чтобы попытаться спасти. Но как раз в тех вопросах, которые мы обсуждали, ты не прав. Я не считаю, что СССР нападет на нас, и сомневаюсь, что наше убежище спасет кого-нибудь в случае ядерного удара.

— Тогда зачем же ты все время таскаешь в ухе эту штуку, сводя мать с ума?

— Я никогда не попадал в автомобильную катастрофу. Но я застрахован от нее. И бомбоубежище — это своего рода страховка.

— Но ведь ты сам только что заявил, что бомбоубежище никого не спасет!

— Нет, это не совсем так. Оно могло бы спасти наши жизни, если бы мы жили милях в ста отсюда. Но Маунтин-Спрингс — цель первостепенного значения, и ни один человек не может построить убежище, которое выдержало бы прямое попадание.

— Тогда о чем же беспокоиться?

— Я уже сказал тебе. Это лучшая страховка, которую я могу себе позволить. Наше убежище не выдержит прямого попадания. Но если ракета уйдет немного в сторону, оно выдержит, — а ведь их ракеты весьма капризны. Я просто постарался свести риск к минимуму. Это все, что я мог сделать.

Дьюк колебался.

— Отец, дипломат из меня никудышный...

— Тогда и не старайся быть дипломатом.

— В таком случае я задам вопрос в лоб: стоит ли сводить мать с ума, превращать ее в пьяницу только

ради того, чтобы продлить свою жизнь на какие-нибудь несколько лет с помощью этой земляной норы? Да и имеет ли смысл дальнейшая жизнь после войны, когда страна будет опустошена, а все твои друзья мертвы?

— Может, и нет.

— Тогда зачем все это?

— Дьюк, ты пока не женат...

— Это бесспорно.

— Сынок, я тоже буду откровенен. Я давным-давно перестал заботиться о собственной безопасности. Ты уже взрослый человек и стоишь на собственных ногах, и твоя сестра, хоть она и учится в колледже, достаточно взрослая женщина. А что касается меня... — Он пожал плечами. — Единственное, что меня еще по-настоящему занимает, так это хорошая партия в бридж. Как ты, наверное, заметил, мы с твоей матерью практически перестали понимать друг друга.

— Да, я вижу это. Но это твоя вина. Это ты ведешь мать к помешательству.

— Если бы все было так просто... Во-первых, ты еще учился на адвоката, когда я построил это убежище, — как раз во время Берлинского кризиса. Тогда твоя мать приободрилась и снова стала самой собой. Тогда она за весь день могла выпить один martini, а не четыре, как сегодня вечером, и ей этого вполне хватало. Дьюк, Грейс просто необходимо это убежище!

— Что ж, может быть. Но ты определенно выводил ее из себя, снуя по дому с этой затычкой в ухе.

— Вполне возможно. Но у меня нет выбора.

— Что ты имеешь в виду?

— Грейс — моя жена, сынок. А «любить и заботиться» включает в себя и заботу о том, чтобы продлить ей жизнь, насколько это в моих силах. Это убежище может сохранить ей жизнь. Но только в том случае, если она будет находиться внутри него. Как по-твоему, за какое время до атаки нас успеют предупредить?.. В лучшем случае минут за пятнадцать. А для того чтобы укрыть ее в убежище, достаточно будет и трех минут. Но если я не услышу сигнала тревоги, у нас в распоряжении не окажется и трех минут. Поэ-

тому-то я и слушаю непрерывно радио. Во время любого кризиса.

— А если сигнал поступит в то время, когда ты спишь?

— Когда обстановка напряжена, я сплю с пуговицей в ухе. Когда она напряжена до предела, как, например, сегодня, мы с Грейс ночуем в убежище. Девушкам тоже придется сегодня ночевать там. И ты, если хочешь, можешь присоединиться к нам.

— Пожалуй, нет.

— Напрасно.

— Отец, даже если предположить, что атака возможна, — только предположить, потому что русские еще не сошли с ума, — зачем же было строить убежище так близко к стратегической базе? Почему ты не выбрал место, которое было бы отдалено от любых возможных целей, и не построил убежище там? Опять же, только предположив, что оно необходимо матери для успокоения нервов, что, в принципе, возможно, и тем самым избавив ее от ненужных страданий?

Хьюберт Фарнхэм тяжело вздохнул.

— Сынок, она никогда бы не согласилась уехать отсюда. Ведь здесь ее дом.

— Так заставь ее!

— Сынок, тебе приходилось когда-нибудь заставлять женщину делать то, чего она по-настоящему не хочет? Кроме того, дело осложняется ее склонностью к выпивке. С алкоголиками довольно трудно сладить. А я должен, по возможности, стараться ладить с ней, насколько это в моих силах. И... Дьюк, я уже говорил тебе, что у меня не так-то много причин стараться остаться в живых. И одна из них вот такая...

— Ну, продолжай же!

— Если эти проклятые лживые подонки когда-нибудь сбросят свои смертоносные бомбы, то я хотел бы отправиться на тот свет как подобает настоящему мужчине и гражданину — с восемью мертвыми врагами, лежащими вокруг меня. — Фарнхэм выпрямился в кресле. — Я не шучу, Дьюк. Америка — лучшая страна из всех, что люди создали за свою долгую историю, по крайней мере, на мой взгляд, и, если эти мерзавцы убьют нашу страну, я тоже хотел бы убить хотя бы

несколько из них. Человек восемь, не меньше. Я почувствовал большое облегчение, когда Грейс наотрез отказалась переезжать.

— Почему?

— Потому что я не хочу быть изгнанным из своего родного дома каким-нибудь крестьянином со свинным рылом и скотскими манерами. Я свободный человек. И надеюсь до конца остаться свободным. Я подготовился к этому как смог. Но бегство не в моем вкусе и... Девочки возвращаются.

Вошла Карен, неся напитки, за ней появилась Барбара.

— Ха! Барб осмотрела наши запасы и решила испечь крем-сюзе. Почему вы оба такие мрачные? Какие-нибудь плохие новости?

— Нет, но если ты включишь телевизор, мы еще успеем посмотреть конец десятичасовых новостей. Барбара, какой замечательный запах! Предлагаю вам место повара.

— А как же Джозеф?

— Джозефа мы оставим мажордомом.

— Тогда я согласна.

— Хей! — сказал Дьюк. — Как же это получается? Вы отвергаете мое предложение сочетаться законным браком и принимаете предложение моего старика жить с ним во грехе?

— Я что-то не заметила намека на грех в предложении вашего отца.

— Как? Разве вы не знаете, Барбара? Наш отец — известный сексуальный маньяк.

— Это правда, мистер Фарнхэм?

— Ну...

— Именно поэтому я и стал юристом, Барбара. Мы не в силах были таскать сюда Гарри Гизлера аж из самого Лос-Анджелеса всякий раз, когда папочка попадал в переплет.

— Да, славные были денечки! — согласился его отец. — Но, Барбара, к сожалению, это было много лет назад. Теперь моей слабостью стал бридж-контракт.

— Раз вы так опасны, я считаю себя вправе рассчитывать на более высокий оклад...

— Тише, дети! — крикнула Карен и сделала телевизор погромче.

«... Пришли к соглашению по трем из четырех предложенных Президентом основных вопросов и договорились собраться еще раз, чтобы обсудить четвертый вопрос — о присутствии их атомных подводных лодок в наших территориальных водах. Теперь с большей долей уверенности можно сказать, что кризис, самый острый из всех, случившихся в период после второй мировой войны, кажется, идет на убыль в результате достижения договоренности, в той или иной степени удовлетворяющей обе стороны. А теперь позвольте познакомить вас с потрясающими новостями, касающимися компании Дженерал Моторс и сопровождающимися всесторонним их анализом, который по своей глубине...»

Карен выключила телевизор.

Дьюк заметил:

— Все именно так, как я и предполагал, отец. Можешь вынуть из уха свою затычку.

— Потом. Я занят крем-сюзе. Барбара, надеюсь, вы будете готовить его каждое утро.

— Отец, перестань соблазнять ее и сдавай карты. Я хочу отыграться.

— У нас впереди еще целая ночь. — Мистер Фарнхэм кончил есть и поднялся, чтобы убрать тарелку. В этот момент прозвенел звонок у входной двери. — Я открою. — Он направился в прихожую, но скоро вернулся.

— Кто там, папа? — спросила Карен. — Я сдала за тебя. На сей раз мы с тобой партнеры. Ну, вырази же свою радость по этому поводу.

— Я просто восхищен. Только помни, что игру с объявления одиннадцати взяток не начинают. По-моему, этот человек просто заблудился. А может, он не в своем уме.

— Должно быть, это один из моих поклонников. Пришел на свидание, а ты прогнал его.

— Вполне возможно. Какой-то старый лысый болван, насквозь мокрый и оборванный.

— Да, это ко мне, — подтвердила Карен. — Президент нашего студенческого союза. Пойди догони его, отец.

— Слишком поздно. Он только взглянул на меня и смылся. Кто объявляет масть?

Барбара продолжала играть на сей раз совершенно машинально. Но ей все время казалось, что Дьюк объявляет слишком много взяток; тогда она поймала себя на том, что недообъявляет взятки, и попыталась сосредоточиться. Они завязли в длинном мрачном роббере, который в конце концов «выиграли», хотя и проиграли по очкам.

Проиграть следующий роббер, с Карен в качестве партнера, было сущим удовольствием. Они поменялись местами, и Барбара вновь оказалась партнером мистера Фарнхэма. Он улыбнулся ей.

— Ну что, покажем им, как надо играть?

— Я постараюсь.

— Просто играйте, как всегда. По книге. Все ошибки предоставьте делать Дьюку.

— Слова не деньги, папа. Давай побьемся об заклад, что вам не выиграть этого роббера. Ставлю сто долларов.

— Хорошо, пусть будет сто.

Барбара стала нервничать, вспомнив о жалких семнадцати долларах, которые лежали в ее сумочке. Она разволновалась еще сильнее, когда первый круг закончился при пяти трефах, объявленных и побитых Дьюком, и тогда поняла, что он переборщил и остался бы без одной, если бы она покрыла его прорезку.

— Ну что, губернатор, удваиваем ставку? — предложил Дьюк.

— О'кей. По рукам.

Второй круг был для нее намного удачнее: ее контракт при четырех пиках. К тому же она смогла выйти со всех своих козырей. Улыбка ее напарника была вполне достаточным вознаграждением. Но у нее почему-то дрожали руки.

— Обе команды получают по очку, — сказал Дьюк, — и счет сравнивается. Как твоё давление, папочка? Может, еще раз удвоим ставку?

— Что, собираешься уволить свою секретаршу?

— Не надо лишних слов!

— Идет. Четыре сотни. Можешь продать свою машину.

Мистер Фарнхэм сдал карты. Барбара взяла свои и нахмурилась. В принципе, не так уж плохо: две дамы, пара валетов, туз, король — не было длинной масти, да и король ничем не прикрыт. В общем, комбинация была из тех, которые она привыкла называть «ни то ни се». Оставалось только надеяться, что это будет один из конов, в которых не бывает ни особенных проигрышей, ни выигрышей.

Ее партнер взглянул на свои карты и объявил:

— Три, без козырей.

Барбара с трудом сдержалась, чтобы не вскрикнуть, а Карен воскликнула:

— Папочка, да у тебя жар!

— Принимаю.

— Твой ход.

«Боже, о Боже, что мне делать?» — взмолилась про себя Барбара.

У нее на руках было тринадцать очков. Объявление ее партнера сулило двадцать пять очков. Прибавь к ним еще тринадцать — и прочтешь: «Большой шлем». Так говорилось в книге!

Но по книге ли играл мистер Фарнхэм? Может быть, он объявлял просто для того, чтобы выиграть роббер и победить в этом нелепом пари?

Если она оставит все как есть, то и игра, и роббер, и четыреста долларов — дело верное. Но большой шлем — если они объявят его — принес бы им что-то около пятнадцати долларов при тех ставках, которые установили Дьюк и его отец. Рисковать чужими четырьмястами долларами ради каких-то пятнадцати?

Смешно!

Может быть, это как раз один из тех случаев, о которых предупреждал ее Дьюк?

Но ведь ее партнер ясно сказал: «Играй по книге».

— Семь, без козырей, — твердо объявила она.

Дьюк присвистнул.

— Благодарю вас, Барбара. Теперь, папочка, ты один против всех. Удваиваю ставку.

— Пас.

— Пас, — эхом отозвалась Карен.

Барбара снова прикинула свои возможности. Этот одинокий король был довольно гол. Но... либо родная команда получает все, либо ничего.

— Еще раз удваиваю.

Дьюк улыбнулся.

— Спасибо, золотко. Твое слово, Карен.

Мистер Фарнхэм вдруг положил карты и резко встал.

Его сын сказал:

— Эй, садись, тебе скоро придется пить лекарство, так что не уходи.

Мистер Фарнхэм, не отвечая, подошел к телевизору, включил его, затем включил радио и настроил его на нужную волну.

— Красная тревога! — неожиданно объявил он. — Пусть кто-нибудь предупредит Джозефа. — И выбежал из комнаты.

— Вернись! Тебе не провести нас с помощью такого примитивного трюка!

— Заткнись, Дьюк! — прикрикнула на него Карен.

Ожил телевизионный экран:

«... приближается. Сразу же настройтесь на волну своей аварийной станции. Удачи вам, всего хорошего, и да благословит вас всех Господь!»

Изображение на экране исчезло и стало слышно радио.

«... Это не учебная тревога! Это не учебная тревога! Все в укрытия! Члены спасательных команд должны немедленно связаться со своими штабами. Ни в коем случае не выходите на улицу. Если у вас нет укрытия, оставайтесь под защитой ваших домов. Это не учебная тревога! Неопознанные баллистические объекты только что замечены нашими радарными дальнего действия, и есть все основания предполагать, что это боевые ракеты. Все в укрытия! Членам спасательных команд немедленно связаться со штабами...»

— Кажется, это серьезно, — с дрожью в голосе прошептала Карен. — Дьюк, покажи дорогу Барбаре. Я пойду разбужу Джозефа. — И она выбежала из комнаты.

— Никак не могу поверить этому, — пробормотал Дьюк.

— Дьюк, как пройти в укрытие?

— Я покажу вам. — Он неторопливо встал, собрал карты и аккуратно разложил их по разным карманам. — Мои и сестренкины — в моих брюках, а ваши с отцом — в пальто. Пошли. Чемодан возьмете?

— Нет!

Глава вторая

Дьюк провел ее через кухню, за которой находилась лестница, ведущая в подвал. Мистер Фарнхэм уже спускался по ней, неся на руках жену. Похоже было, что она спит.

— Подожди, отец! — крикнул Дьюк. — Сейчас я возьму ее сам.

— Спускайся первым и открой дверь!

В стене подвала оказалась стальная дверь. Дьюк не сумел справиться с нею — не знал, как отпирается замок. Мистер Фарнхэм не выдержал и, отдав жену сыну, сам открыл ее. За дверью оказалась еще одна лестница, ведущая еще глубже под землю. Спустившись по ней, они внесли миссис Фарнхэм в небольшую комнатку, обнаружившуюся за второй стальной дверью. Барбара прикинула, что пол этой комнаты находится футов на шесть ниже основания фундамента, а само убежище располагается примерно под задним двором дома.

Из комнаты послышался голос мистера Фарнхэма:

— Барбара! Входите же скорее! А где Джозеф? Где Карен?

Не успел он договорить, как эти двое кубарем скатились по лестнице. Карен была растрепана и выглядела очень возбужденной. Джозеф спросонья дико

озирался по сторонам. Одет он был явно наспех, в брюки и нижнюю рубашку. Обуви на нем не было.

Он резко остановился.

— Мистер Фарнхэм! Они что, собираются нанести нам удар?

— Боюсь, что так. Входи скорее.

Юноша-негр обернулся и закричал:

— Доктор Ливингстон! — И кинулся вверх по лестнице.

— О Боже! — простонал мистер Фарнхэм и сжал ладонями виски. Затем добавил уже обычным тоном: — Девочки, входите. Карен, запри дверь, но слушай: я буду ждать ровно столько, сколько смогу. — Он взглянул на часы. — Пять минут.

Девушки вошли. Барбара шепотом спросила:

— Что случилось с Джозефом? Помешался?

— Да, что-то вроде этого. Доктор Ливингстон — это наш кот, который любит Джозефа и терпит нас. — Карен начала запирающую внутреннюю дверь, сделанную из толстенной листовой стали и крепившуюся болтами десятидюймовой длины.

Вдруг она остановилась.

— Черт меня возьми! Я запираю дверь, а отец остался там, снаружи!

— Не запирай вообще.

Карен покачала головой.

— Нет, я все-таки завинчу парочку болтов, чтобы он слышал. А кот этот, может, сейчас прохладается где-нибудь за несколько километров отсюда.

Барбара оглянулась. Комната имела Г-образную форму. Вошли они с конца короткого рукава. Справа, у стены, располагались две койки, на нижней лежала по-прежнему спящая Грейс Фарнхэм. Вдоль противоположной стены тянулись полки, тесно уставленные какими-то припасами. Койки и полки разделял проход немногим шире, чем входная дверь. Потолок был низким, закругленным и сделанным, как двери, из листовой стали. Дальше можно было различить края еще двух коек. Дьюка видно не было, и вдруг он появился из-за поворота и принялся устанавливать ломберный столик. Она с удивлением следила за тем, как он аккуратно вынимает из карманов карты, которые захватил перед бегством из гостиной. Как давно это

было! Наверное, уже с час назад. А может быть, и пять минут.

Дьюк заметил ее, улыбнулся и расставил вокруг столика складные стулья.

В дверь постучали. Карен отперла ее. Ввалился Джозеф, за ним вошел мистер Фарнхэм. С рук Джозефа спрыгнул великолепный рыжий персидский кот и тут же принялся обнюхивать все углы. Карен и мистер Фарнхэм сообща затащили болты на двери. Затем он взглянул на жену и сказал:

— Джозеф! Помоги мне дотянуть болты.

— Есть, сэр!

К ним подошел Дьюк.

— Ну как, посудина заклепана, шкипер?

— Да, осталась только скользящая дверь. Она запирается специальной рукояткой.

— Ну что ж, как запрете — прошу к столу. — Дьюк указал на разложенные карты.

Отец уставился на него в изумлении.

— Дьюк, ты что же, всерьез предлагаешь доигрывать партию, когда с минуты на минуту мы ждем нападения?

— Мою серьезность изрядно подкрепляет надежда выиграть четыре сотни долларов. И еще одну ставлю на то, что нас вообще не атакуют. Через полчаса тревога будет отменена, и в завтрашних газетах появятся сообщения, что радарные станции были сбиты с толку северным сиянием. Ну как, будешь играть? Или сдаешься?

— М-м-м... мой партнер сыграет за меня. Я занят.

— Ты не будешь потом оспаривать ее проигрыш?

— Конечно, нет.

Барбара обнаружила, что уже сидит за столом. У нее было такое чувство, что все это происходит во сне. Она взяла карты своего партнера и взглянула на них.

— Твое слово, Карен.

— О черт! — воскликнула в сердцах Карен и пошла с тройки треф.

Дьюк задумчиво рассматривал свои карты.

— С чего бы пойти? — пробормотал он в нерешительности.

— Как вам будет угодно, — отозвалась Барбара. — Мне все равно, я играю в открытую.

— Может быть, вам лучше этого не делать?

— Нет, я решила твердо. — И она открыла карты. Дьюк взглянул на них.

— Все ясно... — сказал он. — Не убирайте их, отцу тоже будет интересно посмотреть. — Он что-то прикинул в уме. — Здесь примерно двадцать четыре очка. Отец!

— Да, сынок?

— Я тут выписываю чек на четыре сотни и еще девяносто два доллара, и пусть это будет мне уроком.

— Нет такой необходимости...

Свет погас, пол вздрогнул под ногами. Барбара почувствовала, как что-то страшно сдавило ей грудь. Она попыталась встать, но не смогла устоять на ногах. Казалось, вокруг них с ревом несутся поезда подземки, а пол стал напоминать палубу корабля, попавшего в свирепый шторм.

— Отец!

— Я здесь, Дьюк. Ты ранен?

— Не знаю. Но чек мне теперь придется выписывать уже на пятьсот девяносто два доллара!

Подземные толчки продолжались. Сквозь незатихающий ни на мгновение шум Барбара услышала, как мистер Фарнхэм усмехнулся и сказал:

— Забудь об этом. Доллар только что перестал существовать.

— Хьюберт! Хьюберт! Где ты? — послышался пронзительный голос миссис Фарнхэм. — Когда это прекратится?

— Иду, дорогая.

Тьму прорезал тонкий луч фонарика и двинулся по направлению к койкам. Барбара подняла голову и с трудом сообразила, что это хозяин дома на четвереньках, держа фонарик в зубах, пробирается к супруге. Добравшись до койки, он принялся успокаивать жену, и скоро ее крики стихли.

— Карен!

— Да, папа?

— Ты в порядке?

— Да, лишь ушиблась немного. Опрокинулся стул.

— Прекрасно. Тогда включи аварийное освещение. Только не вставай. Передвигайся ползком. Я посвечу

тебе фонариком. Потом возьми аптечку и шприц и... ох-х! Джозеф!

— Да, сэр?

— Ты цел?

— Все о'кей, босс.

— Позови-ка своего лохматого Фальстафа. А то он прыгнул на меня.

— Просто он хочет выразить свое расположение к вам.

— Да-да. Но мне не хотелось бы, чтобы он выражал его в то время, когда я делаю укол. Позови его.

— Сию секунду. Док! Ко мне! Док! Док! На рыбку!

Через некоторое время грохот стих, пол перестал качаться под ногами. Миссис Фарнхэм, получив дозу снотворного, безмятежно уснула. В первом отсеке тускло светили две небольшие лампочки, и мистер Фарнхэм принялся изучать последствия случившегося.

Ущерб оказался невелик. Несмотря на то что все было уложено на полках довольно тщательно, несколько банок с консервами все же свалилось на пол. Разбилось несколько бутылок с ромом, но кроме спиртного практически ничего из припасов не хранилось в стеклянной таре. Самым неприятным оказалось то, что со стены сорвало взрывом батарейный радиоприемник, который, упав на пол, разбился вдребезги.

Мистер Фарнхэм встал на четвереньки и принялся разглядывать остатки приемника. Подошел его сын и, взглянув на разбитое устройство, произнес:

— Наплевать, отец. Смети весь этот хлам в помойное ведро.

— Кое-что можно восстановить.

— А ты что-нибудь понимаешь в радиотехнике?

— Нет, но у меня есть книги.

— Книги не починят радиоприемник. Тебе следовало бы иметь запасной.

— Он у меня есть.

— Так что же ты его не достаешь? Интересно было бы узнать поподробнее, что случилось.

Отец медленно поднялся и взглянул на Дьюка.

— Мне тоже интересно. Тот приемник, что у меня в ухе, молчит. Конечно, ничего удивительного в этом нет — он слишком слабый. А запасной приемник упакован в вату и, скорее всего, не пострадал.

— Так доставай же его!

— Потом.

— Потом, потом... Дьявольщина! Где он?

Мистер Фарнхэм начал гневно сопеть.

— Мне уже начало надоедать твоё твяканье.

— Что? Ну прости. Скажи мне только, где запасное радио.

— Нет. Мы можем лишиться и его. Я хочу дождаться конца нападения.

Сын пожал плечами.

— Ну что ж, упрямысь на здоровье. Но ведь наверняка все с удовольствием послушали бы последние новости. Твоё упрямство просто глупо.

— Тебя никто не спрашивает. Я уже сказал, что мне надоело твоё твяканье. Если тебе так хочется узнать, что происходит снаружи — скатертью дорожка. Тебя никто не держит. Я отопру внутреннюю дверь и промежуточную, внешнюю ты сам вполне можешь открыть.

— Как это? Не говори глупостей.

— Только не забудь закрыть её за собой. Лучше, если она будет закрыта, — это ослабит излучение. И надо измерить ударную волну.

— Вот это уже ближе к делу. Здесь есть чем измерить уровень радиации? Нам бы следовало...

— Заткнись!

— Что? Отец, не надо строить из себя сурового папашу.

— Дьюк, я по-хорошему прошу тебя замолчать и выслушать меня. Понял?

— Ну что же... хорошо. Мне только не нравится, когда на меня кричат в присутствии других людей.

— В таком случае держи язык за зубами.

Они находились в первом отсеке. Возле них мирно похрапывала миссис Фарнхэм. Остальные удалились во второй отсек, чтобы не быть свидетелями ссоры.

— Так ты готов слушать меня?

— Готов, сэр, — холодно ответил Дьюк.

— Вот и отлично. Сынок, я не шучу. Или уходи, или делай только то, что буду говорить я. Подразумевается и то, что ты должен заткнуться, если я прошу. Как бы поточнее выразиться? Это должно быть абсолютное

подчинение, быстрое и охотное. Или ты предпочтешь уйти?

— А не слишком ли ты перегибаешь палку?

— Вот именно это я и делаю. Наше убежище — спасательная шлюпка, а я ее командир. Ради безопасности остальных я должен поддерживать дисциплину. Даже если для этого придется кого-нибудь выбросить за борт.

— Это довольно-таки искусственная аналогия. Отец, очень жаль, что ты служил на флоте. После него у тебя в голове завелись романтические идеи.

— А я, Дьюк, жалею о том, что тебе вообще не пришлось служить. И ты не реалист. Но оставим это. Так будешь ты выполнять приказы? Или все-таки покинешь нас?

— Ты же прекрасно знаешь, что я никуда не уйду. Да ты и не стал бы говорить об этом всерьез. Ведь это верная смерть.

— Так ты, следовательно, согласен подчиняться мне во всем?

— Я... э-э-э... буду сотрудничать с тобой. Но это диктатура... Отец, вчера вечером ты сам ясно дал понять, что ты свободный человек. Но ведь и я тоже. Поэтому я согласен помогать тебе. Но я не собираюсь исполнять приказы, которые считаю ненужными. Что касается держания языка за зубами, то я постараюсь быть дипломатичным. Но если я сочту необходимым, то наверняка выскажу свое мнение вслух и открыто. Свобода слова. Ведь это справедливо, не так ли?

Отец вздохнул.

— Не то ты говоришь, Дьюк. Отойди-ка, я открою дверь.

— Эта шутка, кажется, заходит слишком далеко, отец.

— Я не шучу. Я собираюсь выставить тебя за дверь.

— Отец... Мне бы не хотелось говорить тебе этого... но, мне кажется, у тебя силенок не хватит тягаться со мной. Я крупнее тебя, да и помоложе.

— Это мне известно. Но я вовсе не собираюсь драться с тобой.

— Тогда оставим эти глупости.

— Дьюк, пожалуйста! Я построил это убежище. Не прошло еще и двух часов, как ты издевался над ним,

называл его «болезненной причудой». А теперь, когда оказалось, что ты был не прав, ты с удовольствием пользуешься им. Верно?

— В принципе, да. Ты прав.

— И все-таки ты указываешь мне, что и как я должен делать. Заявляешь мне, что следовало запастись вторым приемником. И все это тогда, когда ты сам не запасся ничем! Будь же мужчиной, раз так получилось, и делай то, что тебе говорят. Ведь ты спасся только благодаря мне!

— Черт побери! Я тебе уже сказал, что согласен подчиняться!

— А сам и не думаешь этого делать. Вместо этого ты отпускаешь глупые замечания, мешаешь мне, упрямисься, напрасно задерживаешь меня, когда у меня куча срочных дел. Дьюк, мне не нужно подчинение на твоих условиях и по твоему разумению. Пока мы находимся в этом убежище, мне требуется полное подчинение.

Дьюк покачал головой.

— Постарайся наконец понять, что я уже не ребенок, отец. Разумное подчинение — да. Но большего я не обещаю.

Мистер Фармхэм печально произнес:

— Возможно, было бы лучше, если бы командовал ты, а я тебе подчинялся. Но дело в том, что я много раз обдумывал все, что может случиться непредвиденного, а ты — нет. Сынок, я предусмотрел, что у твоей матери может начаться истерика, и у меня все было наготове для такого случая. Как ты думаешь, не мог ли я предусмотреть и данную ситуацию?

— Как это? Ведь я здесь оказался по чистой случайности.

— Я сказал «данную ситуацию». На твоем месте мог оказаться любой другой. Сегодня у нас могли быть гости или какие-нибудь случайные люди вроде того ненормального, который забрел к нам накануне, и я же не бросил бы их на произвол судьбы. Поэтому мне пришлось предусматривать и различные крайности. Неужели ты думаешь, что, планируя все это, я не предвидел, что кто-нибудь может выйти из повиновения, и не продумал, как поставить его на место?

— Ну, и как же?

— Как ты думаешь, чем отличается командир спасательной шлюпки от остальных, сидящих в ней?

— Это что, загадка?

— Да нет. Просто только у командира есть оружие.

— О, я и не сомневался, что здесь у тебя есть и оружие. Но в руках ты ничего не держишь и... — Дьюк усмехнулся. — Отец, я что-то с трудом представляю себе, как ты стреляешь в меня. Неужели ты способен на это?

Мистер Фарнхэм пристально посмотрел на сына, затем опустил глаза.

— Нет. В чужого человека — возможно. Но ты мой сын. — Он вздохнул: — Ну что ж, надеюсь на твою помощь.

— Обещаю тебе ее.

— Спасибо, сынок. А теперь, извини, мне нужно кое-что сделать. — Мистер Фарнхэм оглянулся назад и позвал: — Джозеф!

— Да, сэр.

— Сложилась ситуация номер семь.

— Ситуация семь, сэр?

— Да, и положение все время ухудшается. Будь осторожен с инструментами и не мешкай.

— Понятно, сэр!

— Спасибо. — Он повернулся к сыну: — Дьюк, если ты действительно хочешь помочь, то можешь собрать остатки этого радио. Оно точно такое же, как и запасное. Так что в случае необходимости какие-то детали нам могут пригодиться. Согласен?

— Конечно, сэр. Я же сказал, что готов подчиняться. — Дьюк опустился на колени и занялся тем, что помешал сделать отцу.

— Спасибо. — Мистер Фарнхэм повернулся и пошел по направлению ко второму отсеку.

— Мистер Дьюк! Руки вверх!

Дьюк взглянул через плечо и увидел, что позади карточного столика стоит Джозеф и целится в него из автомата Томпсона. Он вскочил на ноги.

— Какого черта!

— Стойте на месте! — предупредил Джозеф. — При малейшем движении — стреляю!

— Правильно, — согласился мистер Фарнхэм. — Его ведь не удерживают родственные узы, как меня. Джозеф, если только он шевельнется, пристрели его.

— Отец! Что происходит?

Мистер Фарнхэм повернулся к дочери.

— Ступай обратно!

— Но папочка...

— Тихо! Обе ступайте обратно и сидите там на нижней койке. Быстро!

Карен подчинилась. Барбара с ужасом заметила, что в руке хозяина дома тускло отсвечивает автоматический пистолет, и быстро последовала за Карен.

— А теперь обнимите друг друга, — приказал Фарнхэм, — и не двигайтесь.

Он вернулся в первый отсек.

— Дьюк!

— Да.

— Опустите руки и расстегните брюки. Пусть они спадают, но ног из них не вынимай. После этого медленно повернись лицом к двери и отпирай ее.

— Отец...

— Заткнись! Джозеф, если он сделает что-нибудь не так, как я велел, — стреляй. Можешь для начала стрелять по ногам, но попасть в него ты должен обязательно.

Ошеломленный, бледный как полотно, Дьюк сделал то, что ему велели: спустил брюки так, что оказался стреноженным ими, повернулся и принялся откручивать болты на двери. Когда он вывинтил половину болтов, отец остановил его.

— Дьюк, стой! В ближайшие несколько секунд придется решать: уходить тебе или оставаться. Условия тебе известны.

Почти без колебаний Дьюк ответил:

— Я принимаю твои условия.

— Но это еще не все. Ты будешь подчиняться не только мне, но и Джозефу.

— Джозефу?!

— Моему первому помощнику. Без помощника мне никак не обойтись, Дьюк. Не могу же я все время бодрствовать. Я бы с радостью назначил помощником тебя, но ты ведь не хотел иметь с этим ничего общего. Поэтому мне пришлось поднатаскать Джозефа. Он

знает, где что находится, как что действует, как что починить. Таким образом, он мой заместитель. Что ты на это скажешь? Согласен ли ты подчиняться ему так же беспрекословно, как и мне? Не возьмешь потом свои слова обратно?

— Обещаю, — медленно проговорил Дьюк.

— Хорошо. Но обещание, данное под давлением, ни к чему не обязывает. Существует другая форма подчинения, которая применяется в случае насилия, и тем не менее имеет силу. Ты, как юрист, должен знать о чем я говорю. Я хочу, чтобы ты дал клятву заключенного. Клянешься ли ты подчиняться обстоятельствам до тех пор, пока мы не сможем покинуть убежище? Это честное соглашение: твоя клятва в обмен на то, что мы оставляем тебя здесь.

— Клянусь.

— Благодарю. Тогда запирай дверь и застегивай брюки. Джозеф, можешь убрать автомат.

— О'кей, босс.

Дьюк запер дверь, привел в порядок брюки. Когда он повернулся, отец протянул ему пистолет.

— Зачем это? — спросил Дьюк.

— Соберись с мыслями. Если твоя клятва вынужденная, то лучше нам узнать об этом сейчас.

Дьюк взял пистолет, оттянул затвор и вынул из магазина патрон. Взглянув на него, он сунул патрон обратно, снова щелкнул затвором — и вернул перезаряженный пистолет отцу.

— Моя клятва остается в силе. Держи.

— Пусть останется у тебя. Ты всегда был упрямым мальчишкой, но не лжецом.

— О'кей... босс. — Сын положил пистолет в карман. — А здесь довольно жарко.

— Сдается мне, будет еще жарче.

— Да? И какую же дозу мы, по-твоему, получаем?

— Я имею в виду не радиацию. Огненный шторм. — Мистер Фарнхэм подошел к месту стыка двух отсеков, взглянул на висевший там термометр, затем на часы. — Уже восемьдесят четыре градуса, а с момента нападения прошло двадцать четыре минуты. Значит, будет еще хуже.

— Насколько хуже?

— Откуда я знаю, Дьюк? Я не имею понятия, на каком расстоянии от нас произошел взрыв, сколько мегатонн было в бомбе, насколько далеко распространилось пламя. Я даже не знаю, горит ли над нами дом, или его снесло взрывом. Нормальная температура в убежище — около пятидесяти градусов. Так что следует ждать ее дальнейшего повышения. И ничего с этим не поделаешь. Хотя, впрочем, кое-что мы можем сделать. Раздеться и ходить в шортах. Так я и поступлю, пожалуй.

Он прошел в соседний отсек. Девушки все так же сидели на койке, крепко обнявшись. Джозеф устроился на полу, прислонившись спиной к стене. На руках у него лежал кот. Карен взглянула на отца широко открытыми глазами, но ничего не сказала.

— Ну, детки, можете вставать.

— Спасибо, — сказала Карен. — для объятий здесь довольно жарко. — Барбара разомкнула руки, и Карен выпрямилась.

— Ничего не поделаешь. Вы слышали, что произошло?

— Какая-то ссора, — неуверенно ответила Карен.

— Верно. И это последняя ссора. Я — начальник, а Джозеф — мой заместитель. Понятно?

— Да, папочка.

— Миссис Уэллс?

— Я? О, конечно! Ведь это же ваше убежище. Я так благодарна вам, что оказалась здесь. Благодарна за то, что осталась в живых. И пожалуйста, мистер Фарнхэм, называйте меня просто Барбара.

— Хм... В таком случае называйте меня просто Хью. Это имя нравится мне больше, чем Хьюберт. Дьюк — и все остальные тоже — отныне называйте друг друга просто по имени. Не называйте меня больше «отец», зовите меня Хью. А ты, Джо, оставь этих мистеров и мисс. Понял?

— О'кей, босс. Как вам будет угодно.

— Отныне ты должен говорить: «О'кей, Хью». А теперь, девочки, раздевайтесь до нижнего белья, потом разденьте Грейс и выключите свет. Сейчас жарко, а будет еще жарче. Джо, советую раздеться до трусов. — Мистер Фарнхэм снял пиджак и начал расстегивать рубашку.

— Э... босс, мне вполне хорошо и так, — сказал Джозеф.

— Вообще-то я не спрашиваю, я тебе приказываю.

— Э-э-э, босс, на мне нет трусов.

— Это правда, — подтвердила Карен. — Спросонья он так торопился, что забыл надеть их.

— Вот как? — Хью взглянул на своего экс-лакея и хмыкнул: — Джо, да ты, кажется, еще не созрел для такой ответственной должности. Наверное, мне следовало бы назначить своим заместителем Карен.

— Годится.

— Ладно, возьми на полке запасные трусы и переодейся в туалете. Когда закончишь, покажи Дьюку, где что находится. А ты, Карен — Барбаре. А потом мы соберемся.

Собрались они минут через пять. Хью Фарнхэм сидел за столом и тасовал карты. Когда все расселись, он спросил:

— Кто хочет сыграть в бридж?

— Папочка, ты шутишь?

— Меня зовут Хью. Я не шучу: партия в бридж может здорово успокоить наши нервы. Потуши сигарету, Дьюк.

— Э... прошу прощения.

— Думаю, что завтра ты уже сможешь курить. Я впустил много чистого кислорода, поэтому наружный воздух не поступает. Видел баллоны в туалетной комнате?

Промежуточная комната, соединяющая оба отсека, была уставлена баллонами с водой и разного рода запасами. Там же находились унитаз с тесноватым душем, воздухозаборники, трубы вентиляции, сейчас наглухо задраенные. Была и ручная воздухоочистительная установка с уловителями двуокиси углерода и водяных паров.

— Значит, в них кислород? А я думал, там просто сжатый воздух.

— Он занял бы слишком много места. Так что курить слишком рискованно. Здесь есть небольшой шлюз с датчиками температуры и радиации, то и другое — снаружи. Счетчик Гейгера трещит, как пулемет. Друзья, я не знаю, сколько нам еще придется пользоваться сжатым кислородом. Запас его рассчитан на

тридцать шесть часов для четырех человек, так что для шестерых его хватит примерно на двадцать четыре часа. Но это не самое страшное. Я весь в поту и вы тоже. До ста двадцати градусов мы еще сможем терпеть. Если температура поднимется выше, придется использовать кислород для охлаждения убежища. В таком случае нам останется выбирать между жарой и удушьем.

— Папа... то есть Хью, я хотела сказать. Ты имеешь в виду, что мы или поджаримся заживо, или задохнемся?

— Я этого не допущу, Карен.

— Если дойдет до этого... я предпочитаю пулю.

— Не потребуется. У меня в убежище запас снотворного, достаточный, чтобы безболезненно умертвить человек двадцать. Но мы здесь не для того, чтобы погибать. До сих пор нам везло. И если наше везение продлится еще немного, мы переживем катастрофу. Так что не настраивайтесь на похоронный лад.

— А как насчет радиации? — спросил Дьюк.

— Ты умеешь читать показания счетчика?

— Нет.

— Тогда поверь мне на слово, что с этой стороны опасность нам пока не грозит. Теперь насчет сна. В отсеке, где лежит Грейс — женская половина, другой отсек — для мужчин. Коек только четыре, но этого вполне достаточно. Один из нас постоянно должен наблюдать за температурой и воздухом, другой, которому тоже не хватает места, должен заботиться о том, чтобы дежурный не уснул. Тем не менее сегодняшнюю вахту я беру на себя, и напарник мне не понадобится — я принял декседрин.

— Я буду дежурить.

— И я с тобой.

— Мне совсем не хочется спать.

— Тише, тише! — сказал Хью. — Джо, тебе со мной дежурить нельзя, потому что тебе придется сменить меня, когда я выдохнусь. Мы с тобой будем дежурить попеременно до тех пор, пока ситуация не перестанет быть опасной.

Джо пожал плечами и промолчал.

Дьюк сказал:

— Тогда, видно, я буду удостоен этой чести.

— Вы что, считать не умеете? Две койки для мужчин, две — для женщин. Что остается? Нужно сложить этот стол, и тогда пятый человек сможет спать на полу. Джо, доставай одеяла. Пару брось здесь на пол и пару — в туалетной комнате, для меня.

— Уже несу, Хью.

Обе девушки настаивали на том, чтобы им тоже разрешили нести вахту. Хью оборвал их:

— Довольно.

— Но...

— Довольно, я сказал, Барбара. Одна из вас спит на койке, другая здесь, на полу. Дьюк, давай тебе снотворное?

— Никогда не имел такой привычки.

— Не строй из себя железного человека.

— Ну... пусть это будет проверка на ржавчину.

— Хорошо. Джо? Секонал?

— Дело в том, что я так рад тому, что завтра не нужно писать эту контрольную...

— Приятно слышать, что хоть кто-то из нас чему-то рад. Хорошо.

— Я еще хотел сказать, что сна у меня ни в одном глазу. Вы уверены, что вам не понадобится моя помощь?

— Уверен. Карен, достань Джо одну таблетку. Знаешь, где они лежат?

— Да, и себе я тоже, пожалуй, возьму. Я не железный человек, и милтаун очень к стати.

— Прекрасно. Барбара, вы пока не пейте снотворное. Может быть, мне придется еще разбудить вас, чтобы вы не давали мне заснуть. Впрочем, милтаун можете принять. Это обычное успокоительное.

— Пожалуй, ни к чему.

— Как хотите. А теперь — всем спать. Сейчас ровно полночь, и через восемь часов на вахту заступят следующие двое.

Через несколько минут все улеглись. Барбара легла на полу. Свет выключили, оставив только одну лампочку для дежурного. Хью расположился на одеялах и принялся сам с собой играть в солитер, причем довольно плохо.

Пол снова вздрогнул, послышался раздирающий уши рев. Карен вскрикнула.

Хью мгновенно вскочил. На сей раз удар был не очень силен и он смог удержаться на ногах. Хью поспешил в женский отсек.

— Дочка! Где ты? — Он пошарил по стене и нащупал выключатель.

— Я здесь, папа. Боже, как я испугалась! Я уже почти заснула, как вдруг *это*! Я чуть не свалилась на пол. Помоги мне спуститься.

Он поддержал ее, и она, спустившись, прижалась к нему и зарыдала.

— Ну, ну, — приговаривал он, ласково похлопывая ее по спине. — Ты же у меня смелая, не бойся, все будет хорошо.

— И вовсе я не смелая. Я все время испытываю глупый страх. Просто я стараюсь не показывать этого.

— Карен... я тоже боюсь. Так давай не будем поддаваться страху, а? Выпей-ка еще таблетку. Можешь запить чем-нибудь покрепче.

— Хорошо. И то и другое. Но мне в этом бункере не уснуть. Здесь слишком жарко и страшно, когда трясет.

— Ладно. Мы можем постелить тебе на полу, там прохладнее. А где твое белье, девочка? Лучше надеть его.

— Оно там, наверху, на койке. Но мне это безразлично. Мне просто нужно, чтобы кто-нибудь был рядом. А впрочем, нет. Лучше я оденусь, а то Джозеф будет шокирован, когда проснется.

— Сейчас, подожди. Вот твои трусики. А куда же девался лифчик?

— Может быть, свалился на пол?

Хью пошарил вниз.

— Нет, и здесь нету.

— Ну и черт с ним! Джо может и отвернуться. Я хочу выпить.

— Хорошо. Джо настоящий джентльмен.

Дьюк и Барбара сидели на полу на одеяле. Оба выглядели очень неважно. Хью спросил:

— А где Джо? Он не ранен?

Дьюк усмехнулся:

— Хочешь посмотреть на «спящую невинность»? Вон там, на нижней койке.

Хью обнаружил своего заместителя лежащим на спине, громко храпящим и таким же нетранспортбельным, как Грейс Фарнхэм. Доктор Ливингстон свернулся калачиком у него на груди. Хью вернулся в первый отсек.

— На сей раз взрыв был гораздо более удален от нас. Я очень рад, что у Джо есть возможность выспаться.

— А по мне, так взрыв был чертовски близко. И когда только у них кончатся эти проклятые ракеты?

— Я думаю, скоро. Друзья, мы только что с Карен организовали клуб «Я тоже боюсь» и собираемся отпраздновать его учреждение небольшим возлиянием. Еще кандидаты в члены клуба есть?

— Я почетный член!

— И я тоже, — поддержала Барбара.

— Еще бы!

Хью извлек откуда-то бумажные стаканчики и бутылку шотландского виски, а также секонал и милтаун.

— Принесите кто-нибудь воды.

— Я не хочу, чтобы какая-то вода мешалась со столь благородным напитком.

— А я, пожалуй, разбавлю, — сказала Барбара. — Как все-таки жарко!

— Отец, какая у нас сейчас температура?

— Дьюк, в туалетной есть термометр. Будь добр, сходи и посмотри.

— Конечно. А можно мне потом тоже принять снотворное?

— Ради Бога. — Хью дал Карен одну капсулу секонала и таблетку милтауна, посоветовав Барбаре тоже принять успокоительное. Затем он и сам принял милтаун, решив, что декседрин слишком возбудил его. Вернулся Дьюк.

— Сто четыре градуса, — объявил он. — Я еще немного отвернул вентиль. Правильно?

— Скоро нам придется отвернуть его еще больше. Вот твои таблетки, Дьюк, — двойная доза секонала и милтауна.

— Спасибо. — Дьюк проглотил лекарства и запил их виски. — Пожалуй, я тоже лягу на полу. Кажется, это самое прохладное место в доме.

— Логично. Ну хорошо, давайте ложиться. Дадим таблеткам возможность проявить себя.

Хью сидел с Карен до тех пор, пока она не уснула, затем осторожно убрал руку, которую она продолжала сжимать во сне, и вернулся на свой пост. Температура поднялась еще на два градуса. Он еще больше отвернул вентиль на баллоне с кислородом, но, уловив прощальное шипение остатков газа, покачал головой, взял гаечный ключ и перешел к другому баллону. Перед тем как начать отворачивать вентиль, он присоединил к нему шланг, который тянулся в жилой отсек. Отвернув вентиль, он уселся на одеяло и опять принялся играть сам с собой в солитер.

Через несколько минут на пороге появилась Барбара.

— Что-то мне не спится, — сказала она. — Можно составить вам компанию?

— Вы плакали?

— А что, заметно? Прошу прощения.

— Садитесь. Хотите сыграть?

— Давайте сыграем. В общем-то, мне просто не хочется быть одной.

— А мы с вами поговорим. Выпьете еще?

— С удовольствием! А может быть, не стоит тратье виски понапрасну?

— У нас его очень много. Да к тому же, когда его и пить-то, если не в такую ночь? Помните одно: мы оба должны следить за тем, чтобы другой не заснул.

— Хорошо. Буду стараться не дать вам заснуть.

Они выпили, разбавив скотч водой из бака. Было так жарко, что им показалось, что виски выходит с потом быстрее, чем они успевают пить его. Хью еще немного увеличил количество кислорода и тут заметил, что потолок слишком горяч.

— Барбара, должно быть, над нами горит дом. Потому что над потолком — слой бетона толщиной в тридцать дюймов да еще два фута почвы.

— Как вы думаете, какая температура там, снаружи?

— Трудно сказать. Вероятно, мы находимся недалеко от эпицентра взрыва. — Он еще раз пощупал потолок. — Я сделал эту штуку более чем прочной: потолок, стены и пол представляют собой сплошную бетонную коробку, усиленную стальной арматурой. И правильно. У нас еще могут быть затруднения с дверями. Этот жар... их вполне могло заклинить.

— Так мы в ловушке? — тихо спросила она.

— Нет, нет. В полу этой комнаты есть люк, ведущий в туннель, защищенный бетоном. Он выходит в канаву за садом. В случае чего мы пробьемся. У нас есть ломы и гидравлический отбойный молоток. Даже если выход завален и покрыт вулканическим стеклом, — это меня не тревожит. Меня тревожит другое: сколько мы еще продержимся здесь, внутри... И будет ли безопасно выйти наружу?

— А как с радиоактивностью?

Он поколебался.

— Барбара, какая вам разница? Вам что-нибудь известно о радиации?

— Конечно. В колледже я в основном занималась ботаникой. И в генетических экспериментах мне приходилось пользоваться изотопами. Хью, мне легче будет узнать самое худшее, чем пребывать в неведении, — из-за этого-то я и плакала.

— М-м-м... Положение гораздо хуже, чем я сказал Дьюку. — Он указал большим пальцем через плечо: — Счетчик вон там, за бутылками. Сходите посмотрите.

Барбара отправилась к счетчику и некоторое время оставалась возле него. Вернувшись, она молча села.

— Ну как? — спросил он.

— Можно я выпью еще немного?

— Конечно! — Он налил ей виски и разбавил его.

Она глотнула и тихо сказала:

— Если радиация не начнет уменьшаться, то к утру дойдет до красной черты. — Она нахмурилась. — В принципе, конечно, это не предел. Если я правильно помню, тошнить нас начнет не раньше, чем на следующий день.

— Излучение скоро начнет спадать. Поэтому меня больше беспокоит жара. — Он взглянул на термометр и еще немного приоткрыл вентиль. — Сейчас работает батарейный поглотитель. Не думаю, что нам стоит в такой жаре крутить ручной воздухоочиститель. Одним словом, о це-о-два начнем беспокоиться только тогда, когда станем задыхаться.

— Резонно.

— Давайте не будем больше говорить о подстерегающих нас опасностях. О чем бы вы хотели поговорить? Может быть, расскажете немного о себе?

— Да мне и рассказывать-то почти нечего, Хью. Пол женский, белая, двадцати пяти лет от роду. Учусь, вернее, училась в колледже, после неудачного замужества. Брат — военный летчик, так что, может быть, он уцелел. А родители мои живут в Акапулько — возможно, и они живы. Детей, слава Богу, нет. Я очень рада, что Джо спас своего кота. Я ни о чем не жалею, Хью, и ничего не боюсь. Только как-то тоскливо... — Она тяжело вздохнула: — Все-таки это был очень хороший мир, даже несмотря на то что в нем я была несчастлива.

— Не плачьте.

— Я не плачу. Это не слезы. Это пот.

— О да. Конечно.

— В самом деле, просто невыносимо жарко. — Она вдруг завела руку за спину. — Вы не против, если я сниму бюстгальтер, как Карен? Он буквально душит меня.

— Пожалуйста, дитя мое, если вам так будет легче, снимите. Я на своем веку посмотрелся на женщин, не говоря уже о Грейс. Так что вид обнаженного тела не шокирует меня. — Он встал, подошел к счетчику радиации. Проверив его показания, он взглянул на термометр и еще больше отвернул вентиль на баллоне. Вернувшись на свое место, он заметил: — В принципе, я мог бы запасти вместо кислорода сжатый воздух. Тогда мы могли бы курить. Но я не думал, что кислород придется использовать для охлаждения. — Он, казалось, совсем не обратил внимания на то, что она последовала его приглашению чувствовать себя, как ей удобнее. — Наоборот, я беспокоился о том, как обогреть убежище. Хотел придумать печь, в которой использовался бы зараженный воздух, без какой-либо опасности для обитателей убежища, что вполне возможно, хотя и трудно.

— Я и так считаю, что вы все замечательно оборудовали. Я никогда не слышала об убежище с запасами воздуха. Ваше, вероятно, единственное. Вы настоящий ученый. Верно?

— Я-то? Боже, конечно, нет! Единственное, что я закончил, — это школу. А то немного, что я знаю, я накопил за свою долгую жизнь. Кое-что во время службы на флоте, кое-что на заводе, кое-что из книг.

Потом я некоторое время работал в одной строительной конторе и там узнал кое-что о строительстве и трубах. После этого я стал подрядчиком. — Он улыбнулся. — Нет, Барбара, я просто нахватался всего понемногу. Своего рода курьез. Вроде нашего Доктора Ливингстона.

— А почему у вашего кота такая странная кличка?

— Это все Карен. Она так прозвала его за то, что он большой исследователь. Сует свой нос абсолютно во все. Вы любите кошек?

— Даже не знаю. Но Доктор Ливингстон — просто прелесть.

— Это верно. Мне вообще нравятся кошки. Ими нельзя владеть. Они — свободные граждане. Собаки, например, дружелюбны, веселы, верны. Но они — рабы. Это не их вина, они стали такими за долгую жизнь рядом с людьми. Рабство всегда вызывает во мне неприятное чувство, даже если это раболепие животных. — Он нахмурился: — Барбара, я, наверное, не так огорчен тем, что произошло, как вы. Может быть, это даже хорошо для нас. Я имею в виду не нас шестерых. Я говорю о нашей стране.

— То есть как это? — искренне удивилась она.

— Ну... конечно, тяжело рассуждать на такую сложную и пространную тему, когда сидишь скорчившись в убежище и не знаешь, сколько еще удастся продержаться. Но... Барбара, на протяжении многих лет я был обеспокоен судьбой нашей родины. На мой взгляд, наша нация стала превращаться в стадо рабов, — а ведь я верю в свободу. Может быть, война все изменит... Возможно, это будет первая в истории человечества война, которая более губительна для глупцов, чем для умных и талантливых.

— Как же так?

— В войнах всегда гибла прежде всего самая лучшая часть нации — молодежь. На сей раз те ребята, которые служат в армии, находятся в большей безопасности, чем гражданское население. А из гражданских больше всего шансов уцелеть у тех, у кого хватило ума как следует подготовиться к войне. Конечно же, правил без исключения не бывает, но в основном все именно так и будет. Людская порода постепенно улучшится. Когда все закончится, условия жизни будут

суровы, но от этого людское племя только выиграет. Ведь уже на протяжении многих лет самый надежный способ выжить — быть совершенно никчемным и оставить после себя выводок столь же никчемных детей. Теперь все будет иначе.

Она задумчиво кивнула.

— Обычная генетика. Но, в принципе, это жестоко.

— Да, это жестоко. Но победить законы естественного развития не удалось еще ни одному правительству, хотя многие из них пытались это сделать неоднократно.

Несмотря на жару, она зябко вздрогнула.

— Наверное, вы правы. И все же я предпочла бы, чтобы осталось хоть какое-то государство, все равно, плохое или хорошее. А уничтожение худшей трети — это, конечно, с генетической точки зрения, оправданно, но вообще-то в смерти такого количества людей ничего хорошего нет.

— М-м-м... да. Мне тоже неприятно об этом думать. Барбара, а я запас кислород не только для охлаждения и регенерации воздуха. Я предвидел и другие возможности его применения.

— Какие же?

— Когда расписывали ужасы грядущей третьей мировой войны, все всегда крутились вокруг атомного оружия. И болтовня насчет разоружения, и демонстрации сторонников мира — все это было связано с Бомбой, посвящено Бомбе, Бомбе, Бомбе, — как будто убивает только атомное оружие! Эта война может оказаться не только атомной, но и атомно-химически-бактериологической. — Он указал на баллоны: — Именно поэтому-то я и запасся сжатым кислородом. Он предохраняет нас от поражения газами, аэрозолями, вирусами. И еще Бог знает чем. Они не станут уничтожать нашу страну полностью, если представится возможность лишить нас жизни без разрушения нашего достояния. Я ничуть не удивился бы, если бы узнал, что атомные удары были нанесены только по военным объектам вроде той противоракетной базы, что расположена неподалеку отсюда, а города вроде Нью-Йорка или Детройта получили просто по порции нервно-паралитического газа. Или по облаку бактерий чумы, которая за двадцать четыре часа дает смертельный исход в восьмидесяти случаях из ста. Подобных вариантов бес-

численное множество. Там, снаружи, воздух может быть наполнен смертью, которую не укажет ни один датчик и не задержит ни один фильтр. — Он печально улыбнулся: — Простите меня. Наверное, вам все-таки лучше пойти и лечь.

— Мне так не хочется оставаться одной! Можно я еще посижу с вами?

— Конечно. Когда вы рядом, я чувствую себя значительно лучше, хотя приходится говорить о грустных вещах.

— Ваши речи куда менее грустны, чем мысли, которые приходят мне в голову, когда я остаюсь одна. Интересно, что же все-таки происходит снаружи? Жаль, что у вас нет перископа.

— Он есть.

— Как? Где?

— Вернее, был. Простите. Видите эту трубу над нами? Я пытался поднять его, но его, видимо, заклинило. Однако... Барби, я накинулся на Дьюка за то, что он хотел использовать запасное радио до конца нападения. А может, оно уже кончилось? Как вы думаете?

— Я? Откуда же я знаю?

— Вы знаете столько же, сколько и я. Первая ракета предназначалась для уничтожения противоракетной базы: в наших местах больше нет ничего достойного внимания. Если они наводят ракеты с орбитальных спутников, то вторая ракета была еще одной попыткой поразить ту же цель. По времени все совпадает: до нас ракета летит примерно полчаса, а второй взрыв произошел минут через сорок пять после первого. Возможно, вторая ракета попала в яблочко — и это вам известно, потому что прошло уже больше часа, а третьей ракеты нет. Сие должно означать, что с нами покончено. Логично?

— На мой взгляд, да.

— Это очень шаткие рассуждения. Не хватает данных. Может быть, обе ракеты не попали в базу, и теперь база сшибает на лету все, что они запускают. Может быть, у них кончились ракеты. Может быть, третью бомбу сбросят с самолета. Мы не знаем. Но я собираюсь это выяснить.

— Я бы с удовольствием послушала какие-нибудь новости.

— Попробуем. Если новости хорошие, мы разбудим остальных. — Хью порывлся в угол и вытащил оттуда коробку. Распаковав ее, он извлек на свет божий радиоприемник. — Ни одной царапинки. Давайте попытаемся сначала без антенны. Ничего, кроме статических разрядов, — через некоторое время констатировал он. — Это неудивительно. Хотя первый его собрат принимал местные станции и без наружной антенны. Подождите немного. — Вскоре он вернулся. — Ничего. Видимо, можно считать, что наружной антенны больше нет. Ну что ж, попробуем аварийную.

Хью взял гаечный ключ, отвернул заглушку с трубы диаметром в дюйм, которая торчала в потолке, и поднес к открытому отверстию счетчик.

— Радиация немного сильнее. — Он взял два стальных прута, каждый длиной метра по полтора. Одним из них Хью поводил по трубе вверх-вниз. — На всю длину не входит. Верхушка этой трубы находилась почти у самой поверхности земли. Вот беда. — Он привинтил к первому пруту второй. — Теперь предстоит самое неприятное. Отойдите подальше, сверху может посыпаться земля — горячая и радиоактивная.

— Но ведь она попадет на вас.

— Разве что на руки. Я потом их отряхну. А вы после этого проверите меня счетчиком Гейгера. — Он постучал молотком по кончику прута. Тот продвинулся вверх еще дюймов на двадцать. — Что-то твердое, придется пробивать.

После долгих усилий Хью оба прута целиком скрылись в трубе.

— У меня было такое ощущение, — сказал он, отряхивая руки, — словно последний фут прута уже выходил на открытый воздух. По идее, антенна должна торчать из земли футов на пять. Я полагаю, что над нами развалины. Остатки дома. Ну что ж, обследуете меня счетчиком?

— Вы говорите это так спокойно, будто спрашиваете: «Осталось у нас молоко со вчерашнего вечера?»

Он пожал плечами.

— Барби, дитя мое, когда я пошел в армию, у меня не было за душой ни гроша. Несколько раз за свою жизнь я разорялся. Так что я не собираюсь убиваться по поводу крыши и четырех стен. Ну как, что-нибудь есть?

— На вас ничего нет.

— Проверьте еще пол под трубой.

На полу оказались «горячие» пятна. Хью вытер их влажным клиноксом и выбросил его в специальное металлическое ведро. После этого Барбара провела растробом счетчика по его рукам и еще раз по полу.

— Очистка обошлась нам примерно в галлон воды. Лучше бы теперь этому радио работать нормально. — Он подсоединил антенну к приемнику.

Через десять минут они убедились, что эфир пуст. Шумы — статические разряды — на всех диапазонах, но никаких сигналов.

Хью вздохнул.

— Это меня не удивляет. Я, правда, точно не знаю, что ионизация делает с радиоволнами, но сейчас над нашими головами, скорее всего, самый настоящий шабаш радиоактивных изотопов. Я надеялся, что нам удастся поймать Солт-Лейк-Сити.

— А разве не Денвер?

— Нет. В Денвере расположена база межконтинентальных баллистических ракет. Оставляю, пожалуй, приемник включенным: может быть, что-нибудь поймает.

— Но ведь тогда батареи быстро разрядятся.

— Не так уж быстро. Давайте сядем и почитаем вслух какие-нибудь стишки. — Он взглянул на счетчик радиации, мягко присвистнул, затем проверил температуру. — Облегчу-ка я еще немного участь наших спящих красавцев, страдающих от жары. Кстати, а как вы переносите жару, Барбара?

— Честно говоря, я просто перестала о ней думать. Истекаю потом, и только.

— Как и я.

— Во всяком случае не надо тратить кислород ради меня. Сколько еще баллонов осталось?

— Не так уж много.

— Сколько?

— Меньше половины. Не мучайтесь из-за этого. Давайте поспорим на пятьсот тысяч долларов и пятьдесят центов, что вам не прочитать ни одного лимерика*, которого бы я не знал.

* Limerick — шутовское стихотворение из пяти строк, чисто фривольного содержания (прим. пер.)

- Приличного или нет?
- А разве бывают неприличные лимерики?
- О'кей. «Веселый парнишка по имени Скотт...»

Вечер шуточных стихотворений провалился. Хью обвинил Барбару в том, что она слишком чиста и невинна, на что та ответила:

— Это не совсем так, Хью. Просто голова не работает.

— Да и я сегодня что-то не в ударе. Может быть, еще по глоточку?

— Пожалуй. Только обязательно с водой. Я так потею, что, кажется, совершенно иссохла. Хью...

— Да, Барби?

— Мы ведь, скорее всего, погибнем, правда?

— Да.

— Я так и думала. Наверное, еще до рассвета?

— Нет! Я уверен, что мы протянем до полудня. Если захотим, конечно.

— Понятно. Хью, вам не трудно было бы меня обнять? Прижмите меня к себе. Или вам слишком жарко и так?

— Когда мне покажется слишком жарко для того, чтобы обнять девушку, я буду знать, что я мертв и нахожусь в аду.

— Спасибо.

— Так удобно?

— Очень.

— Какая вы маленькая.

— Я вешу сто тридцать два фунта, а рост у меня пять футов и восемь дюймов. Так что не такая уж я миниатюрная.

— Все равно вы маленькая. Оставьте виски. Поднимите голову.

— М-м-м... Еще. Прошу вас, еще!

— Да вы алчная девчонка.

— Очень алчная. Спасибо, Хью.

— Какие хорошенькие глазки.

— Они — лучшее, что у меня есть. Лицо-то у меня ничего особенного собой не представляет. Но у Карен глаза красивее.

— Это кому как.

— Ну что ж, не буду спорить. Приляг, дорогой. Дорогой Хью...

— Так хорошо?

— Очень! Удивительно хорошо. И поцелуй меня еще раз. Пожалуйста!

— Барбара, Барбара!

— Хью, милый! Я люблю тебя! О!

— Я люблю тебя, Барбара...

— Да, да! О, прошу тебя! Сейчас!

— Конечно, сейчас!

— Тебе хорошо, Барби?

— Как никогда! Никогда в жизни я не была так счастлива.

— Хорошо, если бы это было правдой.

— Это правда. Хью, дорогой, сейчас я совершенно счастлива и больше ни капельки не боюсь. Мне так хорошо, что я перестала чувствовать жару.

— С меня, наверное, на тебя капает пот?

— Какая разница! Две капельки сейчас висят у тебя на подбородке, а третья — на кончике носа. А я так вспотела, что волосы совершенно слиплись. Но все это не имеет значения. Хью, дорогой мой, это то, чего я хотела. Тебя. Теперь я готова умереть.

— Зато я не хочу, чтобы мы умирали.

— Прости.

— Нет, нет! Барби, милая, еще недавно мне казалось, что в смерти нет ничего плохого. Теперь я чувствую, что мне с удесyтеренной силой захотелось жить. Жизнь снова обрела смысл для меня.

— О, наверное, я думаю так же.

— Барбара! Мы постараемся не погибнуть, если это только в наших силах. Давай сядем?

— Как хочешь... Только если ты снова обнимешь меня.

— Еще как! Но сначала я хочу налить нам обоим по порции виски. Я снова жажду. И совершенно выбился из сил.

— Я тоже. У тебя так сильно бьется сердце!

— Ничего удивительного. Барби, девочка моя, а знаешь ли ты, что я почти вдвое старше тебя? Что я достаточно стар и гожусь тебе в отцы?

— Да, папочка.

— Ах ты, маленькая плутовка! Только попробуй еще раз сказать так, и я выпью все оставшееся виски.

— Больше не буду, Хью. Мой любимый Хью. Только ведь мы с тобой ровесники... потому что умрем в один и тот же час.

— Перестань говорить о смерти. Я хочу попытаться найти какой-нибудь выход из положения.

— Если только он есть, ты обязательно найдешь его. Я не испытываю страха перед смертью. Я уже смотрела ей в лицо и больше не боюсь. Не боюсь умереть и не боюсь жить. Но... Хью, я хочу просить тебя об одной милости.

— Какой?

— Когда ты будешь давать смертельную дозу снотворного остальным... не давай ее мне, пожалуйста.

— Э-э-э... но это может быть необходимо.

— Я не то имела в виду. Я приму таблетки, только не вместе с остальными. Я хочу принять яд после тебя.

— М-м-м... Барби, я надеюсь, что мы обойдемся без таблеток.

— Тем лучше.

— Хорошо, хорошо. А теперь помолчим. Поцелуй меня.

— Да, милый.

— Какие у тебя длинные ноги, Барби. И сильные к тому же.

— Зато длинные ступни.

— Перестань набиваться на комплименты. Мне очень нравятся твои ступни. Без них ты бы выглядела какой-то незаконченной.

— Фу, как не стыдно! Хью, а знаешь, чего мне хочется?

— Еще раз?

— Нет, нет. А впрочем, да. Только не сию секунду.

— Так чего же? Спать? Ложись и спи, дорогая. Я и один вполне справлюсь.

— Нет, не спать. Кажется, мне больше никогда в жизни не захочется заснуть. Никогда. Так жаль было

бы истратить на какой-то сон даже одну из тех немногих минуток, что нам остались. Нет, у меня другое желание: я с удовольствием сыграла бы в бридж — в качестве твоего партнера.

— Ну... в принципе, мы можем разбудить Джо. Остальных нельзя — тройная доза секонала не располагает к карточной игре. Но мы могли бы сыграть и втроем.

— Нет, нет. Мне не нужно сейчас ничего общества, кроме твоего. Мне так нравилось играть с тобой на пару.

— Ты замечательный партнер, дорогая. Самый лучший на свете. И если ты говоришь, что играешь «по книге», то это в самом деле так.

— Ну, конечно, не «самый лучший». Ты играешь классом повыше. Я бы хотела быть подле тебя много-много лет, чтобы научиться играть так же, как ты. И еще я бы хотела, чтобы тот налет случился минут на десять позже. Тогда ты успел бы сыграть большой шлем.

— В этом не было никакой необходимости. Когда ты объявила свои карты, я понял, что все в порядке. — Он сжал ее плечи. — Три больших шлема за один вечер!

— Три?

— А что, по-твоему, водородная бомба — не второй большой шлем?

— О! А вторая бомба — третий?

— Вторая бомба не в счет, она упала слишком далеко. Если ты не понимаешь, о чем я говорю, то я вообще отказываюсь объяснять что-либо.

— Ах, вот оно что! В таком случае можно попробовать сыграть и четвертый. Правда, я теперь не смогу вынудить тебя пойти первым. Мой лифчик куда-то делся и...

— Так, значит, ты нарочно сделала это?

— Конечно. Теперь твоя очередь ходить. А я попробую ответить.

— Э, только не так быстро. Три больших шлема — это максимум, на что я способен. Разве что один маленький шлем... да и то, если я приму еще одну таблетку декседрина. Но четыре больших шлема —

это выше моих сил. Ты же знаешь, что я не в том возрасте.

— Посмотрим. Мне все-таки кажется, что у нас получится и четвертый большой.

И в этот миг их накрыло самым большим из шлемов.

Глава третья

Погас свет. Грейс Фарнхэм вскрикнула. Доктор Ливингстон зашипел. Барбару швырнуло на баллон с кислородом, да так, что она в темноте потеряла всякую ориентацию.

Оправившись немного, она пошарила возле себя руками, нащупала ногу. Затем нащупала Хью, являющегося продолжением этой ноги. Он не шевелился. Барбара попыталась прослушать его сердце, но не смогла. Она закричала:

— Эй! Эй! Кто-нибудь!

Отозвался Дьюк:

— Барбара?

— Да, да!

— Вы в порядке?

— Я-то в порядке, да с Хью плохо!

— Спокойно. Сейчас я попытаюсь зажечь спичку — если, конечно, мне удастся перевернуться с головы на ноги. Я стою вверх ногами.

— Хьюберт! Хьюберт!

— Да, мамочка. Подожди.

Грейс продолжала причитать. Дьюк как мог пытался успокоить ее, одновременно проклиная темноту. Барбара немного освоилась со своим положением, попыталась слезть с груды баллонов, ударилась обо что-то

подбородком и наконец ощутила под собой ровную поверхность. Поверхность была наклонной.

— Наконец-то! — воскликнул Дьюк.

Спичка вспыхнула ослепительно ярко, так как воздух был перенасыщен кислородом.

Прозвучал голос Джо:

— Лучше ее погасить. А то может случиться пожар.

Тьму прорезал луч фонарика. Барбара позвала:

— Джо! Помоги мне с Хью!

— Сейчас. Только сначала попробую наладить свет.

— Может быть, он умирает.

— Все равно без света ничего не сделаешь.

Барбара снова попыталась найти у Хью пульс, наконец услышала слабое сердцебиение и, всхлипывая, обхватила его голову.

В мужском отсеке вспыхнул свет. Барбара получила возможность оглядеться. Пол убежища теперь накренился под углом градусов в тридцать. Она, Хью, стальные баллоны, бак с водой и все остальное громоздилось бесформенной кучей в нижнем углу. Бак дал течь, и вода залила весь туалет. Если бы пол наклонился в другую сторону, они с Хью были бы похоронены под кучей баллонов и затоплены водой.

Через несколько минут до нее добрались Джо с Дьюком, с трудом преодолев перекосившуюся дверь. В руке у Джо была переносная лампа. Дьюк спросил у Джо:

— Как же мы его понесем?

— Его нельзя трогать. Вдруг поврежден позвоночник!

— Все равно нужно его отсюда унести.

— Никуда мы его не понесем, — твердо сказал Джо. — Барбара, вы передвигали его?

— Только положила его голову к себе на колени.

— В таком случае больше его не шевелите. — Джо принялся осматривать своего пациента. — Больших повреждений как будто нет, — наконец решил он. — Барбара, если можете, посидите в том же положении до тех пор, пока Хью не придет в себя. После этого я смогу проверить его глазные яблоки, чтобы определить, сильно ли он контужен, как у него с координацией движений и все такое прочее.

— Конечно, я посижу. Еще кто-нибудь пострадал?

— Ничего серьезного, — уверил ее Дьюк. — Джо считает, что сломал пару ребер. Я немного повредил плечо. Мать просто откатилась к стене. Сестрица сейчас ее успокаивает. Она тоже в полном порядке, если не считать синяка на голове. На нее свалилась консервная банка. А вы сами-то как?

— Только ушибы. Мы с Хью как раз играли в солитер и пытались не растаять от жары, когда нас накрыло. — Она попыталась представить, как долго сможет продолжаться эта ложь. Но Дьюк, кажется, ничего не подозревал. Джо был в одних трусах.

Барбара спросила:

— Как кот? С ним ничего не случилось?

— Доктор Ливингстон, — серьезно ответил Джо, — избежал повреждений. Но он очень расстроен тем, что его тазик с песком перевернулся. Так что в настоящее время он чистится и проклинает все на свете.

— Я рада, что он не пострадал.

— Вы ничего необычного в этом взрыве не заметили?

— Чего именно, Джо? Мне только показалось, что он был самым сильным из всех. Намного сильнее предыдущих.

— Да. Но не было никакого грохота. Просто один мощнейший удар, а потом... ничего.

— И что это значит?

— Не знаю. Барбара, вы можете еще немного посидеть здесь не шевелясь? Я хочу попытаться восстановить освещение и определить повреждения. Заодно посмотрю, что можно привести в божеский вид.

— Я буду сидеть как каменная.

Ей показалось, что Хью задышал спокойнее, и она решила, что ей больше не от чего быть несчастной. К ней пробиралась Карен с фонариком, осторожно продвигаясь по наклонному полу.

— Как отец?

— По-прежнему.

— Скорее всего, ушиб голову, как и я. А ты как? — Она фонариком осветила Барбару.

— Нормально.

— Слава Богу! Я рада, что ты тоже в чем мать родила. Никак не могла найти свои трусики. Джо так старается не смотреть в мою сторону, что на него просто больно глядеть. Все-таки странный он какой-то.

— Я совершенно не представляю, где моя одежда.
— Одним словом, единственный обладатель трусов среди нас — это Джо. А что с тобой случилось? Ты спала?

— Нет. Я была здесь. Мы разговаривали.

— Хм... Обвинение утверждает обратное. Не волнуйся, я никому не открою твою страшную тайну. Мама ничего не узнает — я сделала ей еще один укол.

— А тебе не кажется, что твои выводы слишком поспешны?

— Делать выводы — мое любимое развлечение. Я уверена, что мои непристойные предположения верны. Очень жаль, что я спала ночью. Тем более, что эта ночь у нас, скорее всего, последняя. — Она придвинулась к Барбаре и чмокнула ее. — Я тебя очень люблю.

— Спасибо, Карен. Я тоже люблю тебя.

— Прекрасно. Тогда давай не будем хоронить себя заживо, а порадуемся лучше тому, какими мы оказались отважными ребятами. Ты осчастливила отца тем, что дала ему возможность разыграть шлем. И если ты смогла сделать его еще счастливее, то я этому только рада. — Она выпрямилась. — Ну ладно, пойду разбирать припасы. Если папочка очнется — позови. — Она ушла.

— Барбара!

— Да, Хью! Да!

— Не так громко. Я слышал, что говорила моя дочь.

— Слышал?

— Да. Она джентльмен по натуре. Барбара, я люблю тебя. Может быть, мне не представится другой возможности сказать тебе это.

— Я тоже люблю тебя.

— Милая!

— Позвать остальных?

— Подожди немного. Тебе так удобно?

— Очень!

— Тогда позволь мне немного отдохнуть. А то я совсем ошалел.

— Отдыхай сколько хочешь. Кстати, попробуй пошевелить пальцами ног. У тебя что-нибудь болит?

— О, болит-то у меня много чего, но, к счастью, не слишком сильно. Подожди-ка... Да, вроде все мои конечности в порядке. Теперь можешь звать Джо.

— Особенно спешить некуда.

— Лучше все-таки позовем его. Кое-что нужно сделать.

Вскоре мистер Фарнхэм полностью пришел в себя. Джо потребовал, чтобы он продемонстрировал ему свою невредимость. Оказалось, что и в самом деле, кроме большого количества синяков, мистер Фарнхэм во время взрыва не получил ничего более серьезного: ни переломов, ни сотрясения мозга. Барбара про себя пришла к заключению, что Хью приземлился на кучу баллонов, а она упала на него сверху. Обсуждать это предположение она ни с кем не стала.

Первое, что сделал Хью, — это перетянул ребра Джо эластичным бинтом. Во время процедуры тот то и дело вскрикивал, но после перевязки ему стало явно удобнее. Затем был произведен осмотр головы Карен. Хью решил, что здесь он бессилен.

— Пусть кто-нибудь посмотрит на термометр, — попросил он. — Дьюк?

— Термометр разбит.

— Не может этого быть! Ведь он целиком сделан из металла. Ударопрочная вещь.

— Я уже смотрел на него, — объяснил Дьюк, — пока ты тут эскулапствовал. Кажется, стало прохладнее. Возможно, термометр и ударопрочный, но два баллона раздавили его, как яйцо.

— Ах, вот оно что! Ну ладно, невелика потеря.

— Отец, может быть, хоть теперь испробовать запасное радио? Учти, я просто предлагаю.

— Понятно. Жаль тебя огорчать, Дьюк, но оно, скорее всего, тоже разбито. Мы уже пытались включить его. Ни ответа ни привета. — Он взглянул на часы: — Полтора часа назад. В два часа. Еще у кого-нибудь есть часы?

Часы Дьюка показывали то же самое время.

— С нами, кажется, все в порядке, — заключил Хью, — если не считать запаса воды. Есть несколько пластиковых бутылей, но воду из бака придется экономить — она может пригодиться для питья. Будем обеззараживать ее таблетками. Джо, нам понадобится

посуда, чтобы каждый мог черпать воду из бака. Старайтесь соблюдать чистоту. — Затем он добавил: — Карен, когда освободишься, приготовь что-нибудь на завтрак. Пусть это даже Армагеддон, но есть все равно необходимо.

— Даже если это такой Армагеддон, от которого тошнит, — подпустила шпильку Карен.

Отец недовольно повел плечами.

— Девочка моя, придется тебе на доске тысячу раз написать: «Никогда больше перед завтраком не буду говорить о неаппетитных вещах».

— Хью, по-моему, она не сказала ничего неприличного.

— Не надо поддерживать ее, Барбара. Довольно, покончим с этим.

Карен ушла, но вскоре вернулась, неся Доктора Ливингстона.

— Плохая из меня стряпуха, — сообщила она. — Мне все время приходится держать проклятого кота. Он так и рвется помочь.

— Мя-я-а-у!

— Тихо! Придется, видно, дать ему рыбки и только тогда приняться за приготовление завтрака. Чего изволите, Босс Папа Хью? Крем-сюзэ?

— С удовольствием.

— Единственное, на что вы можете рассчитывать, — это джем и крекеры.

— Ну и прекрасно. Как идет вычерпывание?

— Папочка, я отказываюсь пить эту воду, даже после обеззараживания. — Она состроила гримасу. — Ты же сам знаешь, что это такое!

— Вполне возможно, больше пить будет нечего.

— Разве что разбавить ее виски...

— М-м-м... У нас вообще острый дефицит жидкостей. В тех двух бутылках, которые я открывал, осталось не больше пятой части.

— Папа, не порти настроение перед завтраком.

— Вопрос в том, правильно ли я распределил виски. Может, лучше приберечь его для Грейс?

— О! — Лицо Карен исказилось в гримасе мучительного раздумья. — Пусть она получает мою долю. Но остальных обделять только потому, что бедняжка Грейс совсем плоха, не следует.

— Карен, в нашем положении грешно издеваться над матерью. Ведь ты прекрасно знаешь, что для нее это, в какой-то мере, лекарство.

— О да! Конечно! А для меня лучшее лекарство — бриллиантовые браслеты и соболя шубы.

— Доченька, не стоит осуждать ее. В этом, наверное, и моя вина. Так, например, считает Дьюк. Когда ты будешь в моем возрасте, то научишься принимать людей такими, какие они есть.

— Погоди, я пробую завтрак. Ну вот... Вполне вероятно, я несправедлива к ней. Но я устала от того, что всякий раз, когда я привожу домой своих друзей, мамуля обязательно отключается уже к обеду. Или пытается облапить их на кухне и поцеловать.

— Неужели такое бывало?

— А ты что, не замечал? Впрочем, ты в это время почти никогда не бывал дома. Прости.

— Ты тоже прости меня. Но только за то, что я высказал в твой адрес. Мы оба погорячились. А в остальном, как я уже сказал, когда ты доживешь до моих лет...

— Папа, я вряд ли доживу до твоих лет — и ты прекрасно понимаешь это. И если у нас осталось всего две пятых бутылки виски, то почему бы не отдать их тому, кто больше других нуждается в нем?

Он помрачнел.

— Карен, я вовсе не собираюсь сложа руки ждать смерти. Действительно, стало немного прохладнее. Мы еще можем выкарабкаться.

— Что ж... тебе виднее. Кстати о лекарствах: не запасся ли ты при строительстве этого убежища некоторым количеством антабуса?

— Карен, антабус не отбивает желания выпить. Просто, если человек, принявший таблетку, выпьет, он почувствует себя очень скверно. Если твое мнение о нашей дальнейшей печальной судьбе верно, то стоит ли омрачать Грейс последние часы жизни? Ведь я не судья ей, я ее супруг.

Карен вздохнула.

— Папочка, у тебя есть одна отвратительная черта: ты всегда прав. Ладно, так и быть, пусть пользуется моей долей.

— Я просто хотел знать твое мнение. И ты, в некотором роде, помогла принять мне решение.

— И что же ты решил?

— Это не твое дело, зайныка. Займись приготовлением завтрака.

— Так и хочется плеснуть тебе в тарелку керосина. Ладно, поцелуй меня, папа.

Он чмокнул ее в щеку.

— А теперь поостынь и принимайся за дело.

В конце концов все бодрствующие собрались к завтраку. Сидеть им пришлось на полу, так как стулья упрямо не хотели стоять. Миссис Фарнхэм находилась в почти летаргическом забытии от сильной дозы успокоительного. Остальные обитатели убежища по-братски разделили между собой консервированное мясо, крекеры, холодный растворимый кофе и банку персикового компота. Согревало завтрак лишь теплое чувство товарищества. На сей раз все были одеты. Мужчины натянули шорты, Карен надела шорты и бюстгальтер. Барбара облачилась в просторное платье гавайского типа, позаимствованное у подруги. Ее собственное белье насквозь промокло, а воздух в убежище был слишком влажен, чтобы высушить что-либо.

— Теперь мы должны кое-что обсудить, — возвестил Хью. — Желаящие могут вносить предложения. — Он взглянул на сына.

— Отец... то есть Хью, я хотел сказать вот о чем. Здорово пострадала уборная. Я немного привел ее в порядок и соорудил какой-никакой насест из дощечек от упаковки баллонов. Хочу предупредить... — он повернулся к сестре, — вам, женщины, нужно быть особенно осторожными. Насестик довольно шаткий.

— Это ты будь поосторожнее. Сам, небось, любил позаседать. Папа свидетель.

— Помолчи, Карен. Молодец, Дьюк. Нас здесь шестеро. Боюсь, придется заняться уборной дополнительно. Как, Джо, верно я говорю?

— Да, конечно, но...

— Что «но»?

— Вам известно, сколько осталось кислорода?

— Да. Наверное, скоро придется перейти на воздушный насос и фильтр. У нас уже нет действующего счетчика радиоактивности, поэтому мы не узнаем, на-

сколько заражен воздух, которым мы дышим. Тем не менее дышать нам необходимо.

— А вы проверяли насос?

— С виду он совершенно невредим.

— Это не так. Боюсь, отремонтировать его мне будет не под силу. — Мистер Фарнхэм вздохнул. — Видно, все-таки нужно было приобрести второй, с рассрочкой на шесть месяцев. Ладно, потом посмотрю, что там можно сделать. Дьюк, ты тоже подключайся, вдруг сможешь чем-нибудь помочь.

— О'кей.

— Положим, мы не сумеем починить насос. В таком случае будем использовать оставшийся кислород как можно более экономно. Когда он кончится, еще некоторое время мы сможем дышать тем воздухом, который будет в убежище. Но в конце концов наступит время, когда нам придется открыть дверь.

Все молчали.

— Ну, улыбнитесь же кто-нибудь! — воскликнул Хью. — С нами еще не покончено. Дверь мы затянем фильтром, сделанным из простыней, — это все же лучше, чем ничего. Он будет задерживать радиоактивную пыль. У нас есть еще один радиоприемник. Барбара, помнишь, ты приняла его за слуховой аппарат. Я хорошенько завернул его и убрал подальше, он невредим. Я выберусь наружу и установлю антенну. Может быть, это спасет нам жизнь. Над убежищем мы поставим шест и поднимем флаг — любую тряпку. Нет, лучше поднять американский флаг — у меня один припасен. В этом случае если даже мы и не выживем, то пойдем на дно с высоко поднятым флагом.

Карен принялась аплодировать.

— Карен, перестань паясничать.

— Я вовсе не паясничая, папа! Я плачу.

Багрянец ракет возвещает войну,

Бомбы с ревом рвут тишину.

Но, повторяю еще раз, грузья:

Нашему флагу падать нельзя!

Голос ее прервался, и она закрыла лицо ладонями. Барбара обняла ее за плечи.

Хью Фарнхэм между тем продолжил как ни в чем не бывало:

— Ко дну мы не пойдем. Очень скоро наш район наверняка начнут обследовать с целью поиска уцелевших. Они заметят флаг и заберут нас отсюда — возможно, на вертолете. Поэтому наша задача — держаться до тех пор, пока не подоспее помощь. — Задумавшись, он на мгновение смолк. — Никакой ненужной работы, минимум физических усилий. Каждый должен принимать снотворное и, по возможности, спать двенадцать часов в сутки. Остальное время лежать неподвижно. Так мы сможем протянуть дольше всего. Единственное, что требуется сделать, — это отремонтировать насос, а если не сможем, то наплевать и на него. Смотрим дальше: вода должна быть строго нормирована. Дьюк, я назначаю тебя старшим хранителем воды. Определи, сколько ее у нас в распоряжении, годится ли она для питья, и разработай график выдачи с таким расчетом, чтобы хватило на возможно более продолжительное время. Где-то в аптечке есть дозировочный стаканчик — воду дели с его помощью. Ну, вот, кажется, и все: починить насос, минимум усилий, максимум сна, нормирование воды. Ах, да! Пот — это тоже нерациональная трата воды. Здесь все еще жарко, и ваш балахон, Барбара, насквозь промок от пота. Снимите его.

— Можно выйти?

— Разумеется.

Она прошла, осторожно ступая по наклонному полу, в подсобное помещение и переоделась в свой мокрый купальник.

— Вот так-то лучше, — одобрил он. — Теперь...

— Хьюберт! Хьюберт! Где ты? Воды!

— Дьюк, выдай ей одну унцию. Только тщательно отмерь.

— Да, сэр.

— И не забудь, что кот тоже имеет право на свою порцию.

— Может быть, для него сойдет и грязная вода?

— Хм... Честность по отношению к нашему другу вряд ли особенно повредит нам. Зато мы будем знать, что остались честными до конца.

— Но он уже пил ее.

— Э-э-э... Впрочем, ты распоряжаешься водой, тебе и решать. Кто еще хочет высказаться? Джо, тебя устраивает такой план?

— Видите ли... Нет, сэр.

— Вот как?

— Конечно, то, что минимум усилий сохранит нам много кислорода, — верно. Но когда придется открывать дверь, у нас может не хватить на это сил.

— Положимся на удачу.

— А вправе ли мы полагаться только на нее? Рано или поздно мы начнем задыхаться, мучиться от жажды, болеть... Я предпочел бы быть уверенным, что любой из нас, даже Карен, сможет справиться с дверью.

— Понимаю.

— Мне кажется, необходимо сначала опробовать все три двери. Бронированную лучше вообще не записывать. У девушек не хватит сил совладать с ней. Внешней дверью я готов сам заняться.

— Извини, но это моя привилегия. С остальным я согласен. Именно поэтому и предложил высказаться. Я устал, Джо, в голове все мешается.

— А что если двери вышли из строя? Вдруг внешнюю дверь заклинило?

— На этот случай у нас есть домкрат.

— Если двери не откроются, мы должны убедиться в сохранности аварийного туннеля. Лично мне плечо Дьюка внушает опасения. Да и у меня самого ноют ребра. Сегодня я еще в состоянии работать. Завтра мы с Дьюком уже будем лежать пластом и боль будет раза в два сильнее. Между тем люк завален металлическими баллонами, а проход — всяким хламом. Расчистка потребует основательная. Босс, говорю вам, нам нужна уверенность в том, что сможем выбраться наверняка, — и побеспокоиться об этом необходимо именно сейчас, пока мы сохранили силы.

— Ненавижу посылать людей на тяжелые работы. Но ты сам вынудил меня к этому. — Хью встал, подавляя зевоту. — Давайте займемся делом.

— У меня есть еще одно предложение.

— Вот как?

— Да. Вам следует отдохнуть и выспаться. Толком вы за это время так и не отдышали, а помяло вас довольно здорово.

— Как раз со мной все в порядке. У Дьюка повреждено плечо, у тебя сломаны ребра, а сделать предстоит еще очень много. Думаю, лучше всего отта-

щить эти баллоны с помощью блока и тросов. Барбара может помочь. Хотя она и женщина, но силой ее Бог не обидел.

— Конечно, — согласилась Барбара. — К тому же я выше Джо. Прошу прощения, Джо.

— Не стоит. Босс... Хью, мне не хотелось бы еще раз упоминать об этом, но считаю, что отдохнуть вам просто необходимо. То, что вы устали, — несомненно. Ведь вы на ногах уже сутки. И, с вашего позволения, я уверен: вы успешно справитесь со всеми подстерегающими нас опасностями, если как следует отдохнете.

— Он прав, Хью.

— Барбара, но и вы тоже глаз не сомкнули.

— Но мне не требуется принимать решения. В принципе, я могу прилечь, а Джо позовет меня, когда будет нужно. О'кей, Джо?

— Отлично, Барбара!

Хью улыбнулся.

— Объединяетесь против меня? Ладно, так и быть, пойду вздремну.

Через несколько минут Хью уже лежал в мужской спальне. Он закрыл глаза, и сон охватил его раньше, чем он успел о чем-нибудь подумать.

Дьюк и Джо обнаружили, что пять замков на внутренней двери заклинило.

— Пусть так и остаются, — решил Джо. — Мы всегда можем взломать их. Давай пока выправим бронированную дверь.

Бронированная дверь, располагавшаяся за запирающей, была рассчитана на то, чтобы выдержать взрыв большой мощности. Она открывалась и запиралась с помощью рычажного устройства.

Джо не удалось справиться с ним. Дьюк, который был тяжелее на сорок фунтов, тоже ничего не смог сделать. Тогда они навалились на рычаг вдвоем.

— Ни с места.

— Ага.

— Джо, а если попробовать молотком?

Молодой негр нахмурился.

— Дьюк, я бы предпочел, чтобы твой отец сам сделал это. Ведь мы можем сломать рычаг или обломать зубцы на шестеренке.

— Вся беда в том, что мы пытаемся приподнять с помощью этого рычага груз весом в тонну, вместо того чтобы двигать его, как положено, в горизонтальной плоскости.

— Эта дверь всегда была довольно тугой.

— Так что же нам делать?

— Может, попробуем аварийный выход?

Они присоединили к крюку в потолке трос и блок. С их помощью гигантские баллоны были аккуратно расставлены по своим местам. Барбара и Карен тянули конец троса, а мужчины передвигали баллоны, устанавливая их на место. Когда середина помещения была освобождена, стал возможен доступ к люку, ведущему в аварийный туннель. Крышка люка была очень тяжелой. Чтобы поднять ее, пришлось тоже использовать блок и трос.

Крышка со скрипом подалась и вдруг отвалилась вбок, так как пол был наклонным. Падая, она успела ободрать голень Дьюку и чуть не ушибла Джо. Дьюк выругался.

Оказалось, в туннеле тоже хранились кое-какие припасы. Карен, так как была миниатюрнее всех, подавала их наверх, а Барбара укладывала рядом с отверстием люка.

Вдруг Карен крикнула:

— Эй! Владыка воды! Здесь есть вода в банках.

— Замечательно!

— Совсем забыл, — сказал Джо. — Ведь сюда не заглядывали с тех пор, как убежище было оборудовано и снабжено припасами.

— Джо, а что делать с распорками?

— Я сам займусь ими. Ты только вытащи припасы. Дьюк, туннель не защищен броней, как двери. Распорки удерживают на месте металлический щит, на нем расположены припасы, а потом идет крышка люка, которую мы только что сняли. В самом туннеле, с интервалом в три метра, — перегородки из мешков с песком, а выход защищен слоем грунта. Твой отец считал, что должно было получиться что-то вроде кессона, преграждающего путь взрывной волне. Кессон

должен был ослабить волну, а потом и вовсе свести ее на нет.

— Боюсь, что мешки завалили крышку.

— В таком случае придется прокапываться сквозь песок.

— А почему нельзя было использовать настоящую броню?

— А он считал, что так безопаснее. Ты же видел, что произошло с дверью. Не хотел бы я пробиваться сквозь стальную преграду в этой узенькой норе.

— Тогда все ясно, Джо. Напрасно я, видно, назвал лазом это мудро задуманное сооружение.

— Да, это верно. Вместе с туннелем можно назвать наше убежище машиной — машиной для выживания.

— Больше ничего нет, — возвестила Карен. — Не желают ли джентльмены помочь мне вылезти отсюда? Например, ты, Дьюк?

— А может, лучше положить крышку на место, оставив тебя внизу? — Дьюк помог сестре выбраться из лаза.

Джо спустился вниз, морщась от боли в груди. Доктор Ливингстон, внимательно наблюдавший за происходящим, прыгнул в люк вслед за своим товарищем, используя его плечи в качестве посадочной площадки.

— Дьюк, будь добр, передай мне молоток... Не мешай, Док. Нечего тут распускать хвост.

— Забрать его? — спросила Карен.

— Не нужно. Он обожает находиться в гуще событий. Пусть кто-нибудь посветит мне.

Распорки вскоре были извлечены и ровно уложены рядом с люком.

— Дьюк, мне понадобится такелаж. Я не хочу совсем убирать крышку. Мы просто натянем трос так, чтобы он принял на себя всю ее тяжесть, и тогда я смогу немного отодвинуть ее и посмотреть, как там дальше.

— Вот конец троса.

— Отлично. Док! Чтоб тебя... Док! Не путайся под ногами! Дьюк, дай постоянное натяжение. Пусть мне кто-нибудь посветит. Я отодвину крышку и выгляну.

— И получишь порцию радиоактивных изотопов в лицо.

— Придется рискнуть. Еще немного... Она подается... высвободилась!

Джо замолк. Дьюк спросил:

— Ну, что ты там видишь?

— Я что-то не уверен. Дай-ка я поставлю ее на место. Передайте мне еще одну распорку.

— Вот она, прямо над твоей головой. Джо, что ты там увидел?

Негр, устанавливая крышку на место, вдруг заорал:

— Док! Док, назад! Маленький паршивец! Он проскочил у меня между ног и выскочил в туннель! Док!!!

— Далеко он не убежит.

— Ладно... Карен, ты не могла бы пойти разбудить отца?

— Черт побери, Джо! Что ты там видел?

— Дьюк, я и сам не знаю. Потому-то мне и нужен Хью.

— Иду, иду.

— Здесь очень тесно вдвоем. Сейчас я выберусь наверх, и тогда Хью сможет спуститься сюда.

Хью появился, когда Джо был уже наверху.

— Джо, что у тебя?

— Хью, лучше бы ты сам посмотрел.

— Хорошо... Надо было мне установить в люке лестницу. Дай руку. — Хью спустился вниз, убрал распорку и отодвинул крышку.

Он смотрел еще дольше, чем Джо, затем позвал:

— Дьюк! Вытащи-ка эту крышку совсем.

— Что там, папа?

Крышка была извлечена, отец и сын поменялись местами. Дьюк довольно долго смотрел в туннель.

— Достаточно, Дьюк. Выбирайся оттуда.

Когда Дьюк присоединился к остальным, отец спросил его:

— Ну, и что ты думаешь на этот счет?

— Это невероятно.

— Папа, — с напряжением в голосе произнесла Карен, — кто-нибудь скажет в конце концов что там произошло, или нет? А то мне очень хочется попробовать этот молоток на одном из ваших черепов.

— Да, детка. Впрочем, там вполне достаточно места для вас обеих.

Дьюк и Хью помогли спуститься Барбаре, а та помогла слезть вниз Карен. Обе девушки прикинули к отверстию.

— Лопни мои глаза! — тихо выругалась Карен и полезла в туннель.

— Детка! Вернись! — крикнул ей Хью, но она не ответила. Тогда он спросил: — Барбара, скажи, что ты там видишь?

— Я вижу, — медленно произнесла Барбара, — очаровательный, поросший лесом холм, зеленые деревья, кусты и чудесный солнечный день.

— Да, и мы видели то же самое.

— Но это невозможно.

— Да.

— Карен уже выбралась наружу. Туннель никак не длиннее восьми футов. Она держит на руках Доктора Ливингстона. Она зовет нас: «Выходите!»

— Скажи ей, пусть отойдет подальше от устья туннеля — возможно, оно радиоактивно.

— Карен! Отойди от туннеля подальше! Хью, сколько сейчас времени?

— Начало восьмого.

— А снаружи больше похоже на полдень. На мой взгляд, конечно.

— Не знаю, что и думать.

— Хью, я хочу выйти.

— Э-э-э... А, черт с ним! Только не задерживайся у выхода и будь осторожна.

— Хорошо. — И она полезла в туннель.

Глава четвертая

Хью повернулся к своему заместителю:

— Джо, я выхожу наружу. Принеси-ка мне мой сорок пятый и пояс. Вообще-то не стоило разрешать девочкам выбирать наружу невооруженными. — Он полез в люк. — А вы оставайтесь и охраняйте убежище.

— От кого? — спросил Дьюк. — Да здесь и нечего охранять.

Отец поколебался.

— Не знаю. Просто у меня какая-то смутная тревога. Ну ладно. Пошли вместе. Только обязательно нужно взять оружие. Джо!

— Иду.

— Джо, возьми оружие для себя и для Дьюка. Потом подожди, пока мы выберемся наружу. Если мы вскоре не вернемся, сам решай, что делать. Такой ситуации я не предвидел. Этого просто быть не должно!

— Тем не менее все, что мы видели, вполне реально.

— Это уж точно, Дьюк. — Хью нацепил револьвер и опустился на колени. В просвете туннеля было хорошо видно холмистую, зеленую равнину, раскинувшуюся там, где должна была быть радиоактивная пустыня и вулканическое стекло. Он полез вперед.

Оказавшись под открытым небом, он огляделся.

— Папочка! Разве здесь не чудесно?

Карен стояла немного ниже, на склоне холма, у подножия которого протекал ручей. За ручьем простиралась возвышенность, покрытая лесом. На их стороне леса не было.

В голубом небе ярко светило солнце, а вокруг — ни малейшего следа того чудовищного опустошения, которое, несомненно, принесла бы война. В то же время не было заметно никаких признаков пребывания здесь человека: ни зданий, ни дорог, ни тропинок, ни следов реактивных самолетов в небе. Окрестности выглядели совершенно девственно и изменились до неузнаваемости.

— Папа, я хочу спуститься к ручью.

— Иди сюда! Где Барбара?

— Я здесь, Хью. — Он поднял голову и увидел, что она стоит почти рядом с ним, над убежищем. — Пытаюсь понять, что произошло. Как ты думаешь?

Убежище находилось на вершине холма — большой прямоугольный монолит. Оно было покрыто грязью, за исключением мест, где обломился участок туннеля и где должна была находиться лестница, ведущая в убежище из дома. Прямо под ними виднелась покоренная бронированная дверь.

— Не знаю, что и думать, — признался Хью.

Появился Дьюк, держа в руках ружье. Он посмотрел вокруг и ничего не сказал.

Барбара и Карен присоединились к ним. Доктор Ливингстон, играя, прыгнул на ногу Хью и отскочил. Очевидно, на взгляд персидского кота, место, где он оказался, заслуживало всяческого одобрения: оно словно специально было создано для котов.

— Сдаюсь. Объясните мне, что произошло, — взмолился Дьюк.

— Папа, ну почему я не могу спуститься к ручью? Я хочу выкупаться.

— От грязи еще никто не умирал. Я и так сам не свой. Не хватало еще мне беспокоиться о том, чтобы ты не утонула...

— Он же мелкий!

— ... или чтобы тебя не задрал медведь, или чтобы не засосали зыбучие пески... И вообще, девочки, лучше вам вернуться в убежище и вооружиться, а потом вылезать наружу, если уж так хочется. Но обязательно

держитесь друг друга и будьте начеку. Скажите Джо, пусть идет сюда.

— Есть, сэр! — Девушки нырнули в туннель.

— Так что ты думаешь, Дьюк?

— Ну... лучше я промолчу.

— Если тебе есть о чем молчать, это уже неплохо. Мне, например, сказать вообще нечего. Я просто ошеломлен. Я постарался запланировать и просчитать все ситуации. Но такого и предусмотреть не мог. И поэтому, если у тебя сложилось какое-то мнение, ради Бога, не молчи.

— Ну... Все это выглядит, как гористая местность в Центральной Америке. Но, конечно, это невозможно.

— Что возможно, а что невозможно — в нашем положении гадать не приходится. Предположим — это Центральная Америка. Что характерно для нее?

— Дай подумать. Тогда тут могут быть ягуары. Наверняка, змеи. Тарантулы и скорпионы. Малярийные комары. Ты, кажется, что-то говорил о медведях?

— Я имел их в виду как символ. Нам следует быть начеку до тех пор, пока мы не поймем, что нам может угрожать.

Появился Джо с ружьем и стал молча любоваться представшей его глазам картиной.

— Голодать нам не придется. Смотрите, вон там, слева и ниже по течению ручья, — заметил Дьюк.

Хью посмотрел в направлении, указанном Дьюком. На них с интересом взидала пятнистая косуля. Очевидно было, что она ни капельки не боится людей.

— Может, свалить ее? — предложил Дьюк. Он начал поднимать ружье.

— Нет, не нужно до тех пор, пока мы не начнем испытывать острой необходимости в свежем мясе.

— Ладно. Симпатичная зверюшка, верно?

— Да, очень. Но, на мой взгляд, в Центральной Америке не водится ничего подобного. Дьюк, где же мы все-таки? И как мы сюда попали?

Дьюк криво усмехнулся:

— Отец, ведь ты сам провозгласил себя фюрером. Так что мне не полагается думать и иметь свое мнение.

— Перестаны!

— Хорошо. Я в самом деле не знаю, что и думать. Может быть, это какая-нибудь галлюциногенная бомба?

— Разве в таком случае мы все видели бы одно и то же?

— Не знаю. Вот если бы я подстрелил косулю, держу пари, мы могли бы ею закусить.

— Мне тоже так кажется. Джо? Идеи, мнения, предложения?

Джо почесал затылок.

— Симпатичное местечко. Но я, к сожалению, горожанин до мозга костей.

— Хью, вообще-то одну вещь ты можешь сделать.

— Что именно, Дьюк?

— Забыл про свое маленькое радио? Попробуй включить его.

— Отличная идея. — Хью полез было в убежище, но у самого выхода столкнулся с Карен, которая собиралась выбраться наружу, и послал за радио ее. Дожидаясь, он размышлял, из чего бы соорудить лестницу. Пробираться взад-вперед по трехметровому туннелю было довольно неудобно.

Радиоприемник ловил статические разряды и ничего больше.

Хью выключил его.

— Попробуем еще раз вечером. Ночью я когда-то слушал с его помощью Мексику и даже Канаду. — Он нахмурился. — Какие-нибудь передачи в эфире обязательно должны быть. Если только они не стерли нас с лица Земли.

— Ты неправ, отец.

— Почему же, Дьюк?

— Этот район, например, вообще не затронут войной.

— Именно поэтому я не могу понять молчания радио.

— И все же Маунтин-Спрингс получил свое. Следовательно, мы не в Маунтин-Спрингс.

— А кто говорит, что мы там? — возразила Карен. — В Маунтин-Спрингс отродясь не бывало ничего похожего. Да, пожалуй, и во всем штате.

Хью нахмурился.

— Это очевидно. — Он взглянул на убежище — громоздкое, массивное.

— Но где же мы?

— Ты когда-нибудь читал комиксы, папа? Мы — на другой планете.

— Сейчас не время для шуток, детка. Я в самом деле обеспокоен.

— А я и не шучу. Ничего подобного нет в радиусе тысячи миль от нашего дома. Так что это вполне может быть и другая планета. Видимо, та, на которой мы жили раньше, немного поизносилась.

— Хью, — сказал Джо, — хоть это и глупо, но я согласен с Карен.

— Почему, Джо?

— Ну... понимаешь, где-то ведь мы находимся, верно? А что случается, когда водородная бомба взрывается прямо над головой?

— Ты испаряешься.

— Что-то я не чувствую себя испарившимся. И я не могу заставить себя поверить, что эта бетонная глыба пролетела тысячи миль, грохнулась оземь и осталась цела и невредима, если не считать нескольких наших синяков и сломанных ребер. А предположение Карен... — Он пожал плечами. — Можно назвать это хоть четвертым измерением. Последний взрыв швырнул нас в четвертое измерение.

— Вот-вот, то же самое и я говорю, папа. Мы на другой планете! Давайте ее исследовать!

— Угомонись, детка. Что касается другой планеты... Кто сказал, что мы должны обязательно знать, где мы находимся? Наша задача — приспособиться к данным условиям.

— Карен, — сказала Барбара, — мне все-таки не верится, что это не Земля.

— А почему? Ты просто не хочешь верить.

Барбара подняла комок земли и бросила его в дерево.

— Это вот — эвкалипт, а там, за ним — акация. Конечно, ничего похожего на Маунтин-Спрингс, но все же совершенно обычная субтропическая флора. Если твоя «новая планета» покрыта точно такими же растениями, как и Земля... Короче говоря, это наверняка Земля.

— Ерунда, — возразила Карен. — Почему бы и на другой планете растениям не развиваться так же, как и на Земле?

— Это было бы так же удивительно, как и одинаковые...

— Хьюберт! Хьюберт! Где ты? Я не могу найти тебя! — донесся из туннеля голос Грейс Фарнхэм.

Хью нырнул в туннель.

— Иду, иду!

Ленч они устроили под сенью дерева, немного в стороне от входа в туннель. Хью решил, что туннель был расположен достаточно глубоко под землей, так что вряд ли был опасно заражен радиацией. А вот что касалось крыши убежища, тут Хью не был в этом так уверен. Поэтому он установил дозиметр (единственный прибор для измерения радиации, который уцелел во время всех перипетий) на крыше с тем, чтобы сравнить его показания с полученными внутри. С большим облегчением он убедился в том, что дозиметр определил набранную ими дозу облучения как далеко не летальную, а также в том, что показания приборов совпадают друг с другом.

Единственной мерой предосторожности было то, что ружья они держали рядом с собой — все, кроме его жены. Грейс Фарнхэм «терпеть не могла ружья» и сначала вообще отказывалась сидеть в соседстве с «этими ружьями».

Тем не менее поела она с завидным аппетитом. Дьюк развел костер, и они были осчастливлены горячим кофе, разогретой тушенкой с горохом, консервированными бататами и компотом. А самое главное — сигаретами, причем им не нужно было беспокоиться, хватит ли воздуха.

— Замечательно, — произнесла Грейс. — Хьюберт, дорогой, знаешь, чего не хватает, чтобы сделать наше маленькое пиршество еще более приятным? Мне известно, что ты не любишь, когда пьют днем, но сейчас мы в таком экстраординарном состоянии... и мои нервы на пределе... Так вот, Джозеф, вам не трудно сбегать в убежище и принести бутылочку того испанского бренди...

— Грейс!

— Что, дорогой? Мы могли бы немного отпраздновать наше чудесное спасение.

— Я не уверен, что бренди у нас есть.

— Что? Не может быть, ведь было целых два ящика.

— Большинство бутылок разбилось. Это порождает еще одну проблему. Дьюк, с тебя слагаются обязанности хранителя воды, но ты назначаешься виночерпием. У нас остались еще по крайней мере две целые бутылки. Одним словом, сколько бы ты ни нашел, подели все спиртное на шесть частей, только поровну, будь то шесть полных или неполных бутылок, — главное, чтобы части были равные.

Миссис Фарнхэм казалась спокойной. Дьюк явно испытывал неудобство. Карен поспешно сказала:

— Папа, вспомни, что я тебе говорила.

— Ах, да!.. Дьюк, твоя сестра отказывается от своей доли. Поэтому храни ее в качестве медицинского средства. Если, конечно, Карен не изменит своего решения.

— Мне не нравится моя новая должность, — сказал Дьюк.

— Дьюк, нам обязательно нужно разделить спиртное. Кстати, то же самое сделаем и с сигаретами. Уж если они кончатся, так кончатся навсегда, а вот насчет спиртного у меня есть надежда, что нам когда-нибудь удастся получить самогон. — Он повернулся к жене: — Может быть, тебе лучше принять млтаун, дорогая?

— Чертово зелье! Хьюберт Фарнхэм, ты, кажется, хочешь сказать, что я не имею права выпить?

— Ничуть. На твою долю придется как минимум полпинты. Если хочешь выпить — ради Бога.

— Джозеф, будь добр, сбегай и принеси мне бутылочку бренди.

— Нет! — резко вмешался ее супруг. — Если хочешь выпить, Грейс, принеси ее сама.

— Ерунда, Хью, я сбегаю.

— Я против! Грейс, у Джо сломано несколько ребер. Спуск в убежище не доставит ему приятных ощущений. А ты запросто можешь забраться туда — ведь ты единственная, кто не пострадал.

— Неправда!

— На тебе ни царапинки. А все остальные — кто в синяках, кто с чем-нибудь похуже. Теперь о распределении обязанностей. Я хочу, чтобы ты взяла на себя приготовление пищи. Карен будет твоей помощницей. О'кей, Карен?

— Конечно, па.

— Таким образом, вы обе будете заняты. Мы соорудим жаровню и голландскую печь, но это со временем, а пока придется готовить на костре и мыть посуду в ручье.

— Ах, вот как? Тогда, будьте добры, скажите мне, мистер Фарнхэм, что в это время будет делать прекрасный Джозеф, чтобы оправдать расходы на свое содержание?

— А может быть, ты скажешь мне, как мы все будем оправдывать эти расходы? Дорогая, дорогая... разве ты не понимаешь, что теперь все по-иному? Чем мы будем платить ему?

— Не говори раньше времени. Когда все встанет на свои места, Джозеф получит до гроша все, что ему причитается. Он и сам прекрасно это знает. Кроме того, мы спасли ему жизнь. И вообще были всегда добры к нему, так что он вполне может немного подождать с платой. Верно, Джозеф?

— Грейс! Помолчи и послушай. Джо больше не слуга. Он наш товарищ по несчастью. Нам больше никогда не придется платить ему. Перестань вести себя как дитя и посмотри фактам в лицо. У нас больше ничего нет. Никогда не будет денег. Нет дома. С моим бизнесом покончено. Нет больше «Маунтин Эксчендж Бэнк». Нет ничего, кроме того, что мы запасли в убежище. Но нам повезло. Мы живы и к тому же каким-то чудом получили возможность прожить оставшуюся жизнь не под землей, а на земле. Счастье! Ты понимаешь?

— Я понимаю только одно: ты пытаешься найти оправдание своим насмешкам надо мной.

— Ты получила работу по своим способностям.

— Кухарка! Я и так влачила ярмо кухонного рабства в твоём доме двадцать лет! Это вполне достаточный срок. Я отказываюсь! Ты понял? Я отказываюсь!

— Ты не права ни в одном, ни в другом. Большую часть нашей совместной жизни ты имела прислугу. Да

и Карен начала мыть посуду, как только смогла заглянуть через край раковины на кухне. Не спорю, у нас бывали тяжелые времена. Теперь же предстоят — тяжелее некуда, и ты должна помочь, внести свою лепту, Грейс. Ведь ты отличная кулинарка, стоит тебе только захотеть. Ты будешь готовить... или не будешь есть.

— О-о-о! — Она разрыдалась и поплелась к убежищу.

Ее спина уже исчезла в туннеле, когда Дьюк встал, чтобы последовать за матерью. Отец остановил его.

— Дьюк!

— Да?

— Подожди минутку, а потом можешь идти. Я собираюсь выбраться на разведку и хотел бы, чтобы ты сопровождал меня.

Дьюк поколебался.

— Ладно.

— Тогда смотри. Мы скоро отправляемся. Думаю, тебе лучше взять на себя роль охотника. Стреляешь ты гораздо лучше меня, а Джо вообще никогда не охотился. Как ты считаешь?

— Ну что ж... хорошо.

— Отлично. А теперь пойди успокой ее и... Дьюк, постарайся заставить ее понять, что происходит.

— Попробую. Но я согласен с матерью. Ты нарочно выводишь ее из себя.

— Не спорю. Продолжай.

Дьюк внезапно повернулся и ушел. Карен тихо заметила:

— Я тоже так думаю, папа. Ты вывел ее из себя.

— Я решил, что иначе нельзя, Карен. Если бы я не сделал этого, она вообще бы палец о палец не ударила, а только гоняла Джо взад-вперед, обращаясь с ним, как с наемным поваром.

— Что ты, Хью, я очень даже люблю готовить. Например, приготовление сегодняшнего ленча было для меня сплошным удовольствием.

— Она готовит гораздо лучше, чем ты, Джо, и она, именно она будет заниматься стряпней. Не приведи Господь поймать мне тебя помогающим ей.

Юноша улыбнулся.

— Не поймает.

— Надеюсь. В противном случае я сниму с тебя шкуру и прибую ее к стене. Барбара, что ты знаешь о сельском хозяйстве?

— Очень мало.

— Но ведь ты ботаник.

— Нет, в лучшем случае я могла бы им стать когда-нибудь.

— Даже это делает тебя трижды фермером по сравнению с нами. Я, например, едва отличаю розу от одуванчика, Дьюк знает еще меньше, а Карен вообще считает, что картошка образуется в подливке. Ты слышала, как Джо назвал себя горожанином. В убежище должны быть семена, небольшой запас удобрений, кое-какой сельскохозяйственный инвентарь и книги по сельскому хозяйству. Осмотри все это и постарайся найти место для огорода. А уж мы с Джо вскопаем что нужно, и все такое прочее. Но тебе придется руководить нами.

— Хорошо. А есть семена каких-нибудь цветов?

— Как ты догадалась?

— Просто мне очень хотелось, чтобы они были.

— Есть. И однолетних, и многолетних. Сегодня выбирать место не нужно. Я не хочу, чтобы вы с Карен далеко отходили от убежища, пока мы хорошо не разведем обстановку. Джо, сегодня нам нужно сделать две вещи: лестницу и две уборных. Барбара, как у тебя с плотницким искусством?

— Так... средне. Могу вбить гвоздь.

— Тогда не разрешай Джо делать то, что способна сделать сама. Его ребра должны срастись. Но лестница нам необходима. А тебе, Карен, мой цветочек, предоставляется почетная обязанность соорудить два туалета.

— Н-да. Что ж, благодарю.

— Просто два углубления. Одно для вас, эфемерных созданий, другое для нас, грубых мужчин. Потом мы с Джо соорудим сначала что-нибудь вроде небольших будочек, а позже, возможно, рубленые отхожие места или даже каменные.

— Интересно, па, ты сам-то собираешься что-нибудь делать?

— Конечно. В основном умственную работу. Осуществлять общее руководство, наблюдение — одним словом, надзор. По-твоему, это не адский труд, а? —

Он зевнул. — Ну ладно, всего хорошего. Я, пожалуй, прошвырнусь в клуб, зайду в турецкую баню, а остаток дня проведу за добрым, крепким плантаторским пуншем.

— Папочка, может, ты лучше примешь холодный душ из ручья? Выдумал тоже, туалеты!..

— Отчизна будет гордиться тобой, дорогая!

Через полчаса Хью с сыном стали собираться в дорогу.

— Джо, — предупредил Хью. — Мы собираемся вернуться до темноты, но, в случае вынужденной задержки, мы до утра будем жечь костер и возвратимся завтра. Если тебе придется идти искать нас, ни в коем случае не ходи один, а возьми с собой любую из девушек. Впрочем, нет, возьми лучше Карен. У Барбары не во что обуться, только босоножки на шпильках. Проклятие! Придется изготовить мокасины. Ты понял?

— Конечно.

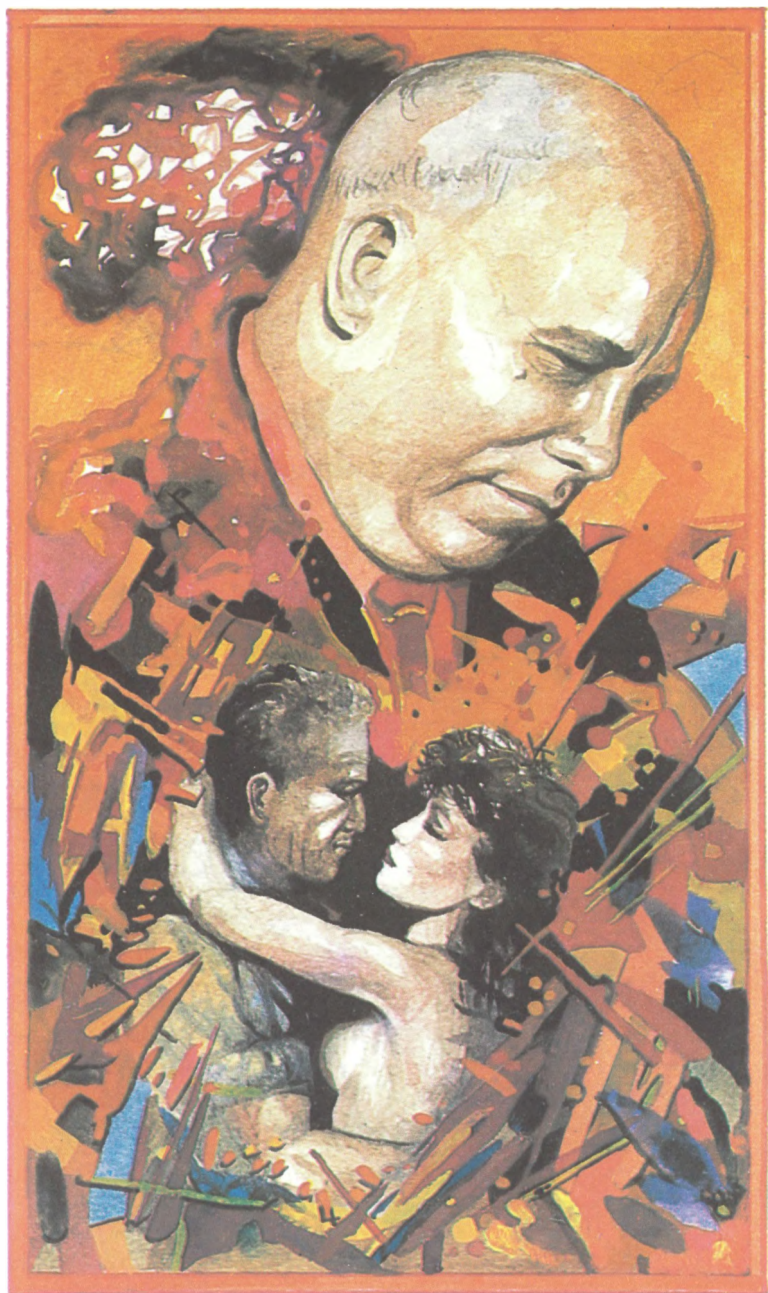
— Мы пойдем по направлению к тому холму — видишь? Я хочу подняться на него, чтобы осмотреть как можно большую территорию. Может быть, удастся заметить какие-нибудь признаки цивилизации.

Они отправились в путь. Их снаряжение состояло из ружей, фляжек, топора, мачете, спичек, сухих пайков, компасов, биноклей, грубых ботинок и плащей. Плащ и ботинки оказались Дьюку впору: он сообразил, что отец запас одежду специально для него.

Они шли, по очереди меняясь местами, — тот, кто шел позади, старался не отставать и считал шаги, а идущий впереди изучал окрестности, определяя направление по компасу, и запоминал увиденное.

Высокий холм, избранный Хью в качестве наблюдательного пункта, находился за ручьем. В поисках брода они немного прошли вниз по течению. Вокруг было много всякой живности. Особенно изобиловали эти места миниатюрными косулями, на которых, очевидно, никто не охотился, по крайней мере, люди, так как по пути Дьюк заметил горного льва и дважды им встречались медведи.

Когда они достигли вершины, было уже примерно три часа пополудни. Подъем оказался довольно утомительным — мешал густой кустарник, к тому же они никогда не занимались альпинизмом. Как только они

забрались наверх, у Хью возникло горячее желание рухнуть на землю и больше не вставать. Но он преодолел эту минутную слабость и огляделся. К востоку местность казалась более ровной. Его взгляду представало бесконечное пространство прерий.

И ни малейших признаков присутствия человека.

Хью настроил бинокль и стал изучать окрестности. Заметив движущиеся вдали силуэты, он решил, что за ними стоит понаблюдать внимательнее. Но все это потом, потом...

— Хью!

Он опустил бинокль.

— Да, Дьюк?

— Видишь тот пик? Так вот, его высота равняется тысяче ста десяти футам.

— Не спорю.

— Это Маунтин-Джеймс. Отец, мы дома!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Посмотри на юг. Видишь там три глыбы? В тринадцать лет я сломал ногу, упав со средней из них. А вон та, остроконечная гора между ними и Маунтин-Джеймс — это Гантерс-Хорн. Неужели ты не видишь? Ведь линию горизонта можно так же легко сличить, как и отпечатки пальцев! Это Маунтин-Спрингс!

Хью усталился туда, куда показывал Дьюк. Действительно, вид был ему знаком. Даже окно его спальни было расположено с таким расчетом, чтобы из него была видна вся панорама. Сколько раз он сиживал на закате и смотрел на эти горы!

— Да...

— Конечно, да, — с иронией согласился Дьюк. — Будь я проклят, если я понимаю, как это произошло! Сдается мне, — он топнул ногой, — что мы на вершине водонапорной башни. На том месте, где она раньше находилась. А... — он сощурился, — насколько я понимаю, убежище располагается прямо на лужайке перед нашим домом. Отец, мы вовсе не двигались с места!

Хью достал блокнот, в который они записывали количество пройденных шагов и курсы по компасу, и что-то посчитал.

— Да. Правда, возможна небольшая погрешность.

— Ну, и что ты думаешь по этому поводу?

Хью взглянул в небо.

— Ничего я не думаю. Дьюк, скоро наступит ночь?

— Пожалуй, часа через три. Солнце скроется за горами часа через два.

— Сюда мы добирались два часа, следовательно, дорогу обратно одолеем значительно быстрее. У тебя есть сигареты?

— Да.

— Можешь дать мне одну? С возвратом, разумеется. Выкурим по одной, тогда можно и возвращаться. — Он огляделся. — Место здесь открытое, так что ни один хищник не сможет подкрасться к нам незамеченным. — Он положил ружье на землю возле себя, затем снял пояс и уселся.

Дьюк протянул отцу сигарету. Они закурили.

— Отец, ты невозмутим, как рыба. Ничего тебя не удивляет.

— Ты так считаешь? Вовсе нет. Просто я раньше так часто всему удивлялся, что постепенно приучил себя не делать этого.

— Это не у всех получается.

Некоторое время они курили молча. Дьюк сидел, Хью улегся на траву. Он был в полном изнеможении, и ему сейчас больше всего хотелось, чтобы никуда не нужно было возвращаться.

Неожиданно Дьюк сказал:

— Кроме того, ты очень любишь издеваться над людьми.

— Возможно, ты и прав, если, по-твоему, то, как я поступаю, — издевательство. Человек всегда старается делать только то, что ему хочется, то, что его «радует», — в пределах собственных возможностей. И если я меняю спущенное колесо, так только потому, что мне это доставляет большее удовольствие, чем бесконечное сидение на шоссе.

— Не нужно утрировать. Тебе просто приятно издеваться над мамой. Ты и меня любил в детстве шлепать за малейшую провинность... до тех пор, пока мать не топнула ногой и не заставила тебя прекратить это.

— Пора нам двигаться, — сказал отец и стал надевать пояс.

— Еще минутку. Я хочу кое-что тебе показать. Не беспокойся, мы не опоздаем. Мне нужны считанные секунды.

Хью выпрямился.

— Что такое?

— А вот что: твоя роль отважного капитана окончена! — Дьюк дал отцу сильную затрещину. — Это тебе за издевательство над мамой! — Он ударил еще раз — на этот раз с другой стороны и настолько сильно, что сбил отца с ног. — А это за то, что ты приказал нигтеру наставить на меня ружье!

Хью Фарнхэм лежал совершенно спокойно.

— Не нигтер, Дьюк. Негр.

— Он для меня негр только до тех пор, пока знает свое место. А то, что он прицелился в меня, делает его поганим нигтером. Можешь встать. Больше я тебя бить не собираюсь.

Хью Фарнхэм поднялся.

— Нам пора идти обратно.

— И это все, что ты можешь мне сказать? Давай, давай. Можешь тоже меня ударить. Отвечать тебе я не стану.

— Нет.

— Я не нарушал клятвы. Я ждал, пока мы покинем убежище.

— Согласен. Кто пойдет первым? Мне кажется, так будет лучше.

— Уж не думаешь ли ты, что я боюсь выстрела в спину? Отец, пойми, я просто должен был сделать это.

— Неужели?

— Да, черт возьми! Чтобы не потерять уважение к самому себе.

— Хорошо. — Хью надел пояс, взял ружье и пошел вперед.

Шли они молча. Наконец Дьюк произнес:

— Отец!

— Да, Дьюк?

— Прости...

— Забудем об этом.

Они продолжали идти и, дойдя до ручья, нашли место, которое переходили вброд. Хью торопился, так как быстро темнело.

— Ответь мне только на один вопрос, — обратился Дьюк к отцу. — Почему ты не назначил поварихой Барбару? Ведь она чужая нам. Зачем тебе снова было подковыривать мать?

Немного подумав, Хью ответил:

— Барбара теперь нам не более чужая, чем, например, ты, Дьюк, а приготовление пищи — единственное, что умеет делать Грейс. Или, ты считаешь, она должна бездельничать, в то время как остальные вкалывают?

— Естественно, нет. Все мы должны быть чем-то заняты, само собой разумеется. Но зачем ты издеваешься над ней при посторонних? Ты понимаешь меня?

— Дьюк!..

— Да?

— Последний год я занимался каратэ по три раза в неделю.

— Ну и что?

— Просто больше не пытайся драться со мной. Проще будет выстрелить мне в спину.

— Вот как!

— Да, а пока ты не решишь застрелить меня, тебе придется мириться с моим лидерством. Впрочем, можем устроить выборы.

— Ты согласен на это?

— Мне ничего другого не остается. Возможно, группа предпочтет тебя. Твоя мать — уж точно, да, пожалуй, и твоя сестра тоже. А вот что касается мнения Барбары и Джо — тут ничего нельзя сказать наверняка.

— А как же ты, отец?

— Лучше я не буду отвечать тебе на этот вопрос: я ничего тебе не должен. Но надеюсь, что до тех пор, пока ты не решишь устроить перевыборы, ты будешь сознательно подчиняться мне так же, как делал это, дав клятву.

— Ну ты и сказанул! Сознательно подчиняться! Надо же!

— В нашем положении иначе быть не может. Я просто не в состоянии подавлять мятеж каждые несколько часов, — а их с твоей стороны было уже два, — да и твоя мать страдает отсутствием дисциплины. В подобных условиях не может действовать ни один руководитель. Поэтому я могу принять от тебя

только сознательное подчинение. Оно включает в себя и невмешательство с твоей стороны в то, что ты назвал «издевательством».

— Но послушай, ведь я же сказал тебе, что я...

— Тихо! Если ты сам не решишь, как вести себя в подобных условиях, то самый лучший выход для тебя — выстрелить мне в спину. И не думай взять меня голыми руками или дать возможность выстрелить первым. В следующий раз, Дьюк, если я замечу угрозу с твоей стороны, я убью тебя. Если смогу. Но один из нас наверняка будет мертв.

Некоторое время они шли молча. Мистер Фарнхэм так и не обернулся. Наконец Дьюк спросил:

— Отец, скажи же, ради Бога, почему ты не можешь руководить демократично? Я вовсе не собираюсь захватывать власть, я просто хочу, чтобы все было честно.

— Да, ты не хочешь власти. Ты просто хочешь быть пассажиром на заднем сиденье, который указывает водителю, куда ему ехать.

— Чепуха! Я хочу, чтобы все было демократично.

— Неужели? Следовательно, нам придется устраивать голосование по вопросу о том, должна ли Грейс работать наравне со всеми и имеет ли она право накачиваться ликером? А как нам вести заседание? Может быть, попробуем процессуальный кодекс Роберта? А удалять ее из зала во время дебатов будем или нет? Может, ей следует остаться и защищать себя от обвинений в лени и пьянстве? Значит, ты согласен подвергнуть родную мать такому позору?

— Не говори глупостей!

— Я просто пытаюсь выяснить для себя, что ты подразумеваешь под демократичностью. Если ты понимаешь ее как постановку любого вопроса на голосование — ладно, готов помочь тебе попробовать, разумеется, если ты сам будешь подчиняться любому решению большинства. Пожалуйста, становись главой группы. Я устал от ответственности и знаю, что Джо тоже не очень доволен ролью моего заместителя.

— Не понимаю, какое отношение имеет Джо ко всему этому.

— А я думал, ты собираешься быть демократичным.

— Да, но ведь он...

— Кто же он, Дьюк? Ниггер? Или просто слуга?

— Ты любишь все вывернуть наизнанку.

— Это потому, что у тебя бредовые идеи. Ты призываешь к формальной демократии — процессуальному кодексу, прениям, тайному голосованию — всему этому идиотизму. Я совершенно искренне желаю, чтобы тебе удалось вынести мне вотум недоверия. Как ты не понимаешь! То, что мы имеем, и есть самая настоящая демократия.

— Вот как?

— Я действую в интересах и от имени большинства — четверых против двоих. Так мне, по крайней мере, кажется. Но этого недостаточно. Мне необходимо абсолютное большинство, я не могу бесконечно пререкаться с меньшинством. Я имею в виду тебя и твою мать. И я хочу, чтобы нас стало пятеро против одного еще до того, как мы вернемся в убежище. Я жду от тебя заверений в том, что ты не будешь вмешиваться в мои попытки заставить, принудить, пусть даже путем «издевательств», твою мать принять на свои плечи равную долю нашего общего груза, — это в том случае, если ты не намерен бороться за лидерство.

— И ты хочешь, чтобы я согласился на такое?

— Я настоятельно советую тебе это сделать. Или сознательное подчинение с твоей стороны... или при следующем столкновении один из нас простится с жизнью. Учти, я ни словом, ни жестом не стану предупреждать тебя. Вот поэтому-то наилучший для тебя выход — застрелить меня.

— Перестань болтать чепуху! Ты же прекрасно знаешь, что я никогда не выстрелю тебе в спину!

— Ах, вот как?! Тогда мне придется застрелить тебя при малейшем намеке на неповиновение. Но вот что я хотел бы тебе сказать: если ты найдешь невозможным для себя сознательно подчиняться мне, если ты поймешь, что не в состоянии заменить меня, если у тебя не хватит духу пойти на ссору со мной, ссору, в которой один из нас точно будет убит, то и тогда у тебя остается все же выход.

— Какой же?

— Как только захочешь, можешь уйти. Я дам тебе ружье, патроны, соль, спички, нож и все, что ты

посчитаешь необходимым. Хотя ты этого и не заслуживаешь, но я не могу позволить тебе уйти ни с чем.

Дьюк зло рассмеялся.

— Предоставляешь мне возможность сыграть роль Робинзона Крузо, а всех женщин оставляешь себе?

— Отчего же? Всякий, кто захочет уйти с тобой, свободен. Со своей законной и равной с остальными долей всего, что у нас есть. Можешь взять с собой всех трех женщин, если, конечно, тебе удастся увлечь их своей идеей.

— Что ж, я подумаю.

— Подумай, подумай. А пока умерь немного свой пыл и постарайся увеличить свои шансы на победу в «демократических» выборах, не забывая в то же время об осторожности и стараясь не противоречить мне, чтобы не схватиться со мной раньше, чем ты будешь готов к этому. Я честно предупреждаю тебя. Тем более, что мое терпение кончилось, — ты выбил мне зуб.

— Прости, я не хотел.

— Когда ты бил, этого не чувствовалось. Вот и убежище, так что можешь начинать «сознательно подчиняться» с того, что сделаешь вид, будто мы прекрасно провели время.

— Слушай, отец, если ты еще раз...

— Заткнись! Я устал от тебя.

Когда они подошли к убежищу совсем близко, их заметила Карен и радостно закричала. Из туннеля тут же вылезли Джо и Барбара. Карен помахала лопатой:

— Посмотрите, что я уже сделала!

Она соорудила туалеты по обе стороны от убежища. Каркасы их составляли щиты, сбитые из стволов молоденьких деревьев и обшитые листами картона от ящиков со спиртным. Сиденья были сделаны из досечек, которыми были обшиты баллоны в кладовой.

— Ну, как? — требовательно спросила она. — Разве не роскошь?

— Да, — согласился Хью, — значительно более основательно, чем я ожидал от тебя. — Он не стал говорить, что на туалеты Карен извела почти всю их древесину.

— Я работала не одна. Большую часть плотницкой работы проделала Барбара. Слышали бы вы, как она ругается, когда попадает молотком по пальцу!

— Ты ушибла палец, Барбара?
— Ничего страшного. Лучше идите опробуйте лестницу.

— Обязательно. — Он полез было в туннель, но Джо остановил его.

— Хью, пока не стемнело, давай кое-что обсудим.

— Ради Бога. Что именно?

— Ты как-то упоминал о том, что нужно построить хижину. Допустим, мы соорудим ее: что мы будем иметь? Земляной пол и вечно текущую крышу, окна без стекол и дверной проем без двери. Мне кажется, что в убежище нам будет лучше.

— Что ж, возможно, — согласился Хью. — Я предполагал, что мы будем использовать его в качестве пристанища, пока не обзаведемся чем-нибудь получше.

— Думаю, оно не так уж радиоактивно, Хью. Стрелку дозиметра зашкалило бы, если бы крышка была по-настоящему «горячей». Ведь этого не произошло.

— Радостная весть. Но, Джо, сам посуди, уклон в тридцать градусов более чем неудобен. Нам необходимо жилище с ровным полом.

— Это я и имел в виду, Хью. Что если использовать гидравлический домкрат? Его грузоподъемность — тридцать тонн. А сколько весит убежище?

— Сейчас, сейчас. Нужно вспомнить, сколько ушло бетона и стали. — Хью достал блокнот. — Ну, скажем, тонн двести пятьдесят.

— Просто я подумал...

— Идея сама по себе хороша... — Хью задумчиво обошел вокруг убежища — прямоугольной глыбы двадцати футов в длину, двадцати в ширину и двенадцати в высоту, прикидывая углы, вымеряя расстояния. — Можно попробовать, — решил он наконец. — Мы подкопаем приподнятую часть до середины так, чтобы убежище встало ровно. Черт, жаль, что у нас нет отбойных молотков.

— А сколько времени может занять такая работа?

— Думаю, что двое управились бы за неделю, если бы не напоролись на валуны. Когда под рукой нет динамита, валуны могут стать проблемой.

— Совсем неразрешимой?

— Любую проблему, в принципе, можно решить. Будем надеяться, что скальные породы нам не встре-

тятся. Вынутой землей мы подсыплем ту часть, которая окажется в воздухе, когда опустится задравшееся крыло, и все укрепим бревнами. В общем, потная работенка.

— Тогда я начну завтра с утра.

— Как бы не так! И думать не смей, пока не заживут твои ребра. Завтра утром начну я с нашими девицами. Да и Дьюка подключим, после того как он подстрелит нам дичь, — консервы, я думаю, лучше экономить. Кстати, что вы сделали с пустыми консервными банками?

— Зарыли.

— Их нужно выкопать и вымыть. Жестяная банка для нас дороже золота — она годится для чего угодно. Ладно, поднимемся, а то я еще не насладился лестницей.

Лестницу смастерили из двух обтесанных стволиков, к которым прибили ступеньки все из тех же ящичных дощечек. Хью снова отметил про себя, что древесина расходуется более чем неэкономно, ступеньки следовало делать из обрубленных веток. Черт побери, сколько теперь появилось всего, чего нельзя получить, просто сняв телефонную трубку! Например, эти рулоны туалетной бумаги — по одному в каждой кабине. Их не следовало оставлять там — а вдруг пойдет дождь? Иначе очень скоро придется пользоваться листьями или вообще ничем.

Многое, очень многое они привыкли принимать как само собой разумеющееся. Гигиенические пакеты — на сколько их хватит? И как обходились без них первобытные женщины? Они наверняка чем-то пользовались, но чем?

Нужно предупредить всех, что изготовленное фабричным способом, будь то клочок бумаги, грязная тряпка, булавка — все следует беречь как зеницу ока. Нужно без усталости следить за тем, чтобы это правило неукоснительно соблюдалось, постоянно удерживать их от безумной траты чего бы то ни было.

— Замечательная лестница, Барбара!

Она, казалось, очень обрадовалась похвале.

— Самое трудное сделал Джо.

— Вовсе нет, — стал отпираться Джо. — Я только давал советы и помог обтесать кое-что.

— Все равно, кто бы ни сделал ее, она сделана прекрасно. Теперь посмотрим, выдержит ли она меня.

— О, конечно же, выдержит! — с гордостью воскликнула Барбара.

В убежище были включены все лампы. Значит, следует предупредить и насчет батарей. Нужно сказать девушкам, чтобы разыскали в книгах, как делают свечи.

— Где Грейс, Карен?

— Маме плохо. Она прилегла.

— Вот как? Тогда тебе лучше заняться обедом. — Хью вошел в женскую комнату, чтобы посмотреть, что за недуг сразил жену. Грейс лежала на койке в одежде, забывшись в тяжелом сне, и громко храпела. Он нагнулся, приподнял ей веко. Она даже не пошевелилась. — Дьюк!

— Да?

— Иди сюда.

— Ты давал ей выпить после ленча? — спросил Хью подошедшего сына.

— Да. Но ведь ты и не запрещал.

— Я не обвиняю тебя. Сколько ты ей дал?

— Только один хайболл. Полторы унции скотча с водой.

— Как, по-твоему, похоже это на один хайболл? Попробуй-ка, разбуди ее.

Дьюк попытался, но безуспешно. Отчаявшись, он сказал:

— Отец, я понимаю, ты считаешь меня дураком. Но я действительно дал ей выпить только одну порцию. Проклятье, ведь ты прекрасно знаешь, что я не меньше тебя ненавижу ее пьянство.

— Не волнуйся, Дьюк. Надо думать, она добралась до бутылки уже после того, как ты ушел.

— Может быть, — нахмурился Дьюк. — Я дал матери выпить, как только обнаружил первую уцелевшую бутылку. Затем я занялся инвентаризацией. Кажется, нашел все, что осталось, если только ты не припрятал где-нибудь еще про запас...

— Нет, все ящики находились в одном месте. Пять ящиков.

— Правильно. Я нашел тринадцать целых бутылок — двенадцать по три четверти литра и литровую

бутылку бурбона. Я еще прикинул, что это будет по две бутылки на человека, а бутылку бурбона оставил на всякий случай. Я открыл «Кингс Ронсом», налил порцию матери и отметил уровень виски на этикетке карандашом. Сейчас мы узнаем, прикладывалась она еще раз к нему или нет.

— Ты спрятал спиртное?

— Да, я засунул весь запас на самую верхнюю полку в противоположном конце убежища. Я прикинул, что ей довольно трудно будет забраться туда, — ведь я не такой уж идиот, отец. Она была в своем отсеке и не могла видеть, как я прячу ящик. Правда, она могла догадаться...

— Давай проверим.

Все двенадцать бутылок были на месте, нетронутые, тринадцатая — едва начата. Дьюк поднял ее повыше.

— Вот! Ровно до отметки. Но ведь была еще одна, помнишь? Мы открыли ее, когда все началось, после первого взрыва. Куда она делась?

— Когда вы заснули, мы с Барбарой слегка приложились к ней, но до дна там было еще далеко. Она осталась в комнате с баллонами.

— А! Все ясно. Разбита вдребезги. Я заметил ее, когда мы там наводили порядок. Но тогда я не понимаю, где мать могла взять спиртное?

— Она не брала его, Дьюк.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Это не виски. — Хью подошел к аптечке и взял оттуда пузырек со сломанной печатью на горлышке. — Посчитай, сколько здесь капсул секонала. Ты вчера сколько выпил вечером — две?

— Да.

— Карен выпила одну перед сном, одну позже. Одну выпил Джо. Ни я, ни Грейс не принимали его. Итого пять капсул секонала.

— Подожди, я считаю.

Отец принялся считать капсулы, которые откладывал Дьюк.

— Девяносто одна, — объявил Дьюк.

— Правильно, — Хью ссыпал капсулы обратно в пузырек. — Следовательно, она приняла четыре.

— Что же делать, папа? Промывание желудка? Рвотное?

— Ничего.

— Но как же? Неужели у тебя нет сердца... Ведь она пыталась покончить с собой!

— Успокойся, Дьюк. Она и не думала делать ничего подобного. Четыре капсулы — шесть гран — у здорового человека вызывают просто ступор, а она здорова как бык: месяц назад она была на осмотре у врача. Нет, она выпила секонал, чтобы подольше оставаться в состоянии опьянения. — Хью нахмурился: — Алкоголик — это уже само по себе достаточно плохо. Но люди часто, сами того не желая, убивают себя снотворными таблетками.

— Отец, а что ты подразумеваешь под тем, что она выпила его, чтобы подольше оставаться в состоянии алкогольного опьянения?

— Помнишь, что ты сам чувствовал, когда принял две капсулы прошлым вечером? Тепло, радость и беспечность?

— Нет, я просто лег и отключился, а потом сразу очнулся стоящим на голове.

— Значит, у тебя еще не развилось привыкание к лекарству. А Грейс прекрасно знает, что за эффект оно дает. Опьянение, счастливое опьянение. Правда, я раньше не замечал, чтобы она принимала больше одной капсулы, но раньше и в спиртном ее никто не ограничивал. Когда человек начинает пить снотворное, будучи не в состоянии раздобыть спиртное, он на плохом пути.

— Отец, ты должен был подальше убирать от нее спиртное давным-давно.

— А как, Дьюк? Постоянно твердить, что выпивки она не получит? На вечеринках вырывать рюмку из рук? Ссориться на людях? Спорить с ней в присутствии Джо? Не давать ей карманных денег, закрыть ее счет в банке, следить, чтобы ей не давали в кредит? Разве что-нибудь удержало бы ее в таком случае от соблазна начать закладывать вещи в ломбард?

— Мама никогда не опустила бы до этого.

— Подобное поведение типично. Дьюк, пойми, нельзя избавить взрослого человека от вредной привычки, если он к ней предрасположен. Даже правительство Соединенных Штатов оказалось в свое время в этом плане бессильным. Более того. Невозможно

быть ответственным за чье-либо поведение. Я говорил о том, что отвечаю за нашу группу. Не совсем так. Самое большое, что я или любой другой руководитель могли бы сделать, — это только заставить каждого нести ответственность за свою собственную судьбу. — Хью глубоко задумался, лицо его выражало тревогу. — Вероятно, моя ошибка в том, что я дал Грейс возможность бездельничать. Но она и так считала меня скупцом из-за того, что я позволял ей иметь только одного слугу и женщину, которая убирала в доме. Дьюк, сам посуди, что тут можно было придумать, кроме как бить ее?

— Ну... эта проблема потеряла актуальность. Что нам делать сейчас?

— Вот именно, ваше высочество. Что ж, спрячем для начала пилюли подальше.

— А я уничтожу эти проклятые бутылки!

— Этого я не стал бы делать.

— Ты бы не стал! Я не ослышался, что ты назначил меня хранителем спиртного?

— Нет, решать тебе. Я просто сказал, что будь я на твоём месте, я бы не стал этого делать. Такой поступок был бы необдуманным.

— Ну, а я так не считаю. Отец, я не буду разбираться в том, мог ли ты не дать матери дойти до состояния, в котором она сейчас пребывает. Но лично я намерен прекратить это.

— Очень хорошо, Дьюк. М-м-м... видишь ли, может быть, нам лучше куда-нибудь прибрать виски, а не уничтожать его? Лично я, например, совсем не против иногда пропустить глоток-другой. Впрочем, если ты решил твердо, спорить я не стану. Но ведь и Грейс первое время будет нуждаться в спиртном, хоть понемногу.

— Это не имеет значения, — решительно заявил сын. — Я не собираюсь давать ей ни глотка. Чем быстрее с проклятым зельем будет покончено, тем быстрее она станет нормальным человеком.

— Конечно, решать тебе. Но если можно, я внесу предложение.

— Какое?

— Утром встань пораньше, пока она еще спит. Вынеси все спиртное наружу и зарой его в месте,

известном только тебе. А потом отрывай по мере надобности по одной бутылке и распределяй примерно по унции на каждого. Пусть остальные пьют так, чтобы она этого не видела. Открытую бутылку тоже лучше хранить где-нибудь за пределами убежища.

— Вообще-то звучит довольно дельно.

— Перед нами стоит еще одна проблема — держать от матери подальше снотворное.

— Его тоже закопать?

— Нет, оно необходимо здесь. И не только снотворное. Димедрол, иглы для шприца, некоторые лекарства, среди которых есть ядовитые и наркотические, совершенно незаменимы. Если она не сможет найти секонал — пять пузырьков по сто капсул в каждом, — нельзя предсказать заранее, что она попытается принять. Придется воспользоваться сейфом.

— Чем?

— В толщу бетона вмонтирован небольшой сейф. Там ничего нет, кроме ваших свидетельств о рождении и других документов. Да, еще немного патронов и две тысячи серебряных долларов. Деньги хорошо бы куда-нибудь выложить, мы потом сможем использовать их в качестве металла. Ключ к сейфу — комбинация «4 июля 1776 года» — «47-17-76». Но лучше изменить ее, так как Грейс она может быть известна.

— Тогда я сразу так и сделаю!

— Не спеши, она не скоро проснется. Насчет запасных патронов... Дьюк, до сих пор ты был распорядителем спиртных напитков и сигарет, а теперь ты назначаешься еще и распорядителем лекарств. Поскольку я на некоторое время по уши заруюсь в землю, ты становишься моим заместителем по распределению и отныне отвечаешь за все, что не может быть возмещено: за спиртное, табак, патроны, гвозди, туалетную бумагу, спички, сухие батареи, иглы...

— Боже милостивый! А погрязней работенки не найдется?

— Сколько угодно, Дьюк. Каждому я пытаюсь поручить ту работу, которая соответствует его талантам. Джо слишком робок, к тому же он пока не воспользовался ни единой возможностью что-нибудь сэкономить; Карен живет только сегодняшним днем. Барбара

не годится для такой кропотливой работы, Я бы сам занялся этим, но меня ждут другие, не менее важные дела. Ты же самый подходящий для этого человек! Ты не колеблясь отстаиваешь свои права и, случается, проявляешь даже дальновидность, правда, не слишком часто.

— Большое спасибо. Мне сразу все стало понятно.

— Самое сложное, что тебе предстоит, — это вбить им всем в головы, что необходимо беречь каждый кусочек металла, бумаги, ткани и дерева — те вещи, которые американцы за долгие годы привыкли бездумно транжирить. Что еще? Рыболовные крючки. Продукты не так важны — мы постоянно будем пополнять запасы: ты — охотой, Барбара — огородничеством. И тем не менее возьми на строгий учет продукты, которые невозможно возместить. Соль. Ты должен следить за тем, чтобы соль расходовалась особенно бережно.

— Соль?

— Если только тебе не удастся набрести во время охоты на соляной выход. Соль... Черт побери, ведь нам наверняка придется дубить кожу. Обычно я всегда только просаливал кожи перед тем, как отдать их меховщику. Да разве что еще выскребал. Но так ли это было необходимо?

— Не знаю.

— Нужно посмотреть. Проклятье, очень скоро мы обнаружим, что я не догадался запастись множеством вещей, без которых нам просто не обойтись.

— Отец, — возразил Дьюк, — по-моему, ты и так сделал все, что мог.

— Ты так думаешь? Приятно слышать. Тогда мы попробуем... — Хью направился в кладовку.

— Папа?

— Да?

Из люка показалась голова Карен.

— Папа, нельзя ли нам войти? Снаружи уже темно и страшно. Что-то большое и ужасное загнало Дока внутрь.

— Прости, детка. Конечно, входите. А потом мы закроем люк крышкой.

— Есть, сэр! Отец, ты обязательно должен выглянуть наружу. Звезды! Млечный Путь похож на неоне-

вую вывеску. И Большая Медведица... Может, это все-таки не другая планета? Или мы и с другой планеты будем видеть тот же небосвод?

— Точно не могу сказать. — Тут он вспомнил, что женщины и Джо еще не знают об их открытии — о том, что они находятся в районе Маунтин-Спрингс. Но рассказать об этом должен Дьюк — ведь это он определил их местонахождение. — Дьюк, хочешь еще раз оглядеться перед тем, как мы закроемся?

— Покорнейше благодарю, я уже налюбовался.

— Ну, как знаешь. — Хью выбрался наружу, по дождал, пока его глаза привыкнут к темноте, и убедился, что Карен была права: никогда еще не приходилось ему видеть такое глубокое в своей чистоте небо, не загрязненное ни малейшим признаком смога. — Изумительно!

Карен взяла его за руку.

— Да, — согласилась она, — но я бы все-таки предпочла обычные уличные фонари этим звездам. Там, в темноте, кто-то ходит. Мы слышали, как воют койоты.

— Здесь водятся медведи, а Дьюк слышал рычание горного льва. Джо, ты держи кота ночью взаперти, да и днем лучше не давать ему отлучаться.

— Он достаточно смышлен, поэтому и сам далеко не уйдет. К тому же кто-то уже поучил его уму-разуму.

— Меня тоже! — провозгласила Карен. — Это медведи! Барбара, ползи внутрь. Отец, если взойдет луна, то это уж точно Земля, — в этом случае я больше никогда ни на грош не поверю комиксам.

— Лучше спроси у своего брата, где мы находимся.

За обедом открытие Дьюка было основной темой для разговоров. Разочарование Карен немного возмещалось ее интересом к тому, отчего никто из них раньше не смог определить, что они находятся в Маунтин-Спрингс.

— Дьюк, ты действительно уверен в том, что говоришь?

— Ошибки быть не может, — ответил Дьюк. — Если бы не деревья, ты бы сама с легкостью это установила. Чтобы как следует оглядеться, нам пришлось взобраться на самую вершину Водонапорного Холма.

— Так вы, значит, столько времени потратили на дорогу к Водонапорному Холму? Но ведь до него пять минут ходу!

— Дьюк, объясни сестре насчет автомобилей.

— Думаю, что это из-за бомбы, — вдруг сказала Барбара.

— Конечно, Барбара. Вопрос только в том, как...

— Я имею в виду гигантскую водородную бомбу, которую, как утверждали, они имели на орбите. Ту, которую обычно называли «космической бомбой». Скорее всего, она-то и накрыла нас.

— Продолжай, Барбара.

— Так вот, первая бомба была просто ужасна, вторая — еще хуже: в их пламени мы чуть не сгорели. Третья же просто здорово встряхнула нас, а потом не было ничего — ни шума, ни жары, ни сотрясений, а радиоактивность стала меньше, вместо того, чтобы возрасти. И вот что я думаю: слышали ли вы когда-нибудь о параллельных мирах? Миллионы миров бок о бок, почти одинаковые, но не совсем. Миры, в которых королева Елизавета вышла замуж за графа Эссекса, а Марк Антоний искренне ненавидел рыжих. Мир, в котором Бен Франклин был убит током. Так вот: это один из таких миров.

— Ну вот, дошли и до Бенджамена Франклина.

— Это ты зря, Карен. Космическая бомба угодила в нас прямым попаданием и вышвырнула в параллельный мир. В мир, где все точно такое же, как у нас, за исключением одного — в нем никогда не было людей.

— Я не уверена, что мне нравится мир без людей. Предпочтительнее было бы впрямь оказаться на другой планете. И чтобы на ней непременно были воинственные вожди, восседающие на тоатах. Или на этих — как их там? — зитидарах?

— Ну, и как тебе моя гипотеза, Хью?

— Я стараюсь быть беспристрастным и пока одно могу сказать: мы не должны рассчитывать на то, что встретим других разумных существ.

— Мне нравится твоя теория, Барбара, — заявил Дьюк. — Она объясняет все. Выстрелены, как арбузная косточка из пальцев. Фью-ить!

— Да, и оказались здесь.

Дьюк пожал плечами.

— Пусть эта гипотеза войдет в историю как теория Барбары Уэллс — «теория переноса в пространстве» — и будет безоговорочно принята всеми. Принято единогласно, на этом заканчиваем. Я, например, чертовски хочу спать. Кто где спит, Хью?

— Минутку. Друзья, позвольте представить вам моего заместителя по распределению. Сын мой, поклонись публике. — Хью объяснил свою программу экономии. — Дьюк с течением времени усовершенствует ее, но суть я вам изложил. Допустим, я на земле нахожу согнутый гвоздь — виновный получает соответствующее количество плетей. За серьезное нарушение, например, за трату спички — протаскивание под килем. Еще одно нарушение — и виновного вешают на городской площади при большом стечении народа.

— Ха! Так что же, нам следить друг за другом, что ли?

— Помолчи, Карен. Конечно, я шучу. Никаких наказаний не будет, просто вы сами должны осознать, что непростительно бессмысленно тратить то, чего вам никогда больше не увидеть как своих ушей. И я хочу произвести еще одно назначение. Доченька, ты, кажется, владеешь стенографией?

— Ну, это слишком сильно сказано. Мистер Грегг, наш преподаватель, вряд ли придерживался такого мнения.

— Хью, я знаю стенографию. А зачем она тебе?

— О'кей, Барбара. Я назначаю тебя нашим историографом. Сегодня — День Первый. В принципе, можешь использовать привычный календарь. Но я думаю, нам удастся рассчитать новый. Каждый день ты должна фиксировать события, а потом расшифровывать записи. Тебе также присваивается звание «хранительница огня». Я полагаю, что вскоре ты станешь ею на самом деле: нам придется разжигать огонь и сохранять его. Ну, вот и все. Прошу прощения, Дьюк, что задержал.

— Хью, я буду спать в хранилище. А ты ложись на койку.

— погоди еще секунду, братишка. Папа, а нельзя нам с Барбарой помыться в хранилище? Нам это про-

сто необходимо. Девушки, которые копают выгребные ямы, обязаны мыться.

— Конечно, Карен. Воду на это дело я вам выделю, — согласился Дьюк.

— С водой проблемы нет, — сказал Хью, — но вы с не меньшим успехом можете утром выкупаться в ручье. Помните только одно: пока одна купается, вторая должна быть начеку. Я ведь не шутил насчет медведей.

Карен вздрогнула.

— Я и не думала, что ты шутишь. Кстати, папочка, где нам справлять нужду? В туалете? Или терпеть всю ночь до утра? Правда, я не уверена, что дотерплю. Я, конечно, постараюсь: очень не хочется среди ночи играть в прятки с медведями, но...

— Надо думать, туалет остался на своем месте.

— Это верно, но вот с канализацией теперь не все в порядке...

— Да, конечно, но пока придется с этим смириться.

— О'кей! Братишка, тогда дай нам с Барбарой водички для туалета и можешь отправляться спать.

— Мыться вы раздумали?

— Помыться мы можем и в женской спальне, когда вы все уляжетесь. Таким образом ваше смущение целиком останется при вас.

— А меня бы это вовсе не смутило.

— Что очень плохо.

— Тихо, — вмешался Хью. — Мы должны следовать правилу «Нет — ложному стыду». Здесь мы сучены хуже, чем в московской коммунальной квартире. Вы знаете, что говорят японцы по поводу наготы?

— Я слышала, что они моются совместно, — сказала Карен. — И была бы очень рада последовать их примеру. Горячая водичка! Это, я вам скажу, вещь!

— Так вот, они говорят следующее: «Видят наготу часто, но рассматривают редко». Не подумайте, что я призываю вас расхаживать в чем мать родила. Но стыдиться друг друга просто глупо. Если нужно переодеться, а уединиться негде — переодевайтесь спокойно. Или взять, например, купание в ручье. Тот, кому предстоит охранять купающегося, может оказаться человеком другого пола, — иначе возникнет

множество сложностей. Поэтому советую: меньше обращайтесь на это внимания. — Он взглянул на Джозефа. — Вышеизложенное в большей степени относится к тебе. Я заметил, что ты особенно щепетилен в этих делах.

— Так уж я воспитан, Хью, — заикаясь ответил Джо.

— Вот как? В таком случае придется тебе забыть об этой стороне твоего воспитания. После целого дня тяжелой работы, может статься, только Барбара будет в состоянии охранять тебя от медведей.

— Я все-таки рискну выкупаться в одиночку. Что-то я не видел поблизости медведей.

— Джо, не мели чепухи. Ты мой заместитель.

— Не по своей инициативе.

— Очень скоро ты перестанешь им быть, если не сменишь пластинку. Будешь купаться, когда тебе нужно и под охраной любого из нас.

— Нет уж, благодарю покорно, — заупрямился Джо.

Хью Фарнхэм вздохнул:

— Вот уж от кого, а от тебя я такого не ожидал. Дьюк, ты не поможешь мне? Я имею в виду «ситуацию номер семь».

— С удовольствием! — Дьюк схватил ружье и начал деловито заряжать его. У Джо отвисла челюсть, но он не пошевелился.

— Это лишнее, Дьюк. Оружие ни к чему. А теперь, Джо, возьми только ту одежду, в которой был вчера вечером. За одежду, которая припасена для тебя, платил я. Так что тебе больше ничего не причитается, даже спички. Можешь переодеться в кладовой — ведь превыше всего ты ценишь свою скромность. Насчет жизни — не знаю. Давай пошевеливайся.

Джозеф медленно спросил:

— Мистер Фарнхэм, вы это серьезно?

— Сейчас я не менее серьезен, чем ты, когда прицеливался в Дьюка. Ты помог мне прижать его. Ты слышал, как я сам прижал свою жену. Так могу ли я после этого спустить тебе то, чего я не стерпел от них? Боже всемогущий, да ведь тогда в следующий раз мне придется схватиться с девицами, после чего груп-

па распадется и мы все погибнем. Поэтому я предпочитаю, чтобы ты ушел один. Даю тебе еще две минуты на прощание с Доктором Ливингстоном. Кота с собой взять не позволю: я не желаю, чтобы он был съеден.

Док сидел на коленях негра. Джо медленно поднимаясь, все еще придерживая кота руками. Он был ошеломлен.

— Если, конечно, ты не предпочтешь остаться с нами, — добавил Хью.

— А можно?

— Можно, но только на общих для всех условиях.

По щекам Джо медленно скатились две слезы. Он потупился, погладил кота и тихо сказал:

— Тогда я останусь. Я согласен.

— Отлично. В таком случае в подтверждение своего согласия извинись перед Барбарой.

Барбара была слегка удивлена. Она хотела что-то сказать, но потом решила, что лучше не вмешиваться.

— Э-э-э... Барбара, простите меня.

— Не стоит, все в порядке, Джо.

— Я буду... счастлив и горд, если мне когда-нибудь доведется купаться под вашей охраной. Разумеется, если вы согласитесь.

— Всегда пожалуйста, Джо. Буду рада.

— Благодарю вас.

— А теперь, — возвестил Хью, — предлагаю перекинуться в бридж. Карен, ты как?

— А почему бы и нет?

— Дьюк?

— Я лучше прикорну. Если кому-нибудь приспичит на горшок — смело шагайте через меня.

— Ложись на полу, рядом с койками, Дьюк, и старайся не мешаться под ногами. Впрочем нет, лучше забирайся на верхнюю койку.

— А где ты будешь спать?

— Я лягу последним. Мне нужно кое-что обдумать. Джо, играть будешь?

— Сэр, я не горю желанием играть сейчас в карты.

— Пытаешься поставить меня на место?

— Отнюдь нет, сэр.

— Не стоит, Джо. Предлагаю тебе трубку мира. Всего лишь один роббер. Сегодня выдался трудный денек.

— Благодарю. Я все-таки предпочел бы не играть.

— Черт возьми, Джо! Неужели мы будем держать обиду друг на друга? Вчера вечером Дьюку, например, пришлось куда хуже, чем тебе сегодня. Его-то ведь чуть не вышвырнули в радиоактивный ад, а не на легкую прогулку с доброжелательными медведями, как тебя. А разве он обиделся?

Джо опустил глаза, почесал Доктора Ливингстона за ухом. Потом внезапно вскинул голову и улыбнулся.

— Один роббер. И оберу тебя до нитки.

— Черта с два! Барби! Будешь четвертой?

— С удовольствием!

Джо выпало играть в паре с Карен. Он разобрал карты и угрожающе произнес:

— Ну, теперь держитесь!

— Следи за ним, Барби!

— Хочешь побочную ставку, па?

— А что ты мне можешь предложить?

— Ну... хотя бы мое юное тело.

— Не пойдет, чахловато, да и не в моем вкусе.

— Ты просто ужасно несправедлив ко мне. Я не чахлая, а изящная. Ну ладно, а как насчет моей жизни, судьбы и девичьей чести?

— И что ты за все это хочешь?

— Браслет с бриллиантами.

Барбара с удивлением заметила, что на сей раз Хью играет из рук вон плохо: он то и дело обсчитывался, часто пасовал. Она поняла, что он еле жив от усталости, милый, бедняжка! Видно, кому-то придется прижать и его, не то он просто убьет себя, пытаясь в одиночку вынести груз на своих плечах.

Через сорок минут Хью написал долговую расписку на бриллиантовый браслет, и они стали укладываться спать. Хью с удовлетворением заметил, что Джо разделся и нагишом лег на нижнюю койку. Именно так, как ему и было велено. Дьюк, тоже голый, растянулся на полу. В убежище было жарко: такая груда железобетона не могла быстро остыть, а воздух снаружи перестал поступать, как только закрыли крышкой люк.

С духотой не справлялись даже вентиляционные отверстия. Хью отметил про себя, что нужно придумать какую-нибудь решетку, которая бы не впускала внутрь медведей и не выпускала наружу кота. Но все это потом, потом...

Он взял фонарик и вошел в хранилище.

Книги снова были кем-то расставлены по полкам, кроме тех, которые еще лежали и сохли. Он задумчиво перелистал несколько штук, искренне надеясь, что вред им причинен небольшой.

Последние книги на свете... Похоже на то, во всяком случае.

Он вдруг почувствовал такую жалость, которой не испытывал даже при абстрактной мысли о гибели миллионов людей. Гибель миллионов книг казалась ему событием более страшным и делом более жестоким, чем убийство людей. Все люди рано или поздно умирают. Смерть ни для кого не делает исключения. Но книга не должна умирать, и грешно убивать ее, ведь книги — олицетворение человеческого бессмертия. Сжечь книгу... Это все равно что изнасиловать беззащитную.

Книги всегда были его лучшими друзьями. Они учили его всему на свете. Они согревали его в момент одиночества. Внезапно он почувствовал, что, если бы ему не удалось сохранить хоть немного книг, жизнь потеряла бы для него смысл.

Большая часть его библиотеки являлась собранием книг, могущих принести практическую пользу. Британская энциклопедия... — Грейс считала, что лучше на это место водрузить телевизор: «Ведь ее потом, возможно, нелегко будет продать». Объемистость энциклопедии его тоже не совсем устраивала, но это издание являлось самым компактным хранилищем знаний из всего того, что мог предложить рынок. Книга Че Гевары «Партизанская война» — слава Богу, что она им не понадобится! Да и соседние с ней «Партизанскими тропами» Мао Цзе-дуна, в переводе Гриффита, и книга Тома Уинтрингема «Новые способы ведения войны» — пособие для войск специального назначения — можно забыть о них. «Не хочу я уби-

вать, я не умею воевать, мне не надо войны опять!» — вспомнил он.

«Настольная книга бойскаута», «Справочник по конструированию», «Пособие по ремонту радиоаппаратуры», «Охота и рыболовство», «Ваш загородный дом: печи и трубы», «Пособие по выживанию», разработанное особым отделом штаба морской пехоты, «Техника выживания» — издание штаба ВВС, «Практическое пособие по плотницкому делу» — книги все полезные, важные и недорогие. «Поваренная книга для путешественников», «Медицина без докторов», «Пять акров и независимость», самоучитель русского языка, русско-английский и англо-русский словари, справочник растений.

«Антология английской поэзии» оксфордского издания, «Сокровища американской поэзии», «Книга игр» Хойла, «Анатомия меланхолии» Бертон, его же «Тысяча и одна ночь», старая, добрая «Одиссея» с иллюстрациями Вайета, «Избранные стихотворения» Киплинга и его «Сказки просто так», однотомник Шекспира, молитвенник, Библия, «Занимательная математика», «Так говорил Заратустра», стихи Т. С. Элиота, Р. Фроста...

Как он сетовал на то, что его собрание художественной литературы не включает в себя всего, что он хотел бы сейчас иметь! Как жаль, что нет здесь произведений Марка Твена — для них он нашел бы место. Как жаль, что...

Поздно, слишком поздно. Его скромная библиотека — это все, что осталось от некогда могучей культуры. «Верхушка башни окунулась в облака...»

Он очнулся и понял, что заснул стоя. Зачем он пришел сюда? Что-то важное... Ах да! Дубление кожи. Кожа! Барбара ходит босая. Нужно сделать ей мокасины. Наверное, самое лучшее — заглянуть в «Британику» или в какое-нибудь специальное пособие...

Нет, слава Богу, соль не нужна. «Найдите дуб...» — впрочем, лучше, если Барбара сама найдет его, — это заставит ее ощутить себя полезной. И для Джо нужно подыскать какое-нибудь дело, которое только он один будет способен довести до конца. Пусть бедняга поте-

шится общим восхищением, почувствует, что действительно нужен всем. Главное — не забыть...

Хью с трудом дошел до главной комнаты, взглянул на верхнюю койку и понял, что не испытывает ни желания, ни сил забираться на нее. Он улегся на одеяло, на котором они играли в карты, и мгновенно заснул.

Глава пятая

К завтраку Грейс не вышла. Девушки быстро покормили мужчин и остались, чтобы вымыть посуду и прибраться. Дьюк отправился на охоту, взяв с собой кольт сорок пятого калибра и охотничий лук. Он сам так решил: стрелы можно собрать или сделать новые, а пули пропадали безвозвратно. Дьюк несколько раз взмахнул рукой и пришел к выводу, что его плечо в норме.

Он проверил часы и велел, если его не будет к трем часам, чтобы возле убежища зажгли дымный костер.

Хью велел девушкам вынести на солнце все книги, которые хоть немного отсырели, и, вооружившись киркой и лопатой, принялся вгрызаться в землю. Джо хотел было помочь ему, но Хью категорически отказался от всякой помощи.

— Слушай, Джо, ведь нужно сделать тысячи дел. Пожалуйста, займись ими.

— Что бы мне такое сделать?

— Ну, например, составь инвентарные списки. Помоги Дьюку в учете всего, что невозможно восстановить. По ходу дела у тебя будут возникать разные соображения, записывай их. Посмотри по книгам, как изготавливаются мыло и свечи. Проверь оба дозиметра. Только возьми оружие и будь начеку. Следи, чтобы девицы не выходили невооруженными. Черт побери,

да хоть придумай, как устроить канализацию и водопровод без труб, свинца и цемента.

— Разве такое возможно?

— Но ведь кто-то сделал же это первым? И объясни этому хвостатому надсмотрщику, что помощники мне не нужны.

— О'кей. Док, иди сюда! Сюда, сюда!

— Да, и еще, Джо. Можешь предложить девушкам свои услуги в качестве охраны, пока они купаются. Смотреть на них при этом не обязательно.

— Хорошо. Но только я скажу им, что это не мое предложение. Я не хочу, чтобы они думали...

— Послушай, Джо. Эти девушки — пара нормальных, здравомыслящих, злых на язычок американских девчонок. Можешь им говорить что угодно, они все равно будут уверены, что ты подглядываешь. Ведь основой их мировоззрения является чувство собственной неотразимости. Так что, по их понятиям, мужчина просто не может не подсматривать за ними. Ты их ни в чем не убедишь, а только обидишь.

— Кажется, я понял, — сказал Джо и удалился.

Хью начал копать, думая при этом, что он-то никогда не упускал случая в таких делах. Этот неисправимый питомец воскресной школы, вероятно, и на обнаженную леди Годиву постеснялся бы взглянуть. Хороший парень — а воображения ни на грош. Правда, положиться на него можно полностью. Досадно, что пришлось обойтись с ним так круто...

Очень скоро Хью понял, что его худшие опасения подтвердились: работать без тачки оказалось невозможно. Он пришел к такому заключению, не успев еще выкопать достаточно большой ямы. Трудиться без всякой механизации было, конечно, тяжело, но совсем уж немыслимо таскать лопатой выкопанный грунт. Более того, для нормального человека это просто оскорбительно.

Тем не менее он начал выносить землю вручную, напряженно думая при этом, как соорудить колесо, не имея металла, паяльного инструмента, мастерской, плавильной печи — одним словом, ничего...

Постой-постой... Ведь есть стальные баллоны. Койки сделаны с применением металлических полос, а в корпусе перископа имеется ковкое железо. Уголь мож-

но получить, а меха — это просто шкуры животных да каркас из веток. Вот так-то! А идиот, который при наличии всего этого не сумеет сварганить колесо, просто-таки заслуживает того, чтобы таскать землю на собственном горбу.

Вокруг него растут тысячи деревьев... Например, в Финляндии больше ничего и нет, кроме деревьев. А все же Финляндия — самая симпатичная маленькая страна в мире...

— Док, брысь из-под ног!

... Конечно, если только Финляндия еще существует.

Девушкам, должно быть, понравится финская баня, где они могли бы попариться, взвизгивая от удовольствия, и снова почувствовать себя нормальными людьми. Бедняжки, больше они никогда не увидят ни обычной ванной, ни косметики. Может быть, хоть сауна послужит для них моральным утешением. Да и Грейс, наверное, не прочь будет помыться. Вдруг в парилке спадет с нее нынешняя одутловатость, и она снова станет стройной. Какой она раньше была красавицей!..

Появилась Барбара с лопатой.

— Где ты ее взяла? И что собираешься делать?

— Это лопата, которой работал Дьюк. Я собираюсь копать.

— Босиком? Ты с ума со... Ба, да на тебе ботинки!

— Это ботинки Джо. И джинсы тоже его. А рубашка Карен. Где мне начинать?

— Вот тут, чуть подальше. Если встретится валун тяжелее двухсот килограммов — зови на помощь. Где Карен?

— Купается. А я решила пропотеть посильнее, а потом помыться поосновательней.

— Мойся когда захочешь. И не вздумай работать здесь полный день. Тебе это не под силу.

— Мне нравится работать с тобой, Хью. Почти так же, как и... — она не договорила.

— Как играть в бридж?

— Да, как играть в бридж на пару с тобой. Да, можно сказать и так.

— Барби, девочка моя...

После этого он почувствовал, что рытье может быть удовольствием. Голова отдыхает, а мышцы работают в

полную силу. Прямо радостно даже. Сколько лет он не брал в руки лопату?

Барбара работала уже с час, когда из-за угла появилась миссис Фарнхэм.

— Доброе утро! — Барбара копнула еще раз, подняла корзину с землей и исчезла за деревьями.

Грейс Фарнхэм обратилась к мужу:

— Ага! А я-то все думала, куда это ты запропастился. Все меня бросили. Ты понимаешь? — Она была в том же наряде, в котором спала. Лицо отекло.

— Просто тебе дали возможность отдохнуть, дорогая.

— Думаешь, приятно просыпаться в одиночестве в незнакомом месте? Я к этому не привыкла.

— Грейс, никто не хотел тебя обидеть. О тебе просто позаботились.

— Это называется забота? Ладно, не будем больше об этом.

— Хорошо.

— А ты и рад. — Заметно было, что она старается взять себя в руки. Затем она спросила напрямик: — Может быть, ты все-таки прервешься ненадолго и сообщишь мне, куда спрятал мою выпивку? Мою! Мою долю. Уж, конечно, я не рискну тронуть твою после того, как ты так обошелся со мной. На глазах у слуг и посторонних людей к тому же!

— Грейс, тебе придется поговорить с Дьюком.

— Что это значит?

— Все спиртное находится в ведении Дьюка. И я не знаю, где он держит его.

— Ты лжешь!

— Грейс, за двадцать семь лет я не солгал тебе ни разу.

— О! Какой ты все-таки жестокий!

— Возможно. Но я не лжец, и в следующий раз, когда ты позволишь себе обвинить меня во лжи, тебе это даром не пройдет.

— Где Дьюк? Он не позволит тебе разговаривать со мной в таком тоне! Он обещал мне это!

— Дьюк ушел на охоту. Намеревался вернуться к трем часам.

Она некоторое время молча смотрела на него, потом резко повернулась и бросилась прочь.

Тут же появилась Барбара, взяла лопату, и они продолжили работу.

— Мне очень жаль, что ты стала невольной свидетельницей этого разговора, — сказал Хью.

— Какого?

— Если только не отходила отсюда более чем на сто метров, то сама знаешь какого.

— Хью, это не мое дело.

— В нынешних обстоятельствах всем до всего должно быть дело. Теперь ты составила плохое мнение о Грейс.

— Хью, да мне и в голову никогда бы не пришло критически относиться к твоей жене.

— Тем не менее у тебя складывается какое-то впечатление о людях. Я хочу, чтобы твое представление о Грейс не было поверхностным. Представь себе, какой она была двадцать пять лет назад. Вспомни Карен.

— Должно быть, Карен очень похожа на нее?

— Да, похожа, но Карен никогда не отличалась ответственностью. На Грейс же всегда во всем можно было положиться. Я находился на действительной службе — офицерский чин я получил только после Пирл-Харбора. Ее родители были, что называется, добропорядочными бюргерами. И они вовсе не желали, чтобы их дочь вышла замуж за нищего призывника.

— Еще бы!

— А она все же вышла. Барбара, ты даже представить себе не можешь, что значило в те дни быть женой молодого парня, призванного в армию! При полном отсутствии денег. Родители Грейс хотели, чтобы она вернулась домой, но не прислали ей ни гроша, пока она находилась со мной. Грейс не бросила меня.

— Она молодец.

— Да. Учти притом, что до этого ей никогда не приходилось жить в одной единственной комнате, пользоваться общей с другими жильцами ванной, сидеть в приемных покоях военно-морских госпиталей. Добираться на другой конец города, чтобы зашибить доллар.

Оставаться совершенно одной, пока я был в море. Молодая и красивая женщина могла бы найти себе кучу развлечений в Норфолке, а она вместо этого нашла себе работу в прачечной — сортировать грязное белье. И все же, когда бы я ни приехал на побывку, она была неизменно красива, жизнерадостна и ни на что не жаловалась.

Александр родился на второй год...

— Александр?

— Дьюк. Его называли в честь дедушки по материнской линии и крестили без меня. Ее родители после рождения внука пошли на попятную: теперь они были согласны принять меня в свою семью. Но Грейс не растаяла и так никогда и не взяла от них ни цента. Она снова устроилась на работу, а с ребенком целыми днями нянчилась наша квартирная хозяйка.

Эти годы были самыми тяжелыми. По службе я продвигался довольно быстро, и деньги уже не были такой проблемой. Началась война, я был произведен из капралов в лейтенанты. В конце концов мне пришлось выбирать: снова переходить в капралы или увольняться в запас. С согласия Грейс я стал гражданским и оказался на берегу, без работы, но с женой, сыном, посещавшим начальную школу, и трехлетней дочерью. Жить нам пришлось в трейлере. Была безумная инфляция, и цены непрестанно росли. Все, что мы имели, — это несколько облигаций военного времени.

Настал второй тяжелый период нашей жизни. Я ввязался в подряды, потерял на этом все сбережения, после чего мне пришлось устроиться на работу в водопроводную компанию. Мы не голодали, хотя подчас приходилось варить суп из топора. Грейс все невзгоды переносила очень мужественно: трудолюбивая домохозяйка, активный член местной ассоциации родителей и преподавателей, а самое главное — всегда оптимистично настроенная.

Поскольку я когда-то занимался подрядами, через некоторое время я решил еще раз попробовать свои силы в этой области бизнеса. На сей раз мне повезло. Кое-как я наскреб с мира по нитке и ухитрился построить дом. Продал его еще до окончания строительства и тут же построил еще два. С тех пор удача не покидала меня.

Лицо Хью Фарнхэма стало задумчивым.

— Вот тут-то она и стала сдавать. Когда мы наняли прислугу. Когда стали держать в доме спиртное. Мы не ссорились — мы вообще никогда не ссорились, если не считать вопроса о воспитании Дьюка, которого я хотел вырастить в строгости, а Грейс не выносила рукоприкладства по отношению к мальчику.

Она стала опускаться именно тогда, когда я стал делать деньги. Пережить процветание ей было не под силу. Она привыкла выкручиваться в неблагоприятных обстоятельствах, и, когда мы разбогатели, ощутила себя не у дел. Но я все же надеюсь, что ей удастся перебороть себя.

— Конечно, Хью.

— Надеюсь.

— Я рада, что ты рассказал мне о ней, Хью. Теперь я буду лучше понимать ее.

— Черт возьми, в этом нет никакой нужды. Я просто хотел, чтобы ты знала: эта толстая, глупая, эгоистичная женщина — не вся Грейс, и в том, что она покатила по наклонной плоскости, — не только ее вина. Со мной не так просто ужиться, Барбара, как ты думаешь.

— Вот как?

— Да! Когда я получил возможность отойти от дел, я не оставил свой бизнес. Я позволил себе задерживаться в конторе вечерами. А когда женщина часто остается одна, она может начать с лишнего бокала пива перед телевизором, потом выпить еще один и еще... Впрочем, все равно, если бы я даже и бывал по вечерам дома, то посвятил бы свой досуг чтению. Гостей я не люблю. Мало того, я вступил в семейный клуб. Сначала она посещала его, но скоро перестала. Она прекрасно умеет держаться на людях. Но, видимо, ей надоело играть роль светской дамы. Я не могу корить ее за это. Она избрала свой путь... и, если бы я был подтверже... она, вероятно, не стала бы такой, как сейчас.

— Чепуха!

— Что?

— Хью Фарнхэм! То, что представляет собой человек, — его собственных рук дело. Убеждена, что это так. Я являюсь такой, какая есть, потому что сама

пожелала этого. То же и с Грейс. И с тобой. — И уже тише она добавила: — Я люблю тебя. И судьба Грейс — не твоя вина. И ни в чем из того, что мы сделали, твоей вины нет. Я просто слышать не могу и не хочу, как ты бьешь себя в грудь и причитаешь: «Mea culpa!» Ты признаешь достоинства Грейс. Так почему бы тебе не признать ее недостатки?

Он заморгал и улыбнулся.

— Да, все взятки твои.

— Вот так-то лучше.

— Я тебя люблю. И считай, что я тебя поцеловал.

— Я тебя тоже. Большой шлем. Внимание, сюда идут копы, — вдруг сказала она сквозь зубы.

Это оказалась Карен, чистая, сверкающая, с расчесанными волосами, накрашенными губами и улыбающаяся.

— Какое вдохновляющее зрелище! — воскликнула она. — Может быть, несчастные рабы желают корочку хлеба и глоток воды?

— Скоро захотим, — согласился отец. — Помогай нам, только не нагружай корзину с верхом.

Карен попятилась:

— Но я не вызывалась работать с вами!

— Ладно, не будем формалистами.

— Но, папа, я ведь только что помылась!

— А что, разве вода в ручье в ближайшее время иссякнет?

— Папа! Я уже приготовила ленч. Первоклассный. А вы слишком грязные, чтобы появляться в моем хорошеньком, чистеньком домике.

— Ты права, детка. Пошли, Барбара. — Он взял корзину и ушел.

К ленчу миссис Фарнхэм не вышла. Карен передала ее заявление, что она решила поехать в убежище. Хью не стал вмешиваться: и так, когда вернется Дьюк, предстоит вынести черт-те что.

— Хью... я вот насчет канализации... — нерешительно начал Джо.

— Есть какие-нибудь соображения?

— Кажется, я придумал, как получить проточную воду.

— Если у нас будет проточная вода, я гарантирую, что сделать канализацию не составит труда.

— Папа, правда? Я знаю, чего мне хочется. Туалет, облицованный кафелем, лучше всего зеленым. И обязательно, чтобы в нем было достаточно места для переодевания.

— Помолчи, детка. Так что же ты придумал, Джо?

— Я вспомнил римские акведуки. Ручей стекает с возвышенности, так что наверняка какой-нибудь его участок расположен выше убежища. Насколько я помню, римские акведуки были беструбными. Вода по ним текла под открытым небом.

— Понимаю. — Фарнхэм обдумывал идею. — В сотне метров выше по течению есть небольшой водопад... Но ведь это означает массу строительных работ. И для каждой арки еще понадобится рама.

— А может, мы просто выдолбим половинки стволы? И укрепим их на опорах из бревен?

— Можно и так. — Хью подумал, затем добавил: — Да, таким образом мы убьем сразу двух зайцев. Барбара, какова эта местность?

— Не поняла...

— Ты сказала, что здесь субтропики. А ты можешь определить, какое сейчас время года? И чем грозит смена сезона? Я вот к чему клоню: нужна ли нам ирригация?

— Господи, Хью, я понятия не имею.

— Подумай хорошенько.

— Ну, — она оглянулась, — не думаю, чтобы тут когда-нибудь свирепствовали морозы. Будь у нас вода, мы могли бы снимать урожай круглый год. Это не тропический влажный лес, иначе подлесок был бы гораздо гуще. Похоже, что здесь дождливые периоды сменяются засушливыми.

— Но наш ручей не пересыхает: в нем много рыбы. Где ты собираешься разбить сад?

— Может быть, на той поляне, немного ниже по течению? Правда, придется выкорчевать там несколько деревьев и довольно много кустов.

— Деревья и кусты — не проблема. Джо, пошли прогуляемся. Я возьму ружье, а ты захвати свой сорок

пятый. Девочки, не выкапывайте столько, чтобы вас завалило. Нам будет очень не хватать вас.

— Папа, я хотела немного вздремнуть.

— Отлично! В процессе работы обдумай этот вопрос как следует.

Хью и Джо стали пробираться вдоль ручья.

— О чем ты думаешь, Хью?

— Думаю, как лучше провести воду. Мы должны подвести ее к вентиляционному отверстию на крыше. Если нам это удастся, значит, все в порядке. Тогда у нас будет нормальный туалет, проточная вода для приготовления пищи и мытья посуды. Дальше уже можно будет соображать, как устроить систему орошения сада. Но самым главным удовольствием и роскошью для наших женщин станет возможность с удобствами мыться и нормально мыть посуду. Мы освободим хранилище и устроим там ванную и кухню.

— Хью, как ты собираешься подвести воду — я понял. Но ведь не может она просто стекать вниз через вентиляционное отверстие? Нужно сделать что-то вроде трубы.

— Я еще не обмозговал детали, но мы обязательно устроим все как надо. Туалет с бачком нам не осилить, значит, придется сделать такой, в котором постоянно течет вода. Подобные туалеты — обычное дело на военных кораблях. Там это просто: доска с небольшим стульчаком. Вода стекает под доску с одной стороны и вытекает с другой. Мы пустим ее через лаз, а затем отведем подальше от дома. Ты нигде не встречал глину?

— Ниже по течению в одном месте берег глинистый. Карен еще пожаловалась, что очень скользко. Из-за этого она купалась выше по течению — там песчаный пляжик.

— Потом пойду взгляну. Если мы сможем обжигать глину, то обзаведемся очень многими вещами: унитазом, раковиной, посудой, трубами. Построим печь для обжига из сырой глины и будем использовать ее и для приготовления пищи, и для гончарных дел. Глина и вода — чистое золото. Недаром все цивилизации возникли близ воды. Джо, мне кажется, мы забрались достаточно высоко.

— Может, поднимемся еще повыше? Обидно будет, если придется копать канаву длиной в двести метров.

— Гораздо длиннее.

— Тем более. Выкопаем, а потом увидим, что она проходит слишком низко и ее не провести на крышу.

— Мы сначала все обследуем.

— Обследуем? Хью, ты шутишь! У нас нет никаких геодезических инструментов, даже обычного ватерпаса. При взрыве в нем разбилось стекло.

— Египтяне обмеряли свои земли, имея еще меньше, Джо. Неважно, что у нас нет уровня. Мы сделаем его.

— Ты смеешься надо мной, Хью?

— Ничего подобного. Древние механики делали эти нехитрые приборы задолго до того, как их стала производить промышленность. Мы соорудим обычный отвес. Он похож на перевернутую букву Т, к которой прикреплен шнурок с грузом. На планке отмечается строгая вертикаль. Лучше сделать его шести футов в длину и шести в высоту, чтобы уменьшить погрешность. Придется разобрать одну из коек на доски. Работа легкая, простая. Ты как раз и займешься этим, пока заживают твои ребра. А девицы пусть трудятся на выемке грунта.

— Ты мне только начерти этот злосчастный прибор, а уж сделать-то я его сделаю.

— Когда выровняем убежище, сразу же проведем воду. Правда, пока мы будем рыть канаву, по пути нам придется убрать пару деревьев. Надеюсь, никаких других трудностей не возникнет. Не дрейфь, Джо! Все будет о'кей!

— Да, работенка не пыльная.

— Не пыльная, но потная. Если за день мы будем делать метров по шесть неглубокой канавы, то вода для орошения появится у нас как раз к началу сухого сезона. Ванна может подождать. Девочки будут рады уже и тому, что она должна будет появиться в перспективе. Джо, мне кажется, отвод нужно делать здесь. Понимаешь, почему?

— А что здесь понимать?

— Чтобы перегородить ручей, мы срубим вон те два дерева. Потом навалим в их кроны кустов и

грязи — всего, что попадется под руку, — и получим отличный пруд. Нужно было бы сделать шлюз, но я пока не знаю как. Да, решение одной проблемы неизбежно ведет к возникновению следующих. Проклятье!

— Хью, цыплят по осени считают.

— Будем надеяться. Ладно, пошли посмотрим, много ли девицы накопили, пока нас не было.

Выкопали за время их отсутствия немного. Вернувшийся с охоты Дьюк принес небольшого оленя. Девушки теперь безуспешно пытались освежевать его. Карен с ног до головы была забрызгана кровью.

Они оторвались от своего занятия, заметив, что мужчины возвратились. Барбара вытерла пот со лба, испачкавшись при этом кровью.

— Никогда бы не подумала, что внутри у него столько всего.

— Просто ужас! — вздохнула Карен.

— Так это еще очень маленький олень.

— Сами видим. Папа, покажи нам, как это делается. Мы хотим поучиться.

— Я? Но я занимался спортивной охотой. А всю грязную работу обычно делал егерь. Впрочем... Джо, дай-ка мне вон тот маленький топорик.

— Сейчас. Я как раз вчера наточил его. Он очень острый.

Хью разрубил тушу и извлек внутренности, в душе порадовавшись, что девушки не успели проколоть желчный пузырь.

— Ну, вот и все. Остальное — ваша забота. Барбара, если бы ты сумела снять шкуру, то вскоре уже смогла бы щеголять в ней. Ты не видела поблизости дубов?

— Только карликовые формы. И еще сумах. Ты ломаешь голову, как получить танниды?

— Да.

— Я знаю, как извлечь их из коры.

— Тогда ты, видимо, знаешь о дублении больше меня. Признаю свое поражение. На всякий случай: в книгах есть описание процесса.

— Это нам известно. Я уже туда заглядывала. Док! Не смей ничего трогать!

— Он не будет есть, — заверил ее Джо. — Особенно если это что-то вредное. Коты очень разборчивы в еде.

Пока разделка туши продолжалась, из убежища появились Дьюк с матерью. Хью не выразил никаких отрицательных эмоций, тем не менее приветствовать вновь присоединившихся к ним он не стал. Миссис Фарнхэм тоже молчала, уставившись на оленью тушу.

— О, бедняжка! Дьюк, у тебя хватило жестокости убить такую прелесть?

— Я несколько раз промахивался и потому очень разозлился на нее.

— Отличная добыча, Дьюк, — похвалил Хью. — И прекрасная еда.

Грейс смерила мужа презрительным взглядом.

— Может быть, ты и станешь есть ее, а я на это не способна.

Карен изобразила искреннее удивление:

— Мама, ты что, стала вегетарианкой?

— Я не это имела в виду. Я возвращаюсь в убежище. Не могу больше этого видеть. Карен, прежде чем заходить внутрь, обязательно помойся. Я не желаю, чтобы ты перепачкала кровью все то, что я вылизала до блеска. — Она направилась к убежищу. — Пошли, Дьюк.

— Сейчас иду, мама.

Карен со злостью рубанула тушу.

— Где ты подстрелил ее? — поинтересовался Хью.

— На той стороне гряды. Я бы вернулся еще раньше.

— Что же тебя задержало?

— Да промахнулся и расщепил стрелу о валун. Охотничья лихорадка. Ведь последний раз я стрелял из лука много лет назад.

— Две стрелы и одна туша — это совсем неплохой результат. Ты сохранил наконечник?

— Конечно, а что, я похож на глупца?

— Ты-то нет, а вот из меня точно сделали дурочку, — сказала Карен. — Братишка, ведь это я навела порядок в убежище. Если мать что-то и убрала, то только за собой.

— Я знаю.

— Бьюсь об заклад: как только мать учует запах жаркого, она сразу передумает.

— Ладно, не надо об этом.

Хью отошел в сторону, сделав знак Дьюку следовать за собой.

— Я рад, что Грейс выглядит довольной и удовлетворенной. Видимо, ты успокоил ее...

Дьюк смутился.

— Понимаешь, ты ведь сам говорил, что сразу лишать ее нельзя... Я дал ей совсем немного, только одну порцию, и пообещал, что разрешу выпить еще одну перед обедом.

— Кажется, этого вполне достаточно.

— Лучше бы мне пойти за ней. Ведь бутылка осталась там, внутри.

— Пожалуй.

— О, не беспокойся! Я взял с нее честное слово. Ты просто не умеешь с нею обращаться, папа.

— Это верно, не умею.

Глава шестая

ИЗ ДНЕВНИКА БАРБАРЫ УЭЛЛС

Я вывихнула лодыжку и поэтому ходить не могу. На досуге я решила заняться дневником. Вообще-то стенографические записи я делаю каждую ночь, но расшифрованы из них пока очень немногие.

Пишу я на чистых листах «Британики» — их в конце каждого тома по десять страниц. А всего энциклопедия насчитывает двадцать четыре тома. На каждой странице я постараюсь уместить по тысяче слов. Таким образом, у меня будет место для двухсот сорока тысяч слов — вполне достаточный объем для записи нашей истории до тех пор, пока мы сами не научимся делать бумагу.

Мне некому поплакаться в жилетку — женщине это порой так необходимо. Этот стенографический вариант — заодно и мой дневник, который никто, кроме меня, прочесть не сможет, потому что Карен действительно полный профан в стенографии (в чем она сама честно призналась).

Хотя, быть может, Джо знаком со стенографией. Ведь ее наверняка преподают в экономических колледжах. Но Джо — настоящий джентльмен и никогда не станет читать чужой дневник без разрешения. Мне нравится Джозеф. Его доброта не напускная. Я увере-

на, что он в душе переживает очень многое, но никогда не позволяет себе говорить об этом вслух. Его положение здесь так же ненормально, как и мое, только оно гораздо более тяжелое.

Грейс, кажется, перестала посылать его туда-сюда, что, впрочем, не мешает ей теперь гонять за каждой мелочью нас. Хью тоже отдает распоряжения, но всегда для общего блага. Да и не так уж часто он распоряжается: мы уже вжились в обстановку и стараемся сами проявлять инициативу. Я — фермер и решаю самостоятельно, чем заниматься. Дьюк снабжает нас мясом и помогает мне, когда не охотится. Карен в доме делает все, что считает нужным. Хью запланировал свою работу, кажется, уже столетия на два вперед. Джо ему помогает. Грейс же своей обязанностью считает донимать всех своими капризами. Обычно мы потакаем им — так легче. Она живет по-своему, и особенностью ее образа мыслей является то, что она старается причинить окружающим как можно больше беспокойства и неприятностей.

Миссис Фарнхэм уже прикончила львиную долю спиртного. Сама я к нему равнодушна и, слава Богу, пока в нем не нуждаюсь. Но, находясь в приятной компании, я не прочь пропустить глоток-другой, хотя при этом меня преследует мысль, что это не мое виски, а Хьюберта.

Грейс разделалась со своей долей в три дня. Ту же участь она уготовила доле Дьюка. Как оказалось, виски ожидал скорый конец. И вот осталась только кварта бурбона, которую мы называли «медицинской». Грейс выследила Дьюка, узнала, где он закопал ее, и извлекла бутылку. Когда Дьюк вернулся домой, он обнаружил, что мать отключилась, а бутылка валяется рядом пустая.

Следующие три дня были каким-то кошмаром. Грейс кричала, плакала. Она грозила покончить жизнь самоубийством. Хью и Дьюк объединились, и один из них всегда находился подле нее. Хью заработал огромный фингал под глазом, а на симпатичном лице Дьюка было полно царапин. Думаю, что им пришлось накачивать ее витаминами и насильно кормить.

На четвертый день она просто лежала на койке. На пятый встала и выглядела почти нормально.

За ленчем она заявила следующее, сделав вид, что это всем давно известно: русские начали войну как раз потому, что Хью построил убежище.

Она не казалась рассерженной этим, скорее, в ее словах было смирение. В конце концов миссис Фарнхэм заключила, что война скоро кончится и мы все вернемся домой.

Никто не спорил с ней. К чему? Кажется, ее помешательство безобидно. К удивлению безропотно, она наконец приступила к выполнению обязанностей повара. Правда, еще вопрос, лучше ли она готовит, чем Карен. Пока она больше ведет разговоры о том, какие замечательные блюда могла бы приготовить, будь у нее то-то и то-то. Карен, как и раньше, много работает и временами кричит даже на меня, а потом ходит сама не своя.

Дьюк постоянно напоминает ей о том, что она должна быть более терпимой.

Мне не следует задевать Дьюка: возможно, он станет моим мужем. То есть я хочу сказать, кто же еще может им стать? Я нормально переношу его, но не представляю, как буду относиться к Грейс в качестве свекрови. Дьюк очень мил и всегда заботится обо мне и Карен. Поначалу он все ссорился с отцом (мне казалось это очень глупым), но теперь они уживаются более чем мирно. Да, пожалуй, это единственно возможная партия.

Что касается меня, то я совершенно не тороплюсь устраивать свою судьбу, хотя и против ничего не имею. Правда, я один раз уже обожглась... Но Хью считает, что род человеческий должен продолжаться. Что ж, вполне возможно.

(Полигамия? Я согласна! Даже если Грейс будет старшей женой. Но меня никто не спрашивает об этом. Да я и не уверена, что Грейс это понравилось бы. Мы с Хью не обсуждаем таких вещей и, вообще, стараемся не прикасаться друг к другу и не оставаться наедине.)

Вся беда в том, что, хотя мне и нравится Дьюк, между нами не возникает подлинного чувства. Поэтому я инертна и стараюсь избегать обстоятельств, при которых он смог бы заигрывать со мной. Будет просто очаровательно, если я как-нибудь в одну из ночей после нашей свадьбы, будучи до предела раздражен-

ной поведением его матери и его попустительством ей, заявлю ему, что он и наполовину не тот мужчина, каким является его отец.

Впрочем, Дьюк не заслуживает такого обращения.

Джо — первый негр, с которым мне удалось познакомиться поближе, и впечатления от этого знакомства у меня наилучшие.

Джо? Мое восхищение им — совершенно искреннее. К тому же он лишен такого сомнительного достоинства, как мать-алкоголичка. Он лучше меня играет в бридж, я даже подозреваю, что он вообще умнее меня. Он очень чистоплотен и никогда не появляется в убежище не вымывшись. О, конечно, после дня тяжелой работы от него воняет как от козла. Но ведь и от Дьюка разит, а от Хью еще сильнее. Я вообще не верю в эти слухи о «негритянском запахе».

Вам приходилось когда-нибудь бывать в женской раздевалке? Так вот: женщины пахнут значительно сильнее мужчин.

С Джо та же беда, что и с Дьюком. Нет подлинного чувства. К тому же он застенчив и вряд ли осмелится ухаживать за мной. Одним словом, Джо отпадает.

Но он мне нравится... как мог бы нравиться младший брат. Он всегда готов оказать помощь. Именно он, как правило, стережет нас с Карен во время купаний, и всегда приятно знать, что Джо на чеку. Дьюк уже убил пять медведей, а одного убил Джо — как раз когда охранял нас. Он выпустил в него три пули. Медведь упал у самых его ног, но наш верный страж не отступил ни на шаг.

Между купаниями мы отдыхаем на берегу, и, кажется, наше бесстыдство огорчает Джо больше, чем медведи, волки, койоты, горные львы... или кошка, рассмотрев которую, Дьюк заявил, что это мутировавший леопард, особенно опасный, так как бросается на жертву с дерева. Мы не купаемся под деревьями и не рискуем удаляться с открытого места без сопровождения вооруженного человека. Это так же опасно, как пересекать Уилшир-авеню на красный свет.

Змеи здесь тоже водятся. И по крайней мере один из видов ядовит.

Джо и Хью как-то утром продолжали работы по выравниванию убежища. Когда Дьюк спустился в яму,

Док Ливингстон прыгнул за ним. Как оказалось, внизу притаилась змея.

Док учуял ее и зашипел. Джо заметил змею только тогда, когда она уже успела укусить его в лодыжку. Он убил ее лопатой и рухнул на землю, держась за ногу.

Бросившийся на помощь Хью тут же разрезал ранку ножом и через считанные мгновения отсосал кровь. Когда я прибежала к ним, услышав крик, почти все уже было сделано. Хью только ввел Джо противоядие от укусов гремучих змей.

Перетащить Джо в убежище оказалось целой проблемой. В туннеле он потерял сознание. Хью пришлось переползти через него и тянуть за собой. Я толкала неподвижное тело сзади. А чтобы поднять его по лестнице, понадобились уже усилия трех человек: помогла Карен. В помещении мы раздели Джо и уложили в постель.

Около полуночи, когда дыхание Джо стало совсем слабым, а пульс едва прощупывался, Хью принес в комнату последний оставшийся у нас баллон с кислородом, надел на голову Джо полиэтиленовый мешок, в котором раньше хранилось белье, и пустил туда газ.

К утру Джо стало лучше.

А через три дня он уже был на ногах и чувствовал себя прекрасно. Дьюк сказал, что это, скорее всего, была гадюка — одна из разновидностей гремучих змей. Поэтому противоядие, которое ввели Джо, и спасло ему жизнь.

Я, во всяком случае, до смерти боюсь любых змей.

Земляные работы заняли три месяца. Камни! Вокруг убежища — ровная, обширная долина, которая просто-таки усеяна валунами разных размеров. Когда мы доходили до больших, то женщины обкапывали, а мужчины разбивали их и вытаскивали наружу с помощью веревок и блоков.

Большую часть булыжников удалить было довольно просто. Но однажды Карен наткнулась на валун, который, казалось, проходит планету насквозь и снова

выходит наружу где-нибудь в Китае. Хью окинул его взглядом и бодро сказал:

— Отлично. А теперь нужно выкопать яму рядом с ним с северной стороны, и достаточно глубокую.

Карен ничего не сказала на это, только непонимающе взглянула на Хью.

Пришлось нам копать. Вскоре мы наткнулись на второй валун, почти такой же, как и первый.

— Прекрасно, — сказал Хью. — Теперь копайте еще одну яму к северу от этого.

Мы напоролись на третий валун. Уже через три дня последний из валунов очутился в яме, вырытой рядом с ним, второй успокоился в яме из-под третьего, а первый, с которого все началось, благополучно оказался в яме из-под второго.

По мере того, как отдельные участки подкопа становились достаточно глубокими, Хью подпирал их бревнами. Он очень торопился, боясь, как бы убежище не качнулось и не придавило кого-нибудь из нас. Поэтому когда работа подошла к концу, под убежищем был целый лес подпорок.

Наконец Хью укрепил два угла убежища, нависшие над подготовленной площадкой, могучими бревнами и начал постепенно извлекать остальные подпорки с помощью блока и веревок. Некоторые из них даже приходилось подкапывать. Делая это, Хью очень волновался и, опасаясь несчастного случая, старался обойтись собственными силами. Теперь убежище удерживали в равновесии только два крайних бревна.

Вынуть их было невозможно.

На них приходилась такая огромная нагрузка, что они даже дали трещину. Я спросила:

— Что же теперь делать, Хью?

— Попробуем применить предпоследнее средство.

— Какое?

— Сжечь бревна. Но для этого придется сначала удалить траву и кусты в тех местах, где они могут загореться. Карен, ты знаешь, где у нас нашатырный спирт и йод? Мне необходимо и то и другое.

Я все удивлялась, зачем это Хью понадобилось столько нашатыря. Запас был действительно велик и хранился в больших пластиковых бутылках, которые,

как ни странно, благополучно перенесли все испытания.

В импровизированной химической лаборатории закипела работа.

— Что ты делаешь, Хью? — спросила я.

— Эрзац-динамит. Посторонних прошу удалиться, — ответил он. — Штука опасная: взрывается даже от неосторожного взгляда.

— Прошу прощения, — пролепетала я, попятившись.

Он поднял голову и улыбнулся.

— Эта смесь безопасна, пока не высохнет. Я припас ее на случай партизанской войны. Оккупационные войска довольно косо смотрят на людей, хранящих дома взрывчатые вещества, а в обычном йоде или нашатыре нет ничего подозрительного. Каждый из них в отдельности совершенно безопасен. Но стоит их только соединить... Правда, я никогда не рассчитывал использовать такую взрывчатку в строительстве. Уж больно она капризна.

— Хью, кстати, мне совершенно безразлично, ровный пол или нет.

— Если нервничаешь, пойди прогуляйся.

Сделать взрывчатку оказалось делом нехитрым. Хью слил вместе раствор йода и обыкновенный нашатырный спирт, в результате чего выпал осадок. Полученную после фильтрации состава кашу он разложил на несколько порций, завернул каждую из них в бумагу, а затем заложил пакетики в отверстия, которые Джо высверлил в упрямых столбах.

Теперь придется ждать, пока высохнет.

Хью вымыл все то, с чем работал, искупался прямо в одежде, снял ее в воде и повесил на берегу сушиться. На том день закончился.

В нашем арсенале имеются два женских карабина двадцать второго калибра с оптическим прицелом. Хью велел Дьюку и Джо пристрелять их. Пристреливали оружие по мешку с песком. Я поняла, что намерения у Хью самые серьезные: он разрешил истратить по пять патронов на каждый карабин. Обычно его девиз — «Одна пуля — один медведь».

Когда взрывчатка наконец высохла, мы вынесли из убежища все, что могло разбиться. Женщины непосредственного участия в этом не принимали. Карен

была занята тем, что держала Дока Ливингстона, а я, вооружившись ружьем Дьюка, несла караул.

Отмерив от убежища метров тридцать, Хью уложил Дьюка и Джо с карабинами на землю, а сам встал между ними и спросил:

— Можно начинать отсчет?

— Можно, Хью.

— Давай, отец.

— Сделайте глубокий вдох. Немного выдохните, задержите дыхание. Начинайте целиться... Пять... четыре... три... два... один... **ОГОНЬ!**

Раздался грохот, как будто великан от души хлопнул гигантской дверью, и середины обоих столбов как ни бывало. Убежище качнулось, словно небольшой шкаф, затем опустилось, встало горизонтально и замерло.

Мы с Карен захлопали в ладоши. Грейс, недолго думая, присоединилась к нам. Док Ливингстон помчался обследовать место происшествия. Хью, улыбаясь, наслаждался представшей его глазам картиной.

В этот момент убежище дрогнуло и стало медленно сползать по склону вниз, вращаясь по ходу вокруг туннеля. Оно скользило все быстрее и быстрее, и я уже думала, что его путешествие закончится в ручье. В этот момент оно было похоже на большие сани, катящиеся с горы.

Но немного ниже склон выравнивался, и вскоре убежище остановилось. Туннель теперь был забит землей, и водопровод с канализацией, похоже, здорово отделились от нас.

Хью взял лопату, спустился к убежищу и как ни в чем не бывало начал копать. Я побежала вниз; по щекам у меня ручьем текли слезы. Джо опередил меня.

Хью поднял голову и распорядился:

— Джо, очисти туннель. Я хочу знать, все ли в порядке внутри, а девушкам, наверное, пора заняться ужином.

— Босс... — Джо поперхнулся. — Босс... Какая беда!

Тогда Хью тоном, которым разговаривают с детьми, сказал:

— Чем ты огорчен, Джо? Это только сэкономит наш труд.

Я решила, что он шутит. Джо тупо спросил:

— Что?

— Да-да, — уверил его Хью. — Смотри, насколько ниже теперь расположена крыша. Каждый метр, на который убежище опустилось, экономит нам по крайней мере метров тридцать акведука. А выровнять снова убежище здесь уже гораздо проще — тут земля глинистая и валунов меньше. Если мы все дружно возьмемся за дело, то максимум через неделю все будет в порядке. Тогда мы сможем заняться проведением воды в дом и сад. И закончим все недели на две раньше, чем планировали.

Он оказался прав. Через неделю мы выровняли убежище, и на сей раз Хью установил столбы так, что взрывать их не понадобилось. И, что самое главное, бронированная дверь стала открываться совершенно свободно. Теперь в нашем доме в изобилии был свежий воздух и солнечный свет. Раньше в убежище было душно, а свечи рассеивали темноту чисто символически. В тот же день Хью и Джо приступили к рытью канавы. В предвкушении торжественного дня Карен на стенах бывшего хранилища сделала наброски умывальника, ванной и унитаза в натуральную величину.

Честно говоря, нам вполне хватает удобств. Когда Карен набила два наматрасника сухой травой, спать на полу стало не менее удобно, чем на койке. Сидим мы за столом на стульях и каждый вечер играем в бридж. Удивительно, насколько лучше жить в убежище, когда пол горизонтальный и когда не нужно пробираться через узкий туннель, а можно просто по-людски войти в открытую дверь.

Поскольку печь не перенесла выпавших на ее долю испытаний, готовить приходится на костре. Но мы с Карен не жалуемся, так как Хью обещал, что после подведения воды он займется гончарным делом и изготовит не только ванну и раковину, но и плиту с трубой, выходящей в вентиляционное отверстие. Какая роскошь!

Мои посевы растут не по дням, а по часам. Вот еще вопрос: как размолоть зерно. Смертельно хочется отведать горячего свежее испеченного хлеба.

25 декабря. С РОЖДЕСТВОМ!

Во всяком случае, будем считать, что оно наступило. Хью полагает, что если мы и ошибаемся, то всего на один день.

Вскоре после того как мы попали сюда, Хью выбрал небольшое деревце, около которого с северной стороны лежал большой, плоский камень, и обтесал его ствол так, чтобы он отбрасывал на камень ровную тень. Мне, как хранителю огня, вменили в обязанность сидеть ежедневно у этого камня в районе предполагаемого полудня и отмечать конец тени, когда она становится наиболее короткой.

Тень постепенно становилась все длиннее, а дни короче. С неделю назад изменения перестали быть заметными. Я сообщила об этом Хью, и мы взялись наблюдать вместе. А три дня назад наступил долгожданный момент... Тот день мы сочли двадцать вторым декабря, и сегодня празднуем Рождество.

Флаг, как и планировал Хью, мы подняли на вершине самого высокого из растущих поблизости деревьев. Оставленное без сучьев, оно казалось настоящим флагштоком. Я, как хранитель огня, ежедневно поднимаю и опускаю флаг, но в первый раз был особый случай. Мы стали тянуть жребий, и честь первый раз осуществить церемониал выпала Джо. Когда он начал медленно поднимать полотнище вверх, все выстроились в шеренгу и запели «Звездно-полосатый флаг». Петь было трудно: мы чуть не плакали от избытка чувств.

Затем мы принесли присягу. Эта процедура в исполнении несчастных оборванцев, возможно, могла показаться сентиментальной чепухой, но я думаю иначе. Мы по-прежнему единая нация, верующая в Господа и провозгласившая свободу и справедливость для всех.

Хью отслужил праздничную службу и зачитал вслух главу о Рождестве Христовом из Евангелия от Луки. Потом мы молились и пели псалмы. У Грейс оказался сильный, уверенный голос, у Джо — звонкий тенор, а

у Карен, меня, Хью и Дьюка — соответственно сопрано, контральто, баритон и бас. На мой взгляд, хор звучал неплохо. Во всяком случае, мы остались довольны, даже несмотря на то, что во время пения «Белого Рождества» Грейс начала всхлипывать и едва не заразила остальных.

Хью проводит службы каждое воскресенье. Присутствуют на них все, в том числе и Дьюк, хотя он убежденный атеист. Хью читает псалом или одну из глав Священного Писания, потом мы поем гимн. Затем Хью или сам читает молитву, или просит кого-нибудь сделать это. Служба заканчивается чтением «Благослови этот дом...». Кажется, мы возвращаемся к временам, когда старейшина одновременно являлся и священником.

Странно, Хью никогда не использует «Деяния апостолов», и его молитвы всегда настолько нейтральны, что он даже не заканчивает их воззванием к Господу и непременно «Аминь».

В один из тех редких вечеров, когда нам удалось поговорить наедине (на прошлой неделе мы наблюдали с ним за фазами Луны), я спросила его, как он относится к вере. Для меня всегда очень важно, как относится к вере интересующий меня мужчина, хотя Хью и не принадлежит мне всецело и никогда принадлежать не будет.

— Можешь считать меня экзистенциалистом.

— Так ты не христианин?

— Я так не говорил. «Не христианин» — это не отрицание, а утверждение. Не буду заниматься определениями, чтобы не сбить тебя совсем с толку. Ведь тебя интересует, почему я провожу службу, не будучи в то же время набожным?

— В общем... да.

— Потому что это моя обязанность. Богослужения должны быть доступны тем, кто в них нуждается. Если в мире нет добра и нет Бога, эти ритуалы безвредны. Если же Бог есть, они подобающи — и по-прежнему безвредны. Ведь мы не какие-нибудь темные пахари, приносящие кровавые жертвы. По крайней мере, я так считаю, Барбара.

Вот и все, что мне удалось вытянуть из него. В прошлой моей жизни религия всегда была для меня

чем-то красивым, теплым и удобным, чему я отдавалась по воскресеньям. Не могу сказать, что я отличалась особым религиозным рвением. Но безбожное служение Хью Богу неожиданно стало для меня чем-то высоким и важным.

Воскресенье отличается от прочих дней не только проведением службы. Хью не разрешает нам работать в этот день. Мы приводим себя в порядок, моемся, предаемся любимым занятиям, играем или забавляемся как-нибудь. Шахматы, бридж, лепка, пение хором и все такое прочее... или просто болтовня. Игры очень важны: они не позволяют нам постепенно превращаться в животных, единственная цель которых — выжить во что бы то ни стало, и дают нам возможность оставаться людьми, наслаждающимися жизнью и знающими ей цену. Поэтому мы никогда не пропускаем ежевечерний роббер. Он как бы служит символом того, что наша жизнь не заключается только в рытье канав и разделке туш.

Мы следим за собой. Я, например, довольно сносно научилась парикмахерскому делу. Дьюк отрастил было бороду, но затем, увидев, что Хью каждое утро тщательно бреется, последовал его примеру. Не знаю уж, как они выйдут из положения, когда кончатся лезвия. Я заметила, что Дьюк уже подправляет их на мыльном камне.

Рождество еще не прошло: сейчас мы как раз играем в бридж. Праздничный обед был просто роскошен: Грейс и Карен убили на него целых два дня. Мы отведали речную форель с растительным гарниром, жареное мясо в соусе из грибов, копченые языки, медвежий бульон, крекеры (довольно удачные), редис, салат латук, зеленые огурцы и лук, салат из свеклы «Грейс продакшн» и, что самое главное, целую кастрюльку домашней тянучки, так как сгущенное молоко, шоколад и сахар невозможны. Обед завершился растворимым кофе и сигаретами. На долю каждого пришлось по две чашки и по две сигареты.

Все получили подарки. Единственное, что я имела при себе, когда так неожиданно оказалась в убежище, — это сумочка. На мне были нейлоновые чулки, но вскоре я их сняла, и они сохранились почти новыми. Я подарила их Карен. В косметичке была пома-

да — она досталась Грейс. Из кожи сумочки я сплела ремень — его получил Джо. В сумочке был вышитый носовой платок. Я его выстирала, выгладила, прижимая к гладкому бетону, и преподнесла Дьюку.

И только сегодня утром я придумала, что подарить Хью. Много лет я таскала в сумочке маленький блокнотик, на обложке которого золотом было вытеснено мое имя. В нем осталась чистой добрая половина листов. Хью он может пригодиться, но самое главное — это мое имя на обложке.

Ну, мне пора бежать. Сейчас мы с Грейс должны попытаться оставить с носом Хью и Джо: карты сданы.

Никогда еще в жизни у меня не было такого счастливого Рождества.

Глава седьмая

Карен и Барбара занимались всеми делами сразу: купались, мыли посуду в ручье и стирали белье. Джо не遠далеке бдительно нес вахту. Вокруг места, где они обычно располагались, кусты и деревья были вырублены, чтобы хищник, если он появится, не остался незамеченным. Юноша непрерывно оглядывал окрестности, чтобы не пропустить приближения какой-нибудь опасности.

— Барби, эта простыня не выдержит еще одной стирки. Она совсем обветшала, — сказала Карен.

— Ничего, ветошь нам тоже пригодится.

— Да, но что же мы будем использовать вместо простыней? А все это мыло. — Карен зачерпнула ладонью массу из миски, стоявшей на берегу. Масса была серой, мягкой, неприятной на ощупь и сильно напоминала овсяную кашу. — Эта дрянь прямо-таки проедает белье насквозь.

— Простыни — еще полбеда, а вот что будет, когда не останется ни одного полотенца?

— Да, притом последнее, непременно, окажется мамочкиным, — с иронией добавила Карен. — Наш хранитель обязательно придумает причину для такого распределения.

— Зря ты так, Карен. Не забывай, что Дьюк проделал колоссальную работу.

— Да знаю я, знаю. Дьюка и в самом деле нельзя винить. Это происки его приятеля Эдди.

— Какого еще Эдди?

— Эдипова комплекса, дорогуша.

Барбара отвернулась и стала полоскать пару заносенных джинсов.

— Ты согласна со мной? — спросила Карен.

— У каждого могут быть слабости.

— Да. Вон даже у папочки есть дефект. Его все еще беспокоит шея.

Барбара выпрямилась.

— Разве она еще не прошла? Может быть, ему помог бы массаж?

Карен хихикнула:

— Знаешь, сестричка, в чем твоя слабость? Ты не понимаешь шуток, если они касаются тебя. Просто у отца несгибаемая шея упрямца, и этого уж ничем не вылечишь. Его слабость в том, что у него нет слабостей. Не надо хмуриться. Я люблю папочку. Я просто восхищаюсь им, но тем не менее рада, что не похожа на него. — Она отнесла белье к кустам шиповника и принялась его развешивать. — Проклятье! Почему отец не догадался запастись вешалками для одежды? Эти шипы еще хуже, чем мыло.

— Без вешалок мы вполне можем обойтись. Хью и так запасся невероятным количеством необходимого. Буквально всем, начиная с будильника с восьмидневным заводом...

— Который, к слову сказать, сразу же разбился.

— ... и кончая инструментами, семенами, книгами и еще Бог знает чем. Карен, сначала оденься, а потом вступай в пререкания.

Карен остановилась. Одна нога ее уже стояла на берегу.

— Чепуха. Старина Каменное Лицо не будет подглядывать. Издевательство, самое настоящее издевательство — вот что это такое. Мне кажется, что когда-нибудь я сама наброшусь на него.

— Чем ты недовольна? Джо в экстремальной ситуации показал себя настоящим джентльменом. Так что умерь свой пыл. Подожди, сейчас я закончу полоскать белье, и мы отнесем сушить все сразу.

— Хорошо, хорошо. Но я все время спрашиваю себя: есть в нем что-нибудь человеческое или нет.

— Конечно, есть. Готова поклясться в этом. Он настоящий мужчина.

— Хм... Барби, уж не хочешь ли ты сказать, что наш святой Иосиф подкатывался к тебе?

— Господи, конечно же, нет! Но он краснеет каждый раз, когда я прохожу мимо него.

— Откуда ты знаешь?

— Он становится еще чернее. Карен, Джо очень хороший человек. Жаль, что ты не слышала, как он объяснял мне насчет Дока.

— Что объяснял?

— Ну, понимаешь, Док начинает признавать меня. Вчера он сидел у меня на руках, и я кое-что заметила и сказала Джо: «Джо, Док что-то очень сильно растолстел. Или он всегда был такой?» Вот тут-то Джо и покраснел. Но ответил мне с очаровательной серьезностью: «Барбара, Док Ливингстон, в сущности, не такой уж кот, каким он себя считает. Старина Док скорее относится к кошкам. Это вовсе не ожирение. Э-э-э... видишь ли... У Дока должны появиться детки». Он буквально выдавил это из себя. Наверное, ему показалось, что меня этим можно смутить. Смутить ему меня не удалось, но удивлена я была чрезвычайно.

— Как, Барбара, ты в самом деле не знала, что Док Ливингстон — кошка?

— Откуда мне знать? Все называли его «он», да и имя у него... у нее мужское.

— Но ведь доктор может быть и женщиной. Ты что же, не можешь отличить кота от кошки?

— Я никогда над этим не задумывалась. У Дока такая густая шерсть!

— М-м-да, с персидскими кошками действительно трудно сразу разобраться, кто есть кто. Но котов всегда отличают царственные манеры, да и другие признаки у них довольно внушительных размеров.

— Даже если бы я и обратила на это внимание, то просто подумала бы, что он кастрирован.

Карен, казалось, была потрясена.

— Смотри, чтобы отец этого не услышал! Он никогда в жизни не позволил бы кастрировать кота. Папа считает, что коты являются равноправными с людьми

гражданами. Но ты все-таки удивила меня. Котята, надо же!

— Так мне сказал Джо.

— А я и не заметила. — Карен выглядела озадаченной. — Впрочем, если вспомнить, я давно не брала его на руки. Только несколько раз гладила да удерживала от опрометчивых поступков. А то он буквально ничего не давал делать. Стоило открыть какой-нибудь ящик, как Док уже оказывался там. Теперь я понимаю: это он выбирал место для котят. Мне следовало бы быть повнимательнее.

— Карен, почему ты продолжаешь говорить «он», «его»?

— Почему? Но ведь Джо тебе объяснил. Док считает себя котом — а почему я, собственно, должна разубеждать его? Он всегда так считал, и он был самым своенравным из наших котят. Хм... котята. Барби, когда Док достиг зрелости, мы устроили ему встречу с котом самого что ни есть аристократического происхождения. Но тот чем-то не понравился Доку и был им изрядно потрепан. Поэтому мы потеряли всякую надежду и с тех пор никогда не пытались навязывать ему друга. Кстати, летописец ты наш, скажи-ка, сколько дней мы уже здесь?

— Ровно шестьдесят два дня. Я уже справлялась: нормальный для кошек срок — от шестидесяти до семидесяти дней.

— Следовательно, это может случиться в любой момент. Готова биться об заклад, что сегодня ночью мы не сомкнем глаз. Кошки никогда не производят на свет свое потомство в нормальное время суток. — Карен вдруг резко сменила тему разговора: — Барбара, чего тебе больше всего не хватает? Сигарет?

— Я уже и думать про них забыла. Скорее всего, яиц. Яиц к завтраку.

— Отец думал об этом. Оплодотворенные яйца и инкубатор. Но он не построил его; и яйца все равно разбились бы. Да, мне их тоже, пожалуй, не хватает. Лучше всего, если бы яйца несли коровы, а отец придумал бы способ запасти коров. Тогда бы у нас были и яйца, и молоко. Представляешь? Мороженое! Холодное молоко!

— Масло, — добавила Барбара. — Мелко нарезанные бананы со взбитыми сливками. Горячий шоколад.

— Перестань, Барби, я, кажется, сейчас умру голодной смертью прямо у тебя на глазах.

— Про тебя никак не скажешь, что ты похудела, — поддела ее Барбара.

— Возможно, — Карен замолчала и принялась мыть посуду.

Наконец она тихо произнесла:

— Барби, то, что собирается сделать наш Док, и наполовину так не удивит всех наших, как тот сюрприз, который преподнесу им я.

— Что за сюрприз, милая?

— Я беременна.

— *Что?*

— То, что слышала. Беременна. Жду ребенка, если тебе так понятнее!

— А ты уверена, дорогая?

— Конечно же, уверена! Я сдала анализы, и очкарик, который их проверял, только вынул глаза, получив результат. Прошло уже четыре месяца. — Карен бросилась в объятия подруги. — Я ужасно боюсь!

Барбара принялась утешать ее:

— Ну-ну, дорогая, все будет хорошо.

— Черта с два! — воскликнула Карен. — Мать устроит тут такое... и больниц здесь нет... и врачей. Господи, и почему Дьюк не пошел в медицинский? Барби, я, наверное, умру. Я знаю.

— Карен, не болтай чепуху. Детей, родившихся без помощи докторов, гораздо больше, чем детей, привозимых на кормление в тележках. Тебя не так страшит возможность смерти, как объяснение с родителями.

— Да, и это тоже. — Карен вытерла глаза и шмыгнула носом. — Барби, ты только не обижайся... но я именно поэтому пригласила тебя к себе на тот уик-энд.

— Вот как?

— Я подумала, что мать не станет устраивать большого шума при постороннем человеке. Большинство девиц в нашем заведении были или мещанками, или потаскушками, да к тому же еще и абсолютными дурами. А ты не то и не другое, и я знала, что ты заступишься за меня.

— Ну спасибо!..

— Это мне-то спасибо? Да ведь я просто собиралась использовать тебя.

— Мне никто никогда еще не делал лучшего комплимента. — Барбара вытерла Карен слезы и потрепала ее по щеке. — Я рада, что оказалась здесь. Так ты, значит, пока ничего не сообщила родителям?

— Ну... я собиралась. А потом началась эта война... а потом матери стало плохо... а отец все время обременен заботами. Мне никак не выбрать подходящего момента.

— Карен, а ведь ты не боишься признаться отцу, ты опасаясь только матери.

— Да... в основном матери. Но и отца тоже. Мало того, что он будет потрясен и шокирован... он подумает еще, что с моей стороны было просто глупо залезть.

— Согласна, что он будет удивлен, но не согласна со всем остальным. — Барбара заколебалась: — Карен, ты не должна носить это в себе. Я постараюсь разделить все твои тревоги.

— Я так и думала. Потому-то я и попросила тебя поехать со мной.

— Я имею в виду не это. Я тоже беременна.

— Что?

— Да, да. Так что мы можем сообщить всем сразу два радостных известия.

— Боже мой! Барбара! Но как же?

Барбара пожала плечами.

— Неосторожность. А как это произошло с тобой?

Карен вдруг улыбнулась.

— Как? Меня просто опылила пчелка, как же еще? Ты, наверное, хотела спросить «кто»?

— «Кто» меня совершенно не интересует. Это твое личное дело. Ну, так как, может, пойдем и скажем им? Я готова говорить от нас обеих.

— Погоди минутку. Ты сама-то собиралась извещать об этом кого-нибудь? Или не собиралась?

— В общем-то, нет, — честно ответила Барбара. — Я хотела подождать, пока не станет заметно.

Карен взглянула на талию Барбары.

— Ничего не заметно. А ты уверена?

— У меня уже два раза ничего не было. Я беременна. Или больна, что гораздо хуже. Давай соберем белье, пойдем и все им расскажем.

— Но ведь по тебе ничего не видно, да и по мне тоже, если специально не приглядываться. Может, нам пока ничего не говорить, а приберечь эти новости на крайний случай?

— Карен, почему бы тебе не признаться сначала отцу? А он уж пускай сообщает матери.

Карен обрадовалась.

— Ты думаешь, так можно сделать?

— Я просто уверена, что Хью предпочел бы услышать об этом в отсутствие твоей матери. Так что иди, найди его и все ему Расскажи. А я развешу белье.

— Уже бегу!

— И ни о чем не беспокойся. Мы спокойно родим наших детей и будем вместе их воспитывать. Ничего плохого с ними не случится. Знаешь, как нам будет весело! Мы будем просто счастливы.

Глаза Карен засияли.

— Да, и у тебя будет девочка, а у меня мальчик. Потом мы их поженим и обе станем бабушками!

— Вот теперь ты снова настоящая Карен. — Барбара поцеловала ее. — Беги и Расскажи обо всем отцу.

Карен застала Хью за выкладыванием печи. Когда она сказала, что хотела бы поговорить с ним наедине, он охотно согласился.

— Пойдем вместе посмотрим, как там канал, заодно и поговорим.

Отец дал ей лопату, а сам взял ружье.

— Ну, так что у тебя на уме, девочка моя?

— Давай отойдем немного подальше.

Они отошли уже довольно далеко, когда Хью остановился, взял у нее из рук лопату и стал подравнивать край канала.

— Папа! Ты, может быть, заметил, что у нас не хватает мужчин?

— Нет. Трое мужчин и три женщины. Совершенно нормальное соотношение.

— Я имела в виду не это. Наверное, мне следовало сказать «возможных избранников».

— Тогда так и говори.

— Хорошо. Я уже поправилась. Мне нужен совет. Что хуже: кровосмешение, межрасовый брак или положение старой девы?

Он еще раз копнул и остановился.

— Я не собираюсь заставлять тебя оставаться старой девой.

— Я так и думала. А как насчет двух вытекающих отсюда возможностей?

— Кровосмешение, — медленно проговорил он, — обычно ни к чему хорошему не приводит.

— Следовательно, у меня остается только один выход.

— Подожди. Я сказал «обычно». — Он уставился на лопату. — Честно говоря, я никогда не задумывался над этим... у нас и так проблем по горло. Браки между братьями и сестрами не такая уж и редкость. И результаты не обязательно плохие. — Он нахмурился. — Но ведь есть еще и Барбара. Может быть, нам придется примириться с полигамией?

— Не то, папа. Кровосмешение может произойти не обязательно с братом.

Он изумленно уставился на нее.

— Если ты хотела удивить меня, то ты добилась успеха, Карен.

— Шокировать тебя, ты хотел сказать?

— Нет, удивить. Ты что, серьезно собираешься предложить то, о чем говорила?

— Папочка, — грустно сказала она, — это единственное, чем я никогда бы не стала шутить. Если бы мне пришлось выбирать между тобой и Дьюком — как между мужьями, естественно, — я бы без колебаний предпочла тебя.

Хью вытер лоб.

— Карен, мне очень не хочется принимать твои слова всерьез...

— Но я серьезно говорю!

— Похоже на то, к сожалению. Следовательно, я должен понимать тебя так, что Джозефа ты отмечаешь начисто? Ты думала об этом?

— Конечно!

— Ну и что?

— Сам понимаешь, что не просчитать этот вариант я не могла. Джо очень мил, но, увы! Он совсем мальчишка, хотя и немного старше меня. И если я когда-нибудь скажу ему «у-у-ух», он, по-моему, просто выскочит из собственной кожи. Нет, это не то.

— Может быть, на твое решение оказывает влияние цвет его кожи?

— Папа, знаешь что? Мне очень хочется плюнуть тебе в лицо за такие слова. Ты ведь прекрасно понимаешь, что я не наша мамочка.

— Я просто хотел быть уверен. Карен, тебе хорошо известно, что для твоего отца цвет кожи не имеет никакого значения. В человеке меня больше всего интересуют другие вещи. Крепко ли он держит свое слово? Выполняет ли он свои обещания? Честно ли он трудится? Храбр ли он? Выступит ли он в защиту справедливости? И Джо во всех этих отношениях очень импонирует мне. Мне кажется, ты относишься к нему предвзято. — Он вздохнул. — Если бы мы по-прежнему жили в Маунтин-Спрингс, я бы не стал понуждать тебя выходить замуж за негра. Слишком паршиво относятся к этому окружающие. Настолько, что подобные браки почти всегда трагедия. Здесь же, слава Богу, эти варварские пережитки над нами не довлеют. И я советую тебе серьезно подумать насчет Джо.

— Да думала я, много думала! Я могу выйти за Джо, но хочу, чтобы ты знал: если бы я могла выбирать свободно, то выбрала бы тебя!

— Благодарю.

— Он еще меня благодарит, черт возьми! Я женщина, а ты мужчина, который нравится мне больше всех. Но мне тут все равно ничего не светит. И ты знаешь, почему. Из-за мамочки.

— Я знаю. — Его лицо внезапно приняло усталый вид. — Обычно приходится делать не то, что хочется, а то, что можно. Карен, мне ужасно жаль, что я лишил тебя возможности выбирать из гораздо более длинного списка кандидатов.

— Папочка, ты научил меня главному — не проливать слез над тем, чему не поможешь. Это любимое занятие матери, но не мое. Да и Дьюк не прочь порой,

хотя ему это свойственно в меньшей степени, чем ей. В данном вопросе я больше похожа на тебя. Мой принцип — считай свои очки и играй соответственно. Глупо жаловаться на то, что пришли плохие карты. Ты понимаешь меня, отец?

— Да.

— Но я пришла сюда не для того, чтобы предложить тебе руку и сердце. И даже не затем, чтобы утешить тебя, хотя, раз уж я сказала так много, я могла бы добавить и то, что ты можешь получить меня, если захочешь... Впрочем, ты, конечно, догадывался об этом и раньше. Так вот: я пришла, чтобы выяснить для себя кое-что, прежде чем сообщить тебе одну вещь. Я уже оценила свои шансы и решила играть ва-банк. Тут уж ничего не поделаешь...

— Что-что? Может быть, я смогу помочь?

— Вряд ли. Я беременна, папа.

Он выпустил лопату из рук и порывисто обнял дочь.

— О, это же замечательно!

— Папа, — в конце концов сказала она, — если ты не отпустишь меня, я не смогу застрелить медведя.

Он тут же разжал объятия, схватил ружье и оглянулся.

— Где он?

— Нигде. Но ты сам всегда напоминал нам о бдительности.

— Ах, да! Ну, теперь я буду настороже. Кто же отец ребенка? Джо или Дьюк?

— Ни тот ни другой. Это случилось еще раньше, в колледже.

— О! Это еще лучше!

— Почему? Черт возьми, отец, все идет совсем не так, как я предполагала. Дочь является домой испорченной. В таких случаях, само собой разумеется, папаша вне себя от ярости. Ты же реагируешь, по меньшей мере, странно. Честно говоря, я от тебя такого не ожидала.

— Прощу прощения. При других обстоятельствах я, возможно, попел бы, что ты довольно неосторожна...

— О, еще как! Я рискнула так же, как одна негритянская матрона, которая сказала: «Да тыщу раз ничего не случилось». Сам знаешь.

— Боюсь, что да. Но в нашем нынешнем положении этому приходится только радоваться. До сих пор я считал, что моя дочь еще девочка. И вдруг узнаю, что она женщина, что моя дочь собирается подарить нам ребенка, отец которого находится вне нашей группы. Разве ты не понимаешь, дорогая? Ты почти удвоила шансы нашей колонии на выживание.

— Это я-то?

— Подумай сама, ведь ты достаточно умна. Кстати, отец твоего ребенка... он из хорошей семьи?

— А как ты думаешь, папа, связалась бы я с ним, если бы он был небезупречен?

— Извини, доченька. Вопрос, конечно, глупый. — Он улыбнулся. — Мне что-то расхотелось работать. Пойдем-ка лучше поделимся с другими этой доброй вестью.

— Хорошо, но, папа, *что же мы скажем матери?*

— Правду. Причем говорить буду я. Не беспокойся, девочка моя. Ты только роди ребенка, а уж я позабочусь обо всем остальном.

— Есть, сэр! Знаешь, папа, только сейчас я по-настоящему хорошо себя почувствовала.

— Вот и отлично.

— Я почувствовала себя так хорошо, что даже забыла кое о чем. Ты знаешь, Док Ливингстон тоже собирается иметь детей...

— Знаю.

— А почему же мне ничего не сказал?

— Ты имела столько же возможностей обратить на это внимание, сколько и я.

— Верно, но вообще-то это нехорошо с твоей стороны — заметить, что Док беременна, и не заметить, что беременна твоя родная дочь.

— Я подумал было, что ты в последнее время слишком много ешь...

— А, так ты, значит, все-таки что-то заметил! Папочка, иногда ты мне ужасно нравишься! А отныне будешь нравиться всегда. Всегда!

Хью решил сначала подзаправиться, а потом уже поговорить с Грейс. Что ни говори, серьезное сражение не стоит начинать на пустой желудок.

Из напыщенных речей жены, которые ему пришлось выслушать, следовало, что Карен всегда была

неблагодарной дочерью, позором семьи, бесстыдной маленькой шлюхой, а Хью, в свою очередь, дрянным отцом, негодным мужем и, наконец, человеком, на которого можно было бы свалить вину за беременность дочери.

Хью позволял ей нести всю эту несусветную чушь до тех пор, пока она не остановилось, чтобы перевести дыхание.

— Успокойся, Грейс.

— Что? Хьюберт Фарнхэм, вы еще считаете себя вправе затыкать мне рот? Как вы вообще смеете сидеть здесь, в то время как ваша дочь так нагло през...

— Заткнись, или мне придется заставить тебя сделать это.

— Мама, сбавь обороты, — сказал Дьюк.

— Ах, и ты с ним заодно? Боже, могла ли я подумать, что когда-нибудь настанет день...

— Мама, ты можешь успокоиться? Давай послушаем, что скажет отец.

Грейс постаралась сдержать гнев, затем обратилась к Джо:

— Оставь нас.

— Джо, сиди, где сидишь, — приказал Хью.

— Да, Джо, останься, пожалуйста, — поддержала Карен.

— Ну что ж, если ни у кого из вас нет элементарного чувства приличия...

— Грейс, сейчас я гораздо ближе, чем когда бы то ни было к тому, чтобы ударить тебя. Уймешься ты когда-нибудь или нет? Ты должна послушать, что скажут другие.

Она взглянула на сына. Дьюк старательно избегал ее взгляда.

— Хорошо, я послушаю. Только толку от этого не будет никакого.

— А мне кажется, что будет, потому что это чрезвычайно важно. Грейс, нет никакого смысла измываться над Карен. Кроме того, твоя жестокость по отношению к ней просто странна. Ведь ее беременность — это радостное событие для нас.

— Хьюберт Фарнхэм, сдается мне, что вы совсем выжили из ума.

— Прощу тебя! Ты руководишься критериями обывательской морали, что при данных обстоятельствах довольно глупо.

— Вот как? Значит, по-твоему, принципы морали глупы, не так ли? Да ты просто распевающий гимны лицемер!

— Моральные принципы не глупы сами по себе. Именно мораль есть краеугольный камень наших отношений. Но как бы аморальна ни была беременность Карен с точки зрения окружающего общества, которое к тому же и существовать-то перестало, сейчас это потеряло всякое значение. Поэтому не будем больше обсуждать ее поведение. То, что произошло, для нашей маленькой общины — сущее благо. Подумайте хорошенько: нас здесь шестеро, причем четверо — близкие родственники. С генетической точки зрения, у нас очень ограниченный генофонд. И все же мы должны как-то продолжать свой род, иначе нет смысла бороться за выживание. Теперь появился седьмой человек, хотя и не собственной персоной. На такое счастье даже и рассчитывать не приходилось. Молю Бога, чтобы у Карен родились близнецы, которыми наша семья всегда изобиловала. Это еще усилит наших потомков.

— Ты говоришь о собственной дочери, как о корове!

— Она моя дочь, и я люблю ее, но самое главное сейчас в ней то, что она женщина и ждет ребенка. Я хотел бы, чтобы и ты, и Барбара были тоже беременны... и причем от совершенно посторонних людей. Нам необходимо смешение самой разной крови, чтобы предотвратить опасность вырождения будущих поколений.

— Я не собираюсь сидеть здесь и выслушивать твои оскорбления!

— Я всего лишь сказал «хотел бы», и в лице Карен мы неожиданно получили это чудо. Нам следует просто-таки лелеять ее, Грейс, и проявлять по отношению к ней максимальную заботу на протяжении всего периода ее беременности. И больше всех других заботиться о Карен должна ты.

— Ты хочешь сказать, что я вовсе не собираюсь заботиться о ней? Это ты, ты никогда не заботился о собственной дочери!

— То, что она моя дочь, не имеет значения. Я сказал бы то же самое в случае беременности Барбары, тебя или любой другой женщины. Отныне Карен освобождается от всякой тяжелой работы. Стирка, которой она занималась сегодня, возлагается на тебя. Довольно бить баклуши. Будешь во всем ей помогать. И самое главное: больше никаких обвинений, грубости, нравоучений в ее адрес. Ты будешь мила и добра с ней! Постарайся не забываться, Грейс. Или мне придется наказать тебя.

— Ты не посмеешь!

— Надеюсь, ты не станешь давать мне повод для репрессий. — Хью повернулся к сыну: — Дьюк, могу я рассчитывать на твою поддержку? Отвечай!

— А что ты подразумеваешь под наказанием, отец?

— Любые меры, которые мы будем вынуждены принять. Слова. Общественные меры принуждения. Физические наказания, если потребуется. Все, вплоть до исключения из группы, коли иного выхода не останется.

Дьюк побарабанил пальцами по столу.

— Все это довольно жестоко, па.

— Да, я и хочу, чтобы ты подумал о самых крайних мерах.

Дьюк взглянул на сестру.

— Хорошо. Я поддерживаю тебя. Мама, придется вести себя соответственно...

— Мой собственный сын пошел против меня! О Господи, зачем я вообще появилась на свет?

— Барбара?

— Что я думаю? Я согласна с тобой, Хью. Карен необходимо доброе отношение. Ее нельзя нервировать.

— А ты не лезь не в свое дело!

Барбара спокойно взглянула на Грейс.

— Прошу прощения, но моим мнением поинтересовался ваш муж. Да и Карен просила меня присутствовать здесь. Мне кажется, Грейс, что вы вели себя отвратительно. Внебрачный ребенок не самое большое несчастье.

— Тебе легко говорить!

— Может быть. Но вы постоянно придираетесь к Карен... Вы не должны так поступать.

— Скажи им, Барбара, — вдруг вмешалась Карен, — о себе.

— Ты этого хочешь?

— Лучше скажи. А то она сейчас набросится на тебя.

— Хорошо. — Барбара прикусила губу. — Я тоже беременна... и очень рада этому. Ребенок и несчастье — понятия взаимоисключающие.

Наступившая тишина показала Барбаре, что она добилась цели — отвела огонь от Карен. Сама же она чувствовала себя совершенно спокойной — впервые с тех пор, как заподозрила, что беременна. Она не проронила ни слезинки — о нет! — но обнаружила, что напряжение, о котором она и не подозревала, покинуло ее.

— Ах ты, шлюха! Ничего удивительного, что моя дочь пошла по кривой дорожке, если попала под влияние такой...

— Молчи, Грейс!

— Да, мама, — поддержал отца Дьюк, — лучше успокойся.

— Я только хотела сказать...

— Ты ничего не скажешь, мама. Я не шучу.

Миссис Фарнхэм сдалась. Хью снова заговорил:

— Барбара, надеюсь, ты не шутишь ради того, чтобы защитить Карен.

Барбара взглянула на него и ничего не смогла прочесть на его лице.

— Нет, не шучу, Хью. Я сейчас на третьем месяце.

— В таком случае у нас двойная радость. Придется нам и тебя освободить от тяжелой работы. Дьюк, ты не взял бы на себя сельское хозяйство?

— Конечно.

— Да и Джо мог бы кое-чем помочь. М-м-м... значит, мы должны поторопиться с кухней и ванной. Вам обоим понадобятся такого рода удобства еще задолго до того, как родятся дети. Джо, нужно незамедлительно строить медведеустойчивую хижину. Здесь нет места для детской, и нам, мужчинам, придется выметаться. Я думаю...

— Хью...

— Что, Барбара?

— Не беспокойся за меня. Я пока могу спокойно заниматься садоводством. У меня не такой большой

срок, как у Карен, и я не испытываю тошноты по утрам. Когда понадобится помощь, я сама скажу.

Он задумался.

— Так дело не пойдет.

— Господи, но я люблю землю, люблю возиться с ней. Матери пионеров всегда работали, будучи беременными. Они переставали трудиться только тогда, когда у них начинались схватки.

— Что часто убивало их, Барбара. Мы не можем рисковать. Поэтому будем обращаться с вами обеими, как с драгоценными сосудами. — Он огляделся. — Правильно я говорю?

— Правильно, отец.

— Конечно, Хью.

Миссис Фарнхэм встала.

— От такого разговора мне стало дурно.

— Спокойной ночи, Грейс. Помни, Барбара: никаких земляных работ.

— Хью, пожалуйста, когда придет время, я сама откажусь от сада.

— Займись общим руководством. И смотри, чтобы я не застал тебя с лопатой. Или за прополкой. Ты можешь повредить себе. Отныне ты фермер-теоретик.

— А разве в твоих книгах ничего не сказано о том, какую работу может выполнять беременная женщина?

— Я еще посмотрю. В любом случае мы будем придерживаться самой консервативной точки зрения. Некоторые врачи вообще томят своих пациентов в постели целыми месяцами, чтобы избежать выкидыша.

— Папа, надеюсь, ты не собираешься держать нас в постели?

— Скорее всего, нет, Карен. Но мы обязаны быть предельно осторожными, — сказал он и добавил: — Барбара права: сегодня уже поздно окончательно решать что-либо. Кто желает сыграть в бридж? Или он слишком сильно возбуждает?

— Господи, конечно, нет! — воскликнула Барбара. — Я думаю, что уж бридж-то никак не может послужить причиной выкидыша.

— Разумеется, — согласился Хью, — но то, как торгуется Карен, может вызвать сердечный приступ у любого из нас.

— Ха! И что хорошего, если торговаться, как компьютер? Жить нужно рискуя. Я всегда была за это.

— Что верно, то верно.

Но дальше торговли дело у них не пошло. Доктор Ливингстон, который обычно спал в ванной, появился в комнате. Походка его была странной — ноги почти не сгибались, а зад он буквально волочил по земле. «Джозеф, — всем своим видом, казалось, говорил кот, — эти самые котятки родятся у меня прямо сейчас!»

Тревожное мяуканье и странное поведение кота дали ясно понять, что сейчас произойдет. Джо мгновенно оказался на ногах.

— Док, что с тобой, Док?

Он хотел было поднять кота, но тот замыкал еще громче и стал вырываться.

Хью сказал:

— Джо, оставь его в покое.

— Но старине Доку больно!

— В таком случае ему надо помочь. Дьюк, нам придется воспользоваться электричеством и переносным фонарем. Задуйте свечи. Карен, постели на стол одеяло и чистую простыню.

— Один момент.

Хью склонился над котом.

— Спокойно, Док. Тебе больно, да? Ничего, потерпи еще немножко. Мы здесь. С тобой. — Он погладил кота по спине, затем осторожно пощупал живот.

— У него схватки. Карен, поторопись.

— Уже готово, папа.

— Помоги мне поднять его, Джо.

Они уложили кота на стол.

Джо встревоженно спросил:

— Что нам теперь делать?

— Прими таблетку милтауна.

— Но ведь Доку больно.

— Конечно. Но мы ничем не можем тут помочь. Сейчас ему придется туго. Это его первые роды, и он перепуган. К тому же Док довольно стар для первых родов. Это плохо.

— Но мы просто обязаны что-нибудь сделать.

— Самое полезное, что ты можешь сейчас сделать, — это успокоиться. Ты передаешь коту свой страх. Джо, если бы можно было как-то помочь...

Единственное, что в наших силах, — это стоять рядом, давая тем самым понять Доку, что он не одинок. И не позволять ему бояться. Так дать тебе успокоительное?

— Да, если можно.

— Дьюк, достань таблетку. Джо, не отлучайся: Док доверяет тебе больше всех.

— Хьюберт, если вы собираетесь простоять всю ночь рядом с котом, мне понадобится снотворное. Ни один нормальный человек не заснет в такой суете, — вклинилась Грейс.

— И таблетку секонала для твоей матери, Дьюк. У кого есть предложения, где можно устроить котят? — Хью порылся в памяти. Каждая коробка, каждый клочок картона были использованы и еще раз использованы в бесконечном благоустройстве. Построить им логово из кирпичей? Но этим можно заняться только с наступлением дня, а бедная зверушка нуждается в гнезде, безопасном и уютном, прямо сейчас. Может быть, разобрать какие-нибудь стеллажи?

— Папа, что ты скажешь по поводу нижнего ящика шкафа с одеждой?

— Отлично! Выложите из него все вещи и постелите туда что-нибудь мягкое. Например, мою охотничью куртку. Дьюк, сооруди раму, которая поддерживала бы одеяло. Им понадобится нечто вроде маленькой пещерки, чтобы котята чувствовали себя в безопасности. Сам понимаешь.

— Не суетись, папа, разберемся, — произнесла Карен. — Это не первые наши роды.

— Прости, доченька. Кажется, сейчас у нас появится первый котенок. Видишь, Джо?

Шерсть от головы до хвоста у Дока вдруг вздыбилась, затем улеглась обратно. Еще раз...

Карен, торопливо освободив ящик от вещей, разостлала в нем куртку отца и поставила его у стены. Затем бросилась к столу.

— Ну как, я не опоздала?

— Нет, — успокоил ее Хью. — Но вот-вот все должно случиться.

Док на мгновение перестал тяжело вздыхать, испустил стон и после двух конвульсивных движений разродился котенком.

— Да он вроде завернут в целлофан, — с удивлением заметила Барбара.

— А разве ты не знала? — поразились Карен. — Папа, смотри, он серенький! Док, как же так? Впрочем, сейчас не время задавать вопросы.

Но ни Хью, ни Доктор Ливингстон и не собирались отвечать ей. Роженица стала тщательно вылизывать новорожденного, пленка лопнула, и маленькие лапки беспомощно зашевелились. Писк, настолько тонкий и высокий, что его едва можно было различить, возвестил о первом знакомстве юного существа с миром. Док перекусил пуповину и продолжал вылизывать отпрыска, очищая его от крови и слизи и не переставая в то же время довольно урчать. Котенку это явно не нравилось, и он снова заявил свой почти неслышный протест.

— Босс, — сказал Джо, — с ним что-то неладно. Почему он такой маленький и худой?

— Это просто отличный котенок. У тебя родился замечательный наследник, Док. Он настоящий бакалавр, хотя сам того и не сознает, — ласково приговаривал Хью, почесывая кота между ушами. Затем он продолжил уже обычным тоном: — И наихудший образчик подзаборника, который мне когда-либо попался, — гладкошерстный, полосатый и серый.

Док неодобрительно взглянул на Хью и, исторгнув из себя послед, принялся жевать кровавую массу. Барбара нервно слотнула и кинулась к двери. Карен бросилась за ней, открыла ей дверь и поддерживала ее до тех пор, пока та полностью не очистила желудок.

— Дьюк! — позвал Хью. — Охраняй.

Дьюк последовал за девушками и высунул голову наружу.

Карен сказала ему:

— Можешь уйти. Здесь мы в полной безопасности. Сегодня очень яркая луна.

— Ладно. Только оставьте дверь открытой. — И он исчез внутри убежища.

Карен заметила:

— А я думала, что у тебя нет токсикоза.

— Так оно и есть. О-о-о! — Барбару передернуло. — Это из-за того, что сделал Док.

— Ах, вон оно что! Но ведь коты всегда так поступают. Позволь я протру тебе лицо, дорогая.

— Это ужасно.

— Это нормально. И к тому же полезно для них. Гормоны или что-то в этом роде. Лучше спроси у Хью. Ну как, тебе полегчало?

— Кажется, да. Карен, надеюсь, нам не нужно будет делать того, что сделал Док? А?

— Что? О! Думаю, нет, вроде не нужно... Иначе нам сказали бы об этом в школе.

— В школе нам не говорили очень многих вещей, — слабо пролепетала Барбара. — У нас, например, курс первой помощи вела старая дева. Но я просто не могу... Кажется, я расхотела иметь ребенка.

— Друг мой, — насмешливо произнесла Карен, — уж кому-кому, а нам обеим об этом нужно было думать раньше. Отойди немного, кажется, настал мой черед.

Они вернулись в комнату бледные, но с виду довольно спокойные.

Док произвел на свет еще трех котят после их возвращения, и Барбара наблюдала за родами и последующими операциями Дока, уже не испытывая потребности бежать за дверь. Из новорожденных только третий заслуживал внимания. Он явно был мужчиной: его крупная голова никак не хотела вылезать, и Док буквально согнулся пополам от боли.

Хью по мере возможности старался помочь родиться маленькому тельцу. При этом он вспотел, совсем как настоящий хирург. Док взвыл и укусил его за палец. Но это ничуть не повлияло на поведение акушера.

Внезапно котенок высвободился. Хью склонился над ним и подул ему в рот. Котенок тут же ответил тоненьким негодующим писком. Тогда Хью положил его к матери и позволил ей его облизать.

— Еле спасли, — выдохнул он, стараясь унять дрожь в руках.

— Не думаю, что старина Док горел желанием отправиться на тот свет, — заметил Джо.

— Это уж точно. Кто из вас, девочки, займется моим пальцем?

Барбара перевязала ему палец, повторяя про себя, что она, когда настанет ее черед, *не должна, не должна!* кусаться.

По старшинству котят располагались следующим образом: гладкошерстный серый, пушистый белый, угольно-черный с белой грудкой и чулочками и пестрый. После долгих споров между Карен и Джо они были названы: Счастливый Новый Год, Снежная Принцесса Великолепная, Доктор Черная Ночь и Лоскутная Девочка Страны Оз. Кратко: Счастливчик, Красотка, Полночь и Заплата.

К полуночи мать и новорожденные были размещены в ящике и снабжены водой, пищей и тарелкой с песком неподалеку. С чувством исполненного долга все отправились спать. Джо улегся на полу, прислонившись головой к кошачьему гнездышку.

Когда все затихло, он поднялся и, включив фонарь, заглянул в ящик. Док Ливингстон держал одного из котят в лапках, а трое других сосали молоко. Перестав вылизывать Красотку, Док вопросительно взглянул на Джо.

— Твои котятки просто прелесть, — сказал Джо, — самые лучшие детишки на свете.

Док расправил свои королевские усы и довольно заурчал.

Глава восьмая

Хью оперся на лопату.

— Достаточно, Джо.

— Я еще немного подчищу возле ворот.

Они стояли у верхнего края траншеи, там, где была устроена запруда на случай жаркой погоды. А жара стояла сильнейшая. Лес начал увядать, солнце палило невыносимо. Поэтому приходилось быть особенно осторожными с огнем.

Зато о медведях не было необходимости беспокоиться так, как раньше, хотя невооруженным по-прежнему никто не ходил. Дюк перебил столько плотоядных из рода медвежьих, что появление их стало редкостью.

Через запруду протекал только небольшой ручеек, но в нем хватало воды для поливки и хозяйственных нужд. Без этого водовода они просто потеряли бы свой сад.

Раз в несколько дней водную систему необходимо было подправлять. Настоящего шлюза Хью сделать не смог. Его остановила нехватка инструментов и металла, а также отсутствие древесины. Вместо этого он кое-что придумал. В том месте, где вода заходила в канал, дно траншеи было выложено кирпичом, а дальше вниз — полукруглыми черепичными плитками. Чтобы усилить ток воды, покрытие сняли и, увеличив уклон дна,

уложили снова. Эта операция потребовала немалых усилий, но, без сомнения, они окупались.

Траншею выложили черепицей до самого дома, поэтому утечки воды практически не было. Печь для обжига работала день и ночь. Благодаря глине стало возможным капитальное строительство. Правда, в последнее время хорошей глины не хватало.

Это не сильно беспокоило Хью: все самое необходимое у них было.

Ванная комната перестала казаться сказкой. А шикарный туалет с двумя отделениями, разгороженными оленьей шкурой, после долгих мытарств мужской половины все-таки был оснащен канализацией.

Приступив к изготовлению канализационной трубы, Хью столкнулся с большими трудностями. После множества неудач он наконец выстрогал цилиндрическую основу, состоящую из трех сегментов. Глину приходилось намазывать на нее и затем подсушивать немного, чтобы основу можно было вынуть по частям до того, как пересохшая глина начнет трескаться.

Со временем Хью стал настоящим мастером: ему удалось свести до минимума процент брака при формовке и обжиге.

Поврежденный бак для воды он распилил вдоль и сделал две ванны. Одну решили установить в доме, а другую снаружи, под открытым небом. Чтобы не было утечки, он обтянул их выбритыми шкурами, и ванны действительно не протекали.

Приближение периода дождей заставило поторопиться с устройством на кухне очага. Его пока не использовали, так как дни стояли длинные и жаркие. Пищу готовили на улице и ели под аккомпанемент рычания голодных медведей.

Теперь их дом был двухэтажным. Хью справедливо рассудил, что надстройка, способная выдержать натиск медведей или нашествие змей, должна быть каменной, с прочной крышей. Но им едва ли по силам строительство такого капитального сооружения. А вот как насчет окон и дверей? Возможно, ему и удастся когда-нибудь сварить стекло, если будет решена проблема с содой и известью. Но не так скоро. Крепкую дверь и плотные ставни сделать нетрудно, но тогда внутри будет слишком душно.

Поэтому они построили на крыше убежища нечто вроде сарайчика с соломенной крышей. Теперь, при поднятой лестнице, медведь, пришедший помериться с ними силами, встретит на своем пути двенадцатифутовую стену. Не будучи вполне уверенным, что стена отпугнет всех визитеров, Хью устроил нечто вроде сигнализации вдоль края крыши. Его старания оказались не напрасными: в первую же неделю сигнализация сработала, отпугнув непрошеного гостя. Причем Хью утверждал, что тот был напуган сверх всякой меры.

Хью смотрел вниз по течению ручья, а Джо тем временем заканчивал подравнивать траншею. В долине виднелась крыша хижины.

Смотрится вполне прилично, подумал Хью. Все их хозяйство — в прекрасном состоянии, а на будущий год будет еще лучше. Настолько лучше, что у них появится возможность заняться разведкой. Даже Дьюк до сих пор не бывал дальше чем в двадцати милях отсюда. Для путешествий у них пока не было ничего, кроме ног, к тому же слишком тяжело еще справляться с бесконечным множеством разнообразных дел...

А следующий год уже не за горами.

Человек не должен останавливаться на достигнутом, иначе для чего же жить? Когда они начинали, у них не было ни горшка, ни окошка. В этом году горшок... а в будущем, значит, окошко? Не следует торопиться. Пока все идет прекрасно. Даже Грейс как будто поуспокоилась. Он был просто уверен, что она возьмет себя в руки и в конце концов станет счастливой бабушкой. Грейс всегда любила детей и умела ухаживать за ними.

Теперь уже скоро. Малышка Карен, правда, точно не знает срока, но предполагает, что замечательный день наступит примерно через две недели, и ее состояние подтверждает ее слова, насколько он может судить.

Чем скорее, тем лучше! Хью изучил в своей библиотеке все книги, касающиеся беременности и родов. Он приготовился, как только мог. Обе его пациентки как будто пребывали в отличном здравии: у обеих обмеры талии давали прекрасные результаты, обе вроде бы избавились от страхов и поддерживали друг

друга дружеским подшучиванием, способствующим сохранению нормального веса. Если Барбара будет поддерживать Карен, если Карен будет поддерживать Барбару, если они обе будут опираться на материнский опыт Грейс, то им нечего бояться.

Прекрасно все же будет иметь в доме детей!

И в этот момент радостного опьянения Хью Фарнхэм понял, что еще никогда в жизни не был так счастлив.

— По-моему, нормально, Хью. А эти лишние плитки захватим домой.

— Добро. Возьми ружье, а я понесу инструменты.

— Сдается мне, — сказал Джо, — что мы должны...

Его слова заглушил выстрел. Они замерли. За первым последовали еще два.

Они побежали.

Стоявшая на пороге Барбара подняла ружье и помахала им. Когда они подбежали к дому, она вышла навстречу, ступая босыми ногами и двигаясь медленно и осторожно, чтобы не упасть. Ее беременность была уже хорошо заметна. Большой живот покоился в просторных шортах, сделанных из старых джинсов Дьюка. На ней была мужская рубашка, перешитая так, чтобы не стеснять увеличивающиеся груди. Ружья в ее руках уже не было.

Джо подбежал к ней раньше Хью.

— Карен? — быстро спросил он.

— Да. У нее началось.

Джо поспешно вошел в дом.

Подбежавший Хью спросил, задыхаясь:

— Ну что?

— У нее отошли воды. Затем начались схватки. Тогда я и выстрелила.

— Почему же ты... Впрочем, ладно, что еще?

— С ней Грейс. Но она хочет видеть тебя.

— Дай мне отдышаться. — Хью вытер пот и постарался успокоиться. Он сделал глубокий вдох, задержал воздух в легких, затем медленно выдохнул. Восстановив дыхание, он вошел в дом. За ним последовала Барбара.

Коек, всегда стоявших у двери, уже не было. Одна из них находилась в жилой комнате. На кровати лежал травяной матрац, застланный медвежьей шкурой. На ней развалился пестрый котенок.

Хью прошел мимо, почувствовав, как другой кот потерял о его щиколотку. Он вошел в следующее помещение. Здесь из коек была сооружена кровать, на которой лежала Карен. Грейс сидела возле роженицы и обмахивала ее веером. Джо стоял тут же с выражением молчаливого сострадания на лице.

Хью улыбнулся дочери.

— Привет, толстушка! — Он нагнулся и поцеловал ее. — Ну, как ты? Больно?

— Да, сейчас больно. Но я рада, что ты здесь.

— Мы спешили изо всех сил.

Кот вскочил на постель и улегся на Карен.

— Ах ты! Черт бы тебя побрал, Красотка!

— Джо, — сказал Хью, — собери кошек и отправь их в изгнание.

Карен попросила:

— Папа, я хочу, чтобы Красотка была со мной.

— Джо, к Красотке моя просьба не относится. Когда наступит самый ответственный момент, схвати ее и сунь к остальным.

— Ясно, Хью. — Джо вышел, столкнувшись в дверях с Барбарой.

Хью потрогал щеки Карен, пощупал пульс. Затем спросил жену:

— Ее побрили?

— Пока не было времени.

— Тогда вы с Барбарой побрейте ее и вымойте. Детка, когда же разверзлись хляби твои?

— Только что. Я сидела на горшке. Тут-то все и началось. Сажу я себе, никого не трогаю... а потом вдруг — р-раз! — и Ниагарский водопад!

— Но схватки-то у тебя были?

— Еще какие!

— Это хорошо. Значит, о схватках можно не беспокоиться. — Он улыбнулся. — В принципе, беспокоиться вообще не о чем. Думаю, что большую часть ночи ты проведешь за игрой в бридж. Дети, как и котята, имеют обыкновение появляться на свет под утро.

— Всю ночь? Я хочу, чтобы этот сопляк родился побыстрее, и делу конец.

— Я тоже хотел бы, чтобы все это кончилось поскорее, но у детей на этот счет свое мнение, — сказал Хью и добавил: — Ладно, тебе предстоит кое-какие дела, да и мне нужно кое-чем заняться. Я в грязи с головы до ног. — Он собрался уходить.

— Папа, подожди секундочку. А я обязательно должна оставаться здесь? Здесь очень жарко.

— Нет. У двери светлее. Особенно если наш юный Тарзан соизволит появиться при свете дня. Барбара, откинь эту потертую медвежью шкуру — будет прохладнее. Возьми вон ту простынку. Или лучше чистую, если есть.

— Стерилизованную?

— Нет. Ее не разворачивай до тех пор, пока не начнутся роды. — Хью похлопал дочь по руке. — Дай Бог тебе обойтись без боли, пока я не вымоюсь.

— Папа, тебе нужно было стать врачом.

— А я и есть врач. Самый лучший в мире.

Выйдя из дома, он встретил Дьюка, задыхавшегося от долгого бега.

— Я слышал три выстрела. Сестренка?

— Да. Не волнуйся, у нее только начались схватки. Я собираюсь принять ванну. Не желаешь присоединиться?

— Сначала я хочу повидаться с сестренкой.

— Тогда поторопись: ее собираются купать. Мужчины там сейчас помеха. Заодно захвати Джо. Он размещает котов по камерам.

— Может быть, следует накипятить воды?

— Пожалуйста, займись, если это успокоит тебя. Дьюк, я уже заготовил все необходимое, по крайней мере то, что у нас имеется. Уже с месяц, как заготовил. В том числе и шесть бидонов кипяченой воды на то на се. Так что пойди поцелуй свою сестру и постарайся не показывать ей своей обеспокоенности.

— Ну и хладнокровен же ты, отец!

— Сынок, я сам не свой от страха. Я уже сейчас могу перечислить тринадцать возможных осложнений — и ни с одним из них мне не справиться. Я гожусь только на то, чтобы похлопывать ее по руке и уверять, что все идет как по маслу... а ей именно это и надо.

Осматривая ее, я сохраняю видимость каменного спокойствия, а сам не знаю, на что обращать внимание. Я хочу одного: чтобы она обрела уверенность, и я буду тебе очень признателен, если ты мне в этом поможешь.

— Вас понял, сэр. Буду поддерживать вашу игру, — с готовностью отозвался Дьюк.

— Только не переигрывай. Просто постарайся показать ей, что ты разделяешь ее уверенность в старом доке Фарнхэме.

— Я постараюсь.

— Если Джо слишком разволнуется, вытаскивай его оттуда. Он дергается больше всех. Грейс справляется прекрасно. Ладно, поспеши, а то они не пустят тебя.

Немного позже выкупавшийся и успокоившийся Хью выбрался из воды и направился к дому, неся одежду в руках, чтобы ветерок высушил его кожу. Он задержался у двери, натягивая шорты.

— Тук-тук!

— Нельзя, — отозвалась из-за двери Грейс. — Мы заняты.

— Тогда прикройте ее. Мне нужно кое-что сделать.

— Мама, перестань. Входи, папа.

Хью вошел, пробрался мимо Барбары и Грейс и зашел в ванную. Там он очень коротко остриг ногти, вымыл руки — сначала проточной водой, а затем кипяченой — и повторил процедуру еще раз. Помахав руками в воздухе, чтобы они высохли, он вернулся в комнату, стараясь ни до чего не дотрагиваться.

Карен лежала на широкой кровати около двери, прикрытая половинкой изношенной простыни. На плечи ее была накинута серая рубаша, которая была на Хью в ночь нападения. Грейс и Барбара сидели на кровати, Дьюк стоял в дверях, а Джо печально сгорбился позади кровати.

Хью улыбнулся дочери.

— Ну, как дела? Еще схватки были?

— Ни единой, черт бы их побрал. Хоть бы он родился до обеда.

— Обязательно родится. Потому что никакого обеда тебе не видать как своих ушей.

— Чудовище! Мой отец просто чудовище.

— Доктор Чудовище, с вашего позволения. А теперь, друзья мои, прошу вас очистить помещение. Мне нужно осмотреть пациентку. Все свободны, кроме Грейс. Барбара, пойдй и приляг.

— Я не устала.

— Возможно, нам всю ночь придется провести на ногах. Так что лучше вздремнуть заранее. Я не испытываю ни малейшего желания принимать преждевременные роды.

Он откинул простыню, осмотрел Карен и ощупал ее живот.

— Ты чувствуешь толчки?

— Еще бы! Когда он родится, его непременно нужно записать в команду Грин Бей Покерз. У меня такое впечатление, что на ногах у него бутсы.

— Ничуть не удивлюсь, если это так. Ты была обута, когда зачинала его?

— Что? Папа, что за гадости ты говоришь!

— Слушай, когда тебе говорят: в следующий раз перед этим обязательно разуйся.

Беседуя с дочерью, Хью одновременно пытался определить, в каком положении находится ребенок — головкой вниз или, Боже избавь, поперек. Как оказалось, сделать это он был не в состоянии. Поэтому он улыбнулся Карен и солгал:

— Прекрасно, бутсы нас не беспокоят, поскольку он расположен головкой прямо вниз, именно так, как надо. Надо думать, роды будут очень легкими.

— Откуда ты знаешь, папа?

— Положи руку вот сюда, где моя. Вот его выпуклая головка, вниз которой он и нырнет. Чувствуешь?

— Кажется, да.

— Если бы ты знала столько, сколько я, ты бы не сомневалась. — Но обнаружив небольшое кровотечение, не решился произвести обследование руками: во-первых, он все равно не знал, каким должно было все это быть наощупь, а во-вторых, боялся занести инфекцию. Кое-что могло поведать ректальное обследование, но он опять же не знал, что именно, поэтому не было никакого смысла подвергать Карен этой малопривлекательной процедуре.

Хью поднял голову и встретился взглядом с женой. Сначала он хотел посоветоваться с ней, но потом

решил, что не стоит. Несмотря на то что дети у Грейс были, о деторождении она знала не больше его самого, а дав понять Карен, что он не уверен в себе, он может пошатнуть ее уверенность в благоприятном исходе.

Поэтому он взял свой «стетоскоп» (три последних чистых листа из энциклопедии, скатанные в трубочку) и стал прослушивать сердцебиение плода. Но и здесь его ожидала неудача: он услышал множество различных шумов, которые определил про себя как «бурчание в кишках».

— Тикает, как метроном, — заключил он, откладывая трубку. — Твое дитя в отличном состоянии, девочка, и ты сама тоже. Грейс, вы, кажется, завели журнал: когда начались первые боли?

— Им занималась Барбара.

— Будь добра, сохрани его. А сейчас скажи Дьюку, чтобы он снял ремни со второй кровати и принес их сюда.

— Хьюберт, ты уверен, что они понадобятся? Ни один из моих врачей не советовал мне ничего подобного.

— Это самое последнее новшество, — заверил он ее. — Теперь его применяют во всех больницах. — Хью где-то читал, что некоторые акушерки заставляют рожениц тянуть во время потуг ремни. Он просмотрел все книги, ища подтверждения, но не нашел. Тем не менее здравый смысл подсказывал ему, что это действительно правильно — женщине так легче тужиться.

У Грейс на лице отразилось сомнение, но возражать она не стала и вышла из убежища. Хью собрался встать, но Карен схватила его за руку.

— Не уходи, папа!

— Больно?

— Нет. Я хотела сказать тебе одну вещь. Я попросила Джо взять меня в жены. На прошлой неделе. И он согласился.

— Рад слышать это, дорогая. Тебе достанется настоящее сокровище.

— Мне тоже так кажется. Конечно, в моем положении выбирать особенно не приходится, но Джо мне действительно нравится. Разумеется, мы не поженимся до тех пор, пока я полностью не оправлюсь после

родов и не стану сильной и здоровой, как прежде. Сейчас я и подумать боюсь о разговоре с матерью.

— Я ей ничего не скажу.

— И Дьюку тоже не говори. А Барбара все знает и считает, что так будет лучше.

Схватки у Карен начались, когда Дьюк прилаживал ремни. Она вскрикнула, застонала и ухватилась за концы ремней, которые торопливо протянул ей Дьюк. Хью положил руку ей на живот и почувствовал, как сильно он напрягается одновременно с приступами боли.

— Тужься, детка, — посоветовал он, — и старайся дышать глубже — это помогает.

Она глубоко вздохнула и застонала вновь.

Казалось, прошла вечность, прежде чем Карен немного расслабилась, вымученно улыбнулась и сказала:

— Ну наконец-то, прошло. Искренне сожалею о звуковых эффектах, папа.

— Если хочешь, кричи на здоровье. Но лучше глубоко дышать. Отдохни немного, пока мы тут разберемся. Джо, тебя придется использовать в качестве повара: я хочу, чтобы Барбара отдохнула, а Грейс будет исполнять обязанности медсестры. Поэтому тебе придется приготовить обед и заодно что-нибудь холодненькое на ужин. Грейс, ты занесла в журнал, когда начались схватки?

— Да.

— Заметила, сколько времени они длились?

— Я засекала, — сказала Барбара. — Сорок пять секунд.

Карен возмутилась:

— Барбара, да в своем ли ты уме! Они длились никак не менее часа.

— Ладно, пусть будет сорок пять секунд, — сказал Хью. — Засекайте время появления схваток и сколько они длятся.

Семь минут спустя начался следующий приступ. Карен постаралась последовать совету отца и дышать глубоко. На сей раз она только слегка вскрикнула. Но когда боль отошла, она уже не в состоянии была шутить и только отвернулась лицом к стене. Схватки были долгими и сильными. Хотя мучения дочери по-

трясли Хью, он все же немного приободрился: роды как будто обещали быть непродолжительными.

Но получилось совсем наоборот. Весь этот жаркий и трудный день женщина на кровати старалась избавиться от своей ноши. Лицо ее побелело, то и дело она вскрикивала, с каждой потугой живот ее напрягался, мышцы на руках и шее вздувались. Затем, когда схватки отпускали, она откидывалась на подушки, усталая и дрожащая, не в состоянии разговаривать и обращать внимание на что-либо, кроме происходящего с ней.

Дальше стало хуже. Схватки теперь шли с трехминутными интервалами, причем каждая следующая была длиннее предыдущей и, казалось, более мучительной. Наконец Хью посоветовал ей не пользоваться ремнями: он не заметил, чтобы от них был какой-нибудь толк. Она тут же попросила дать их, как будто не слыша, что он сказал. Похоже, ремни помогали ей чувствовать себя немного удобнее.

В десять часов вечера началось кровотечение. Хью заверил дочь в том, что так и должно быть и что это свидетельствует о скором появлении ребенка. Да он и сам поверил в это, потому что вскоре кровотечение прекратилось. Казалось невероятным, что роды могут затянуться еще.

Грейс на что-то рассердилась и встала. Барбара тут же плюхнулась в освободившееся кресло. Хью надеялся, что Грейс решила отдохнуть — женщины дежурили по очереди.

Но через несколько минут его жена вернулась.

— Хьюберт, — сказала она высоким, срывающимся голосом, — я собираюсь вызвать врача.

— Пожалуйста, — согласился он, не сводя глаз с Карен.

— Послушайте меня, Хьюберт Фарнхэм! Вам следовало вызвать врача с самого начала. Вы убиваете ее, слышите? Я намерена вызвать врача, и вам меня не остановить!

— Конечно, Грейс, о чем речь! Телефон вон там, — он указал пальцем на соседнее крыло.

Казалось, Грейс была слегка озадачена, но затем резко повернулась и вышла.

— Дьюк!

В комнату торопливо вбежал сын.

— Да, отец?..

Хью многозначительно произнес:

— Дьюк, твоя мать решила вызвать врача по телефону. Пойди помоги ей. *Ты меня понял?*

У Дьюка расширились глаза:

— Где у нас иглы?

— В маленьком пакетике на столе. Большой не трогай — он стерилизован.

— Ясно. Сколько ей ввести?

— Два кубика. Только смотри, чтобы она не видела иглы, а то может дернуться.

Тут он почувствовал, что у него самого закружилась голова.

— Нет, лучше введи ей три кубика. Я хочу, чтобы она пришла в себя и выпалась.

— Иду, иду, — поспешно сказал Дьюк и последовал за матерью.

У Карен как раз наступил перерыв между схватками, и она, видимо, впала в полузабытье. Очнувшись, она прошептала:

— Бедный папочка! Твои женщины доставляют тебе столько огорчений!

— Успокойся, милая.

— Я... О Боже, опять подступает!

Между приступами боли она выкрикивала:

— О, какая боль! Я больше не могу! Ох, отец, я хочу врача! Ну пожалуйста, папочка! Пусть придет доктор!

— Ты тужься, доченька, тужься!

Схватки все продолжались и продолжались до самой ночи. Облегчения не было, становилось только хуже. Не было смысла вести журнал схваток — они стали почти непрерывными. Карен уже не могла говорить. Среди стонов можно было с трудом различить только невнятные мольбы о помощи. В промежутках между схватками она иногда вдруг начинала что-то бормотать, но на вопросы не отвечала.

Перед рассветом — Хью к тому времени стало казаться, что эта пытка длится не меньше недели, хотя часы утверждали, что схватки начались всего восем-

надцать часов назад, — Барбара сказала с тревогой в голосе:

— Хью, она больше не выдержит.

— Я знаю, — согласился он, глядя на дочь. Как раз сейчас та была охвачена болью: лицо ее посерело и исказилось, рот искривился, сквозь зубы вырывались сдавленные стоны.

— Что же делать?

— Я думаю, необходимо кесарево сечение. Но я не хирург, к сожалению.

— Как же быть?

— Не знаю. Я тут бессилен.

— Но ведь ты же знаешь гораздо больше, чем первый человек, который решился сделать его. Ты знаешь, как обеспечить стерильность. У нас есть сульфаниламиды, и ее можно напичкать димедролом. — Барбара говорила громко, не боясь, что Карен может услышать ее: Карен уже ничего не интересовало.

— Нет!

— Хью, ты просто обязан. Она умирает.

— Я понимаю, — он вздохнул, — но делать кесарево сечение уже поздно, даже если бы я и решился. Мы должны попытаться спасти хотя бы ребенка.

Он прищурился, и голос его дрогнул.

— Но нам не спасти и ребенка. Где мы возьмем кормилицу? Ты кормить не можешь, по крайней мере сейчас. А коров у нас нет.

Он глубоко вздохнул и попытался взять себя в руки.

— Осталось одно. Попробовать эскимосский способ.

— Господи, а это что такое?

— Поставить ее на ноги и предоставить возможность действовать земному притяжению. Вдруг это поможет? Позови мужчин. Они нам потребуются. Мне снова нужно продезинфицировать руки. Может быть, придется делать надрез. О Боже!

Через пять минут они были готовы. Пока Карен бессильно лежала после очередной схватки, Хью попытался объяснить ей, что предстоит сделать. Слова с трудом доходили до нее, но в конце концов она слегка кивнула и прошептала:

— Мне уже все равно.

Хью подошел к столу, на котором были разложены его инструменты, взял в одну руку скальпель, а в другую фонарь.

— Ну, ребята, как только начнется, берите ее под руки и поднимайте.

Схватки возобновились буквально через несколько секунд.

Хью кивнул Дьюку.

— Давайте!

— Джо, помогай! — Они принялись поднимать ее, поддерживая за плечи и бедра.

Карен закричала:

— Нет, нет! Не трогайте меня... Я не вынесу этого! Папочка, пусть они отпустят меня! Папа!

Они остановились. Дьюк спросил:

— Так что будем делать, отец?

— Я сказал — поднимайте! Ну!

Они с трудом подняли ее с кровати. Барбара зашла сзади и, обхватив ее руками вокруг талии, сильно надавила на живот несчастной. Карен снова закричала и стала вырываться. Они обхватили ее еще крепче. Хью лег навзничь и направил луч фонаря вверх.

— Тужься, Карен, тужься!

— О-о-о!

И тут он вдруг увидел темя ребенка, серовато-голубое. Он хотел уже отложить скальпель, но головка снова исчезла!

— Карен, попробуй еще раз!

Хью мучительно раздумывал о том, где следует сделать разрез. Спереди? Или сзади? Или и сзади и спереди? Он снова увидел темя — оно появилось и пропало. Рука его вдруг стала твердой как камень, он потянулся совершенно бессознательно и сделал небольшой надрез.

Он едва успел отложить скальпель, как прямо ему в руки шлепнулся мокрый, скользкий, окровавленный ребенок. Хью помнил, что должен сделать еще что-то, но все, что он сообразил в данную минуту, — это взять ребенка за обе ножки, поднять и шлепнуть по крошечной попке. Раздался сдавленный крик.

— Теперь осторожно положите ее на кровать, но только полегче. Они все еще связаны пуповиной.

Мужчины бережно уложили Карен. Хью стоял на коленях. Руки его были заняты слабо попискивающей ношей. Поднявшись, он попытался вложить ребенка Карен в руки, но заметил, что та не в состоянии взять его. Хотя казалось, что она в сознании и глаза ее открыты.

Хью и сам был на грани обморока. Он мутным взором обвел комнату и вручил ребенка Барбаре.

— Никуда не отходи, — зачем-то сказал он ей.

— Отец, — спросил Дьюк, — а разве не нужно перерезать пуповину?

— Пока еще нет. И куда только запропастился этот скальпель? — Он наконец нашел его, быстро протер йодом, надеясь, что этого окажется достаточно, и положил рядом с двумя прокипяченными шнурками, затем повернулся и пощупал пуповину — пульсирует или нет.

— Он просто замечательный, — мягко сказал Джо.

— Она, — поправил его Хью. — Ребенок — девочка. А теперь, Барбара, если ты...

Он замолчал. Дальнейшее произошло слишком быстро. Ребенок начал задыхаться. Хью схватил его, опустил головкой вниз, сунул палец в рот младенцу и извлек оттуда комок слизи. Отдав ребенка Барбаре, он снова принялся щупать пуповину и только тут заметил, что Карен в опасном состоянии.

С кошмарной мыслью о том, что ему следовало бы быть вдвое более сильным, он взял один из шнурков и узлом перевязал пуповину около животика ребенка, пытаясь унять дрожь в руках. Затем он начал завязывать второй шнурок и понял, что этого уже не нужно: у Карен внезапно началось кровотечение. Она застонала.

Одним движением скальпеля Хью перерезал пуповину, бросил Барбаре: «Закрой ее пластырем», — и повернулся, чтобы заняться матерью.

Кровь текла из нее ручьем. Лицо посерело, и она, казалось, уже потеряла сознание. Было бесполезно накладывать швы: Хью видел, что кровь шла изнутри. Пытаясь остановить ее, он сделал тампон из последней оставшейся марли и крикнул Джо и Дьюку, чтобы те принесли бандаж и холодный компресс.

Через мучительно долгий, как ему показалось, промежуток времени компресс и бандаж были на месте, а марля подкреплена целым ворохом стерильных гигиенических салфеток. Хью поднял глаза, взглянул на лицо Карен и тут же с панической поспешностью стал пытаться нащупать ее пульс.

Карен скончалась через семь минут после рождения дочери.

Глава девятая

Кэтрин Джозефин пережила свою мать на день. Хью окрестил ее этим именем и каплей воды через час после того, как умерла Карен. Было ясно, что и девочка долго не протянет. У нее оказалось что-то не в порядке с дыханием.

Один раз, когда малышка стала задыхаться, Барбара вернула ее к жизни, прижавшись ртом к ее роту и высосав из него что-то, что тут же с отвращением сплюнула. Некоторое время после этого малышка Джо-ди как будто чувствовала себя лучше.

Но Хью понимал, что это только отсрочка. Он не представлял себе, каким образом им удастся сохранить девочку живой достаточно длительное время — целых два месяца — до тех пор, пока Барбара не сможет кормить ее. У них в запасе остались только две банки консервированного молока.

Тем не менее они старались сделать все возможное.

Грейс припомнила состав смеси: кипяченое молоко, кипяченая вода и немного сладкого сиропа. У них, правда, не из чего было кормить девочку. Отсутствовала даже соска. Осиротевший ребенок был вещью, которую Хью никак не мог предвидеть. Теперь, задним числом, рождение младенца казалось ему одним из самых вероятных событий, и он клял себя за то, что

не предусмотрел такой возможности. Поэтому он дал себе клятву приложить все силы к тому, чтобы дочь Карен осталась жива.

Пластиковая капельница оказалась наиболее похожим на соску предметом. Ничего лучшего найти не удалось. С ее помощью они попытались дать малютке смесь, стараясь нажимать на бока капельницы в такт сосательным движениям ребенка.

Из этой затеи мало что получилось. Малютка Джо-ди по-прежнему дышала с трудом и начинала задыхаться каждый раз, когда они пытались покормить ее. На то, чтобы прочистить ей горлышко и дать возможность оправиться, они потратили почти столько же усилий, как и на то, чтобы покормить ее. Казалось, она просто не хочет брать в рот грубую подделку, а если они старались кормить ее насильно, она тут же начинала задыхаться. Дважды Грейс удавалось скормить ей почти унцию смеси. И оба раза она срыгивала ее. Барбаре и Хью не удавалось даже этого.

На следующее утро Хью проснулся от крика Грейс. Ребенок задохнулся и умер.

В тот страшный день, когда борьба за жизнь новорожденной еще продолжалась, Дьюк и Джо выкопали могилу высоко на склоне холма, на лужайке. Могила получилась глубокой, кроме того, они запаслись кучей булыжников. Оба в душе боялись, что медведи или койоты могут разрыть могилу.

Когда работа была закончена, Джо с усилием спросил:

— Как мы будем делать гроб?

Дьюк вздохнул и вытер пот со лба.

— Джо, гроб нам не осилить.

— Но мы просто должны сделать его.

— Конечно, можно нарубить деревьев, расколоть их и получить немного досок — так мы и делали, когда иначе было невозможно. Но сколько времени это у нас займет? Джо, погода стоит жаркая. Карен не может столько ждать.

— Тогда мы должны разобрать что-нибудь. Кровать, например, или книжные полки.

— Проще всего — шкаф для одежды.

— Ладно, не будем откладывать.

— Джо, любая вещь, из которой можно сделать гроб, находится в доме. Неужели ты думаешь, что Хью разрешит нам сейчас войти туда и начать ломать, колотить, прибивать? Он просто убьет того, кто разбудит ребенка или отвлечет в то время, когда его с таким трудом пытаются покормить. Если раньше не убьют Барбара или мать. Нет, Джо. Придется нам обойтись без гроба.

Они принесли почти весь запас кирпичей, выложили нечто вроде ящика на дне могилы, выставив его изнутри тканью навеса, и сделали из тонких стволов крышку, чтобы ящик можно было закрыть. Хотя все это выглядело довольно жалко, они почувствовали нечто вроде удовлетворения.

На следующее утро в этой могиле были похоронены мать и дочь.

Опускали их вниз Джо и Дьюк. Последний настоял на том, чтобы отец не вмешивался и занялся лучше дома Грейс и Барбарой. Дьюк вообще предпочел бы справиться со всем сам, но без помощника, к сожалению, обойтись было трудно.

Когда Дьюк предложил не отпускать Грейс на похороны, Хью отрицательно покачал головой.

— Нельзя лишать мать возможности в последний раз проститься с дочерью. Я не могу препятствовать ей в этом.

Не мог препятствовать ей и Дьюк. И к тому времени, когда Джо отправился звать остальных, его сестра и племянница уже мирно покоились, аккуратно прикрытые тканью. Не осталось ни единого следа тех усилий, которых потребовало помещение их сюда: ни осыпавшейся земли, ни обломков отвалившейся кладки. Лицо Карен выражало абсолютное спокойствие, а дочурка покоилась у нее на груди, как будто задремав.

Дьюк коснулся края кирпичной стенки, наклонился и прошептал:

— Прощай, сестричка. Прости меня за все.

Затем он прикрыл ей лицо и осторожно вылез из могилы. По склону холма поднималась небольшая процессия. Хью поддерживал под руку жену, Джо помогал Барбаре. За убежищем на флагштоке колыбался приспущенный флаг.

Подойдя к могиле, они встали так, что Хью оказался у изголовья, по правую руку от него стояла жена, по левую — сын. Барбара и Джо расположились с противоположной стороны. К облегчению Дьюка, никто не попросил приоткрыть лица усопших, да и мать воспринимала происходящее как будто спокойно.

Хью вынул из кармана небольшую черную книжечку и раскрыл ее на заложенном заранее месте.

— Я есть суть и я есть жизнь... Ничего не принесли мы в сей мир и посему ничего не в силах наших взять из него. Господь дал и Господь же взял... — читал он.

Грейс всхлипнула, и колени у нее начали подгибаться. Хью вложил книгу в руки Дьюка и поддержал супругу.

— Продолжай, сынок.

— Отведи ее назад, отец!

— Нет, нет, я должна остаться, — совершенно убито пробормотала Грейс.

— Читай, Дьюк. Я отметил нужные места.

— ... он копит богатства и не может знать, кто унаследует их. Поелику я вчуже с тобой, и только странник я в этом мире, какими были отцы и деды наши.

О, удели мне хоть малую толику, чтобы мог я вновь обрести силы мои...

Человек, от женщины рожденный, обречен лишь на быстротечное бытие, и полон несчастий краткий путь его земной...

В руки Господа всемогущего нашего предаем мы душу сестры нашей — сестер наших — и предаем тела их земле. Землю — земле, прах — праху и тлен — тлену...

Дьюк остановился и бросил в могилу маленький комочек земли. Затем он снова заглянул в книгу, закрыл ее и сказал вдруг:

— Давайте помолимся...

Они отвели Грейс обратно в дом и уложили в постель. Джо и Дьюк вернулись, чтобы засыпать могилу землей. Хью, решив, что жена его теперь отдохнет, принялся снимать нагар со свечей в задней комнате. Грейс открыла глаза.

— Хьюберт...

— Что, Грейс?

— Я ведь говорила тебе. Я предупреждала. Но ты не хотел меня слушать.

— О чем ты, Грейс?

— Я ведь говорила тебе, что ей нужен доктор. Но ты не вызвал его. Ты оказался слишком гордым. Ты принес мою дочь в жертву собственной гордыне. Дитя мое... Ты убил ее.

— Грейс, но здесь же нет докторов. Ты прекрасно это знаешь.

— Настоящий мужчина на твоем месте не стал бы искать оправданий!

— Грейс, прошу тебя. Дать тебе что-нибудь? Милтаун, например? А может, сделать укол?

— Нет, нет! — пронзительно вскрикнула она. — Именно так ты и помешал мне в тот раз вызвать врача. Теперь тебе никогда не удастся обвести меня вокруг пальца с помощью лекарств. Не прикасайся больше ко мне никогда. Убийца!

— Хорошо, Грейс. — Он повернулся и вышел.

Барбара сидела у двери, обхватив голову руками. Хью сказал:

— Барбара, приспущенный флаг нужно снова поднять. Я пойду и сам сделаю это.

— Так скоро, Хью?

— Да. Жизнь продолжается.

Глава десятая

Жизнь продолжалась. Дьюк охотился и помогал Джо заниматься сельским хозяйством. Больше обычного трудился Хью. Грейс тоже работала. Качество приготовленных ею блюд улучшалось день ото дня, равно как и ее аппетит. Она растолстела и никогда больше не обвиняла мужа в смерти дочери.

Грейс вообще игнорировала его. Когда нужно было что-то обсудить, она разговаривала с Дьюком. Она перестала посещать и проводимые Хью службы.

Как-то в последний месяц беременности Барбары Дьюк остался один на один с отцом.

— Отец, ты однажды обронил, что любой из нас может уйти когда захочет.

Хью был удивлен.

— Да.

— Ты, кажется, говорил, что выделишь уходящему равную долю имущества. Боеприпасы, инструменты и так далее.

— Все, что есть. Фирма гарантирует. Дьюк, неужели ты хочешь уйти?

— Да... и не я один. Уйти хочет мать. Именно она настаивает на этом. У меня тоже есть мотивы, но основная причина в ней.

— М-м-м... Что ж, давай обсудим твои мотивы. Может быть, ты недоволен моим руководством? Так я

с радостью уступаю свое место. Я абсолютно уверен, что Джо и Барбара справятся со всем и без моих понуканий. — Он вздохнул: — Я устал нести эту ношу.

Дьюк покачал головой.

— Не в том дело, папа. Я вовсе не хочу становиться боссом, да и справляешься ты прекрасно. Не могу сказать, чтобы мне понравилось, как ты вначале все взял в свои руки. Но самое главное — результаты, а результатов ты добился отличных. Лучше давай не будем обсуждать мое решение. Могу только сказать, что с тобой лично это никак не связано... и я бы ни за что не ушел, если на уходе не зацклилась бы мать. Она непременно хочет отделиться. А я не могу отпустить ее одну.

— Ты не знаешь, почему Грейс хочет покинуть нас?

Дьюк заколебался.

— Отец, по-моему, это не имеет значения. Она решила окончательно и бесповоротно. Я без конца твержу, что не смогу устроить ей такую же безопасную и удобную жизнь, как здесь. Но в этом вопросе она настоящий кремень.

Хью взвесил его слова.

— Дьюк, если твоя мать так считает, я не собираюсь отговаривать ее. Я уже давно истратил последние крохи влияния на нее. Но у меня есть две идеи. Может быть, какая-нибудь из них покажется тебе приемлемой...

— Вряд ли.

— Выслушай сначала. Ты знаешь, что у нас есть медные трубки, — часть из них мы использовали для оборудования кухни. Но кроме них я припас еще кое-что для изготовления самогонного аппарата. Я приобрел в свое время все необходимое, чтобы в случае войны иметь возможность торговать спиртным, которое было бы чистым золотом в любом примитивном послевоенном обществе. Я не построил аппарат по известным нам обоим причинам. Но я могу соорудить его. И я знаю, как гнать самогон. — Он слегка улыбнулся. — Это не кабинетное знание. На юге Тихого океана, во время службы, я заведовал перегонным кубом, конечно, под бдительным надзором своего не-

посредственного начальника. Тогда-то я и узнал, как из зерна, картошки, да почти из чего угодно, гнать спиртное. Дьюк, возможно, твоя мать была бы счастлива, если бы всегда имела выпивку.

— Но она же сопьется до смерти!

— Дьюк, Дьюк... Если это доставляет ей такое удовольствие, нравственно ли запрещать ей пить? Ради чего ей жить? Раньше она любила смотреть телевизор, бывать в гостях; она могла целый день провести в парикмахерской, затем пойти в кино, в гости и выпить там немного с подружкой. Вот в чем был смысл ее жизни, Дьюк. А где теперь все это? Ушло безвозвратно. И только то, что я предлагаю, немного скрасило бы ее существование. Кто ты такой, чтобы указывать своей матери, спиваться ей до смерти или нет?

— Отец, дело не в этом!

— Так в чем же?

— Ну, ты знаешь, я не одобряю... не одобрял, что мать слишком много пьет. Но я бы, наверное, теперь смирился с этим. Если ты построишь аппарат, мы, возможно, будем твоими покупателями. Но уйти все равно уйдем, так как самогон не решает проблемы.

— Что же, остается второе предложение: уйду я, а не она. Только вот... — Хью нахмурился. — Дьюк, скажи ей, что я уйду, как только Барбара родит. Не могу же я покинуть ее в таком положении. Но ты можешь заверить Грейс...

— Отец, это тоже не решит проблемы!

— Тогда я не понимаю...

— О Господи! Ну да, ладно. Дело-то как раз в Барбаре. Она... Короче говоря, мать обозлилась на нее. Совершенно не может ее терпеть с тех пор, как умерла Карен. Она сказала мне: «Дьюк, эта женщина не будет рожать ребенка в моем доме! Своего выродка! Я этого не потерплю. Скажи отцу, что он должен выставить ее отсюда», — вот ее собственные слова.

— Боже мой!

— Именно. Я пытался урезонить мать. Я без конца повторял, что Барбара не может уйти. Я сказал ей, что ты так же не можешь выставить Барбару, как не смог бы выставить Карен, и что если все-таки у тебя хватит подлости совершить такое (допустим чисто теоретически), то я и Джо будем с оружием в руках защищать

Барбару. Но ты, конечно, на такое свинство не способен.

— Спасибо и на этом.

— Мои слова решили исход дела. Мать верит мне, когда я высказываюсь начистоту. Поэтому она решила, что уйдет сама. Я не могу удержать ее. Она уходит. А я иду, чтобы заботиться о ней.

Хью потер виски.

— Да, ситуация... Хуже не бывает. Дьюк, ты должен понимать, что вместе с тобой ей некуда идти.

— Не совсем так, отец.

— То есть?

— Все можно устроить, если ты согласишься нам помочь. Помнишь пещеру у начала каньона Коллинза, ну ту, которую еще собирались превратить в туристический аттракцион? Так вот, она все еще существует. Или ее двойник, точнее сказать. Я охотился в той стороне еще в первую неделю нашего пребывания здесь. Каньон выглядел таким знакомым, что я поднялся наверх и нашел пещеру. Ты знаешь, отец, в ней вполне можно жить и обороняться.

— А вход? А дверь?

— Никаких проблем, если ты отдашь стальной щит, который загораживал вход в туннель.

— Конечно, о чем речь!

— В пещере есть небольшое отверстие, которое решает проблему дыма. По ней протекает ручей, не пересохший до сих пор, несмотря на жуткую жару. Одним словом, отец, пещера не менее комфортабельна, чем наше убежище. Она нуждается только в небольшой отделке.

— Тогда сдаюсь. Можешь брать почти все, что захочешь. Постельные принадлежности, кухонную утварь. Вашу долю консервов. Спички, оружие, боеприпасы. Составь список, а я потом помогу тебе все перенести.

Дьюк покраснел так, что стало заметно даже сквозь загар.

— Отец, ты знаешь, кое-что уже там...

— Вот как? Ты считал, что я окажусь мелким скрягой?

— Э... я не говорю о последнем периоде. Я припрятал там кое-какие вещи в первые дни нашего пребыва-

ния здесь. Помнишь... ну, в общем, у нас с тобой произошла та стычка... а после нее ты назначил меня главным хранителем. Я смекнул, что к чему, и после этого неделю или две не выходил из дома ненагруженным, стараясь уйти, когда меня никто не видит.

— Попросту воровал.

— Я бы так не сказал. Я никогда не брал больше одной шестой наших запасов... и только самые необходимые вещи. Спички, патроны. То ружье, которое ты никак не мог найти. Одно одеяло. Нож. Немного провизии. Несколько свечей. Дело в том, что... Поставь себя на мое место. Постоянно существовала угроза, что ты рассердишься на меня и нам придется драться, — причем один из нас непременно будет убит, как ты мне тогда заявил, — или я буду вынужден бежать сломя голову, не имея возможности ничего взять с собой. Я решил не вступать в борьбу с тобой. Поэтому мне пришлось заняться кое-какими приготовлениями. Но я ничего не крал: ты же сам сказал, что я могу взять свою долю. Одно твое слово — и я тут же принесу все обратно.

Хью Фарнхэм задумчиво поковырял мозоль, затем взглянул на сына.

— Иногда для человека украсть — значит выжить, не так ли? Я хотел бы узнать только одну вещь. Дьюк, среди тех продуктов, которые ты унес, были банки со сгущенным молоком?

— Ни единой. Отец, неужели ты думаешь, что, если бы там было молоко, я не принес бы его назад, когда умирала Карен?

— Да, прости. Зря я это спросил.

— Это я зря не утащил несколько банок. Тогда бы их не истратили.

— Ребенок все равно не прожил столько, чтобы выпить даже то молоко, которое у нас оставалось, Дьюк. Впрочем, что об этом сейчас говорить! Нужно все вопросы решить побыстрее, но не забывай, что ты в любое время можешь вернуться. Понимаешь, твоя мать сейчас в таком возрасте, когда женщины на некоторое время становятся... несколько упрямыми... Но они потом перебарывают в себе это и остаток жизни доживают милыми старыми леди. Возможно, когда-нибудь наша семья и воссоединится вновь. Наде-

юсь, время от времени мы будем видаться. И... если захочешь овощей, приходи и бери, сколько нужно.

— Я как раз хотел поговорить на эту тему. Обрабатывать землю я там не смогу. Но если я, например, по-прежнему буду охотиться... нельзя ли мне будет, когда я принесу вам мяса, взять овощей?

Хью улыбнулся.

— Кажется, мы возродим коммерцию. Кстати, можешь выменивать у нас глиняную посуду — тогда тебе не придется строить собственную печь для обжига. Дьюк, короче говоря, прикинь, что вам будет нужно, чтобы завтра же мы могли начать переносить все это в пещеру. Особенно не стесняйся. Вот только...

— Что?

— Книги — мои! Тебе придется каждый раз приходить сюда, чтобы заглянуть в ту или иную книгу. В моей библиотеке они на дом не выдаются.

— Что ж, это справедливо.

— Я не шучу. Ты можешь одолжить у меня бритву, можешь взять мой лучший нож. Но попробуй только упереть хоть одну книжку — и я спущу с тебя шкуру и сделаю из нее переплет. Всему есть предел. Ну ладно, я пойду предупрежу Джо и уведу куда-нибудь Барбару. Постараемся не появляться до темноты. Желаю тебе удачи. И передай Грейс, чтобы она не обижалась. Она, конечно, злится, но все же передай. Рай создать можно только вдвоем, а ад очень просто устроить и в одиночку. Не могу сказать, что в последнее время я чувствовал себя счастливым, и, возможно, Грейс умнее, чем мы ее считаем.

— Кажется, таким образом ты просто вежливо посылаешь нас к черту?

— Не исключено.

— Ладно... что бы ты ни имел в виду, желаю того же самого и тебе. То, что я ухожу из дому при первой возможности, — вовсе не случайность.

— Тише! Ну, ладно, ладно! — Отец повернулся и направился прочь.

Выслушав сообщение, Джо ничего не сказал. Он только заключил, что ему лучше пойти и прорыть еще несколько оросительных канавок. Барбаре Хью ничего не говорил до тех пор, пока они не остались одни.

Захватив с собой немного еды, фляжку с водой, ружье и одеяло, они поднялись на холм и расположились немного выше могилы в тени дерева. Хью заметил, что на могильном холмике лежат свежие цветы, и подумал: неужели Барбара забиралась сюда? Ведь путь давался ей с большим трудом: чтобы подняться, им понадобилось довольно много времени. Или это сделала Грейс? Но это казалось еще менее вероятным. Затем разгадка пришла ему в голову: Джо.

Когда Барбара удобно расположилась, улегшись на спину и подогнув ноги, Хью рассказал ей о беседе с сыном и спросил:

— Ну, что ты по этому поводу думаешь?

Она долго молчала, потом ответила:

— Хью, мне ужасно жаль, что так получилось. Ведь это я виновата, да?

— Ты виновата? Только потому, что не вполне нормальная женщина испытывает ненависть к тебе? Ты же сама как-то говорила, что не стоит упрекать себя за недостатки других людей. Неплохо бы тебе самой прислушаться к своему совету.

— Я не о том говорю, Хью. Я имею в виду потерю твоего сына. Грейс не смогла бы уйти без Дьюка. Он что-нибудь говорил? Обо мне?

— Ничего, кроме той навязчивой идеи, которая овладела Грейс. А что он должен был рассказать?

— Не знаю, имею ли я право рассказать... Но в любом случае расскажу. Хью, после смерти Карен Дьюк просил меня выйти за него замуж. Я отказала ему. Он был обижен. И удивлен. Понимаешь... ты знаешь насчет Карен и Джо?

— Да.

— Я не была уверена, сказала ли тебе Карен. Когда она решила выйти замуж за Джо, я решила, что мне придется выйти замуж за Дьюка. Карен считала это само собой разумеющимся, и я тоже как-то упомянула, что собираюсь сделать это. Возможно, она сообщила о нашем разговоре Дьюку. Во всяком случае, он ожидал, что я скажу «да». А я ответила «нет». Он был оскорблен. Прости меня, Хью. Если хочешь, я скажу ему, что передумала.

— Не спеши! Хотя, на мой взгляд, ты и совершила ошибку, я не хочу, чтобы ты исправляла ее ради меня.

Что ты теперь намерена делать? Может быть, собираешься выйти замуж за Джо?

— Джо? Нет, я и в голове не держала такой мысли. Тем не менее я выйду замуж за него с не меньшей готовностью, чем за Дьюка. Хью, я всегда готова делать то, что мне нравится. А мне нравится то, что нравится тебе. — Она повернулась на бок и взглянула на него. — Да ты и сам знаешь это. Если ты хочешь, чтобы я вышла за Джо, — я выйду за него. Если ты хочешь, чтобы я стала женой Дьюка, — я стану его женой. Ты только скажи — и я сделаю все, что хочешь.

— Барбара, Барбара!

— Я не шучу, Хью. Я готова на все. Я полностью доверяюсь тебе. Не в чем-то одном, а целиком и полностью. Да разве ты не догадался об этом за все время, что мы здесь? Я играю строго по книге.

— Не городи чепухи.

— Если это чепуха, то это правдивая чепуха.

— Возможно. Но я хочу, чтобы ты вышла замуж за того, кто тебе нравится.

— Это единственное, чего я не могу сделать: ты уже женат.

— Ох!

— Ты удивлен? Может, я удивила тебя тем, что заговорила об этом после столь длительного молчания? Но так оно и есть, и так было всегда. Поскольку я не могу выйти замуж за тебя, я выйду за того, на кого укажешь ты. Или никогда не выйду.

— Барбара, а ты согласилась бы выйти замуж за меня?

— *Что ты сказал?*

— Ты согласилась бы стать моей женой?

— Да.

Он потянулся к ней и поцеловал ее. Она ответила на его поцелуй, прижавшись губами к его губам и полностью отдавшись его воле.

В конце концов он оторвался от нее.

— Ты не хочешь немного поесть?

— Пока нет.

— По такому случаю не грех бы и шампанского выпить. Но у нас только лепешки.

— Ну ладно. Тогда я, пожалуй, откушу кусочек. И глотну воды. Хью, мой любимый Хью, а как же быть с Грейс?

— А никак. Фактически она развелась со мной еще месяц назад, в день... в тот день, когда мы похоронили Карен. И то, что она еще живет с нами, — вопрос чисто нехватки жилья. Для того чтобы развестись здесь, судья не нужен, равно как и нам с тобой, чтобы быть вместе, не требуется свидетельство о браке.

Барбара обхватила руками свой большой живот.

— Мое свидетельство здесь! — Голос ее был спокоен и счастлив.

— Ребенок мой?

Она взглянула на него.

— Ты знаешь поговорку? Один глупец может задать столько вопросов, что и тысяча мудрецов не ответит.

— О, идиот!

— Конечно же, он твой, любимый. Это такая вещь, которую ни одна женщина не может доказать, но знает наверняка.

Он снова поцеловал ее. Когда он оторвался от ее губ, она погладила его по щеке.

— А вот теперь я, пожалуй, съела бы лепешку, даже несколько. Я голодна. Я чувствую, как жизнь переполняет меня. Ужасно хочется жить!

— Да! Завтра начинается наш медовый месяц.

— Сегодня. Он уже начался. Хью, я хочу сделать запись в журнале. Милый, можно я сегодня буду спать на крыше? Я прекрасно управляюсь с лестницей.

— Ты хочешь спать вместе со мной? Распутная девчонка!

— Я имела в виду другое. Сейчас я вовсе не распутна, все мое существо восстает против этого. Никакой чувственности, дорогой. Только платоническая любовь. В медовый месяц от меня не будет никакого толка. О, я буду счастлива просто находиться рядом с тобой. Нет, дорогой, я хотела сказать, что мне неприятно будет спать под одной крышей с Грейс. Я боюсь ее. Боюсь не за себя, а за ребенка. Хотя это, может быть, и глупо.

— Не так уж и глупо. Скорее всего, ничего не произойдет, но некоторые меры предосторожности мы

все-таки предпримем. Барбара, а что ты вообще думаешь о Грейс?

— Я должна отвечать?

— Если можешь.

— Она мне не нравится. Это не имеет отношения к тому, что я боюсь ее. Она не нравилась мне задолго до того, как в ее присутствии у меня начало возникать неприятное чувство. Мне не нравится, как она ведет себя со мной; мне не нравится, как она обращается с Джозефом; мне не по душе было, как она относилась к Карен; я совершенно не перевариваю того, как она обращается с тобой, — хотя я всегда была вынуждена делать вид, что не замечаю этого, — и я презираю ее за то, что она сделала с Дьюком.

— Мне она тоже перестала нравиться... хотя и с недавних пор. Я рад, что она уходит от нас, Барбара, и был бы рад этому, даже если бы тебя с нами не было.

— Хью, я так счастлива! Ты знаешь, что я разведена?

— Да.

— Когда наш брак распался, я поклялась себе, что никогда в жизни не послужу причиной чьего-либо развода. Поэтому я чувствовала себя виноватой с самой первой ночи нападения.

Он покачал головой.

— Забудь об этом. Наш брак с Грейс распался давным-давно. Дети и обязанности — единственное, что связывало нас. По крайней мере, меня, так как она и обязанностей знать не хотела. Любимая, ты ни в чем не виновата. Тем более, что мы думали — смерть не за горами, а любви мне хотелось так же, как и тебе. Я просто сгорал от желания любить — и получил тебя.

— Любимый, я больше никогда не дам тебе сгорать.

На следующее утро, около десяти часов, они все собрались около убежища, где уже были сложены вещи отбывающих.

Хью с иронической улыбкой окинул взглядом то, что отобрал для себя Дьюк и бывшая жена. Грейс буквально восприняла его слова «берите что хотите».

Она дочиста обобрала убежище, взяв лучшие одеяла, почти всю утварь, включая чайник, три поролоновых матраца из четырех, почти все оставшиеся консервы, весь сахар и львиную долю остальных невосполнимых продуктов.

Хью возразил только в одном случае — соль. Когда он заметил, что Грейс прихватила всю имевшуюся соль, он настоял на разделе. Дьюк согласился и спросил, есть ли еще возражения.

Хью отрицательно покачал головой. Ведь Барбара не будет мелочиться — с милым рай и в шалаше.

Дьюк взял лопату, топор, молоток, менее половины гвоздей и не тронул ни одного инструмента из имевшихся в единственном экземпляре. Он попросил, чтобы в случае необходимости ему одалживали их. Хью согласился и в свою очередь предложил помощь в работах, где одному не справиться. Дьюк поблагодарил его. Для обоих положение было тягостным, и они тщательно скрывали это, проявляя чрезмерную учти-вость.

Отправление откладывалось из-за сложностей со стальным щитом. Нести его было вполне по силам такому сильному мужчине, как Дьюк, но щит нужно было упаковать так, чтобы он не лишил Дьюка возможности стрелять.

Кончилось тем, что в дело пошла медвежья шкура, покрывавшая кровать, на которой умерла Карен. Хью жалел лишь о том, что было упущено время. Вещи, отобранные Грейс, унести можно было только за шесть ходок. Дьюк считал, что две ходки в день — это максимум; но и тех не удастся сделать, если они вскоре же не выйдут.

В конце концов щит приспособили на спину Дьюку так, что густой мех смягчал давление металлической ноши.

— Кажется, удобно, — решил Дьюк. — Берите свои мешки и пойдем.

— Уже идем, — отозвался Хью и нагнулся за своей поклажей.

— Боже мой!

— Что-нибудь случилось, Дьюк?

— Смотрите!

Над восточным склоном показались очертания какого-то предмета, который скользил по воздуху курсом, пролежавшим в стороне от жилища. Подлетев ближе, он вдруг круто свернул и направился к ним.

Появившийся прямо над ними предмет просто не с чем было сравнить: он напоминал разве что темную костяшку домино. Хью сначала даже не смог оценить его размеры. Но когда «костяшка» оказалась в пятидесяти футах над их головами, ему показалось, что она имеет около ста футов в ширину и трехсот в длину. Точно определить ее размеры было невозможно. Двигался предмет быстро, но бесшумно.

Он пролетел над ними, развернулся, сделал круг. Затем остановился, еще раз развернулся и прошел теперь уже на небольшой высоте.

Хью заметил, что одной рукой он прижимает к себе Барбару. Когда загадочный предмет появился, она стояла в некотором отдалении от всех, замачивая белье в установленной снаружи ванне. Теперь же она вдруг оказалась в его объятиях, и он чувствовал, как вздрагивает ее тело.

— Хью, что это?

— Люди.

Предмет теперь висел над их флагом. Можно было уже различить людей. Над краями предмета появились головы.

Вдруг один из углов как будто отделился, резко спикировав вниз, и завис над самой верхушкой флагштока. Хью увидел, что это машина длиной футов в девять и шириной фута в три, с одним пассажиром. Подробностей он различить не мог, равно как и понять, что приводит аппарат в движение. Нижняя часть туловища пилота была скрыта бортами. Видны были только плечи и голова.

Человек сорвал флаг, и его машина вернулась к большому аппарату, буквально втянувшись в него.

Прямоугольник распался.

Он разделился на машины, подобные той, что завладела их флагом. Большинство из них оставалось в воздухе, около дюжины приземлилось, причем три вплотную окружили колонистов. Дьюк закричал: «Внимание!» — и потянулся к ружью.

Но ему не удалось добраться до него. Он застыл, согнувшись под острым углом, растерянно хватая воздух руками, а затем был медленно возвращен в вертикальное положение.

Барбара испуганно выдохнула на ухо Хью:

— Хью, что это?

— Не знаю. — Ему не нужно было спрашивать, что она имеет в виду: в то самое мгновение, когда остановили его сына, он испытал ощущение, как будто по грудь погрузился в зыбучий песок. — Не сопротивляйся.

— А я и не думала даже...

Грейс завопила:

— Хьюберт, Хьюберт, сделай же что-нибудь... — крик ее оборвался. Казалось, она потеряла сознание, но не упала.

Четыре машины бок о бок висели в воздухе, футах в восьми над ними, и медленно продвигались к огороду Барбары. Там, где они пролетали, вся растительность: ячмень, помидоры, горох, рис, картофель — одним словом, все, включая даже мелкие оросительные канавки, спрессовывалось в однородное ровное покрытие, которое тут же начала затапливать вода. Тогда одна из машин, отделившись от остальных, проделала вдоль границ свежеутрамбованной площадки канаву, и вода стала уходить по ней, попадая теперь в ручей немного ниже по течению.

Барбара спрятала лицо на груди Хью. Он успокаивающе похлопал ее по спине.

Машина тем временем двинулась вдоль канавы к ее началу, и вода вскоре вообще перестала течь.

Когда огород был превращен в ровную площадку, на нее стали садиться столь же неожиданно появившиеся другие машины. Хью не в состоянии был определить, чем они заняты, но за считанные секунды на площадке вырос большой павильон, иссиня-черный и украшенный красными и золотыми узорами.

— Отец! Ради Бога, попробуй дотянуться до оружия! — крикнул Дьюк.

У Хью на поясе был его сорок пятый, который он считал наиболее удобным для похода оружием. Неведомая сила лишь слегка сдерживала руки Хью. Однако он ответил:

— Не стану и пытаться.

— Неужели ты собираешься вот так просто стоять и смотреть...

— Да, Дьюк, подумай сам. Если мы постоим спокойно, то, возможно, проживем еще немного.

Из павильона появился человек. Он, казалось, был около двух метров ростом. Еще более высоким его делал отполированный до блеска шлем с перьями. На могучие обнаженные плечи незнакомца был накинута развевающийся плащ красного цвета, расшитый золотом. Ноги его были обуты в черные сапоги.

Остальные были одеты в черные плащи с красно-золотыми нашивками на правом плече. У Хью создалось впечатление, что человек в красном плаще (а в том, что он является предводителем этих людей, сомневаться не приходилось) некоторое время переодевался в свое официальное платье. Хью немного приободрился. Они были пленниками, но, раз глава захвативших их людей удосужился переодеться, прежде чем допрашивать их, значит, они были важными пленниками, и, возможно, переговоры принесут какие-нибудь плоды.

Уверенность Хью подкреплялась еще и тем, что выражение лица человека было добродушно-высокомерным; блестящие глаза смотрели спокойно и весело. У незнакомца был высокий лоб и массивный череп. Он выглядел умным и осторожным. Хью не мог определить, к какой расе он относится. Кожа его была коричневой и блестящей. Но рот только отдаленно напоминал негритянский. Нос, хотя и широкий, имел горбинку, а черные волосы были волнистыми. В руке он держал небольшой стержень.

Приблизившись к ним и дойдя до Джо, чужак остановился как вкопанный. Затем отдал стоявшему рядом с ним человеку какой-то приказ.

Джо выпрямился и размял ноги.

— Благодарю вас.

Человек обратился к Джо на непонятном языке.

Тот ответил:

— Прощу прощения, но я не понимаю.

Пришелец снова что-то произнес. Джо беспомощно пожал плечами. Человек улыбнулся и поднял ружье Дьюка. Он неуклюже повертел его, рассматривая, и Хью забеспокоился, что ружье может выстрелить.

Однако было похоже, что незнакомец кое-что понимал в ружьях. Он передернул затвор, дослал патрон, приложил ружье к плечу и выстрелил в сторону ручья.

Выстрел прозвучал оглушительно, а пуля пролетела совсем рядом с головой Хью. Человек широко улыбнулся, передал ружье своему сопровождающему и, подойдя к Хью и Барбаре, протянул руку, очевидно желая дотронуться до ее живота.

Хью оттолкнул его руку.

Тогда, почти незаметным движением и совершенно беззлобно, тот отвел руку Хью своим стержнем. Это был даже не удар, с такой силой нельзя было бы убить и мухи.

Хью вскрикнул от боли. Его рука горела как в огне и была полностью парализована.

— О Боже!

Барбара тревожно сказала:

— Не нужно, Хью. Он не собирается причинить мне вред.

Это действительно было так. С абсолютно безличным интересом, с каким ветеринар мог бы осматривать кобылу, человек ощупал живот Барбары, затем приподнял одну из ее грудей, а в это время Хью исходил бессильной злобой, будучи не в силах помочь своей возлюбленной.

Наконец незнакомец закончил свое обследование, улыбнулся Барбаре и погладил ее по голове. Хью попытался забыть о боли в руке и сосредоточиться мысленно на своих познаниях в языке, который он когда-то изучал.

— Ви гаварите по-русски, гаспадин?

Человек взглянул на него, но ничего не ответил.

Барбара спросила:

— Шпрехен зи дойч, майн херр?

Тот только улыбнулся. Тогда Хью окликнул сына:

— Дьюк, попробуй испанский!

— О'кей. Хабла устед эспаньол, сеньор?

Никакого ответа.

Хью вздохнул.

— Кажется, мы исчерпали наш запас.

— Месье, — вдруг произнес Джо, — эс се ке ву парле ля ланг франсе?

Человек обернулся.

— Тьен?

— Парле ву франсе, мсье?

— Ма ви! Ву эте Франсе?

— Но, но! Же вуи америкен. Ну соим ту америкен.

— Импоcсиль!

— Се ра, мсье. Же ву ен ассюр. — И Джо указал на опустевший флагшток. — Ле Этатс Юнис дель Америк.

Далее за разговором следить стало трудно, так как обе стороны углубились в дебри ломаного французского. Наконец они умолкли. Джо сообщил:

— Хью, он предложил мне... приказал мне пойти с ним в палатку и говорить там. Я попросил его сначала освободить вас всех, но он ответил «нет». Вернее, «нет, черт возьми».

— Тогда попроси его освободить женщин.

— Попробую. — Джо сказал человеку какую-то длинную фразу. — Он говорит, что беременная женщина — Барбара — может сесть на землю. А «жирная» — он имеет в виду Грейс — должна пойти с нами.

Все трое отправились в павильон. Барбара села и даже вытянула ноги. Но Хью невидимые путы держали по-прежнему надежно.

— Отец, — с тревогой в голосе произнес Дьюк. — Это наш шанс, пока рядом нет никого, кто понимал бы по-английски.

— Дьюк, — устало ответил Хью, — ты разве не понимаешь, что все козыри у них на руках? Я думаю, что мы останемся в живых до тех пор, пока не надоедим ему, — и ни минутой дольше.

— Так ты, значит, даже не хочешь попытаться оказать сопротивление? А как же тогда насчет той чепухи, которую ты так любил нести, — о том, что ты свободный человек и всегда собираешься оставаться им?

— Значит, это на самом деле была чепуха, — презрительно отозвался Хью.

— Ну что ж. Я со своей стороны ничего не обещаю. Только скажи мне, отец, каково это: испытывать чью-то власть над собой, а не властвовать над другими?

— Мне это не нравится.

— Мне тоже это не нравилось. И я никогда не забуду этого. Надеюсь, что ты доволен.

— Дьюк, ради Бога, перестань пороть всякую чушь, — сказала Барбара.

Дьюк взглянул на нее.

— Хорошо, я замолчу. Ответь мне только на один вопрос. От кого у тебя будет ребенок?

Барбара не ответила. Хью тихо промолвил:

— Дьюк, если нам удастся выкрутиться, обещаю, что разделаю тебя под орех.

— В любое время, старик.

Они замолчали, Барбара дотянулась до Хью и потрепала его по ноге. Около кучи их пожитков собрались пятеро и внимательно разглядывали их. Подошел шестой и отдал какой-то приказ. Они разошлись. Тогда он сам осмотрел пожитки, затем заглянул в убежище и исчез внутри.

Хью услышал шум воды и увидел, как по руслу ручья пронеслась коричневая волна.

Барбара подняла голову.

— Что это?

— Нашей плотины больше нет. Но это уже не имеет значения.

Спустя довольно продолжительное время из павильона вышел один Джо. Он подошел к Хью и сказал:

— Это просто поразительно, по крайней мере, то, что я уразумел. Мне было далеко не все понятно, так как он говорит на ломаном французском, да и я знаю язык недостаточно хорошо. Но вот что я узнал: мы находимся на территории частного владения. Он предполагает, что мы беглые преступники. Правда, было употреблено не это выражение, но смысл именно такой. Я попытался убедить его — и, надеюсь, успешно, — что мы ни в чем не виноваты и попали сюда не по своей воле.

Во всяком случае он ничуть не сердится, даже несмотря на то что формально мы преступники: бродяжничество, разведение растений там, где сельское хозяйство запрещено, постройка плотины на чужой земле и все такое прочее. Думаю, для нас все кончится хорошо, если мы будем делать то, что нам велят. Он находит нас любопытными — и нас, и то, как мы попали сюда, и все остальное. — Джо взглянул на

Барбару: — Ты помнишь свою теорию насчет параллельных вселенных?

— Наверное, я была права, да?

— Нет. Хотя я еще не во всем разобрался, но одно могу сказать с уверенностью. Барбара, Хью, Дьюк, слушайте! Это наш, наш собственный мир!

— Джо, это просто непостижимо! — воскликнул Дьюк.

— Сам спорь с ним. Но он знает, что я подразумеваю под Соединенными Штатами, знает, где находится Франция. И так далее. Это не вызывает никакого сомнения.

— Ну... — Дьюк запнулся, — все, конечно, может быть. И что с того? А где моя мать? Как ты мог оставить ее наедине с этим дикарем?

— С ней ничего плохого не случилось, она обедает с ним. И похоже, очень довольна происходящим. Не беспокойся, Дьюк, все будет в порядке — так мне кажется. Как только они закончат трапезу, мы отправимся.

Некоторое время спустя Хью помог Барбаре усесться в одну из странных летающих машин, затем и сам устроился в другой, позади пилота. Он обнаружил, что сиденье весьма удобно, а вместо предохранительного ремня имелось все то же поле, охватившее, едва он уселся, нижнюю часть тела подобно зыбучему песку. Пилот, удивительно похожий на Джо молодой негр, оглянулся, затем бесшумно поднял аппарат в воздух и присоединился к формирующемуся в воздухе большому прямоугольнику. Хью заметил, что почти в половине машин пассажиры были белые, пилоты же были темнокожие, всех оттенков, от светло-коричневых яванцев до иссиня-черных уроженцев острова Фиджи.

Аппарат, в котором находился Хью, летел в замыкающем ряду. Он бросил взгляд в поисках остальных и слегка удивился, заметив, что Грейс расположилась в машине босса, занимавшей почетное, видимо, положение в середине первого ряда. Там же находился и Джо.

К сформировавшейся в прямоугольник воздушной армаде не присоединились две машины. Одна из них замерла над кучей добра, сложенного возле убежища,

собрала все вещи в невидимую сеть и улетела. Второй аппарат завис над убежищем.

Массивная постройка поднялась вверх исключительно легко, так, что не пострадал даже навес на крыше. Небольшая машина и ее гигантская ноша заняли место футок в пятидесяти от основного формирования. Огромный прямоугольник рванулся вперед, набирая скорость, но Хью при этом не ощутил ветра, бьющего обычно при полете в лицо. Аппарат, несущий убежище, казалось, без труда летел с той же скоростью, что и все остальные. Машины с пожитками не было видно, вероятно, она находилась где-то позади.

Последнее, что Хью увидел внизу, — это гигантскую полосу на том месте, где были посадки Барбары, и длинную черту на месте оросительной канавы.

Он потерял больную руку, подумав про себя, что все случившееся было просто цепью удивительных совпадений. Это даже немного оскорбляло его, как оскорбила бы нечестность со стороны порядочного человека. Он вспомнил замечание Джо перед посадкой в машины: «Нам невероятно повезло, что мы встретили ученого. Французский язык здесь язык мертвый — давно исчезнувший, как он выразился».

Хью повернул голову и встретился взглядом с Барбарой. Она улыбалась.

Глава одиннадцатая

Мемток, главный управляющий дворца Лорда-Протектора Полученного Района, был озабочен и счастлив. Счастлив, потому что озабочен. Он и сам не осознавал того, что счастлив, и часто жаловался на то, как трудно исполнять ему свои обязанности, потому что, по его словам, хотя под его началом и состояло почти восемнадцать сотен слуг, среди них не было и трех, которым он мог бы доверить вылить сосуд с помоями, не наблюдая за ними.

Мемток только что имел приятную беседу с шеф-поваром, изрядно его потешившую: он намекнул, что из старого и жилистого повара получилось бы гораздо лучшее жаркое, чем то, которое было послано к столу Их Милости накануне вечером. Одной из обязанностей, которую Мемток добровольно возложил на себя, было лично пробовать все, что предстояло отведать его Повелителю. При этом приходилось пренебрегать опасностью оказаться отравленным, а так же тем, что гастрономические вкусы Их Милости разительно отличались от его собственных. Рискованная дегустация была одним из тех бесчисленных способов, с помощью которых Мемток входил лично во все детали; именно подобное тщание быстро возвысило его в еще сравнительно молодом возрасте до нынешнего ответственного, значительного поста.

Шеф-повар недовольно проворчал что-то, и Мемток отослал его, дав понять, что поваров в наши дни найти не так уж трудно. Затем с удовольствием вернулся к прерванным делам.

Перед ним лежала груда бумаг, так как он только что закончил переезд из Дворца в Летний Дворец — тридцать восемь Избранных и всего лишь четыреста шестьдесят три слуги: летняя резиденция обслуживалась исключительно костяком персонала. Эти переезды, осуществлявшиеся дважды в год, требовали массы бумаг: заказы, наряды, описи, платежные документы, грузовые накладные, перечни обязанностей, депеши, — и он все больше склонялся к мысли попросить патрона найти какого-нибудь юнца посимпатичнее, отрезать ему язык и обучить обязанностям письмоводителя. Но затем Мемток изменил свое намерение: он не доверял слугам, которые умели читать, писать и производить арифметические действия, — это всегда вело к тому, что ими овладевали всякие идеи, даже если они не могли говорить.

Вообще-то Мемтоку нравилась возня с документами, и он не хотел делить ее с кем-либо. Его руки так и летали над ворохом бумаг, ставя подписи, выводя резолюции, одобряя платежи. Перо он держал странно — между двумя пальцами правой руки. Больших пальцев на руках у него не было.

Он прекрасно обходился без них и теперь уже с большим трудом представлял себе, зачем они могли бы ему понадобиться. Он свободно держал ложку, перо и хлыст, а в большем не было необходимости.

Наконец, ему не только не доставало пальцев, но он даже гордился их отсутствием: оно доказывало, что он служил своему Повелителю в двух основных ипостасях: на конюшне, когда был помоложе, а затем — вот уже на протяжении многих лет — в качестве вышколенного слуги. Любой из слуг в возрасте старше четырнадцати лет (за небольшим исключением) обладал способностями либо к тому, либо к другому. Тем не менее очень немногим дано было пройти путь, подобный пройденному Мемтоком, — от жеребца до управляющего. Может быть, только какой-то сотне человек на всей Земле. Эти немногие говорили друг с другом как равные. Они считали себя элитой.

Кто-то поскребся в дверь.

— Войдите! — крикнул он, а увидев вошедшего, прорычал: — Чего нужно?

Рык был совершенно автоматическим, но ему действительно был очень не по душе этот слуга, и по весьма серьезной причине: он не обязан был подчиняться Мемтоку, так как был представителем другой касты — касты охотников, хранителей и загонщиков, и подчинялся Мажордому-хранителю. Мажордом считал себя равным Главному Управляющему по рангу — формально так оно и было.

Летний Дворец был не по душе Мемтоку. Здесь ему приходилось иметь дело с той разновидностью слуг, которая имела непростительный недостаток — она не находилась у него в подчинении. В принципе, стоило ему только намекнуть Их Милости, и любого из этих ничтожеств ждала бы кара, но просить он не любил; с другой стороны, тронь он только кого-либо из них — и мерзавец, непременно, пожалуется своему начальнику. А Мемток считал, что разногласия между старшими слугами ведут к падению нравов среди подчиненных.

— Послание от Повелителя! Их Милость изволит пребывать на обратном пути во дворец. С Их Милостью четыре захваченных дикаря и эскорт. Приказано немедленно подняться на крышу для встречи Повелителя и получения распоряжений насчет пленников. Все.

— Все? Черт побери, что значит «все»? Какие еще пленники? И, во имя Дяди, когда он прибывает?

— Все! — стоял на своем посланец. — Послание передано двадцать минут назад. Я искал вас повсюду. — Вон!

Самым важным сообщением было то, что Их Милость возвращается домой, следовательно, не будет отсутствовать всю ночь. Распоряжения Шеф-повару, Церемониймейстеру, Музыкальному Директору, Домоправителю, Начальнику Всех Департаментов... — забот было так много, что Мемток не успевал отдавать приказания. При этом он не переставал размышлять. Четыре дикаря? Экая важность!

На крыше Мемток оказался своевременно. Он обязательно должен был находиться там, чтобы организовать встречу Лорда-Протектора.

После прибытия на место Хью так и не смог повидаться с Барбарой: женщин сразу куда-то увели. Когда поле перестало действовать, перед Хью и Дьюком предстал совершенно лысый, приземистый белый человек со злым выражением лица, резкими движениями и хлыстом в руке. Одет он был в белый балахон, который можно было принять за ночную рубашку, если бы не красно-золотая нашивка на правом плече. Хью предположил, что это геральдический знак его повелителя. Та же эмблема, но уже из золота, инкрустированная рубинами, повторялась на медальоне, висевшем на груди коротышки на массивной золотой цепи.

Человек оглядел его с головы до ног с явным презрением, затем передал с рук на руки другому белому в «ночной рубашке». Тот был без медальона, но с хлыстом. Хью потерял руку и решил, что не стоит проверять, так ли эффективен этот хлыст, как тот, что был у предводителя.

Проверить довелось Дьюку. Сердитый коротышка дал какие-то указания их новому стражу и ушел. Тот отдал приказ, который Хью, оценив интонацию и жест, понял как «следуйте за мной» — и пошел.

Дьюк заупрямился. Тогда провожатый слегка коснулся хлыстом его лодыжки. Дьюк закричал. Остаток пути ему пришлось проделать хромя.

Они спустились в скоростном лифте и в конце концов попали в освещенную комнату без окон, вызывавшую ассоциацию с больницей.

На сей раз Дьюк сразу уразумел приказание раздеться, и хлыста не потребовалось. Выругавшись, он все же повиновался. Хью отнесся к приказу совершенно спокойно. Кажется, он уже начал понимать систему. Хлыст использовали здесь так же, как опытный всадник применяет шпоры: заставляя беспрекословно подчиняться, но не причиняя вреда.

Из первой комнаты их перегнали во вторую, поменьше, где в них со всех сторон ударили струи воды. Оператор находился на галерее наверху. Он криком привлек их внимание, а затем жестами показал, что они должны тереть свою кожу.

Пленники принялись соскребать с себя грязь. Водяные струи исчезли, их обдало жидким мылом. Они еще раз помылись, их сполоснули, после чего пришлось вымыться еще раз. Процесс сопровождался энергичными жестами оператора, недвусмысленно свидетельствовавшими о том, каким тщательным должно быть мытье. Хлынули струи очень горячей воды, сменившейся холодной. Завершилась процедура потоками горячего воздуха. Хью это сильно напомнило автоматическую посудомойку, тем не менее, помывшись, они стали намного чище, чем когда-либо за все время пребывания в этом мире.

Помощник банщика налепил им на брови полоски липкого пластыря, втер в головы какую-то эмульсию, затем — ее же — в бороды, уже довольно заметные, так как в этот день они не брились, и в конце концов в лобки. Прежде чем подчиниться этим манипуляциям, Дьюк сподобился заработать еще одно утешение хлыстом. Зато когда им волей-неволей пришлось вытерпеть еще и клизмы, Дьюк, стиснув зубы, покорился беспрекословно. Ватерклозет, с которым они вынуждены были ознакомиться, присутствовал здесь в виде небольшого отверстия в полу, где крутился водоворот.

Затем им очень коротко остригли ногти на руках и ногах и вновь отправили мыться.

Вода смыла обработанный эмульсией волосистой покров, так что из душевой они вышли абсолютно лысыми, если не считать бровей.

Банщик заставил их прополоскать рты, наглядно продемонстрировав, что от них требуется. Жидкость для полоскания была немного едковата, но приятна на вкус. Когда они закончили эту процедуру, Хью испытал во рту ощущение удивительной свежести.

После бани он почувствовал себя абсолютно чистым, оживленным и прямо-таки исполненным сил и бодрости. Вместе с тем от всего, чему их подвергли, у него остался неприятный осадок: над ними как будто издевались.

Их провели в следующую комнату и обследовали.

Осуществлявший осмотр человек носил длинную белую рубашку и небольшую эмблему на тонкой золотой цепочке. Не нужно было быть провидцем, чтобы догадаться о его профессии. «У постели больного он

наверняка ведет себя так, что никогда не разбогатеет бы», — решил Хью, когда был внимательно осмотрен, а затем обследован. В человеке было что-то от военного врача. Он вел себя не то чтобы недоброжелательно, а скорее безразлично.

Он был очень удивлен и заинтересован съемным мостом, который обнаружил во рту Хью. Сняв его и внимательно обследовав, он осмотрел участок десны, который тот занимал, затем передал мост одному из своих помощников и отдал какое-то распоряжение. Помощник ушел, и Хью подумал, что жевать ему теперь будет не так удобно, как раньше.

Врач потратил на них по часу или даже больше, пользуясь инструментами и оборудованием, которых Хью никогда не видел. Единственными приемами, знакомыми ему, были измерения роста, веса и давления. С ними обоими что-то делали, но ни одна из манипуляций не причиняла боли — никаких скальпелей или подкожных инъекций. Ассистент врача принес съемный мост обратно, и Хью получил разрешение вставить его на место.

Хотя обследования и процедуры не были болезненными, они порой казались унижительными. После одной из них, когда Хью уложили на стол, который только что освободил Дьюк, молодой человек спросил:

— Ну, и как тебе все это, отец?

— Отдыхаю.

Дьюк фыркнул.

То, что оба имели шрамы после операции аппендиксита, показалось врачу не менее интересным, чем съемный мост. Жестами он изобразил боль в животе, а затем большим пальцем указал на местоположение аппендикса. Хью с трудом удалось выразить согласие, так как утвердительное кивание головой, как ему показалось, носило здесь смысл отрицания.

Ассистент вошел снова и вручил врачу предмет, который оказался еще одним мостом. Хью было велено открыть рот, старый мост был извлечен и поставлен новый. Хью ощупал его языком. Ощущение было такое, будто в ротовой полости нет никакого инородного предмета. Врач обследовал, очистил и запломбировал все их пораженные зубы совершенно безболезненно,

обходясь при этом, насколько понял Хью, без всякой анестезии.

Затем Хью был внезапно «связан» (опять невидимое поле), укреплен на столе в положении на спине, а ноги его были подняты и разведены в стороны. Подкатили еще один столик, и Хью понял, что его собираются оперировать, а затем с ужасом понял и то, какого рода операция его ожидает.

— Дьюк! Дьюк! Не давай им схватить себя! Попробуй выхватить у него хлыст!

Дьюк колебался слишком долго. В руках у врача хлыста не было — он держал его поблизости. Дьюк рванулся к хлысту, но врач оказался проворнее. Через несколько минут еще не успевший очнуться от настигшей его ошеломляющей боли Дьюк тоже лежал на столе с разведенными ногами.

Оба они продолжали протестовать, насколько это было возможно в их положении. Врач задумчиво посмотрел на них, вызвал конвоира, который сопровождал пленников, и отослал его куда-то. Через некоторое время появился коротышка с большим медальоном. Оценив ситуацию, он вихрем умчался.

Несчастные пребывали в томительном ожидании решения своей участи. Главный врач в это время занялся тем, что заставил своих ассистентов закончить приговления к операции, и теперь ее характер уже не оставлял ни малейших сомнений. Дьюк заметил, что им лучше было бы сегодня утром оказать сопротивление и погибнуть, чем вот так позорно ожидать своей участи здесь, как пороссятам. Да они бы и дрались, как подобает мужчинам, напомнил он отцу, если бы тот не трусил.

Хью не стал спорить. Он согласился. Он все пытался убедить себя в том, что его нерешительность была вызвана заботой о женщинах. Но это служило слабым утешением.

По прошествии довольно продолжительного времени коротышка ворвался к ним, донельзя разъяренный. Он выкрикнул какой-то приказ, Хью и Дьюк были тут же освобождены.

На этом все и закончилось, если не считать того, что их успели полностью натереть ароматным кремом.

Пленников одели в длинные рубашки, провели по длинным, пустынным коридорам, и Хью был водворен в камеру. Дверь не запирали, но открыть ее он не мог.

В одном из углов стоял поднос с едой и ложкой. Пища была превосходной, тем не менее он не смог определить, из каких продуктов приготовлены некоторые блюда. Хью ел с аппетитом, выскреб дочиста тарелки и запил все легким пивом. Затем он улегся спать на мягкой подстилке на полу, отрешившись от всех забот.

Разбудили его шаги.

Он был отведен в отдаленное помещение, оказавшееся учебной комнатой. Здесь его поджидали два невысоких человека в белых одеяниях. У них было все необходимое для организации учебного процесса: новизна классной доски (написанное можно было стирать с нее быстро и бесследно каким-то удивительным способом), терпение и хлыст, поскольку занятия проводились «под неумолчный свист ореховых розог», как выразился поэт. Ни одна ошибка не оставалась незамеченной.

Оба они умели рисовать и прекрасно жестикулировали, объясняя что-либо.

Изучая язык, Хью заметил, что под воздействием боли память у него улучшается: желания повторять ошибку дважды у него не возникало. Сначала его наказывали только за то, что он забывал слова, но со временем можно было заработать удар хлыстом за ошибки в грамматике и произношении.

Такое обучение «по Павлову» — если подсчеты Хью были верны — продолжалось семнадцать дней. Занимаясь только учебой, он за эти дни не видел ни одной живой души, кроме своих учителей. Они занимались им по очереди, Хью же отдавал занятиям по шестнадцать часов в сутки. И хотя выспаться ему не удалось ни разу, на уроках он не дремал — не осмеливался. Ежедневно его мыли и выдавали чистую рубашку, дважды в день его кормили. Пища была обильной и вкусной. Три раза в сутки его под конвоем водили в туалет. Все остальное время Хью учился говорить, каждую минуту опасаясь, что за ничтожную ошибку его опалит жгучая боль.

Со временем он научился предотвращать наказание. Вопрос, заданный достаточно быстро, иногда изрядно выручал его. «Учитель, ничтожный слуга понимает, что есть протокольные разновидности речи для каждого статуса, от вышестоящего к нижестоящему и наоборот, но ничтожный в своем глубоком невежестве никак не может догадаться, что из себя представляет каждый статус, не осмеливаясь даже и предположить, какими путями шел Великий Дядя, создавая оные, и не осознавая даже иной раз, какой из статусов имеет честь употребить почтенный учитель, обращаясь к ничтожному слуге своему во время занятий, и который из них ему, ничтожному, следует осмелиться употребить в ответ. Более того, покорный слуга понятия малейшего не имеет о его собственном статусе в великой семье, если будет угодно милостивому наставнику».

В таких случаях хлыст откладывался в сторону и на протяжении часа ему читали лекцию. Проблемы иерархии волновали Хью гораздо больше, чем можно было заподозрить из его вопроса. Самым низким статусом был статус жеребца. Нет, был еще более низкий — дети слуг. Но, поскольку от детей всегда можно ожидать ошибок, они в счет не шли. Более высокое положение занимала прислуга, затем шли осклопленные слуги — категория слуг, различия внутри которой были настолько незначительными и многочисленными, что в их среде почти всегда употреблялась речь равных, если разница в положении не была слишком уж очевидной.

Над слугами возвышалась каста Избранных, с неограниченными вариациями рангов, связанных подчас с такими ритуальными обстоятельствами, при которых женщина являлась более важной персоной, чем мужчина. Но это-то как раз затруднений не представляло: всегда можно было пользоваться речью нижестоящего. Однако...

— Если двое Избранных заговорят с тобой одновременно, которому из них ты ответишь?

— Младшему, — ответил Хью.

— Почему?

— Поскольку Избранные не ошибаются, ничтожный слуга ослышался: в действительности старший из

Избранных не говорил, в противном случае младший никогда бы не осмелился прервать его.

— Правильно. А если ты оскопленный садовник и встречаешь в саду Избранного, ранг которого соответствует рангу твоего Повелителя-Дядюшки, и он спрашивает у тебя: «Малыш, что это за цветок?»...

— Их Милость, несомненно, знает все сущее несравненно лучше, чем ничтожный слуга, но если глаза последнего не лгут ему, то этот цветок, должно быть, лилия.

— Неплохо. Но при ответе еще следует опустить глаза долу. Теперь о твоём статусе... — В голосе наставника звучала неподдельная боль. — У тебя вообще нет статуса.

— Прошу прощения, учитель!

— О Дядя! Как только ни пытался я выяснить это! Никто ничего не мог мне сказать вразумительного. Наверное знает только наш Лорд-Дядюшка, но Их Милость мне повидать не удалось. Во всяком случае, ты не ребенок, не жеребец, не скопец, ты не принадлежишь ни к одной прослойке. Ты просто дикарь, и это ни в какие ворота не лезет.

— Но какой же стиль мне употреблять в речи?

— Всегда только нижестоящего. О, конечно, не по отношению к детям и жеребцам — они этого не заслуживают.

Хью находил, что изучаемый язык очень прост и логичен, за исключением изменений в склонении согласных статусам. В нем не было неправильных глаголов, а порядок слов в предложении был строго определенным. Возможно, такой строй речи имел искусственное происхождение. Ориентируясь по некоторым знакомым словам, таким как «симба», «бвана», «вазир», «этаж», «трек», «онкл», Хью предположил, что корневая база речи восходит к основным языкам африканского континента. Его лингвистический интерес был сугубо абстрактным и, в сущности, уже не имеющим значения: Хью изучал «Язык», и, по словам его учителей, это был единственный язык, который употреблялся во всем мире.

Единственной сложностью в изучении языка было то, что зачастую одно и то же понятие обозначалось в нем двумя словами одновременно. Одно из слов ис-

пользовалось вышестоящими в разговоре с нижестоящими; синоним же использовался нижестоящими в разговоре с вышестоящими. Нужно было знать оба слова: одно — чтобы использовать самому в разговоре, другое — чтобы распознавать его в речи вышестоящего.

Произношение сначала давалось Хью с трудом, но уже к концу первой недели он довольно сносно чмокал губами, щелкал языком, мог выдержать в середине слова необходимую паузу, определить на слух и произнести настолько малоразличимые звуки, что раньше он и не подозревал об их существовании. На шестнадцатый день он уже свободно болтал и даже начал думать на новом языке, так что хлыст обжигал его довольно редко.

На следующий день к вечеру Лорд-Протектор послал за ним.

Глава двенадцатая

Несмотря на то что утром Хью уже мылся, ему пришлось проделать это еще раз. Затем его умастили ароматным кремом, выдали свежее одеяние и только тогда повели в покои Лорда. Следуя по пятам за Мемтоком, он преодолел несколько приемных с секретарями и наконец оказался в огромной, роскошно отделанной комнате, где увидел Джозефа и Дока Ливингстона. Самого Лорда еще не было.

— Хью! Как здорово! — воскликнул Джо и бросил Главному Управляющему: — Ты свободен.

Мемток поколебался, затем попятился и вышел. Джо взял Хью под руку и подвел его к дивану.

— Как я рад тебя видеть! Садись сюда и поболтаем, пока нет Понса. Ты прекрасно выглядишь.

Док Ливингстон потерся о лодыжки Хью, замурлыкал и улегся рядом с ним.

— Со мной все в порядке. А кто такой этот Понс? — Хью почесал кота за ухом.

— Ты разве не знаешь, как его зовут? Я имею в виду Лорда-Протектора. Хотя, конечно, я мог бы и сам догадаться. Так вот, это одно из его имен, которое используется только в узком семейном кругу. Но это все ерунда, лучше расскажи, как с тобой обращались.

— В принципе, неплохо.

— Еще бы! Понс распорядился, чтобы тебе ни в чем не отказывали. Если что-нибудь будет не так, ты мне только скажи. Я все улажу.

Хью поколебался.

— Джо, тебе приходилось хоть раз испытать на своей шкуре действие их хлыста?

— Мне? — удивился Джо. — Конечно, нет. Хью, неужели они наказывали тебя? Ну-ка скинь этот дурацкий балахон и дай мне взглянуть на тебя.

Хью покачал головой.

— На мне нет никаких следов. И все же... мне это не нравится.

— Но ведь если тебя секли без причины... Хью, понимаешь, Понс как раз совершенно не выносит произвола. Он очень гуманный человек и требует только одного — дисциплины. Если же кто-нибудь — любовью человек, даже Мемток — был несправедливо жесток по отношению к тебе, то он получит свое.

Хью задумался. Учителя вызывали у него симпатию. Они упорно трудились над тем, чтобы с ним стало можно разговаривать, и не слишком злоупотребляли хлыстом.

— Нет, Джо. Мне не причинили вреда. Я немного погорячился.

— Рад слышать это. Да и вообще, наверное, жаловаться особенно было не на что. Я еще понимаю тот жезл, который носит Понс, — им можно убить человека на расстоянии ста футов, и, чтобы научиться использовать его с умом, нужно долго тренироваться. А игрушки, которыми пользуются слуги, — это просто погонялки, ни на что больше не годные.

Хью решил не выяснять, можно ли их считать «просто погонялками»; ему необходимо было узнать кое-что более важное.

— Джо, а как остальные? Ты видел их?

— О, с ними все в порядке. Кстати, ты слышал насчет Барбары?

— Ни черта я не слышал! Что с ней?

— Не волнуйся, не волнуйся. Я хотел сказать, насчет ее детей?

— Ее ребенка?

— Детей. У нее близнецы, совершенно одинаковые. Родила неделю назад.

— Ну и как она? Как она себя чувствует? Отвечай!

— Полегче, полегче. С ней абсолютно все в порядке, лучше и быть не может. Само собой. Ведь они тут в медицине намного опередили нас. Здесь и слыхом не слыхивали, чтобы при родах умирали мать или дитя. — Джо внезапно помрачнел. — Жаль, что они не наткнулись на нас еще несколько месяцев назад. — Затем он оживился. — Барбара говорила мне, что, если у нее будет девочка, она назовет ее Карен. А когда оказалось, что у нее близнецы, того, что постарше на пять минут, она назвала Хью, а младшего — Карл Джозеф. Здорово, правда?

— Я польщен. Так, значит, ты видел ее, Джо? Я тоже должен повидаться с ней. И немедленно. Как бы это устроить, а?

Джо был удивлен.

— Но это невозможно, Хью. Да ты и сам должен знать.

— А почему это невозможно?

— Ты же не оскроплен, вот почему. Просто невозможно, и все.

— О Господи!

— Очень жаль, но таково положение вещей. — Джозеф внезапно улыбнулся. — До меня тут дошли слухи, что ты едва не стал жертвой здешних порядков. Понс чуть не умер со смеху, узнав, как вы с Дьюком заорали, когда поняли, что вас ждет.

— Не вижу в этом ничего смешного.

— Понимаешь, Хью, просто у него большое чувство юмора. Он смеялся, когда рассказывал мне об этом. А я не смеялся, и тогда он решил, что у меня совсем нет чувства юмора. Разные люди смеются по разному поводу. Карен обычно любила поговорить с псевдонегритянским акцентом, от которого у меня сводило челюсти. Но она же не желала никому причинить зло. Карен... что толку вспоминать об этом, верно? А ты знаешь, если бы ветеринар зашел с вами дальше чем следовало, это стоило бы ему обеих рук. Понс так и передал ему. Ну, конечно, он позже, может, и смягчился бы — хороших хирургов не хватает. Но в принципе, намерения врача относительно вас были оправданны, поскольку ты и Дьюк слишком велики и

стары для жеребцов. Однако Понс не выносит небрежной самодеятельности в работе.

— Ладно, ладно. Я все-таки не понимаю, что плохого в том, что я повидаюсь с Барбарой и взгляну на детишек. Ты же, например, виделся с ней? А ведь ты тоже не оскроплен.

Джо начал слегка раздражаться.

— Хью, но ведь это разные вещи. Неужели ты не понимаешь?

— Почему же разные?

Джо вздохнул.

— Хью, не я устанавливаю правила. Но согласно им я Избранный, а ты — нет, и все тут. Я же не виноват, что ты белый.

— Хорошо, хорошо. Забудем об этом.

— Нужно радоваться, что хоть один из нас, в данном случае я, находится в положении, когда может помочь остальным. Ты понимаешь, что все вы были бы просто уничтожены, если бы с вами не было меня?

— Да, мне это уже приходило в голову. Хорошо, что ты говорил по-французски. И он тоже.

Джо покачал головой.

— Французский тут ни при чем. Он просто сэкономил нам время. Дело в том, что там был именно я... только поэтому вы были освобождены от всякой ответственности. Единственное, что требовалось установить, — это меру моей виновности. Надо мной нависла опасность. — Джо нахмурился. — Я до сих пор еще не совсем оправдан. То есть я имею в виду, что Понс уже окончательно убежден в моей невиновности, но дело обязательно должен рассмотреть Верховный Лорд-Владелец. Меня еще могут казнить.

— Джо, но за какие же грехи тебя могут казнить?

— О, их множество! Сам суди. Если бы белые вчетвером были без меня, то Понс приказал бы пытать вас, даже не удостоив взглядом. Два основных преступления очевидны. Беглые. Слути, которые сбежали от своего повелителя. Плюс бродяжничество, наносящее ущерб личному имению Лорда-Владельца. Дело совершенно ясное в обоих случаях, и в обоих случаях приговор один — смертная казнь. Не убеждай меня, что все было не так, я сам это прекрасно знаю, но ты не представляешь себе, какого труда мне стоило убе-

доть Понса в нашей невинности, да еще на языке, который оба толком не знаем. И опасность меня все еще не миновала. Тем не менее, — он просиял, — Понс сказал мне, что Лорд-Владелец затратит еще многие годы на то, чтобы рассмотреть все те дела, по которым должен вынести обвинительные заключения, и что он уже на протяжении многих лет не только не посещал своих владений здесь, но даже и не приближался к ним. Так что к тому времени, когда очередь дойдет до меня, следов нашего пребывания в районе убежища не останется. Деревья там сажают уже сейчас, а подсчета количества медведей, оленей и прочей живности никто не производил. Поэтому Понс советовал мне не беспокоиться.

— Что ж, это хорошо.

— Ты думаешь, мне не составило труда убедить Понса? Как бы не так! Стоит только тени моей упасть на светлое чело Лорда-Владельца — и мне конец, не говоря уже о том, чтобы чихнуть в его присутствии... Поэтому сам понимаешь, что незаконное вторжение в его личные земли — это тяжелейшее преступление. Но раз Понс говорит «не беспокойся» — я не беспокоюсь. Он относится ко мне как к гостю, а не как к пленнику. Ну ладно, теперь расскажи о себе. Я слышал, что ты учился Языку. Я ведь тоже: как только выдавалось свободное время, тут же являлся преподаватель.

Хью продемонстрировал свои познания:

— С благосоизволения Их Милости, ничтожный слуга, как, вероятно, прекрасно известно Их Превосходительству, не осмеливался посвящать свое время ничему иному.

— Ого! Ты говоришь на нем лучше, чем я.

— Мне в этом немало помогли, — ответил Хью, перейдя на английский. — Джо, а ты виделся с Дьюком? Или с Грейс?

— С Дьюком нет. И не пытался. Понс почти все время был в разъездах и постоянно брал меня с собой. Так что я был ужасно занят. А Грейс я встречал. Возможно, тебе удастся свидеться с ней. Она часто бывает в этих покоях. Это единственный для тебя шанс поговорить с ней. Только здесь. И только в присутствии Понса. Следует отдать ему должное: он

не ревнитель протокольных предрассудков. В узком кругу, я имею в виду. На людях он старается соблюдать правила.

— Хм... Джо, в таком случае не мог бы ты попросить его позволить мне увидаться с Барбарой и близнецами? Здесь, в его присутствии?

Джо стал раздражаться.

— Хью, ну как ты не понимаешь, что я всего-навсего гость! Я здесь на птичьих правах. У меня нет ни одного собственного слуги, нет денег, нет титула. Я сказал, что ты, возможно, встретишься с Грейс, но не утверждал, что ты обязательно ее увидишь. Если это произойдет, то только потому, что Понс пошлет за тобой и не сочтет нужным удалять ее из покоев — но ни в коем случае не ради тебя. А что касается того, чтобы попросить его устроить тебе свидание с Барбарой, я просто не могу и заикнуться об этом. И все тут! И тебе не советую. Иначе ты на своей шкуре убедишься, что его жезл — не игрушечная погонялка.

— Но я только хотел...

— Тихо! Он идет.

Джо устремился навстречу патрону. Хью стоял потупив глаза, с опущенной в поклоне головой, и ждал, когда на него обратят внимание. Понс вошел большими шагами, одетый почти так же, как и при первой встрече, только шлем заменяла на этот раз небольшая красная шапочка. Он приветствовал Джо, тяжело уселся на диван и вытянул ноги. Док Ливингстон тут же вскочил ему на колени. Понс погладил его. Неизвестно откуда появились две служанки, сняли обувь со своего хозяина, обтерли ему ноги мокрым, горячим полотенцем, затем вытерли их, помассировали, обули шлепанцы и исчезли.

Пока совершались эти манипуляции, Лорд-Протектор о чем-то беседовал с Джозефом. Смысл Хью полностью не улавливал, выхватывая из их разговора лишь отдельные слова. Но он обратил внимание, что вельможа в разговоре с Джо использует форму равенства и что тот отвечает ему тем же. Поэтому Хью решил, что положение Джо упрочилось так, что лучше и не надо — почти так же, как и положение Дока Ливингстона. Что ж, Джо и в самом деле довольно симпатичный парнишка.

Наконец Лорд обратил внимание и на Хью.

— Ну, что, ты выучил Язык? Нам сказали, что ты владеешь им.

— С позволения Их Милости, ничтожный раб посвящал все свое время этой благородной цели, хотя результат и довольно плачевен, о чем Их Милость может, видимо, судить несравненно лучше, чем Их покорнейший и презреннейший слуга.

— Что ж, неплохо. Произношение бывает и хуже. Но ты пропустил инфинкс. Как тебе нравится погода?

— С позволения Их Милости, погода стоит именно такая, какой установил ее Дядя Всемогущий. И ежели любимейший племянник Всевышнего довольствуется ею, то что же может осмелиться сказать по этому поводу его ничтожнейший слуга?

— Хорошо. Акцент есть, но понять можно легко. Поработай еще над произношением. Передай своим учителям, что так распорядились мы. А теперь оставь этот глупый стиль. У меня нет времени выслушивать все эти обороты. Отныне в разговоре со мной всегда используй речь равных. Наедине, естественно.

— Хорошо, я... — Хью запнулся, так как вернулась одна из служанок и подала Повелителю какое-то питье на подносе.

Понс посмотрел на Хью, затем перевел взгляд на девушку.

— Не обращай внимания, они глухонемые. Так что ты там говорил?

— Я хотел сказать, что не успел составить представление о погоде, так как просто не имел возможности судить о ней с тех пор, как попал сюда.

— Само собой. Я отдал распоряжение, чтобы тебя как можно быстрее выучили Языку, а мои слуги обычно воспринимают приказы буквально. Никакого воображения. Ладно, с нынешних пор тебе дадут возможность гулять каждый день по часу. Скажи об этом тому, кто занимается тобой. Просьбы имеются? Как кормят? Как обращаются?

— Питание неплохое. Вообще я привык есть три раза в день, но...

— Можешь питаться хоть четыре раза. Опять же: скажи об этом кому следует. Ну, довольно. Перейдем теперь к другим вопросам. Хью... тебя ведь так зовут, да?

— Совершенно верно, Их Милость.

— Ты что? Не слышал, что я сказал? Я сказал: «Пользуйся речью равных». Мое частное имя — Понс. Так меня и называй. Хью, если бы я сам не нашел вас, если бы я не был ученым и если бы я не видел тех забавных вещиц в строении, которое вы называете домом, я бы не поверил в вашу историю. Но теперь я просто не могу не верить в то, что видел собственными глазами. Я человек без предрассудков. Пути Дяди неисповедимы, но чудес он не творит... И я не побоюсь сказать то же самое в любом из его храмов на Земле, как бы неортодоксально это ни звучало. Но... так сколько времени прошло, Джо?

— Две тысячи сто три года.

— Ну, скажем, две тысячи. Что с тобой, Хью?

— О, ничего, ничего.

— Если тебя тошнит, то лучше выйди. Я сам выбирал эти ковры. Так вот, я и говорю, что ваши приключения дали пищу для ума моим ученым — и неплохую пищу, должен заметить. За долгие годы они не выдумали ничего, кроме какой-нибудь усовершенствованной мышеловки. Ленивые отродья! И я приказал им явиться ко мне с разумным ответом на вопрос, не ссылаясь на всякие там чудеса, как шесть человек, находившиеся в сооружении определенной массы, могли преодолеть пропасть в двадцать веков, да еще так, что ни один волос не упал с их головы? Чистой воды преувеличение, ха-ха! Джо сказал мне, что вы там сломали себе пару костей и еще кое-какие мелочи. Кстати, о костях. Джо предупреждал меня, что разговор о них вряд ли придется тебе по душе, да и ему тоже, но я приказал моим ученым потревожить кое-какие кости. Анализ изотопов стронция — вот как это называется, но ты вряд ли когда-нибудь слышал об этом. Верное доказательство, что радиация стала максимальной до того, как кости... Слушай, я ведь предупреждал тебя насчет ковров. Не смей!

Хью всхлипнул:

— Карен! Карен! Моя милая девочка!

— Ну как? Тебе лучше? Наверное, сразу следовало сообщить тебе, что при вскрытии захоронения присутствовал священник и были произведены все необходимые церемонии. Все было в точности так же, как если

бы она была одной из Избранных. Специальная служба по моему разрешению. А после того как были произведены исследования, буквально каждый атом вернули на место и могила была зарыта с соблюдением всех положенных обрядов.

— Это правда, Хью, — сурово сказал Джозеф. — Я был там. И возложил на могилу свежие цветы. Цветы, которые всегда будут свежими, — так мне сказали.

— Конечно, будут, — подтвердил Понс. — До тех пор, пока не распадутся от обычной эрозии. Я не знаю, почему вы используете для этого цветы, но, если необходимы еще какие-нибудь обряды или нужно принести какие-нибудь жертвы во искупление того, что, на ваш взгляд, святотатство, — ты только скажи. Я прекрасно понимаю: в другие времена обычаи были иными.

— Нет. Нет, пусть будет так.

— Как хочешь. Все это пришлось сделать по соображениям научной необходимости. Мне показалось, что это разумнее, чем ампутировать, например, один из твоих пальцев. Другие тесты также заставили моих ученых примириться с очевидностью. Пища, законсервированная методом настолько древним, что я сомневаюсь, знает ли кто-нибудь из современных специалистов по гастрономии, как его воспроизвести... а все же продукты оказались вполне съедобными. По крайней мере, несколько слут ели их, и никто не отравился. Необходимо упомянуть об удивительном перепаде радиоактивности между внутренней и наружной поверхностью покрытия. Я указал ученым на этот факт. Основываясь на информации, полученной от Джо, я приказал им искать данные в подтверждение того, что это событие произошло в начале войны между Западом и Востоком, в ходе которой было уничтожено все северное полушарие.

И они нашли эти данные. Расчеты показали, что сооружение, вероятно, находилось в эпицентре атомного взрыва. И все же оно оказалось целехонько. На почве этого возникла гипотеза, настолько дикая, что я не буду утомлять тебя, излагая ее. Ученым же я просто велел продолжать исследования.

Но самое главное — это целый ряд исторических сокровищ. Я ведь историк, Хью. История, если к ней умело подобрать ключи, может поведать обо всем на свете. И сокровищем, само собой, являются те книги, которые попали сюда вместе с вами. Я не преувеличивая могу сказать, что теперь они — самое ценное мое достояние. В мире имеется всего лишь две копии Британской энциклопедии, но они другого издания и пребывают в таком плачевном состоянии, что представляют собой скорее раритет, нежели источник, с которым мог бы работать ученый. В Смутные Времена о них, видимо, никто не заботился. — Понс откинулся назад. Он казался прямо-таки счастливым. — Но зато моя в превосходном состоянии! — И добавил: — Я прекрасно сознаю значимость и других книг. Буквально все они — сокровища. Особенно «Приключения Одиссея», которые известны только по названию. Наверно, иллюстрации тоже относятся ко временам Одиссея?

— Боюсь, что нет. Художник в мое время был еще жив.

— Это плохо. Но тем не менее они превосходны. Примитивное искусство гораздо более сильно, чем современное. Но я слегка преувеличил, сказав, что книги — самое ценное мое приобретение.

— Почему?

— Потому что самое ценное — это ты! Вот почему! Разве ты не рад этому?

Хью слегка помедлил, затем ответил:

— Рад, если это правда. (Если правда то, что я твоя собственность, надменный ублюдок, то пусть уж я лучше буду ценной собственностью).

— О, конечно, конечно. Если бы ты говорил в модальности подчиненного, ты не смог бы выразить сомнение. Помни, Хью, я никогда не лгу. Ты и тот, другой... Как его, Джо?

— Дьюк.

— Вот-вот, Дьюк. Джо очень высокого мнения о твоей образованности и более низкого о его. Но дай я объясню. Есть и другие ученые, которые владеют древним английским. Поскольку он не лежит в основе современного Языка, занимаются им очень немногие. Тем не менее ученых я мог бы найти. Но мне никогда

не сыскать такого специалиста, как ты. Потому что ты в то время жил и, следовательно, сможешь делать переводы со знанием дела, без этих сводящих с ума четырех, а то и пяти разных толкований одного и того же отрывка, которые обесценивают большую часть переводов древних текстов, а все потому, что ученые не знают, о чем же на самом деле писал древний автор. Я называю это нехваткой культурного контекста. И, вне всяких сомнений, ты можешь объяснить мне вещи, которые очевидны для тебя и непонятны мне.

Ведь так? Теперь ты понимаешь, что мне нужно? Начинай с Британской энциклопедии. Приступай к работе прямо с сегодняшнего дня, садись за перевод. Делай его как можно скорее, царапай как-нибудь, а уж в презентабельный вид текст приведет кто-нибудь другой. Понимаешь? Ну и хорошо, тогда иди и начинай.

Хью с трудом сглотнул.

— Но, Понс, дело в том, что я не умею писать на Языке.

— *Что?*

— Меня обучили только говорить, но никто не учил меня читать и писать.

Понс прикрыл глаза.

— Мемток!

Главный Управляющий Дворца появился с быстротой, навевающей подозрения о подслушивании. Да так оно и было: он прибегнул к способу, о котором, как он считал, ничего не известно Лорду-Протектору. Чтобы усыпить бдительность Повелителя, на всякий случай Мемток тяжело дышал. Такие проделки, конечно, были довольно рискованны, но он считал их необходимыми для более тщательного исполнения своих обязанностей. Во всяком случае было безопасней шпионить за Их Милостью самому, чем конспиративно засылать к нему не совсем глухонемую прислугу.

— Мемток, я ведь велел тебе научить его говорить, читать и писать на Языке!

Хью слушал их разговор потупив глаза, в то время как Главный Управляющий пытался возражать, что подобного приказа ему никто не отдавал (это действительно было так), но тем не менее он был выполнен

(очевидная ложь), и что он вовсе не пытается возражать Лорду-Протектору (вещь совершенно нетерпимая, невозможно даже и представить, чтобы кто-нибудь пытался)...

— Чушь, — оборвал его Понс. — Я и сам не могу понять, почему я никак не отправлю тебя в угольные шахты. Ты бы живописно смотрелся в забое. Белизну твоей кожи прекрасно оттеняла бы въевшаяся в нее здоровая угольная пыль. — Он слегка пошевелил своим жезлом, и Мемток побледнел еще больше. — Ладно, исправляй свой промах. Пусть полдня с ним занимаются чтением и письмом, а другую половину дня пусть он переводит и диктует в рекордер. Я мог бы и раньше подумать о диктовке — письмо занимает слишком много времени. Но все равно я хочу, чтобы он умел читать и писать. — Он повернулся к Хью: — Еще что-нибудь тебе нужно? Подумай.

Хью откликнулся витиеватой фразой с необозначенной направленностью речи, с помощью которой попросить было ничего нельзя, поскольку речь адресовалась от нижестоящего к вышестоящему.

Понс поморщился.

— Говори прямо, Хью. Мемток, зажми уши. В присутствии Мемтока можешь обходиться без церемоний. Он член моей внутренней семьи, мой племянник по духу. Можешь открыть уши, — обратился он к Главному Управляющему.

Мемток расслабился и постарался принять вид настолько доброжелательный, насколько позволяло вечно кислое выражение его лица.

— Ну что же, Понс, в таком случае мне нужен кабинет для работы. Моя комнатуха размером примерно с этот диван.

— Проси все, что тебе необходимо.

— Ну, мне нужна комната с естественным освещением, с окнами, площадью примерно в одну треть этой. Стол для работы, книжные полки, принадлежности для письма, удобное кресло... Да, кстати, и свободный доступ в туалет, чтобы не ждать, когда стража соизволит отвести меня туда.

— А разве ты лишен этого?

— Да. И еще: я не уверен, что мои мыслительные процессы стимулируются под воздействием хлыста.

— Мемток, ты наказывал его хлыстом?

— Нет, Дядюшка, клянусь чем угодно!

— Ты способен поклясться и будучи застигнутым на месте преступления. Кто наказывал его?

Хью осмелился вмешаться в разговор:

— Я не жалуюсь, Понс. Но эти хлысты нервируют меня. К тому же я не знаю, кто имеет право отдавать мне приказы. По-моему, кто угодно. Я так и не сумел выяснить свой статус.

— М-м-м... Мемток, какое положение он занимает в семье?

Главный слуга вынужден был признать, что ему так и не удалось решить эту проблему.

— Тогда давайте решим ее на месте. Назначим его главой департамента. Допустим, Департамента Древней Истории. Титул: Главный Исследователь. Следовательно, по старшинству он следует сразу после тебя, Мемток. Известить об этом всех. Я делаю так, чтобы показать, насколько этот слуга ценен для меня. И любой, кто посмеет мешать ему работать, кончит печально. Скорее всего, новый департамент будет состоять из одного человека, но ты сделай все, что необходимо, чтобы он выглядел посolidнее: придай ему кого-нибудь, кто занимался бы рекордером и подготавливал материалы для меня, найди корректора или двух, помощника, который бы присматривал за ним. Я не хочу, чтобы Хью тратил свое драгоценное время на всякие мелочи. Посыльного. В общем, сам понимаешь. По этому дому без работы болтаются десятки бездельников, которые только даром едят хлеб. Они вполне могли бы украсить Департамент Древней Истории. А теперь приготовь небольшой хлыст и малый значок. Пошевеливайся.

Через считанные минуты на Хью уже висел медальон, ненамного меньше, чем тот, который украшал грудь Мемтока. Понс взял хлыст и что-то вынул из него.

— Хью, я не дам тебе заряженного хлыста, потому что ты все равно не умеешь обращаться с ним. Если один из твоих оболтусов будет нуждаться во взбучке, Мемток всегда посодействует тебе. Может быть, позже, когда ты научишься пользоваться жезлом, мы посмотрим. Ну, а теперь... Ты удовлетворен?

Хью решил, что сейчас не время просить о свидании с Барбарой. По крайней мере, не в присутствии Мемтока. Но он начинал надеяться.

Его и Мемтока отпустили одновременно. И Мемток не стал возражать, когда Хью вышел первым.

Глава тринадцатая

Мемток хранил молчание все время, пока они шли через помещение слуг. Он прикидывал, как бы использовать неожиданный поворот событий в свою пользу.

Статус дикаря беспокоил Главного Управляющего с момента появления того здесь. Он никак не вписывался в обстановку, а в мире Мемтока все должно было укладываться в определенные рамки. Что ж, теперь дикарь получил утвержденный статус. Их Милость сказал, и этого было достаточно. Но ситуация ничуть не улучшилась. Новый статус был таким нелепым, что превращал всю подлестничную структуру дворца в простую насмешку, а ведь именно подлестничный мир был тем миром, с которым только и был знаком Мемток.

Но Мемтоку нельзя было отказать в проницательности и практичности. Краеугольным камнем его философии являлась житейская мудрость «Лбом каменную стену не прошибешь», а его излюбленная стратегия заключалась в неизменном следовании правилу «Если не можешь одолеть врага, стань его другом».

Как бы сделать так, чтобы скоропалительное назначение дикаря оказалось необходимым и пошло бы на пользу Главному Управляющему?

Дядя! Да ведь этот дикарь даже не оскотен. И, скорее всего, не будет. По крайней мере, в ближай-

шее время. Возможно, позже — тогда все более или менее встанет на свои места. Мемток был искренне удивлен, когда Их Милость велел отложить неизбежное. Своего оскопления он почти не помнил. Чувства и мотивы поступков того времени были для него лишь призрачным смутным воспоминанием — как будто о другом человеке. Дикарю не имело смысла поднимать вокруг операции столько шума, ведь оскопление придавало назначению подлинный вес. Мемток предвкушал еще лет пятьдесят активной деятельности, власти, приятной жизни — кто из жеребцов может мечтать о таком?

Но этот, по-видимому, мог. Как бы все-таки скрасить все это?

Достопримечательность — вот что представлял собой дикарь. У всех великих Лордов были свои Достопримечательности. Временами даже сам Мемток был озабочен тем фактом, что его собственный Повелитель совсем не интересуется Достопримечательностями. В его имении не было ни сиамских близнецов, ни даже, на худой конец, двухголового уродца. Не было и карлика с перепонками между пальцами. Их Милость был — следует признать это — слишком прост в своих вкусах для человека столь высокого положения. Иногда Мемтоку становилось прямо-таки стыдно за него. Ведь Повелитель почти все свое время проводит над свитками и всякими такими вещами, в то время как ему следовало бы позаботиться о чести дома.

Вот, к примеру, тот Лорд в Хинде... Какой у него был титул? Принц чего-то или еще что-то, не менее глупое. Но, несмотря на это, у него была огромная клетка, где жеребцы и прислуга совокуплялись с громадными обезьянами, причем и те и другие бормотали что-то одинаково неразборчивое, так что их вполне можно было перепутать, — Языка они не знали и отличались только волосатостью. Вот это была Достопримечательность, достойная поистине великого владения! Главный Управляющий того Лорда клялся и божился, что у них есть и живые выродки, появившиеся на свет в результате такого скрещивания, только они спрятаны так, чтобы жеребцы не узнали о них. Это вполне могло быть и правдой, поскольку, например, несмотря на то что официально дети от связей между

Избранными и слугами считались невозможными, они все же появлялись, хотя согревательницы постелей проходили стерилизацию. Но подобным сведениям никогда не удавалось просочиться наружу.

Значит, Достопримечательность — вот под каким соусом его следует представить. Неоскопленный, который, тем не менее, стал ответственным слугой. Знаменитый ученый, который не умеет даже толком говорить на Языке, хотя он ничуть не моложе Мемтока. Человек ниоткуда. Со звезд. Ведь любому известно, что где-то на звездах есть люди.

А может быть, чудо? Ведь храмы постоянно стараются обнаружить наличие чудес. И тогда, возможно, очень скоро это владение станет самым знаменитым благодаря своей Достопримечательности. Да. Это вполне осуществимо. Слово здесь, слово там, завуалированный намек...

— Хью, — сердечно произнес Мемток, — можно я буду звать тебя просто Хью?

— Что? Ах да, конечно!

— А ты зови меня Мемток. Давай немного прогуляемся и выберем помещение для твоего департамента. Я так думаю, что ты предпочел бы солнечное место. Может быть, комнаты, выходящие окнами в сад? А как насчет личных апартаментов? Должны они примыкать к помещениям департамента или ты предпочел бы, чтобы они располагались отдельно?

Лучше последнее, подумал Мемток. Можно выкинуть Старшего Садовника и Старшего над жеребцами и отдать их помещения дикарю — вот тогда все поймут, какой важной птицей является эта Достопримечательность... а заодно и настроить тем самым их обоих против дикаря. Тогда он быстро поймет, кто его друг. А им будет, конечно же, Мемток, и никто другой. Кроме того, садовник последнее время стал заносчив, утверждая, что он не обязан подчиняться Главному Управляющему. Ему не повредит небольшая встряска.

— О, мне не нужно ничего особенного, — заверил Хью.

— Пошли, пошли! Необходимо, чтобы у тебя были все удобства. Мне и самому подчас хочется куда-нибудь скрыться от всех этих треволнений. Но я не могу: проблемы, проблемы, целые дни напролет — одни про-

блемы, а все потому, что некоторые совершенно не способны думать самостоятельно. Так что нам очень не хватает умного человека. Мы подберем тебе и твоему слуге удобные помещения, где вам обоим вполне хватит места.

Слуга? Но где найти такого малого, осклопленного и достаточно надежного, которому можно было бы поручить докладывать обо всем, будучи при этом уверенным, что информация не станет достоянием посторонних ушей? Если сейчас кастрировать сына его старшей сестры, успеет ли тот оправиться вовремя?

И оценит ли сестра всю мудрость подобного решения? Он возлагал на парня очень большие надежды. Мемток в глубине души сознавал, что когда-нибудь ему придется уйти — разумеется, не скоро, через много лет — и лучше бы было, если бы его высокий пост унаследовал его родственник. Но для этого многое придется запланировать заранее, а планировать слишком поспешно — глупо. Если бы можно было убедить сестру!

Мемток вел Хью по заполненным слугами дорожкам. Слуги так и прыскали в стороны при их приближении. Когда один из них замешкался, он был сразу же наказан за свою нерасторопность.

— Ничего себе! Какое огромное здание!

— Это? Подожди, ты еще не видел Дворца! Правда, он, несомненно, скоро развалится под умелым руководством моего заместителя. Хью, ведь здесь только четверть всего персонала. Тут устраиваются лишь приемы в саду, а не официальные торжества. В городе же постоянно прибывают и убывают Избранные. Иногда меня по несколько раз за ночь поднимают с постели, чтобы я приготовил покои для какого-нибудь Лорда, прибывшего без всякого предварительного уведомления, и его дам. В таких случаях мне всегда помогает предусмотрительность. Отпирая двери крыла для гостей, я всегда знаю — знаю, заметь, — что кровати застелены свежим, ароматным бельем, что гостей ожидают напитки, нигде ни пылинки и мягко играет музыка.

— Да, но это, наверное, обеспечивается безукоризненной работой прислуги.

— Безукоризненной! — фыркнул Мемток. — Хотел бы я согласиться с тобой. На самом деле все это стоит мне немалых усилий: ежедневно перед сном, независимо от того, устал я или нет, я совершаю обход каждой из комнат. Затем я еще должен встать и убедиться, что недочеты устранены, не полагаясь на заверения слуг. Они все лжецы, Хью. Слишком много Счастья. Их Милость слишком щедр, он никогда не урезает рацион.

— Я считаю, что питание вполне достаточное. И качественное.

— Я ведь не сказал «пища», я сказал «Счастье». Я распоряжаюсь пищей и не считаю, что этих дармоедов нужно морить голодом в качестве наказания. Хлыст куда лучше. И они это понимают. Всегда помни, Хью: у большинства слуг мозгов как таковых нет. Они так же тупы, как и Избранные... Это, естественно, не относится к Их Милости — я бы никогда не посмел критиковать своего патрона. Я говорю об Избранных вообще. Ну, ты сам понимаешь. — Он подмигнул Хью и шутливо ткнул его пальцем.

— Я знаю об Избранных не так уж много, — сказал Хью. — Да и почти не встречал их.

— Ничего... еще повстречаешь. Чтобы иметь хоть небольшое соображение, недостаточно одной темной кожи, хотя в храмах и учат обратному. Только учти: цитировать мои слова не нужно, да я и не признаюсь никогда, что говорил такое. Но... как ты думаешь, кто в действительности управляет этим именем?

— Я здесь слишком недолго, чтобы составить какое-нибудь мнение.

— Неглупый ответ! Ты мог бы пойти очень далеко, если бы был честолобив. Тогда позволь, я объясню. Если Их Милости вдруг не станет, хозяйство будет продолжать функционировать как ни в чем не бывало. Но если не станет меня или я просто заболею... Ты знаешь, я просто боюсь подумать о таком. — Он взмахнул хлыстом. — И они это знают. С Его дороги они так быстро не сворачивают, как с моей.

Хью решил переменить тему.

— Я все-таки не понял твоего замечания относительно рациона счастья.

— Разве ты не получал Счастье?

— Я даже не знаю, что это такое.

— Ого! А ведь причитающиеся тебе и твоим учителям порции отправляли каждый день. Они, значит, до вас не доходили? Придется заняться расследованием. Что касается Счастья: я сейчас покажу тебе кое-что.

Мемток вывел Хью на небольшой балкон. Перед ними простирался центральный обеденный зал для слуг, по которому змеились три очереди.

— Сейчас как раз время раздачи — само собой, для жеребцов отведено другое время. Счастье можно получить в виде пищи, питья или курева. Доза во всех случаях одинакова, но некоторые считают, что курение доставляет наиболее утонченное наслаждение.

Мемток употребил несколько незнакомых слов. Хью сказал ему об этом. Мемток разъяснил их значение, а на вопрос о последствиях приема Счастья ответил:

— Ничего страшного. Счастье улучшает аппетит, успокаивает нервы, гарантирует крепкое здоровье, заменяет все виды удовольствий и абсолютно лишает честолюбия. Вся штука в том, что следует либо пользоваться им постоянно, либо совсем не пользоваться. Я лично никогда не принимал его регулярно, даже будучи жеребцом, потому что был честолюбив. И сейчас прибегаю к нему только изредка — по праздникам и всяким таким случаям, в самых умеренных количествах. — Мемток улыбнулся. — Сегодня вечером сам узнаешь.

— Как это?

— А разве я не говорил тебе? Сегодня после вечерней молитвы устраивается банкет в твою честь.

Хью почти не слышал его. Он напряженно всматривался в длинную очередь, пытаясь разглядеть Барбару.

В качестве почетного эскорта Мемток избрал Старшего Ветеринара и Главного Инженера имения. Хью был слегка обеспокоен таким вниманием со стороны врача, памятуя о своем беспомощном положении при предыдущей встрече с этим человеком. Но ветеринар являл собой воплощенную сердечность.

Мемток восседал во главе длинного стола. Хью расположился по правую руку от него, а остальные

места занимали двадцать начальников других департаментов. За стулом каждого гостя стоял лакей, а другие слуги появлялись и исчезали, принося и унося приборы и блюда. Банкетный зал был красиво украшен, обставлен удобной мебелью, а празднество было пышным и продолжительным. Хью не мог представить себе, какой же должна быть пища Избранных, если их верховные слуги питались так роскошно.

Вскоре он отчасти узнал это. Мемтоку подавали дважды: сначала из общего меню, затем из особого. Эти другие блюда он только пробовал, откладывая их себе на отдельную тарелку. Зато блюда, стоявшие на столе, он ел с большим удовольствием.

Мемток заметил взгляд Хью.

— Это обед Лорда-Протектора. Хочешь попробовать? На свой страх и риск, разумеется.

— Какой риск?

— Яд, конечно. Когда человеку больше ста лет, естественно, его наследники пребывают в нетерпении. Не говоря уже о деловых партнерах, политических противниках и бывших друзьях. Не бойся: блюда пробуют за полчаса до того, как их отведают Их Милость или я, да и то за этот год мы потеряли всего одного дегустатора.

Хью решил, что Мемток испытывает его, и зачерпнул полную ложку.

— Нравится? — поинтересовался Главный Управляющий.

— Пожалуй, чересчур жирновато.

— Слышишь, Гну? Наш новый кузен — человек утонченного вкуса. Слишком жирно. А в один прекрасный день тебя самого зажарят в собственном жиру. Дело в том, Хью, что мы едим лучше, чем Избранные, хотя сервируется их стол гораздо роскошнее. Но я гурман и люблю артистизм в еде. Если же Их Милости подать блюдо под слишком изощренным соусом или с экзотическими специями, то он отошлет все это обратно и потребует кусок мяса, хлеба и стакан молока. Верно я говорю, Гну?

— Ты же сам знаешь.

— И все труды насмарку.

— Точно, — вздохнул Шеф-повар.

— Поэтому кузену Гну всю фантазию приходится вкладывать в приготовление пищи для нас, хотя многие Избранные перебивают друг у друга поваров, которые способны обтянуть приготовленную птицу кожей, не повредив перьев. А теперь, кузен Хью, с твоего позволения, я поднимусь в Большой зал и прослежу за тем, чтобы шедевр кузена Гну выглядел лучше, чем он есть на самом деле. В мое отсутствие не верь тому, что они будут говорить обо мне, хотя все это сущая правда. — Он показал зубы, состроив гримасу, которая, видимо, должна была обозначать улыбку, и вышел.

Некоторое время все молчали. В конце концов кто-то — Хью показалось, что это начальник транспортной службы, — рискнул утолить свое любопытство.

— Главный Исследователь, а в чьем имении вы находились, прежде чем были приняты к нам, осмелюсь спросить?

— Спрашивайте. Владение Фарнхэма, Чрезвычайного Владетеля.

— Вот как! Вынужден признать, что титул вашего Избранного мне внове. Может быть, это новый титул?

— Наоборот, очень старый, — ответил Хью. — Исключительно древний и установленный самим Всемогущим Дядей, благословенно будь имя его. Грубо говоря, этот титул приближается к королевскому, но только старше.

— Неужели?

Хью решил, что лучшая защита — нападение. Из разговоров он знал, что Мемток осведомлен о великом множестве вещей, но почти ничего не понимает в истории, географии и вообще в том, что выходит за пределы жизни в имении. А из своих занятий Языком он усвоил, что слуга, умеющий читать и писать, — большая редкость, если только эти знания не необходимы ему, чтобы исполнять свои обязанности. Такое положение господствовало даже среди старших слуг. Мемток с гордостью заявил ему, что он подал прошение о том, чтобы ему позволили научиться читать, когда был еще жеребцом. И потом учился до седьмого пота, к великому удовольствию других жеребцов. «Я мог бы провести среди жеребцов еще пять лет, а то и все десять, но, как только я научился читать, я сразу же подал прошение об оскотлении, — сказал он Хью. —

И все-таки я смеюсь последним, а где теперь те, кто смеялся надо мной? Я умел заглядывать в будущее».

Хью решил наступать широким фронтом. Большая ложь легче могла сойти за правду.

— Титул сохраняется в неприкосновенности вот уже на протяжении трех тысяч лет. Линия преемственности благодаря Всемогущему Дяде не прерывалась ни разу, даже в Смутные Времена и в Период Изменения. Божественное происхождение титула дает право его носителю разговаривать с Владетелем на равных, на «ты». — Хью гордо выпрямился. — А я был Главным Фактотумом Лорда Фарнхэма.

— И в самом деле благородный дом. Но что такое «Главный Фактотум»? У нас здесь нет такого поста. Это управляющий?

— И да и нет. Главный Управляющий находился под началом Фактотума.

Собеседник ахнул.

— И все остальные слуги тоже. Конечно, ответственность колоссальная.

— Надо думать!

— В самом деле. Я стал стареть, и здоровье мое начало ухудшаться... Я перенес временный паралич нижних конечностей. По правде говоря, ответственность никогда не прельщала меня: по натуре я ученый. Поэтому я подал прошение, чтобы меня переместили... — и вот я здесь, личный ученый Избранного, который имеет склонности, схожие с моими собственными. Весьма подходящее для моих преклонных лет положение.

Тут Хью понял, что по крайней мере в одном он зашел слишком далеко, — ветеринар поднял голову.

— Насчет паралича. При осмотре я не заметил никаких его признаков.

«Черт бы побрал этих докторов, вечно они озабочены только своими профессиональными проблемами», — раздраженно подумал Хью.

— Паралич разбил меня внезапно, однажды утром, — спокойно парировал он удар. — И с тех пор больше ни разу меня не беспокоил. Но для человека моего возраста это было первым предупреждением.

— А каков же ваш возраст? Интересуюсь, конечно, чисто профессионально. Могу я задать такой вопрос?

Хью попытался принять такой же надменный вид, как у Мемтока.

— Не можешь. Я сообщу его, когда мне понадобятся твои услуги. Но, — добавил он, чтобы разрядить обстановку, — могу честно признаться, что рожден я на несколько лет раньше, чем Их Милость.

— Удивительно. С точки зрения вашего физического состояния — мне оно показалось весьма приличным — я дал бы вам не больше шестидесяти.

— Это у нас в крови, — загадочно ответил Хью. — Я не первый из нашей линии, кто прожил очень длинную жизнь.

От других вопросов его спас приход Главного Управляющего. Все встали. Хью вовремя не заметил вошедшего, поэтому продолжал сидеть. Но Мемток даже если и остался недоволен, то ничем не выдал этого. Садясь рядом, он хлопнул Хью по плечу.

— Бьюсь об заклад, они рассказали тебе, что я пожираю собственных детей.

— Напротив, у меня сложилось впечатление, что все вы — одна большая семья, которую возглавляет любящий Дядюшка.

— Лжецы, все они лжецы. Ну, остаток вечера я свободен, если только не случится чего-нибудь из ряда вон выходящего. Их Милость знает, что мы тут пируем в твою честь, и великодушно разрешил мне не являться больше в Большой зал. Поэтому мы теперь можем расслабиться и повеселиться. — Главный Управляющий постучал ложкой по кубку. — Кузены и племянники, предлагаю тост за здоровье нашего нового родственника. Вы, может быть, уже слышали, что я сказал: Лорд-Протектор очень доволен нашей скромной попыткой дать возможность кузену Хью чувствовать себя как дома в семье Их Милости. Но, я думаю, невозможно не заметить, что жезл, которым обладает кузен Хью, не малый хлыст, а хлыст чуть поменьше моего! — Мемток хитровато улыбнулся. — Будем надеяться, что ему никогда не придется воспользоваться им.

Слова шефа вызвали бурю аплодисментов. Он сурово продолжал:

— Вы все должны знать, что даже мой старший заместитель не носит подобного символа власти, не говоря уже об обычном главе департамента... Я надеюсь, вы сами на основании этого сделаете вывод о том, что самый легкий намек кузена Хью, Главного Исследователя и Помощника Их Милости по делам науки, назначенного личным приказом Их Милости, этот его намек — то же, что мой приказ. И не советую доводить дело до того, чтобы я сам занимался разбирательством.

А теперь — тосты! Поднимем бокалы все вместе, и пусть Счастье свободно вливается в наши жилы... Пусть тост скажет самый младший из нас, ну!

Вечеринка становилась шумной. Хью заметил, что Мемток пьет очень немного. Он вспомнил предупреждение и попытался следовать ему. Но это было невозможно. Главный Управляющий мог пропустить любой из тостов, просто подняв бокал, но Хью, как почетный гость, чувствовал себя обязанным пить каждый раз.

Через какое-то время (Хью уже смутно представлял, сколько его прошло) Мемток отвел его в роскошные апартаменты. Хью чувствовал опьянение, но не ощущал неустойчивости, обычно сопровождающей его, — просто казалось, что тело парит над землей. Он чувствовал просветление, чувствовал, что в него вселилась мудрость веков, подплыв к нему на серебряном облаке и затопив душу ангельским счастьем. Он так и не выяснил состав напитка. Алкоголь? Возможно. Бетель? Грибы? Может быть. Марихуана? Наверняка. Он должен набросать рецепт, пока вкус еще свеж в его памяти. Это как раз то, в чем нуждается Грейс. Он должен... Но, конечно же, это у нее теперь есть. Просто прекрасно. Бедняжка Грейс... Он никогда не понимал ее... а ведь все, что ей было нужно, — это немного Счастья.

Мемток довел его до спальни. Поперек изножия его прекрасной новой кровати спало какое-то существо явно женского пола, кудрявая блондинка.

Хью взглянул на нее со своей стофутовой высоты и недоуменно заморгал:

— Кто это?

— Согревательница твоей постели. Разве я не говорил тебе?

— Но...

— Все в порядке. Да, да, я знаю, что фактически ты жеребец. Но ты не сможешь причинить ей вред; именно для подобной цели она и существует. Так что не беспокойся. Все будет в порядке.

Хью повернулся, чтобы обсудить вопрос подробнее. Двигался он медленно из-за ощущения своей необъятной ширины и высоты. Мемток исчез. Хью почувствовал, что едва сможет добраться до постели.

— Подвинься, киска, — пробормотал он и мгновенно уснул.

Проснулся он поздно, но девица все еще была здесь. Она ждала его с завтраком. Хью чувствовал себя в ее присутствии как-то неудобно. И это не было следствием похмелья — похмелья не было. Видимо, Счастье не требовало подобной расплаты за злоупотребление им. Он чувствовал себя физически сильным, ум его обострился, единственное, что он испытывал, — сильное чувство голода. Но эта девочка-подросток смущала его.

— Как тебя зовут, киска?

— Да будет им известно, каково бы ни было имя их покорной слуги, это не имеет ни малейшего значения, и они могут звать ее, как им заблагорассудится, — она все равно будет более чем довольна.

— Ладно, ладно. Говори со мной как с равным.

— У меня нет настоящего имени. Чаще всего мне говорят: «Эй, ты!»

— Хорошо, тогда я буду звать тебя Киска. Тебя это устраивает? Ты в самом деле похожа на котенка.

На щеках у нее появились ямочки.

— Да, сэр! Это гораздо более приятно, чем «Эй, ты».

— Логично, в таком случае отныне ты — Киска. Можешь сказать об этом всем и больше не откликайся на «Эй, ты!». Скажи, что имя присвоено тебе официально Главным Исследователем, а если кто-нибудь усомнится, то пусть спросит у Главного Управляющего. Если осмелится.

— Да, сэр. Спасибо, сэр. Киска, Киска, — повторяла она на разные лады, как бы запоминая, потом вдруг хихикнула: — Чудесно!

— Я рад за тебя. Это мой завтрак?

— Да, сэр.

Он перекусил прямо в постели, предлагая ей куски, и догадался, что она ожидала этого или, по крайней мере, того, что он разрешит ей поесть. Пищи было вдоволь и четверным; вдвоем им удалось осилить приблизительно треть порции. Затем Хью заметил, что Киска вознамерилась помочь ему в ванной. Он отказался от ее услуг.

Немного погодя, уже собираясь приняться за порученное дело, он вдруг спросил:

— А чем ты будешь заниматься теперь?

— Я вернусь в помещение для прислуги, сэр, как только вы отпустите меня. А возвращусь, когда вы будете ложиться спать... или когда прикажете.

Он уже хотел было сказать ей, что она очаровательна, и что он почти сожалеет, что отключился накануне ночью, и что он больше не нуждается в ее услугах... но остановился. Ему в голову вдруг пришла мысль.

— Послушай, ты знаешь высокую прислугу по имени Барбара? Она вот настолько выше тебя. Она появилась здесь примерно две недели назад, и у нее есть дети, близнецы, родившиеся совсем недавно.

— О, конечно, сэр. Дикарка.

— Да, да. Это она. Ты знаешь, где она?

— О да, сэр. В палате для лежачих. Я очень люблю ходить туда и смотреть на малышей. — Она погрустнела. — Как это, должно быть, прекрасно...

— Да. Ты не можешь передать ей записку?

Киска задумалась:

— Но она не сможет понять ее. Она ведь совсем дикая и даже говорить еще толком не умеет.

— М-м-м... Черт возьми. Впрочем, может быть, это и к лучшему. Подожди минутку.

В его комнате был стол. Он подошел к нему, взял одну из замечательных ручек — они не ржавели, чернила в них казались твердыми и никогда не кончались — и отыскал листок бумаги. Затем торопливо написал записку Барбаре, в которой осведомился о здоровье ее и близнецов, описал свое необычное возвышение, сообщил, что вскоре он как-нибудь ухитрится увидаться с ней, наказал не волноваться и терпеливо

ждать и заверил ее в том, что его чувства к ней по-прежнему горячи.

В конце записки Хью приписал:

«P.S. Податель сей записки — девушка по имени Киска; если только она невысока, с хорошо развитой грудью, блондинка лет четырнадцати. Она моя согревательница постели — это ничего не значит, а у тебя, конечно, сразу начнут закрадываться всякие подозрения, злочка ревнивая! Я собираюсь оставить ее при себе, чтобы связываться с тобой, — это моя единственная возможность. Постараюсь писать каждый день и каждый день буду ожидать ответа от тебя. Если можешь, конечно. А если кто-либо сделает что-нибудь, что тебе не понравится, — сообщи мне, и я тут же пришлю его голову на блюде. Кажется, у меня есть такая возможность. Все обстоит довольно неплохо. Посылаю тебе также бумагу и ручку. Люблю, люблю, люблю.

Твой

Хью.

P.P.S. Полегче со Счастьем. Оно вызывает привыкание».

Он передал девушке записку и принадлежности для письма.

— Ты знаешь Главного Управляющего в лицо?

— О да, сэр. Я согревала его постель. Дважды.

— Вот как? Удивительно.

— Почему, сэр?

— Ну, я думал, что подобные вещи его не интересуют.

— Вы имеете в виду то, что он оскроплен? Но некоторые старшие слуги все равно любят, чтобы им согревали постель. Мне больше нравится бывать у них, а не наверху: меньше беспокойства и можно спокойно выспаться. Главный Управляющий обычно не посылает за согревательницами, хотя иногда просто проверяет нас и учит, как себя вести в постели, перед тем как допустить нас наверх. — Киска добавила: — Понимаете, он неплохо разбирается в таких вещах, потому что когда-то сам был жеребцом. — Она взглянула на Хью с невинным любопытством. — А правда то, что о вас рассказывают? Могу я спросить?

— Э-э-э... не можешь.

— Прошу прощения, сэр, — растерялась она. — Я не хотела ничего плохого. — Она со страхом взглянула на хлыст и потупила глаза.

— Киска!

— Да, сэр?

— Видишь этот хлыст?

— О, конечно, сэр...

— Так вот, ты никогда — слышишь, никогда — не попробуешь его на себе. Обещаю тебе. Никогда. Мы с тобой друзья.

Лицо ее просветлело, и в этот момент она казалась не только хорошенькой, а просто-таки ангельски прекрасной.

— О, не знаю, как вас и благодарить, сэр!

— И еще одно. Единственный хлыст, которого тебе отныне следует опасаться, — это хлыст Главного Управляющего. Поэтому держись от него подальше. А если тебя тронет кто-нибудь из обладателей «малых хлыстов», то скажи ему, что он отведаст моего, гораздо большего хлыста. Кто не поверит — пусть осведомится у Главного Управляющего. Ты поняла меня?

— Да, сэр. — Она, казалось, была вне себя от радости.

«Слишком уж рада», — подумал Хью.

— Но старайся не попадать в беду. Не совершай ничего такого, за что можно получить удар хлыста, — или мне придется послать тебя к Управляющему, чтобы он высек тебя как следует, он этим славится. Но до тех пор пока ты прислуживаешь мне, не позволяй никому, кроме него, наказывать себя. А теперь ступай и отнеси записку. Увидимся вечером, часа через два после вечерней молитвы. Если захочешь спать, приходи раньше и ложись.

«Надо не забыть распорядиться, чтобы для нее здесь поставили маленькую кровать», — напомнил он себе.

Киска коснулась рукой лба и вышла. Хью отправился в свой кабинет и остаток дня провел за изучением алфавита и переводом трех статей из Британской энциклопедии. Он быстро обнаружил, что его словарный запас недостаточен, и послал за одним из своих учителей, чтобы использовать его в качестве толмача. Однако Хью быстро убедился, что некоторые вещи требуют

бесконечных объяснений и комментариев, так как содержание понятий за прошедшие века радикально изменилось.

Киска тем временем отправилась прямо к Главному Управляющему в кабинет, доложила обо всем и отдала записку и принадлежности для письма. Мемток был серьезно озадачен: он, по всей вероятности, располагал важнейшим обвинительным документом, но не было никакой возможности узнать, о чем же в нем сообщается. Правда, ему пришло в голову, что тот, второй... как бишь его... Дьюк? Юкк?... что-то в этом роде... наверное, мог бы прочесть эти каракули. Но во-первых, неизвестно, умеет ли дикарь читать, во-вторых, даже хлыст не гарантировал бы того, что тот честно переведет содержание письма.

Искать помощи у Джо даже не пришло Мемтоку в голову. Равно как и просить содействия у этой толстухи — новой согревательницы постели Их Милости. Но был во всей истории еще один интересный аспект: неужели прислуга-дикарка в самом деле умеет читать, а возможно, и более того, в состоянии написать послание в ответ!?

Он сунул записку в копир, затем отдал ее девушке.

— Все в порядке. Отныне ты — Киска. И веди себя точно так, как он велел, — не позволяй никому наказывать себя и распусти об этом слух. Я хочу, чтобы все узнали. Но чтобы ты не забывалась... — Он тронул для остротки ее хлыстом так, что Киска подскочила от боли. — Помни, что *этот* хлыст всегда ждет тебя, если ты в чем-нибудь ошибешься.

— Ничтожная слышит и повинуется!

Вечером Хью вернулся из столовой для старших слуг довольно поздно, так как застольная болтовня затянулась надолго. Войдя в спальню, он обнаружил, что Киска, свернувшись калачиком, спит в его постели. Тут он вспомнил, что забыл попросить еще одну кровать.

В крепко сжатом кулачке девушки виднелся листок бумаги. Осторожно, чтобы не разбудить ее, он вытащил записку и стал читать.

«Мой милый!

Каким неизъяснимым счастьем для меня было увидеть строки, написанные твоей рукой! От Джо мне

стало известно, что ты в безопасности, но я ничего не слышала о твоём продвижении и не представляла, знаешь ли ты о близнецах. Сначала о них: оба растут как на дрожжах, оба как две капли воды похожи на своего отца, у обоих его «ангельский» характер. По моим прикидкам, родились они по три килограмма каждый. Их взвешивали после родов, но здешние меры веса мне неизвестны. Теперь немного о себе. Относятся ко мне как к знаменитой племенной корове, стараются не причинять никаких волнений, а медицинское обслуживание, которого меня удостоили, было на удивление хорошим. Как только у меня начались схватки, мне тут же дали какое-то питье, и потом я совершенно не испытывала боли, хотя отчетливо воспринимала все подробности родов, но так, как будто это происходило не со мной, а с кем-то другим. Таким образом, все случилось без малейших неприятных ощущений и даже наоборот, настолько легко, что я бы, кажется, теперь рожала каждый день. Особенно если бы у меня каждый раз рождались такие прелестные малыши, как Хью и Карл Джозеф.

Что же до остального, то жизнь моя довольно скучна. Изю всех сил штудирую Язык. Молока у меня в избытке, я даже даю немного девушке на соседней кровати, которой не хватает своего. Правда, наши с тобой малыши большие обжоры.

Я буду терпеливо ждать. Ничуть не поражена твоим быстрым повышением. И, зная тебя, не удивлюсь, если через месяц ты станешь тут самым главным. Я полностью уверена в своём муже. Мужчине. Какое это приятное слово: муж...

Теперь о Киске. Я не верю твоим вероломным словам насчет ваших отношений, благо на собственном опыте убедилась, что ты склонен к соблазнению невинных девушек. А она очень хорошенькая.

Теперь серьезно. Милый, я знаю, насколько ты благороден, и ни на миг не заподозрила дурного. Но даже если бы твое благородство в какой-то момент изменило тебе, я бы не осуждала тебя, принимая во внимание те функции, которые призвана выполнять Киска. Я имею в виду, что твое сближение с ней не будет чем-то из ряда вон выходящим, ведь это ее профессия. Если ты не сдержишься, я не буду ревно-

вать тебя к ней, во всяком случае сильно, но я бы не хотела, чтобы ваши отношения стали прочными, по крайней мере настолько, чтобы ты бросил меня. Учти, я довольно быстро восстанавливаю силы и желания. Но я ни в коем случае не настаиваю, чтобы ты избавился от нее, поскольку она — единственная возможность для связи. Будь добр с ней, она чудесное дитя. Впрочем, я знаю, что ты всегда очень добр со всеми.

Я буду писать каждый день и, если не получу ответной весточки, буду плакать в подушку от смертельной тревоги за тебя. До свидания, мой любимый ныне и присно и во веки веков.

Б.

P.S. Это пятно — отпечаток ножки маленького Хью».

Хью нежно поцеловал письмо и лег в постель, прижимая его к себе. Киска так и не проснулась.

Глава четырнадцатая

Хью обнаружил, что чтение и письмо на Языке даются ему довольно легко. Написание было фонетическим, для каждого звука имелось соответствующее буквенное обозначение. Непроизносимых букв не было, как не было и никаких исключений в произношении или написании слов. Если выговор не соответствовал тексту, то имелись специальные знаки, указывавшие на необходимое изменение звука. Своей логичностью и свободой от ловушек строй Языка напоминал эсперанто. Таким образом, как только был выучен сорока-семибуквенный алфавит, Хью мог написать и прочитать любое слово.

Печатные буквы сильно напоминали рукописные, поэтому страницы книг выглядели так, будто их от руки заполнил какой-то опытный писец. Хью не удивился, обнаружив, что буквы похожи на арабские, а посмотрев соответствующую статью в Британике, еще раз убедился, что, скорее всего, этот алфавит развился из арабского письма его времени. Около полудюжины букв вообще не претерпели никаких изменений, некоторые изменились не сильно. Имелось много новых букв, которые обозначали звуки, отсутствовавшие в языке XX века. Проконсультировавшись еще раз в Британике, Хью понял, что основные корни Языка были арабскими, французскими, суахили и еще Дядя

знает какими. Подтвердить это он не мог, поскольку словаря, отражающего исторические изменения в лексике, не существовало, похоже, вовсе. А его учителя, кажется, были свято убеждены в том, что Язык всегда являлся таким, каким они знали его. Они даже понятия не имели ни о каких изменениях.

Впрочем, эти изыскания представляли чисто теоретический интерес. Хью не знал ни арабского, ни французского, ни суахили. В университете он овладел зачатками латыни и немного немецким, а в последние годы пытался учить русский. Поэтому он не обладал знаниями, достаточными для выяснения истоков Языка. Им руководило сугубо человеческое любопытство.

Но даже на удовлетворение простого любопытства Хью не имел права тратить драгоценное время. Если он хотел уболаготворить Их Милость, то ему нужно было чем-то заинтересовать того — в данном случае переводами, — чтобы тот разрешил ему повидаться с Барбарой. Это значило, что он должен буквально завалить Понса материалами. Хью работал не покладая рук.

На второй день своего назначения Хью попросил, чтобы ему прислали Дьюка, и Мемток удовлетворил его просьбу. Вид у Дьюка был довольно измученный, под глазами мешки, но на Языке он говорил, хотя и не так хорошо, как его отец. Видимо, в процессе учебы ему не раз пришлось отведать хлыста, так как он находился на грани отчаяния и заметно хромал.

Мемток не имел абсолютно ничего против того, чтобы передать Дьюка в Департамент Древней Истории.

— Только рад буду избавиться от него. Для жеребца он чудовищно велик, а ни на что другое, по-видимому, не годен. Конечно, пусть работает у тебя. Не переносу слуг, которые слоняются без дела и только дармоедствуют.

И Хью взял сына к себе.

Дьюк окинул взглядом апартаменты Хью и присвистнул:

— Ну и ну! Я вижу, ты из дерьма ухитрился выбраться, благоухая как роза. Как это ты?

Хью объяснил ему ситуацию.

— Вот поэтому я и хотел бы, чтобы ты перевел статьи, касающиеся юриспруденции и родственных ей отраслей знаний, — это, должно быть, удастся тебе лучше всего.

Дьюк упрямо сжал кулаки.

— Сам переводи.

— Дьюк, оставь свой вызывающий тон. Ведь это прекрасная возможность для тебя.

— А что ты сделал для матери?

— А что я мог сделать? Встречаться мне с ней не разрешают, как и тебе. Сам знаешь. Джо уверяет меня, что она не только шикарно устроилась, но и счастлива.

— Так говорит он. Вернее, говоришь ты, что говорит он. А я хотел бы убедиться собственными глазами. Я, черт возьми, настаиваю на этом.

— Настаивай сколько хочешь. Пойди скажи Мем-току. Но хочу предупредить заранее: я не смогу защитить тебя.

— Я и так знаю, что мне скажет и что сделает этот маленький, грязный подонок. — Дьюк поморщился и потер больную ногу. — Именно ты должен побеспокоиться обо всем. Раз уж ты так ловко устроился, тебе и карты в руки. Используй хотя бы часть своей власти на то, чтобы защитить мать.

— Дьюк, я ничего не в состоянии сделать. Со мной обращаются так же хорошо, как с породистой лошадей, например. И потребовать я имею права примерно столько же, сколько та самая лошадь. Если будешь сотрудничать со мной, я могу помочь тебе получить свою долю хороших условий: удобное жилье, мягкое обращение, легкую работу. Но мне ни в малейшей степени не подвластна жизнь женской половины, и я скорее, наверное, смог бы слетать на Луну, чем добиться того, чтобы Грейс перевели сюда. Ты ведь знаешь, что порядки у них здесь, как в гареме.

— Значит, ты собираешься сидеть, исполняя роль ученого тюленя при этой черной обезьяне, и даже пальцем не пошевелишь, чтобы помочь матери? Ну уж уволь! Я с тобой не останусь!

— Дьюк, я не намерен спорить с тобой. Я выделю тебе комнату и буду присылать ежедневно по тому Британики. Если ты не будешь переводить, я постара-

юсь сделать так, чтобы Мемток не узнал об этом. Но, скорее всего, у него всюду есть осведомители.

На том разговор и закончился. Сначала Дьюк действительно ничем не помогал отцу. Но скука сделала свое дело там, где не помогли доводы. Дьюк не выдержал ничегонеделанья в запертой комнате. В принципе, он мог бы выйти из нее, но всегда оставалась опасность того, что он наткнется на Мемтока или на кого-нибудь из старших слуг с хлыстами, и те могут поинтересоваться, чем это он тут занимается. От утренней молитвы до вечерней слуги всегда вынужденно имитировали занятость делом, даже если и были свободны; в противном случае они могли нарваться на неприятность.

Дьюк начал заниматься переводами, но вскоре обнаружил, что явные пробелы в знании Языка создают трудности в работе. Хью прислал ему помощника клерка, имеющего отношение к юридической стороне дел Их Милости.

Хью видел Дьюка крайне редко. Это, по крайней мере, избавляло его от необходимости постоянно спорить с сыном. Производительность Дьюка через неделю стала возрастать, но зато ухудшилось качество работы, — Дьюк открыл для себя чудодейственные свойства Счастья.

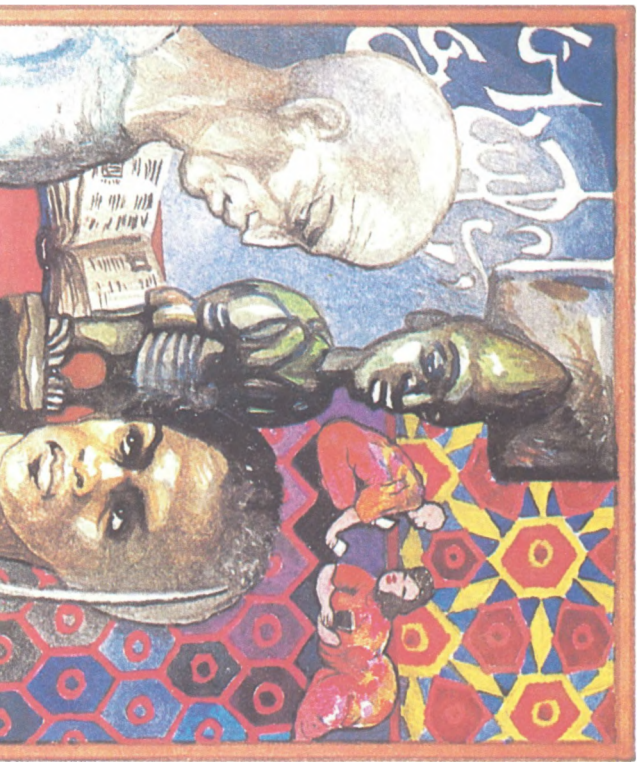
Хью долго думал над тем, стоит ли предостерегать сына от наркотика, и все-таки решил не вмешиваться. Если Дьюку нравилось принимать Счастье, то почему он должен удерживать его? Качество переводов сына мало волновало Хью. Ведь Их Милость не имел возможности судить о них... разве что Джо мог случайно открыть ему глаза. Но это было маловероятно. Да Хью и сам не особенно старался. «Сойдет, — считал он. — Отсылай боссу побольше да пояснее, а трудные места можно и пропустить».

Кроме того, он заметил, что пара порций Счастья после обеда прекрасно скрашивает остаток дня. Счастье давало ему возможность прочитывать очередное письмо Барбары в состоянии какого-то теплого, радостного опьянения, затем сочинять ответ, который предстояло отнести Киске, и крепко засыпать.

Но Хью не злоупотреблял напитком, относясь к нему с опаской. У алкоголя, считал он, есть преимуще-

ство — он ядовит. Человек очень быстро в этом убеждается, когда начинает предаваться чрезмерным возлияниям. Счастье же не давало синдрома похмелья — его воздействие на организм было коварнее. Напиток снимал состояние тревоги, подавленности, беспокойства, скуки и погружал в нирвану безмятежного блаженства. Уж не составлял ли его основу мепробамат? — размышлял Хью. Но к сожалению, он весьма поверхностно знал фармакологию, к тому же те скудные сведения, которыми он располагал, относились к временам двухтысячелетней давности.

Являясь ответственным слугой, Хью мог практически ни в чем себе не отказывать. Но со временем он заметил, что Мемток не единственный из старших, кто умеренно употребляет Счастье. Ни один из страстных поклонников этого своеобразного наркотика не мог рассчитывать на приличную должность. Нередко случалось, что человек, достигший высших ступеней иерархии слуг, скатывался обратно на дно, будучи не в силах противостоять соблазну потреблять Счастье в неограниченном количестве. Хью не представлял себе, что с такими людьми бывало потом. Сам же он пользовался правом держать бутылку зелья в своей комнате. Это решило проблему Киски.

Хью передумал просить у Мемтока кровать для нее. Он не хотел наводить Главного Управляющего на мысль, что это дитя интересует его в качестве связующего звена между женскими помещениями и Департаментом Древней Истории. Вместо этого он велел девушке каждую ночь устраивать себе постель на диване в жилой комнате.

Киска была огорчена. К этому времени она уже была уверена, что Хью мог бы воспользоваться ею не только как согревательницей постели в буквальном смысле слова, и считала, что он намеренно лишает ее возможности создавать ему комфорт и дарить наслаждение. Это путало ее: если она не по душе хозяину, то вскоре может потерять самое лучшее из всех мест, которые когда-либо имела. Так что она не осмелилась сказать Мемтоку, что Хью отказывается пользоваться ее услугами. Она докладывала обо всем, кроме этого.

Киска плакала.

Ничего лучшего она не смогла бы придумать. Всю жизнь Хью не выносил женских слез. Он усадил ее на колени и объяснил, что она ему очень нравится (правда), что ему очень жаль, что он слишком стар, чтобы оценить в полной мере ее достоинства (ложь) и что присутствие кого-либо в постели мешает ему спать (полуправда); и еще: он очень доволен ею и хочет, чтобы она продолжала ему служить.

— А теперь вытри глазки и глотни вот этого.

Хью знал, что Киска принимает Счастье. Она получала свою порцию в виде жевательной резинки, в состав которой входил порошок. Многие слуги за работой предпочитали употреблять Счастье именно в таком виде, что позволяло им целый день находиться в состоянии приятного полуопьянения. Киска, узнав, что Хью не возражает против подобного времяпрепровождения, все дни напролет торчала у него, неустанно пережевывая резинку.

Выпив предложенный напиток, счастливая Киска отправилась спать, больше не беспокоясь о том, что хозяин хочет избавиться от нее. Таким образом прецедент имел место. После этого каждый вечер, за полчаса до того как ложиться спать, Хью давал ей немного Счастья.

Некоторое время он отмечал уровень в бутылке, чтобы убедиться, что Киска не прикладывает к ней в его отсутствие. Замков у него в помещении не было, хотя он, как один из старших слуг, обладал правом иметь их. Но Мемток счел целесообразным утаить от Главного Исследователя информацию об этой привилегии.

Когда Хью удостоверился, что Киска не потягивает напиток втихую, он перестал беспокоиться. В самом деле Киску ужаснула бы даже мысль о том, что она может что-нибудь украсть у хозяина. Уровень ее самосознания был настолько мизерным, что пришлось бы в пору маленькой мышке. Она была меньше чем никто и знала об этом; у нее никогда ничего не было своего, даже имени, пока Хью не дал ей его. Благодаря его доброте в ней стала пробуждаться личность, но сдвиг был едва заметен, и любая мелочь могла свести на нет все его усилия в этом направлении.

Хью, наполовину по наитию, укреплял привязанность Киски к себе. Она была умелой банщицей. В конце концов он сдался и разрешил ей тереть ему спину и регулировать воду для мытья, одевать его и заботиться о его одежде. Она оказалась еще и опытной массажисткой. Иногда ему даже приятно было чувствовать, как ее маленькие ручки разминают ему плечи и шею, затекшие после долгого дня, проведенного над книгами или у экрана ридера. Короче говоря, она старалась делать все, чтобы не быть бесполезной.

— Киска, а чем ты обычно занимаешься днем?

— В основном ничем. Прислуга из моей полукасты, если у нее ночная работа, днем, как правило, отдыхает. Поскольку я каждую ночь занята, мне разрешают до полудня оставаться в спальном помещении. Обычно я так и делаю, потому что наша начальница очень любит давать тем, кого она видит шляющимися без дела, какое-нибудь поручение. После полудня... Ну, естественно, я стараюсь никому не попадаться на глаза. Это самое лучшее. Безопасное.

— Понятно. Если хочешь, отсиживайся здесь. Вернее, если можешь.

Лицо ее просветлело.

— Если вы достанете мне разрешение, то смогу.

— Хорошо, достану. Можешь здесь смотреть телевизор... Хотя в это время еще нет передач. М-м-м... ты ведь не умеешь читать? Или умеешь?

— О, конечно, нет! Я бы никогда не осмелилась подать прошение.

— Хм... — Хью знал, что разрешение учиться читать не мог дать даже Мемток. Такое дело требовало вмешательства самого Их Милости, да и то после обязательного расследования причин возникновения такой просьбы. Более того, подобного рода противозаконные поступки могли оборвать тонкую нить, связывающую его с Барбарой, и окончательно лишить надежды воссоединиться с ней... Черт возьми, мужчина всегда должен быть мужчиной!

— У меня здесь есть свитки и экран. Ты хотела бы попытаться?

— Да защитит нас Дядя!

— Не поминай Дядю всуе. Если можешь держать свой язычок за зубами, то я научу тебя. Чего ты так

испуталась? Я не заставляю тебя решать сразу. Сообщи мне, когда надумаешь. Только никому не говори.

Киска никому не сказала. Умалчивать она тоже боялась, но инстинкт самосохранения подсказал ей, что, доложив об этом, можно очень скоро распрощаться с безоблачным счастьем.

Киска стала для Хью чем-то вроде семьи. Она ласково провожала его на работу, вечером с улыбкой встречала, беседовала с ним, если ему хотелось пообщаться, и никогда не заговаривала первой. Вечера она обычно проводила перед телевизором — так Хью называл устройство, принцип работы которого он не мог понять.

Передача, транслирующаяся в цветном объемном изображении, начиналась ежевечерне, после молитвы, и продолжалась до отбоя. Большой экран был установлен в холле, где собирались слуги, а несколько малых экранов находилось в комнатах старших слуг. Хью не раз смотрел передачи, надеясь лучше понять общество, в котором ему предстояло жить. В итоге он пришел к выводу, что с таким же успехом можно представить себе жизнь Соединенных Штатов по многосерийному фильму «Пороховой дымок».

Чаще всего демонстрировались крикливые мелодрамы со стилизованным, как в китайском театре, действием. Обычно сюжет составляла история о верном слуге, который в финале героически погибал, спасая жизнь своему Повелителю.

Для обитателей поддестничного мира телевизор был вторым по назначению развлечением после Счастья. Киска обожала смотреть его, пережевывая при этом резинку и издавая приглушенные (чтобы не отвлекать склонившегося над книгой Хью) восклицания. После окончания передачи она растроганно вздыхала, с изъяслением величайшей благодарности принимала свою порцию Счастья, касалась на прощание рукой лба и отправлялась спать. Хью же еще некоторое время проводил за чтением.

Он очень много читал — каждый вечер (если только Мемток не наносил визита) и большую часть дня. Конечно, он отнимал время от переводов для Их Милости, но никогда не злоупотреблял этим. Ведь работа была единственной надеждой на будущее. Хью

понял одно: для того чтобы делать грамотные переводы текстов, необходимо хорошо разбираться в современной культуре. В Летнем Дворце была библиотека, и когда он заявил, что ему для работы необходимо иметь к ней доступ, Мемток все устроил.

На самом деле Хью не сильно волновало качество переводов. Занимаясь научными изысканиями, он пытался найти ответ на вопрос, что же случилось с его миром и почему возник этот.

Поэтому на экране его устройства для чтения постоянно была проекция текста какого-нибудь свитка. Принцип работы со свитками Хью нашел просто-таки восхитительным: для чтения необходимо было всего-навсего опустить в устройство заряженный сдвоенный цилиндр и включить экран. Буквы бежали перед глазами с определенной скоростью, которую можно было регулировать, сообразуясь с собственными возможностями восприятия. При считывании исключалась потеря времени на возвращение к началу следующей строчки.

Хью постоянно наращивал темп чтения и в конце концов стал читать на Языке быстрее, чем на английском. Но он не находил того, что искал.

В изображении прошлого явно было стерто различие между фактом и выдумкой. Даже когда он выяснил, что война между Востоком и Западом, забросившая их сюда, датировалась 703-м годом до Великого Изменения, он все равно с трудом находил соответствие между миром, который был ему когда-то знаком, и «историей», заключенной в свитках.

Описаниям войны еще можно было верить.

Сам Хью был свидетелем только первых ее часов, но свитки давали возможность узнать, как примерно разворачивались события дальше: взаимные ракетно-бомбовые атаки, которые именовались «блестящим превентивным натиском» и «массированным ударом возмездия», стершие с лица Земли города от Пекина до Чикаго и от Торонто до Смоленска; огненные смерчи, причинившие ущерб в десятки раз больший, чем бомбы; нервно-паралитический газ и другие ОВ, уничтожившие тех, кого пощадили пожары; пандемические заболевания, вспышки которых долго не затухали и инкубационный период которых завершился как раз к

тому времени, когда горстка уцелевших стала приходить в себя и обретать призрак надежды.

Да, в весь этот Армагеддон можно было верить. Подготовкой его занимались башковитые люди; а серьезные ребята, на которых те работали, и не пытались предотвратить глобальную гекатомбу (просто не считались с такой перспективой), — они лишь делали новые заказы исполнительным башковитым ребятам.

Нет, напомнил он себе, он никогда не полагал, что «лучше красный, чем мертвый»; не считает так и теперь. Нападение было на сто процентов односторонним, и он не жалел ни об одной мегатонне «массированного возмездия».

Но что случилось, то случилось. Свитки говорят о том, что уничтожено было все северное полушарие.

А как же насчет остального мира? В свитках утверждалось, что в Соединенных Штатах ко времени войны негры находились в положении рабов. Значит, кто-то выкинул целое столетие истории. Сознательно или нет? Может быть, это явилось следствием путаницы и отсутствия сведений? Насколько ему было известно, в Смутное Время, на протяжении почти двух веков, по всему миру пылали костры из книг. Сожжение их продолжалось и после Изменения.

Была ли утрата истории случайностью? Или жрецы сочли, что так будет лучше?

А с какого момента китайцев стали считать «белыми», а индусов «черными»? Конечно, если судить исключительно по цвету кожи, то китайцы и японцы были такими же светлокожими, как и любой средний белый его времени, а индусы так же темнокожи, как и африканцы. Но раньше антропологическое деление народов было совсем иным.

Само собой, если учитывать только цвет кожи, — а видимо, только он имелся в виду, — спорить было не о чем. История утверждала, что белые, со своими дурными наклонностями, уничтожили друг друга почти окончательно, оставив израненную Землю в наследство простодушной, душевной, милосердной темной расе, избранным чадам Великого Дяди.

Немногочисленные белые, спасенные Дядей, были выхожены и выпестованы, как дети, и теперь снова

плодились и размножались под благосклонным руководством Избранных. Так было написано.

Хью допускал, что война, которая полностью уничтожила Северную Америку, Европу и всю Азию, кроме Индии, могла унести жизни большинства белых и почти всех китайцев. Но что же случилось с населением Южной Америки, с белыми в Южно-Африканской республике, с австралийцами и жителями Новой Зеландии?

Как он ни бился, ответа так и не нашел. Единственное, что было определенным, — это то, что Избранные все были темнокожими, а их слуги белолицыми и обычно низкорослыми. Хью и Дьюк были гораздо выше других слуг. И наоборот, те немногие Избранные, которых он видел, были людьми весьма крупными.

Если нынешние слуги произошли от белых австралийцев... Нет, это исключается: те никогда не были малорослыми. А так называемые «Экспедиции Милосердия» — что это? Вылазки за рабами? Или карательные операции? Или, как говорится в свитках, спасательные экспедиции в поисках уцелевших?

Все эти пробелы в истории, скорее всего, возникли вследствие сожжения книг. Хью не смог выяснить, отправлялись ли в костер все книги, или техническим была уготована иная участь. Очевидным представлялось лишь то, что весьма развитая технология Избранных не могла начаться с нуля.

Впрочем, а почему бы и нет? Ведь современные ему наука и техника развились в основном за последние пятьсот лет, причем большая часть технических новшеств создавалась в последнее столетие, а наиболее удивительные открытия делались в пятидесятилетний период до начала войны. Так мог ли мир, скатившись в пучину варварства, выбраться из нее за два тысячелетия? Конечно, мог!

Так или иначе, но Коран был, похоже, единственной книгой, которая официально избежала костра. Да и то у Хью появилось сомнение, тот ли это Коран. В свое время у него был перевод Корана, и он несколько раз перечитывал его.

Теперь он очень жалел, что не взял книгу с собой в убежище, поскольку Коран в том виде, в каком он читал его теперь на Языке, явно не соответствовал

запечатлевшемуся в памяти. Например, Хью припомнил, что Магомет был рыжеволосым арабом, а в этом «Коране» неоднократно подчеркивалось, что цвет кожи Пророка был черным. И еще: Хью был совершенно убежден, что Коран не содержал расистских взглядов. Его же «исправленная и дополненная» версия была буквально наспигована ими.

К тому же в Коран входил теперь Новый завет с казненным Мессией. Он проповедовал свою веру и был повешен — все религиозные свитки были испещрены виселицами. Хью ничего не имел против модернизации, ведь за прошедшие века вполне могли появиться новые откровения. Но он не мог смириться с ревизией учения Христа, проведенной с целью соответствия последнего новым догматам. Это уже было самым настоящим обманом.

Структура общества таила в себе немало загадок. У Хью появились только первые проблески понимания его сложной культуры и высокоразвитой технологии. Цивилизация Избранных, устойчивая и даже застывшая, со строгой иерархией и отлаженной системой управления, тем не менее постепенно приходила в упадок. Церковь и Государство были едины: «Один Язык, Один Король, Один Народ, Один Господь». Лорд-Владелец являлся как высшим иерархом церкви, так и главой государства, владея по воли Дяди абсолютно всем; а Лорды-Хранители, такие, как Понс, распоряжались всего лишь ленными наделами, по совместительству исполняя функции епископов. Помимо Лордов имелись еще и многочисленные граждане (само собой, Избранные, так как белый личностью не являлся): торговцы, землевладельцы, люди разных профессий. В экономике на фоне частного предпринимательства можно было заметить признаки чуть ли не тоталитарного коммунизма. Если он правильно понимал прочитанное, то здесь существовали даже корпорации!

Наиболее интересной Хью показалась система наследования (не считая того, что, как он выяснил, его статус согласно закону и обычаю равнялся нулю). Семья была всем, браки — ничем. То есть последние существовали как таковые, однако особого значения не имели. Наследование происходило по женской линии, но властью наделялись только мужчины.

Эта заваyka смущала Хью, пока в один прекрасный день все не стало на свои места. Понс являлся Лордом-Протектором, так как был старшим сыном чьей-то старшей дочери, старший брат которой был Лордом-Протектором перед Понсом. Таким образом, наследником Понса становился старший сын старшей из его сестер — титул передавался от матери к дочери непрерывно и бесконечно, причем власть сосредотачивалась в руках старшего брата каждой из наследниц. Кем был отец Понса, совершенно не имело значения, и еще меньшее значение имело то, сколько у него было сыновей, поскольку ни один из них не обладал правом наследования. Понс был преемником брата своей матери, а его наследником должен был стать сын его сестры.

Хью понимал, что при подобной системе функции и роль брака сводились к минимуму, но семья приобретала исключительно важное значение. Женщины (Избранные) теперь никак не могли быть недооценены. Они обладали в обществе значительно большим весом, чем мужчины, еще и потому, что правили посредством своих братьев, — это было освящено религией. У единого Бога — Всемогущего Дяди — имелась старшая сестра, Мамалой Вечная, настолько святая, что ей даже не осмеливались молиться и имя ее никогда не поминалось всуе. Она являлась могущественным воплощением Женщины, давшей жизнь всему сущему.

У Хью создалось впечатление, что он когда-то уже читал о таком порядке наследования — от дяди к племяннику по женской линии. Справившись в Британике, он с удивлением обнаружил, что такая система доминировала то в одной культуре, то в другой в разные времена на всех континентах.

Великое Изменение имело место, когда Мамалой наконец преуспела, — действуя, как всегда, опосредованно, — в объединении всех чад своих под одной крышей. Назначив ответственным за все их Дядю, она удалилась на покой.

Хью так прокомментировал это:

— И Господь помог человеческой расе!

Хью с нетерпением ждал, когда Их Милость изволит послать за ним. Прошло уже два месяца со дня их появления здесь, и Хью начал опасаться, что у него

никогда не возникнет возможности попросить о свидании с Барбарой. Не исключено, что Понс, когда к нему стали поступать тексты, потерял к переводчику всякий интерес. Перевод же всей Британики потребовал бы нескольких жизней. Хью решил ускорить развитие событий и в один прекрасный день отправил Понсу письмо.

Неделю спустя Лорд-Протектор вызвал его. Мемток явился к Хью с этим известием, приплясывая от нетерпения, но тем не менее настоял, чтобы перед аудиенцией Хью помылся, обтерся дезодорантом и надел чистый балахон.

Похоже, Лорду-Протектору не было никакого дела до того, как пахнет Хью: он явно был занят чем-то другим. Хью стоял молча и ждал. Здесь же была и Грейс. Она возлежала на диване, возясь с кошками и жуя резинку. Миссис Фарнхэм только раз взглянула на человека, когда-то бывшего ее мужем, и больше не обращала на него никакого внимания, если не считать того, что на лице у нее застыла затаенная улыбка, которую Хью знал очень хорошо. Он называл ее «канарейка, съевшая кота».

Док Ливингстон спрыгнул с дивана, подошел к нему и потерял о его ноги. Хью знал, что он не должен на это реагировать, терпеливо ожидая, когда Понс заметит его присутствие... Но ведь кот долгое время был его другом, и он не имел право забывать это. Хью наклонился и погладил Дока.

Небеса не разверзлись. Их Милость не обратил внимания на нарушение правил.

Наконец Лорд-Протектор соизволил подать голос:

— Мальчик, иди сюда. Что за чушь ты там пишешь насчет того, что я смогу делать деньги на твоих переводах? И с чего ты вообще взял, что я нуждаюсь в деньгах?

Хью, со слов Мемтока, знал, что ему, как Главному Управляющему, приходится много экономить и выкручиваться с деньгами, выделенными на ведение столь обширного хозяйства, поскольку жизнь с каждым годом становится все дороже и дороже.

— Да будет угодно выслушать Их Милости ничтожное мнение их ничтожнейшего слуги...

— Оставь этот цветистый стиль, черт тебя подери!

— Понс, там, в мире, откуда я пришел, во все времена не было человека, богатого настолько, чтобы ему не нужно было денег еще больше. Обычно бывало так: чем богаче человек, тем больше денег ему требовалось.

Лорд улыбнулся.

— Я вижу, ты занят не только поглощением Счастья, но и стараешься размышлять. Ты прав: положение вещей остается таковым и в наши дни. Ну и что же? Что ты придумал? Давай выкладывай!

— Сдается мне, что в энциклопедии есть информация, с помощью которой можно было бы извлекать выгоду. Технологические процессы и тому подобное... иными словами, все, что было утрачено людьми за последние два тысячелетия, но сейчас могло бы давать доход.

— Отлично, займись этим. То, что ты посылал мне до сих пор, — конечно то, что я успел прочесть, — вполне удовлетворительно. Но очень много тривиального. Например: «Смит, Джон, родился и умер... политик, который успел сделать очень мало, а то, что успел — очень плохо». Понимаешь, о чем я?

— Думаю, что да, Понс.

— Отлично. Тогда отбрось весь этот хлам и подыщи мне три-четыре идеи, из которых я бы мог выжать деньги.

Хью колебался. Понс спросил:

— Так что, ты понял меня?

— Мне, наверное, понадобится помощь. Понимаете, я ведь не знаю, что творится за стенами дворца. Мне известно только то, что делается под лестницами. Я думаю, тут мог бы помочь Джо.

— Каким образом?

— Я так понял, что он путешествовал с вами и много видел... Скорее всего, именно он мог бы указать проблемы, заслуживающие внимания. Пусть он отметит соответствующие статьи, я их переведу, а уж вы будете судить, стоит ли с этим связываться. Я могу изложить для вас их содержание вкратце, чтобы вы не теряли времени на незначительные подробности, тем более если данный предмет не заинтересует вас.

— Неплохая идея. Я уверен, что Джо будет просто счастлив помочь. Хорошо, присылай энциклопедию. Все.

Хью был отпущен так скоро, что даже не имел возможности попросить свидания с Барбарой. Правда, он все равно не стал бы рисковать, упоминая ее имя в присутствии Грейс.

Сначала он хотел найти Дьюка и рассказать, что он собственными глазами видел его мать раздобревшей и счастливой, но потом решил этого не делать. Дьюк мог поставить под сомнение правдивость сообщения тем более, что Хью не виделся с Грейс с глазу на глаз.

Глава пятнадцатая

Джо присылал в день по тому Британики с помеченными статьями. Хью приходилось трудиться над переводами не покладая рук. Через две недели его снова вызвали.

Он ожидал, что состоится что-то вроде совещания по какому-нибудь вопросу. Но оказалось, что в покоях Лорда сидят сам Понс, Джо и какой-то Избранный, которого Хью до этого ни разу не видел. Он мгновенно приготовился говорить, как и предписывалось слугам, в уничижительном тоне.

Лорд-Протектор кивнул:

— Подойди сюда, Хью. Сними карты. И не вздумай вдаваться в эти утомительные формальности. Здесь семья. Все свои.

Хью, поколебавшись, приблизился. Второй Избранный, темнокожий человек крупного телосложения с хмурым выражением лица, казалось, не очень-то обрадовался появлению белого слуги. Хлыст у него был с собой, и он вертел его в руках.

Джо взглянул на Хью и улыбнулся.

— Я учил их играть в бридж. Но нужен четвертый. Я все время твержу Понсу, что ты самый лучший из когда-либо виденных мною игроков. Ты уж постарайся не подводить меня, а?

— Постараюсь. — Хью сразу узнал одну из своих колод. Вторая, похоже, была изготовлена и расписана вручную, но сделано это было изумительно. Карточный столик не был позаимствован из обстановки убежища и также являлся настоящим произведением искусства, обильно украшенный резьбой по дереву. Хью выпало играть в паре с незнакомым Избранным. Хью ясно видел, что не нравится партнеру, но тот, что-то проворчав, не стал возражать.

У них был контракт при трех пиках — по счастливому раскладу карт они взяли четыре. Партнер буркнул:

— Парень, ты мало заказал. Игра впустую. Постарайся, чтобы этого больше не повторилось.

Хью промолчал и сдал карты вновь.

В следующем круге Джо и Понс взяли пять трэф. Партнер Хью разозлился.

— Если бы ты зашел с бубен, мы бы обставили их. А ты вместо этого подставил нас! Я ведь предупреждал тебя. Ну, теперь...

— Мрика! — резко сказал Понс. — Это бридж. И играй в него. А хлыст убери. Слуга поступил совершенно правильно.

— Ничего подобного! И будь я проклят, если буду играть с ним дальше! Я всегда чувствую, что имею дело с вонючим слугой, как бы хорошо его не выскребли. А этот, по-моему, вообще не мылся!

Хью почувствовал, что у него взмокли подмышки, и вздрогнул. Но Понс ровным голосом произнес:

— Хорошо, мы извиняем тебя. Можешь идти.

— И отлично! — Избранный встал. — Но прежде чем я уйду, я хотел сказать одну вещь... Если промешкать еще немного, то Их Превосходительство отдаст Протекторат Северной Звезды...

— Уж не собираешься ли ты вложить в это дело деньги? — резко спросил Их Милость.

— Но ведь я думаю о семейных интересах. Во всяком случае я-то не упустил бы такой возможности! Сорок миллионов гектаров, сплошь покрытых первосортным лесом! Я бы не думал ни секунды! Но у меня буквально нет ни гроша... и вы сами знаете почему.

— Конечно, знаем. Ты злоупотребляешь азартными играми.

— Совершенно напрасно вы так... Деловому человеку приходится рисковать. Нельзя же назвать азартной игрой то, что...

— А мы считаем, что это азартные игры. Мы не против риска, но терпеть не можем проигрышей. И если тебе снова придется проиграть, то желательно, чтобы ты вкладывал свои собственные деньги.

— Но это вовсе не так рискованно. Дело практически верное... Все равно что породниться с Их Превосходительством. Семье...

— Позволь нам решать, что семье выгодно, а что нет. А тебе придется еще немного подождать этого права. Пока же мы не менее твоего хотели бы доставить удовольствие Лорду-Правителю. Но ни в коем случае не с помощью сумм, которыми семья в данный момент не располагает.

— Деньги можно занять. Под проценты, которые...

— Ты собирался уходить, Мрика. Будем считать, что ты уже ушел, — Понс взялся за карты и начал тасовать их.

Молодой Избранный фыркнул и вышел.

Понс разложил пасьянс, снова смешал карты, раздал их и начал игру. В солитер. Через некоторое время он пожаловался Джо:

— Иногда этот юноша так выводит меня из себя, что я бы, кажется, с радостью изменил свое завещание.

Джо казался озадаченным.

— А я всегда думал, что его нельзя лишить наследства.

— Конечно, нет! — Их Милость выглядел шокированным. — Такого не сделает и последний крестьянин. До чего бы мы докатились, если бы стали нарушать установленный порядок? Даже думать не хочется о таком. Нет, он мой наследник. Я имел в виду только слуг.

Джо засомневался.

— Тогда я не понимаю...

— Ну, ты же знаешь... Хотя, возможно, и нет. Я все время забываю, что ты недавно среди нас. В завещании я распоряжаюсь вещами, принадлежащими лично мне. Их не так много... украшения, свитки и

тому подобное. Стоимость всего этого примерно около миллиона. Пустяки. Если не считать домашних слуг. Только домашних. Я не говорю о слугах на шахтах, фермах или других предприятиях. Обычай таков, что всех домашних слуг упоминают в завещании поименно. В противном случае они обязаны следовать в загробный мир вслед за своим Дядюшкой, то есть за мной. — Он улыбнулся: — Была бы неплохая шутка, если бы после моей смерти Мрика обнаружил, что ему нужно или набрать денег на покупку полутора-двух тысяч слуг, или заколотить дворец и жить в шалаше. У меня эта сцена так и стоит перед глазами. Ведь парень и сливы не сорвет без того, чтобы дерево не трясли четверо слуг. Я даже не уверен, что он умеет сам обуваться. Хью, если ты будешь утверждать, что черная дама бьет красного вала, я накажу тебя. Я в очень плохом настроении.

Хью торопливо произнес:

— Разве? А я и не заметил.

— Тогда чего же ты уставился в карты?

Хью в самом деле уткнулся в карты, стараясь не привлекать к себе внимания. Он очень нервничал, оказавшись невольным свидетелем ссоры между Понсом и его племянником, но не упустил ни слова из их перепалки, поскольку нашел ее более чем интересной.

Понс продолжал:

— А ты что предпочел бы, Хью? Сопровождать меня в мир иной? Если ты останешься здесь и будешь служить Мрике, то, предупреждаю тебя, меньше чем через год после моей смерти тебе придется обгрызать себе пальцы на ногах, чтобы не умереть с голода... В то же время, как гласит Благой Свиток, небеса — довольно приятное местечко.

— Выбирать сложно...

— А тебе и не придется выбирать. Ты никогда не узнаешь, что тебя ожидает. Слуга не должен знать этого, чтобы всегда хорошо служить своему повелителю. Этот мерзавец Мемток так и ходит за мной по пятам, упрашивая удостоить его чести сопровождать меня на небеса. Если бы я был уверен, что он просит искренне, то непременно отказал бы ему из-за его бездарности. — Понс вдруг смешал карты и выругал-

ся: — Черт бы побрал этого мальчишку! Он, конечно, партнер не ахти какой, но мне хотелось сыграть несколько настоящих, сильных робберов. Джо, нам нужно научить играть еще несколько человек. До чего же тоскливо оставаться без четвертого партнера!

— Конечно, — согласился Джо. — Прямо сейчас?

— Нет, нет. Я хочу играть по-настоящему, а не смотреть, как новичок спотыкается на каждом ходе. Я уже втянулся в эту игру. Она позволяет совершенно отвлечься от неприятных мыслей.

И тут Хью осенило.

— Понс, если вы не против того, чтобы в игре участвовал еще один слуга...

Джо просиял.

— Конечно же! Он...

— Барбара, — быстро перебил его Хью, чтобы тот не успел назвать Дьюка.

Джо растерянно заморгал, но затем постарался исправить положение.

— Он — я имею в виду Хью — собирался назвать прислугу по имени Барбара. Она хорошо играет в бридж.

— Что? Так ты, значит, кое-кого обучил игре и под лестницей, Хью? — удивился Понс и добавил: — Барбара? Я что-то не припомню такого имени. По крайней мере, она не относится к старшим слугам.

— Вы должны помнить ее, — сказал Джо. — Она была с нами, когда вы нас подобрали. Помните, может, такая высокая...

— Ах да! Конечно! Так, значит, Джо, ты утверждаешь, что она умеет играть в бридж?

— Она игрок высшего класса, — заверил его Джо. — Играет лучше меня. Господи, Понс, да она обыграет вас, как мальчишку. Правду я говорю, Хью?

— Барбара — великолепный игрок.

— Пока не увижу — не поверю.

Через несколько минут Барбара, уже стояла на пороге. Увидев Хью, она остоленела от удивления.

К ней приблизился Понс.

— Так... Значит, это и есть прислуга, которая умеет играть в бридж? Не бойся, малышка, я тебя не съем.

Далее он добродушно заверил Барбару в том, что ее вызвали только для того, чтобы сыграть в бридж, и что она может расслабиться и не соблюдать уничижительной формы речи.

— В общем, веди себя так, словно ты приятно проводишь время с другими слугами. Поняла меня?

— Да, сэр.

— И еще одно. — Он похлопал ее по плечу. — Пока ты будешь моей партнершей, я не рассержусь на тебя, если ты допустишь промах, — ведь ты все-таки прислуга, и вообще удивительно, что ты способна играть в интеллектуальную игру. Но... — он сделал паузу, — если ты, играя против меня, попытаешься подыгрывать мне, обещаю, что тебя накажут. Поняла?

— Правильно, — подтвердил Джо, — требование Их Милости справедливо. Играй по книге и старайся из всех сил.

— По книге, — повторил Понс. — Я, правда, никогда не видел этой книги, но Джо уверяет, что научил меня играть именно по ней. Так что старайся. Ну ладно, давайте сдавать.

Хью почти не слушал его. Он внимательно вглядывался в свою возлюбленную. Она выглядела достаточно хорошо и на вид была здорова, но ему странно было видеть ее стройной как прежде, вернее, почти как прежде, так как талия ее еще не обрела бывшего изящества, а грудь значительно увеличилась в объеме. Загар с Барбары почти сошел, а одета она была, как и вся прислуга, в бесформенный балахон, довольно короткий. Хью очень обрадовался тому, что она не лишилась своих волос. Они, правда, были коротко подстрижены, но отрастить их ничего не стоило.

Тут он заметил, что его собственная внешность почему-то удивила Барбару, и понял причину. Улыбнувшись, он пошутил:

— Я теперь причесываюсь ладонью, Барби. Какая разница? Тем более, что я уже привык быть лысым, и мне это даже нравится.

— Ты выглядишь просто изысканно, Хью.

— Он страшен как смертный грех, — заметил Понс. — Но зачем мы здесь собрались? Болтать? Или играть в бридж?

Они играли несколько часов подряд. И чем дольше они играли, тем больше Барбара успокаивалась и приходила в себя. В конце концов игра, по-видимому, начала доставлять ей удовольствие. Она даже стала улыбаться, и не только Хью, но иногда и Их Милости. Барбара играла строго по книге, и Понсу ни разу не удалось поймать ее на фальши. Хью пришел к выводу, что их хозяин — хороший игрок, не отличный, конечно, но он, по крайней мере, запоминал битые карты и в торговле был точен. Хью находил его вполне достойным партнером и довольно сильным противником.

Один раз, когда Барбара была партнершей Хью и контракт был на руках у Понса, Хью обратил внимание, что тот заказал слишком много. Тогда он осмелился на один верный трюк, который давал возможность Барбаре выиграть игру.

Своим намерением он вызвал только безразличный взгляд, как бы вскользь брошенный на него Барбарой, да Джо посмотрел на него с незаметной для постороннего взгляда усмешкой, но удержался от комментариев.

Понс ничего не подозревал. Оставшись в дураках, он взревел от огорчения, потянулся и погладил Барбару по голове:

— Изумительно! Изумительно! Малышка, да ты, кажется, и впрямь умеешь играть. Я и сам не смог бы повернуть такую комбинацию.

Не стал он жаловаться на судьбу и тогда, когда в следующем роббере Барбара и Джо жестоко наказали его и Хью. Тогда Хью решил, что, кроме приличных способностей в карточной игре, у Понса есть и то, что называется «спортивным духом».

Появилась одна из глухонемых прислужниц, поклонилась и подала Их Милости бокал. Судя по запотевшему стеклу — с прохладительным напитком. Затем принесла и Джо. Понс отхлебнул глоток, вытер губы и довольно произнес:

— Уф! Очень кстати.

Джо шепотом сказал ему что-то на ухо. Понс удивился и ответил:

— Конечно. Почему бы и нет?

Таким образом, Хью и Барбару тоже обслужили. Хью с удовольствием обнаружил, что в бокале у него — чистый яблочный сок. Если бы там оказалось Счастье,

то он не поручился бы за свою дальнейшую способность играть.

Во время следующего роббера Хью заметил, что Барбара чем-то озабочена и с большим трудом сосредотачивается на игре. Когда они доиграли круг, он тихонько спросил:

— Что-нибудь не в порядке, милая?

Она бросила взгляд на Понса и прошептала:

— В общем, да. Когда за мной прислали, я как раз должна была кормить малышей.

— О! — Хью повернулся к хозяину: — Понс, Барбаре необходимо сделать перерыв.

Понс перестал тасовать карты.

— Не иначе как в уборную. Думаю, одна из служанок покажет ей, где это. Ведь сами-то они ходят куда-то.

— Нет, не это. Впрочем, может быть, и это тоже. Но я хотел сказать, что у Барбары есть дети. Близнецы.

— Ну так и что? У прислуги обычно и бывают близнецы. Ведь у них две груди.

— В том-то и дело: она еще кормит их грудью, а последний раз их нужно было кормить несколько часов назад. Ей просто необходимо уйти.

Понс, казалось, был слегка раздражен. Поколебавшись немного, он заявил:

— Чепуха. Молоко небось не свернется из-за такого небольшого опоздания. Сдавай карты.

Но Хью не притронулся к колоде. Понс повысил голос:

— Ты что, не слышал меня?

Хью встал. Его сердце билось как молот, и он почувствовал, что дрожит от страха.

— Понс, Барбара страдает. Именно сейчас ей просто необходимо покормить малышей. Я, конечно, не могу принудить вас отпустить ее... но неужели вы думаете, что я буду продолжать играть, если вы заставите ее мучиться? Если вы так считаете, то, видимо, вы сошли с ума.

Великан долгое время рассматривал его, ни капли не изменившись в лице. Потом он вдруг улыбнулся.

— Хью, а все-таки ты мне нравишься. При самой первой нашей встрече ты ведь тоже устроил нечто

подобное, не так ли? Наверное, эта прислуга — твоя сестра, да?

— Нет.

— Тогда если кто из нас и сошел с ума, так это ты. Да знаешь ли ты, как близок был к тому, чтобы стать просто мясом?

— Могу предположить.

— Вряд ли, потому что по тебе этого никак не скажешь. Ладно, пусть ее двойняшек принесут сюда. Они могут сосать в то время, как мы играем.

Принесли малышей, и Хью тут же понял, что это самые симпатичные ребятишки на свете, самые здоровенькие и миленькие детишки, которые когда-либо появлялись на свет Божий. Он так и сказал Барбаре. Но в первый момент ему не удалось даже дотронуться до детей, так как Понс сразу же подхватил их на руки, рассмеялся и, подув обоим в ротки, немного покачал.

— Отличные мальчуганы! — воскликнул он. — Отличные мальчуганы у тебя, Барба! Сущие маленькие дьяволята, готов поклясться! Давай-давай, малыш, сжимай кулачок! Ну-ка, двинь дядюшку кулаком еще разок! Как их зовут, Барба? Имена у них есть?

— Вот этот — Хью...

— Что? Разве у них с Хью есть что-нибудь общее?

— Он их отец.

— Ну и ну! Ты, Хью, может быть, и не красив, но, видимо, у тебя есть другие достоинства. Если только Барбара говорит правду. А как зовут второго?

— А это маленький Джо, Карл Джозеф.

Понс взглянул на Джо:

— Так, значит, прислуга называет своих отпрысков в твою честь, Джо? Придется получше присматривать за тобой, разбойник ты этакий. Что же ты подарил Барбе?

— Прошу прощения?

— Что ты подарил ей за рождение ребенка, идиот? Подари ей кольцо, которое у тебя на пальце. В этом доме столько детей названо в мою честь, что мне приходится заказывать целые мешки безделушек. Их мамы знают, что я обязан что-нибудь подарить им. Хью-то счастливчик — ему нечего отдавать. Ха, да у Хьюги, кажется, зубки!

Самому Хью удалось немного подержать детишек, пока Барбара устраивалась так, чтобы иметь возможность и кормить их грудью, и играть в бридж одновременно. Она брала детей по одному, а свободной рукой в это время играла. Вокруг ребенка, которого не кормили, суетились глухонемые служанки. Когда кормление закончилось, малышкой унесли. Несмотря на довольно сложные условия, Барбара играла неплохо, даже хорошо. Длинная игра закончилась тем, что Понс набрал больше всех очков, Барбара оказалась на втором месте, а Джо и Хью разделили третье и четвертое. Хью пожульничал совсем немного, чтобы добиться такой расстановки. Понсу, действительно, шла карта, особенно когда его партнершей была Барбара. Им даже удалось сделать два малых шлема.

Понс пребывал в отличном расположении духа.

— Барба, поди сюда, малышка. Скажи своей начальнице, что я приказал найти кормилицу для твоих двойняшек и что я хочу, чтобы ветеринар остановил у тебя выделение молока. Я желаю, чтобы ты как можно быстрее стала моим партнером — или противником — по бриджу. Ты играешь, как настоящий мужчина.

— Хорошо, сэр. Но позволено ли будет задать вопрос?

— Позволено.

— Я бы предпочла кормить детей сама. Ведь они — это все, что у меня есть.

— Ну что ж... — Он пожал плечами. — Кажется, сегодня у меня день упрямых слуг. Видимо, вы оба все еще дикари. Вам бы отнюдь не повредила небольшая порка. Ладно, но в таком случае тебе придется иногда играть только одной рукой: я не желаю, чтобы игра прерывалась. — Он улыбнулся. — Кроме того, я время от времени буду даже рад видеть маленьких разбойников, особенно того, который умеет кусаться. Можешь идти. Все.

Барбара была отправлена так внезапно, что Хью едва успел на прощание обменяться с ней улыбками. Он-то рассчитывал, что они спустятся вниз вместе, а может быть, даже зайдут к нему ненадолго. Но Их Милость рассудил по-другому, поэтому ему пришлось остаться. На душе у Хью было тепло и хорошо.

Сегодня он впервые за долгое время испытал минуты настоящего счастья.

Понс объяснил ему, почему ни одну из переведенных им статей нельзя использовать практически.

— Не отчаивайся, Хью. Продолжай свою работу, и нам обязательно что-нибудь попадется. — Он перевел разговор на другую тему, все еще не отпуская Хью. Тот обнаружил, что Понс эрудированный собеседник, который интересуется всем и готов как внимательно слушать, так и увлекать рассказом сам. Он казался Хью воплощением добродушного цинизма. Проницательный дилетант, не милосердный, но и не жестокий, Понс не кичился своим положением и не был расистом — он относился к Хью как к равному по интеллекту.

Пока они беседовали, низкорослые прислужницы накрыли стол для Понса и Джо. Хью, впрочем, и не ожидал, что его пригласят принять участие в трапезе, да и не желал этого. Он всегда мог приказать накрыть ему стол в кабинете; а в том, что Мемток был прав, утверждая, что слуги питаются лучше хозяев, Хью убедился давно.

Когда Понс наелся, он придвинул свое блюдо Хью.
— Ешь.

Хью колебался какие-то доли секунды. Он прекрасно понимал, что ему оказана великая честь — для слуги, разумеется. На блюде оставалось еще очень много — раза в три больше, чем съел Понс. Хью не мог припомнить, чтобы ему приходилось подъедать за кем-нибудь, да еще грязной ложкой. Тем не менее он принялся за трапезу.

Как обычно, меню Их Милости не пришлось по вкусу Хью — что-то жирное, а он всегда недолюбливал свинину. Свинина редко подавалась слугам, но зато была обычной составной частью блюд, которые постоянно пробовал Мемток. Это очень удивляло Хью, так как в ревизованном Коране еще сохранились религиозные предписания по поводу пищи, а Избранные следовали некоторым мусульманским обычаям. Они практиковали обрезание, не употребляли спиртного, не считая легкого пива, и номинально чтили рамазан. Магомет был бы потрясен коренными изменениями,

которые претерпело его монотеистическое учение, но некоторые его детали он бы узнал.

Но хлеб был вкусен, фрукты превосходны, равно как и мороженое. Хью отведал всего понемногу.

Понс поинтересовался, каким был климат в их время в этом районе.

— Джо говорит, что иногда у вас были морозы, даже снег.

— Конечно. Каждую зиму.

— Удивительно. И какой же бывал мороз?

Хью задумался. Он до сих пор не знал, как эти люди измеряли температуру.

— Если взять диапазон температур между замерзанием воды и ее кипением, то иногда температура доходила до одной трети этого промежутка ниже точки замерзания.

Понс удивился.

— Ты уверен? Мы измеряем диапазон от точки кипения до точки замерзания ста градусами. Следовательно, ты утверждаешь, что температура доходила иногда до тридцати трех градусов ниже нуля.

Хью с удивлением отметил, что стоградусная шкала прожила два тысячелетия. Впрочем, почему бы и нет? Ведь Избранные пользовались десятичным счислением в арифметике и в денежной системе. Он еще раз прикинул в уме.

— Да. Я имел в виду именно эту температуру. Порой стояли такие холода, что в горах, — Хью указал в окно на вздымающиеся на горизонте вершины, — в термометре замерзала ртуть.

— Да, — поежился Джо, — такой мороз, что зубы стыли. Только из-за него я готов был двинуть на Миссисипи.

— А где, — спросил Понс, — находится Миссисипи?

— Ее больше не существует, — объяснил Джо. — Сейчас она под водой, к сожалению.

Разговор сам собой переключился на обсуждение причин изменения климата, и Их Милость послал за последним томом Британики, чтобы имевшиеся в нем карты сравнить с современными. Когда карты были разложены на столе, собеседники склонились над ними.

Там, где раньше была Миссисипи, теперь далеко на север простирался залив, Флориды и Юкатана не было, а Куба представляла собой архипелаг незначительных островов. Калифорния имела собственное внутреннее море, а большая часть северной территории Канады исчезла.

Такого рода изменения произошли повсюду. Скандинавский полуостров превратился в остров, Британские острова стали группой мелких островков, под водой оказалась часть Сахары. Все прибрежные низменности были покрыты водой: не было Голландии, Бельгии, северной Германии... Не было и Дании — Балтика стала заливом Атлантического океана.

Когда Хью увидел все это, его охватила тоска по безвозвратно исчезнувшему. Из книг он знал, что мир изменился, но впервые видел перед собой страшную картину этих глобальных изменений.

— Вопрос в том, — подытожил Понс, — явилось ли таяние льдов следствием большого количества пыли, появившейся в атмосфере в результате войны между Востоком и Западом и вызвавшей парниковый эффект, или оно явилось природным явлением, которое лишь в небольшой степени было ускорено искусственно. Некоторые из моих ученых придерживаются первой версии, некоторые — второй.

— А сами вы что думаете? — спросил Хью.

Лорд пожал плечами.

— Я не так глуп, чтобы составлять мнение, не располагая достаточной информацией. Поэтому оставляю проблему на рассмотрение ученым. Единственное, за что я благодарен Дяде, так это за то, что живу во времена, когда могу выйти на порог, не обморозив ступней. Однажды я был на Южном полюсе — у меня там кое-какие шахты. Так что вы думаете? Иней на земле. Ужасно. Льду место в напитках. — Понс подошел к окну и некоторое время стоял, вглядываясь в силуэты гор на фоне заката. — Если бы здесь вновь стало холодно, мы бы мигом выковыряли их оттуда. А, Джо?

— Да они сами вернулись бы, поджав хвосты, — усмехнулся Джо.

Хью был озадачен.

— Понс имеет в виду беглых, скрывающихся в горах, за которых сначала приняли нас. — Объяснил Джо.

— Да, там шляются беглые и горстки аборигенов, — добавил Понс. — Дикари. Бедняги, которые никогда не вкушали плодов цивилизации. Их очень трудно спасти, Хью. Ведь они не стоят и не ждут, когда их обнаружат, как вы, например. Они хитры, как волки. Стоит в небе появиться хоть тени — и они замирают на месте. Их никак не обнаружить с воздуха. Кроме того, эти создания способны на все. Конечно, мы с легкостью могли бы выкурить их оттуда, но тогда и игра кончится, а это неинтересно. Хью, кстати, ты ведь и сам жил там, поэтому должен знать, как это можно устроить. Как нам переловить бродяг, не портя игры?

Мистер Хьюберт Фарнхэм колебался ровно столько, сколько ему требовалось на то, чтобы сформулировать ответ.

— Их Милость, должно быть, знает, что ничтожный слуга — всего лишь слуга. И он никогда не осмелится предположить, что его незначительные соображения могут хотя бы близко подойти к тем гениальным решениям проблемы, которые, несомненно, переполняют ум Их Милости.

— Что такое, черт возьми? Перестань, Хью. Я действительно хочу знать твое мнение.

— Вы знаете мое мнение, Понс. Я слуга. И мои симпатии — на стороне беглецов. И дикарей. Ведь я и сам пришел сюда не по собственной воле. Меня привели.

— Конечно, и ты, и даже Джо были захвачены. Но уж, наверное, теперь ты не жалеешь об этом? Теперь-то ты видишь разницу, не так ли?

— Да, вижу.

— Тогда ты должен благодарить судьбу за то, что условия твоей жизни улучшились. Разве теперь ты не можешь назвать их комфортными? Разве не ешь вкуснее и сытнее? Дядя! Да ведь когда мы подобрали вас, вы голодали и били вшей. Вы были чуть живые от непосильного труда, я же знаю! Я не слеп и не глуп: в моей семье даже последний слуга не работает так много, как приходилось вам, и спит в куда лучшей постели, к тому же у вас еще и вонь стояла такая, что

нам едва удалось вывести ее. А ваша пища (если так можно назвать ту гадость, которую вы ели)... Любой из моих слуг побрезговал бы прикоснуться к ней. Разве все это не правда?

— Правда.

— Так в чем же дело?

— Я предпочитаю свободу.

— Свобода! — Их Милость презрительно фыркнул. — Плод больного воображения. Бессмыслица. Хью, тебе бы следовало заняться семантикой. Современной семантикой, конечно. Вряд ли в ваше время такая наука существовала. Мы все свободны идти предписанными нам путями. Так же, как камень волен падать, когда ты подбрасываешь его в воздух. Никто не свободен в абстрактном смысле этого слова. Может, ты думаешь, что я свободен? Скажем, свободен поменяться с тобой местами, а? А поменялся бы я с тобой, если бы смог? С радостью, клянусь! Ведь ты даже представления не имеешь о том, что заботит меня, чем я занят. Иногда я всю ночь лежу, не в силах заснуть, и мучительно раздумываю о том, как мне быть дальше, — а ведь такого в спальнях слуг не бывает. Они счастливы — у них нет забот. А я должен терпеливо нести свое бремя.

Лицо Хью приняло упрямое выражение. Понс подошел к слуге и обнял его за плечи:

— Ладно, давай обсудим это разумно, как два умных человека. Ведь я не отношусь к тем отягощенным предрассудками Избранным, которые считают, что слуга не способен думать, потому что кожа его белого цвета. А такие есть, ты знаешь. Разве я не уважал всегда твой интеллект?

— Да... уважали.

— Это уже лучше. Тогда позволь мне кое-что объяснить тебе — Джо знает что, — а ты будешь задавать вопросы, и мы придем к взаимопониманию. Во-первых... Джо, ты ведь видел Избранных повсюду, в том числе Избранных, которых наш друг Хью, несомненно, назвал бы «свободными». Расскажи ему о них.

Джо хмыкнул.

— Хью, если бы ты видел их, ты был бы рад, что имеешь счастье жить в имении Понса. Я могу описать

их только так: «нищее черное отребье». Совсем как то «нищее белое отребье», которое жило на берегах Миссисипи. Несчастные, которые даже не знают, что будут есть в следующий раз.

— Понимаю.

— Я, кажется, тоже понимаю, — согласился Их Милость. — Очень выразительно. Я предвижу день, когда каждый человек будет иметь слуг. Конечно, это случится не за одну ночь, потребуется долгое время, чтобы прийти к такому. Но мой идеал — когда у каждого Избранного будут слуги, а о слугах будут заботиться так же, как в моем имении. Я для этого делаю все, что в моих силах. Я слежу за тем, чтобы они с рождения и до смерти ни в чем не испытывали недостатка. Им нечего бояться, они живут в абсолютной безопасности, чего нет в горах. Они счастливы, они никогда не работают до седьмого пота, — как я, например, — они развлекаются, чего я никак не могу сказать о себе. Эта партия в бридж — первое настоящее развлечение за целый месяц. Моих слуг никогда не наказывают, разве только для того, чтобы вразумить их; да ты и сам знаешь, что в большинстве своем они непроходимо глупы. Не подумай, что я и тебя отношу к этой категории... Нет, я могу честно сказать, что считаю тебя способным руководить другими слугами, несмотря на твой цвет кожи. Я говорю о простых слугах. Честно, Хью, неужели ты считаешь, что они могли бы сами позаботиться о себе так же хорошо, как забочусь о них я?

— Наверное, нет. — Хью уже слышал все это несколько дней назад и почти в тех же самых выражениях от Мемтока, с той лишь разницей, что Понс, похоже, искренне заботился о благополучии слуг, а Главный Управляющий открыто презирал их даже, пожалуй, еще больше, чем втайне презирал Избранных. — Нет, большинство из них не могло бы позаботиться о себе.

— Ага! Так ты согласен со мной?

— Нет.

Понс был ошеломлен.

— Хью, как же мы можем спорить, если ты сначала говоришь одно, а потом сам себе противоречишь?

— Я не противоречу себе. Я согласен, что вы прекрасно заботитесь о своих слугах. Но я не уверен, что предпочел бы благополучие свободе.

— Но почему, Хью? Назови мне настоящую причину, а не отделяйся философскими абстракциями. Если ты несчастлив, то я хочу знать почему. Чтобы я мог исправить положение.

— Одну причину я могу назвать. Мне не дают жить с моей женой и детьми.

— *Что?*

— С Барбарой и близнецами.

— Ах, вот оно что! А разве это очень важно? Ведь у тебя есть согревательница постели. Так мне сказал Мемток, и я даже поздравил его с тем, как он ловко справился с необычной ситуацией. От этой старой лисы ничего не ускользает. Так что женщина у тебя есть, причем гораздо более искушенная в постельных делах, чем обычная прислуга. А что касается близнецов, то ты всегда можешь повидаться с ними. Только прикажи — и тебе их принесут. Когда угодно. Но кто же согласится жить с детьми? Или с женой? Я, например, со своей женой и детьми не живу, клянусь. Правда, иногда вижусь с ними, когда это необходимо. Но разве у нормального мужчины может возникнуть желание делить с ними кров?

— Еще какое!

— Ну, знаешь... Дядя! Я хочу, чтобы ты был по-настоящему счастлив. Это можно устроить.

— *Можно?*

— Конечно. Если бы ты не стал поднимать столько шума из-за оскопления, то уже давным-давно жил бы вместе с ними. Я до сих пор не понимаю, почему ты отказался. Так ты согласен на встречу с ветеринаром?

— Э... нет.

— Тогда есть другая возможность. Я прикажу стерилизовать женщину.

— *Нет!*

Понс вздохнул.

— Тебе трудно угодить. Но будь же рассудителен, Хью. Не могу же я игнорировать научную теорию размножения только ради того, чтобы сделать приятное одному из слуг? Да ты знаешь, сколько слуг в

нашей семье? Здесь и во Дворце? Думаю, около тысячи восьмисот. А знаешь, что произойдет, если дать им возможность беспрепятственно размножаться? Через десять лет число их удвоится. А потом они начнут голодать! Естественно, я не в силах содержать такую армию слуг. Да и ни один Избранный не смог бы справиться с ними, если бы они стали размножаться стихийно. Так что же лучше? Контролировать рождаемость? Или пусть голодают? — Их Милость со вздохом добавил: — Жаль, что ты не на голову ниже. Возможно, тогда мы что-нибудь придумали бы. Ты когда-нибудь был в помещениях жеребцов?

— Да, однажды мы с Мемтоком были там.

— Ты заметил там дверь? Тебе пришлось наклониться, а Мемток прошел не сгибаясь — ведь он тоже когда-то был жеребцом. В любом из барачков для жеребцов по всему миру двери одинаковой высоты. И ни одному слуге, если он выше ростом, не стать никогда жеребцом. Этот закон очень мудр, Хью. Не я устанавливал его. Он был введен давным-давно Их Превосходительством, который правил в те времена. Если бы им позволили рождаться всякими, то процветал бы беспорядок, а это плохо как для слуги, так и для хозяина. Нет, Хью, все имеет свои причины. Так что не проси невозможного. — Он поднялся с дивана, на котором они с Хью разговаривали, и пересел за карточный столик. Взяв колоду, он сказал: — И давай больше не будем говорить на эту тему. Ты умеешь играть в двойной солитер?

— Да.

— Тогда подсаживайся. Посмотрим, сумеешь ли ты обыграть меня. И давай не будем дуться. А то мужчины обычно расстраиваются, когда им не удается добиться желаемого.

Хью печально раздумывал о том, что Понс ни в коем случае не желает ему зла. Просто он является представителем правящего класса, и этим все сказано. Власти предрешающие не любят, когда ставят под сомнение их благие намерения.

Они сыграли партию. Хью проиграл, потому что мысли его витали далеко. Начали вторую, и тут Их Милость заметил:

— Надо бы приказать, чтобы расписали еще одну колоду. А то эта уже поистерлась.

Хью поинтересовался:

— А разве нельзя отпечатать ее, как свиток?

— Интересная мысль. Мне подобное никогда не приходило в голову. — Понс потер пальцами одну из карт XX века. — Эта, во всяком случае, не очень-то похожа на напечатанную. А что, их в самом деле печатали?

— Конечно. Тысячами. Даже, можно сказать, миллионами, учитывая то, что продавались они в огромных количествах.

— Вот как? Никогда бы не подумал, что бридж, для которого необходим острый ум, мог привлечь много людей.

Хью внезапно положил карты.

— Понс! Вы хотели сделать деньги.

— Да. Хотел.

— Так вот они — у вас в руках. Джо! Давай-ка обсудим это. Сколько колод продавалось в Соединенных Штатах ежегодно?

— Ну, я точно не знаю, Хью. Наверное, миллионы.

— Я тоже так думаю. С прибылью около девяноста процентов. Хм... Понс, а ведь бридж и солитер — не единственные карточные игры. Возможности тут неограниченные. Есть такие же простые игры, как солитер, но в них могут играть два, три и большее количество игроков. Есть игры простые, есть сложные, есть даже разновидность бриджа — «двойной», как его называют, — более сложная, чем контракт. Понс, почти каждая семья в наше время имела одну, две, а то и дюжину колод. В редком доме не держали карт. Можно подсчитать, сколько примерно колод продавалось. Вероятно, только в Соединенных Штатах в ходу их было около ста миллионов. А перед вами — девственный рынок. Все, что потребуется, — это заинтересовать людей.

— Понс, Хью прав, — подтвердил Джо. — Возможности неограниченные.

Понс поджал губы.

— Если продавать их по бычку за колоду, ну, скажем...

— Слишком дорого, — возразил Джо. — Ты убьешь рынок еще до начала дела.

Хью встрепнулся.

— Джо, помнишь, есть какая-то формула для установления цены, дающей максимальную прибыль?

— Она срабатывала только при полной монополии.

— Да? А как здесь насчет этого? Партнеры, авторское право и все такое прочее? В тех свитках, что я читал, об этом ничего не было сказано.

— Хью, Избранные не имеют такой системы, — ответил Джо. — Она им не нужна. Все прекрасно разработано, динамика в экономике незначительная.

— Это плохо, — сказал Хью. — Не пройдет и двух недель, как рынок переполнится подделками.

Понс встал.

— Что за белиберда! Говорите на Языке. — Беседа между Джо и Хью незаметно для них перешла на английский язык, поскольку в Языке отсутствовали соответствующие понятия.

— Прошу прощения, Понс, — извинился Джо и вкратце объяснил ему, что подразумевается под патентом, авторским правом и монополией.

Понс облегченно вздохнул.

— О, это очень просто. Когда на человека снисходит Вдохновение Небес, Лорд-Владелец запрещает кому бы то ни было другому пользоваться этим. Но такое случается редко. На моей памяти было всего дважды. Но, во всяком случае, было.

Хью не удивился, узнав, как редко случаются здесь изобретения. Эта культура была статичной, а так называемой «наукой» занимались в основном оскопленные рабы. Поскольку получение патента на новую идею целиком зависело от воли Их Превосходительства, то и инициатива в этом направлении была редка.

— Значит, вы заявите, что эта идея — Вдохновение Небес?

Понс немного подумал и ответил:

— Вдохновение — это то, что Их Милосердие в Их Мудрости признает таковым. — Он вдруг улыбнулся. — На мой взгляд, все, что переполняет закрома семьи бычками, является Вдохновением. Проблема

в том, чтобы Владелец думал так же. Но это можно устроить. Продолжайте.

— Хью, — сказал Джо, — охраняться должны будут не только игральные карты, но и игры вообще.

— Конечно. Если не будут покупать карты Их Милости, то пусть и не играют в них вовсе. Разумеется, трудно гарантировать, что кто-нибудь не попытается подделать колоду карт, но монополия сделает это противозаконным.

— Необходимо будет пресекать не только подделку наших карт, но и появление любой другой их разновидности. Ведь в бридж, например, можно играть картами, на которых проставлены одни номера.

— Да, — отозвался Хью. — Джо, у нас в убежище где-то была коробка со скрэбблом...

— Она здесь. Ученые Понса спасли все, Хью. Я понимаю, к чему ты клонишь, но здесь не смогут играть в скрэббл, потому что никто не знает английского.

— А что мешает нам изобрести скрэббл заново — но уже на Языке? Стоит мне только посадить мой штат за частотное исследование Языка, и я очень скоро смогу изготовить скрэббл — и доску, и фишки, и правила, но уже на Языке.

— Что такое, во имя Дяди, ваш скрэббл?

— Игра, Понс. Очень хорошая. Но главное то, что за нее можно просить гораздо больше, чем за колоду карт. И это еще не все, — сказал Хью. Он начал загибать пальцы: — Парчизи, монополия, бэкгэммон, старушка — для детей — ее можно назвать как-нибудь иначе, домино, анаграммы, разные джиг-со... Вы когда-нибудь видели их?

— Нет.

— Они годятся для любого возраста, бывают самых разных степеней сложности. Жестянщик. Кости. Существует множество игр с костями. Джо, здесь есть казино?

— Своего рода. Есть места для игр, и многие играют дома.

— Рулетки?

— Не думаю.

— Тогда страшно подумать, что мы можем сделать. Понс, складывается впечатление, что отныне вы все ночи будете проводить, подсчитывая барыши.

— Для этого есть слуги. Я только хотел бы знать, о чем вы говорите. Будет ли позволено спросить?

— Простите, сэр. Джо и я говорили о древних играх... и не только об играх, но и о всякого рода развлечениях, которые раньше были в большом ходу, а сейчас оказались забыты. Так я, по крайней мере, думаю. А ты, Джо?

— Единственная игра, которую я встречал здесь, — это шахматы.

— Не удивительно, что они сохранились. Понс, дело в том, что любая из этих игр может приносить деньги. Конечно, у вас есть игры. Но эти будут экзотическим новшеством, хотя они и очень старые. Пинг-понг... Стрельба из лука! Джо, у них есть все это?

— Нет.

— Бильярд... Ладно, хватит. Мы и так уже перечислили достаточно. Понс, значит, сейчас самое важное — добиться покровительства Их Милосердия, которое должно распространяться на все игры, и я, кажется, придумал, как выдать это за вдохновение свыше. Это было чудом.

— Что? Ерунда. Я не верю в чудеса.

— А вам и не надо верить. Смотрите сами: нас обнаружили на земле, принадлежащей лично Владетелю, — а нашли нас вы, Лорд-Хранитель этой земли. Разве это не выглядит так, будто сам Дядя хотел, чтобы о нашем существовании стало известно Владетелю? И чтобы вы, как Лорд-Хранитель, сохранили найденное имущество и достойно им распорядились?

Понс улыбнулся.

— Могут найти охотники оспорить такое толкование событий. Но ведь не вскипятишь воды, не истопив печку, как говорила моя тетушка. — Он встал. — Хью, я хочу посмотреть на этот самый скрэбл. И как можно скорее. Джо, мы выберем время, чтобы ты объяснил нам все остальное. Мы отпускаем вас обоих. Все.

Киска уже спала, когда вернулся Хью. В кулачке у нее была зажата записка.

«Милый, как чудесно было увидеть тебя! Жду не дожусь, когда же Их Милость снова позовет нас играть в бридж! Он просто душка! Пусть даже и проявил недомыслие кое в чем. Но он исправил свою ошибку, а это черта настоящего джентельмена.

Я так возбуждена тем, что повидалась с тобой, что едва могу писать. А ведь Киска ждет записку, чтобы отнести ее тебе.

Близнецы посылают тебе свои слюнявые поцелуи. Люблю, люблю, люблю!

Твоя и только твоя Б.»

Хью читал записку Барбары со смешанным чувством. Он разделял ее радость по поводу встречи, хотя она и была довольно непродолжительной, и тоже с нетерпением ждал того времени, когда Понс для своего удовольствия позволит им побыть вместе. Что же касается всего остального... Лучше постараться вытащить ее отсюда до того, как она начнет мыслить категориями обыкновенной прислуги. Конечно, в какой-то степени Понс был джентльменом. Он сознавал свои обязанности, был великодушен и щедр по отношению к своим подданным. В общем, джентльмен по меркам этой эпохи.

Но он же был и проклятым сукиным сыном! И Барбаре не следовало бы недооценивать его.

Он должен освободить ее.

Но как?

Хью улегся в постель.

Промаявшись около часа, он поднялся, перебрался в гостиную и встал у окна. За темным покровом ночи он различил еще более темные очертания гор.

Где-то там жили свободные люди.

Он мог разбить окно и уйти в горы, затеряться там до рассвета и заняться поиском этих людей. Ему даже не потребовалось бы разбивать окно — можно было просто проскользнуть мимо дремлющего привратника или воспользоваться данной ему властью, олицетворяемой хлыстом, и пройти, невзирая на стражу. Никаких особых мер, чтобы помешать слугам удрать, не предпринималось. Стража содержалась, скорее всего, для того, чтобы предотвратить проникновение извне. Большинство слуг и не подумало бы бежать. Единственная

серьезная опасность, которая подстерегала его, — это собаки.

Правда, если потребуется, он сможет убить собаку голыми руками. Но как бежать, когда у него двое грудных детей?

Он взял бутылку, налил себе порцию Счастья, выпил и вернулся в постель.

Глава шестнадцатая

В течение многих дней Хью занимался тем, что перерабатывал скрэббл, переводил хойловское «Полное собрание игр», диктуя заодно правила и описания игр и развлечений, которых не было у Хойла (пинг-понг, гольф, катание на водных лыжах), и часто встречался с Понсом и Джо — за игрой в бридж.

Последнее было самым приятным. С помощью Джо он научил играть несколько Избранных, но чаще всего они играли вчетвером: Хью, Понс, Джо и Барбара. Понс отдавался игре с энтузиазмом новообращенного. Он старался отдавать игре каждую свободную минуту, причем предпочитал, чтобы состав игроков был постоянный — все те же четверо.

Хью казалось, что Понс искренне симпатизирует Барбаре, равно как и коту, которого он звал «Даклистон». Понс распространил на котов обращение как с равными, и Док или любой другой его сородич всегда мог запросто вспрыгнуть к нему на колени, даже если Понс в это время торговался. То же добродушно-покровительственное отношение проявлялось и к Барбаре. Узнав ее поближе, он стал называть ее не иначе как «Барба» или «деточка». И уже никогда больше не обращался к ней как к неодушевленному предмету, нарушая тем самым предписания правил Языка. Барба-

ра в свою очередь называла его «Понс» или «дядюшка» и явно испытывала удовольствие от общения с ним.

Иногда Понс оставлял Хью и Барбару наедине, а однажды — весьма надолго. Минуты вдвоем были для них настолько бесценными, что они не рисковали испускать судьбу и довольствовались всего лишь легким пожатием рук.

Если подходило время кормления, Барбара говорила об этом, и Понс отдавал распоряжение принести детей. Как-то раз он сам приказал доставить их, заявив, что не виделся с ними целую неделю и хотел бы посмотреть, сильно ли они подросли. Поэтому игру пришлось отложить до тех пор, пока «дядюшка» не навозился с малышами всласть на ковре, развлекая их разными забавными звуками.

Когда ребятишек унесли, Понс сказал Барбаре:

— Детка, они растут, как сахарный тростник. Надеюсь, мне удастся увидеть их взрослыми.

— Дядюшка, вам еще жить да жить!

— Возможно. Я пережил уже, наверное, с дюжину пробователей пищи, но предотвратить смерть от старости они не в состоянии. А из наших мальчиков вполне могут получиться прекрасные лакеи. Я так и вижу их подающими блюда на банкете во Дворце — в Резиденции, конечно, а не в этой хибаре. Чей ход?

Несколько раз Хью мельком видел Грейс. Если он появлялся в покоях Понса, когда она там находилась, Грейс немедленно удалялась с выражением крайнего недовольства на лице. Если же Барбара приходила раньше Хью, то он вообще уже не заставлял Грейс. Было ясно, что его бывшая жена в апартаментах Их Милости чувствует себя как дома, очевидным было и то, что она по-прежнему не переносит Барбару, а заодно и Хью. Однако она ни разу не пыталась выразить свою неприязнь в активной форме, видимо научившись не поступать вопреки воле хозяина.

Теперь Грейс официально имела статус согревательницы постели Их Милости. Хью узнал об этом от Киски. Прислуга всегда знала, у себя ли Лорд, по тому, где была Грейс — наверху или внизу. Других занятий она не имела, и никто, даже Мемток, не имел права наказывать ее. Кроме всего прочего, каждый раз,

когда Хью видел ее, она была роскошно одета и увешана драгоценностями.

Грейс очень растолстела — настолько, что Хью испытывал облегчение, что теперь даже формально не обязан делить с ней ложе. Но вообще-то все согревательницы постели, на его вкус, были слишком полными. Даже Киска. По меркам XX века девушка ее габаритов уже вполне могла садиться на диету. Киска же очень огорчалась, что никак не может пополнеть еще, и все спрашивала Хью, не разонравилась ли она ему из-за этого. Правда, она была совсем юной и чрезмерная пышность ее форм не казалась уродливой.

Совсем другое дело — полнота Грейс. Где-то в этой расплывшейся туше скрывалась прелестная девушка, бывшая когда-то его женой. Он старался не размышлять на эту тему и не понимал, как нынешняя Грейс может нравиться Понсу, — если, конечно, она ему нравилась. По правде говоря, Хью допускал, что официальное положение согревательницы постели не обязательно к оказанию прочих услуг. Ведь Понсу было более ста лет от роду. Был ли он еще в состоянии иметь дело с женщинами? Хью этого не знал, да и мало интересовался. На вид Понсу можно было дать лет шестьдесят, причем он казался исполненным сил и бодрости. Но Хью все же склонялся к мысли, что Грейс выполняла достаточно скромные функции.

Если он к судьбе Грейс стал равнодушен, то Дьюка она весьма волновала. Как-то раз сын ворвался к нему в кабинет и потребовал разговора с глазу на глаз. Хью отвел его в свою комнату. Они не виделись уже с месяц. Дьюк регулярно посылал переводы, поэтому не было острой необходимости встречаться.

Хью попытался сделать встречу теплой.

— Садись, Дьюк. Хочешь немного Счастья?

— Нет уж! Спасибо. Что я слышал такое насчет матери!..

— И что же ты слышал? (О Боже! Опять начинается...)

— Ты прекрасно знаешь, о чем идет речь!

— Боюсь, что нет.

Хью буквально выдавил эти слова из себя. Дьюк располагал всеми фактами, но, что больше всего удивило Хью, узнал их только что. Поскольку более

четыре-хсот слуг было отлично осведомлено о том, что одна из дикарок — не та высокая и худая, а другая — проводила в покоях Их Милости гораздо больше времени, чем в помещениях для прислуги, то казалось странным, что Дьюку понадобилось столько времени, чтобы узнать об этом. Впрочем, у Дьюка было мало общего с другими слугами, да и сам он не пользовался особой популярностью, — Мемток называл его «возмутителем спокойствия».

Хью не стал ни отрицать, ни подтверждать того, что выложил ему сын.

— Так что же? — требовательно спросил Дьюк. — Что ты собираешься предпринять?

— Ты о чем, Дьюк? Ты хочешь, чтобы я прекратил все эти сплетни среди слуг?

— Я не о том! Ты что же, собираешься вот так спокойно сидеть здесь сложа руки, в то время как твою жену насилуют?

— Не исключено. Ты приходишь ко мне с какими-то слухами, которые дошли до тебя от младшего помощника младшего дворника, и требуешь от меня действий. Прежде всего я хотел бы знать, почему ты даже не усомнился в правдивости этих слухов? И потом, почему ты с такой уверенностью говоришь об изнасиловании? В-третьих, каких поступков ты ждешь от меня? В-четвертых, как ты представляешь себе мои возможности вмешиваться в судьбу Грейс? Подумай над моими вопросами и постарайся быть рассудительным. А затем мы с тобой поговорим о том, чего я не могу и что могу.

— Не увиливай!

— Я не увиливаю. Дьюк, ты получил дорогостоящее образование юриста — я знаю, ведь это я платил за твое обучение. И ты сам много раз повторял выражение «волею обстоятельств». Так примени теперь свое образование. Давай по порядку. Почему ты думаешь, что эти слухи — правда?

— Ну... они дошли до меня... и я их проверил. Все это знают.

— Вот как? Но ведь раньше все знали, что Земля плоская. Однако это оказалось совсем не так. Согласись.

— Но я же говорю тебе! Мама назначена согревательницей постели этого ублюдка.

— Кто тебе сказал?

— Да все говорят!

— А ты спрашивал у начальника прислуги?

— Что я, с ума сошел, что ли?

— Нет, это я так... Нам известно только то, что Грейс назначена прислуживать наверху. Обязанности ее могут быть самыми разными: прислуживать Их Милости, знатным дамам или еще что-нибудь. Хочешь, устрою тебе свидание с начальницей, чтобы ты сам мог узнать у нее, чем занимается наверху твоя мать?

— Нет уж, сам спрашивай.

— Не буду. Я уверен, что Грейс не потерпит вмешательства в свои дела. Допустим, мы выясним, что она, как ты подозреваешь, действительно согревательница постели Их Милости. Но при чем здесь изнасилование?

Дьюк был удивлен.

— Ты меня поражаешь! Как ты можешь думать, что мама по доброй воле согласится на «такое»?

— Я уже давно стараюсь не размышлять о том, на что способна твоя мать. Сейчас же я думаю, что обсуждаем мы всего-навсего твои домыслы. Ведь помимо того, что она назначена согревательницей постели, мне ничего неизвестно. А ты располагаешь лишь слухами. Даже если они небеспочвенны, мы не можем утверждать, что Грейс непременно побывала в его постели — добровольно или нет. До меня никакие сведения на сей счет не доходили. Только твои грязные измышления. Возможно, ты отчасти и прав, но опять же нет никаких оснований полагать, что имело место нечто большее, чем совместный сон. Я и сам не раз делил ложе с особами женского пола, и в этом не было криминала. Даже допуская мысль о возможных интимных отношениях между ними, — опять же, заметь, твое предположение, — я искренне сомневаюсь, что Их Милость хоть раз в жизни изнасиловал какую-нибудь женщину. Не забывай и о его возрасте.

— Чушь! Ни один черный ублюдок не упустит случая опоганить белую женщину!

— Дьюк! То, что ты говоришь, — ядовитая безумная чушь! Ты заставляешь меня...

— Я...

— Молчать! Ты прекрасно знаешь, что Джозеф много раз имел возможность изнасиловать любую из трех белых женщин на протяжении долгих десяти месяцев. Ты прекрасно знаешь и то, что его поведение было превыше всяческих похвал.

— Ну... у него просто не было случая.

— Я уже сказал тебе: прекрати молоть вздор. Возможностей у него было предостаточно. Хотя бы в то время, когда ты был на охоте. В любой день. Ведь он оставался наедине с каждой из них множество раз. Так что перестань оскорблять Джозефа. Мне просто стыдно за тебя.

— А мне — за тебя. Ты — заживевший кот черномазого короля.

— И прекрасно. Значит, нам обоюдно стыдно друг за друга. Если тебе не нравится быть заживевшим котом, можешь отправляться мыть посуду или делать что прикажут. Я в твоих услугах не нуждаюсь.

— Мне все равно.

— Тогда будь добр, сообщи мне, когда тебе надоест сытая жизнь. Правда, это будет стоить тебе собственной комнаты, но ведь отдельная комната — привилегия заживевших котов. Впрочем, ладно. Я, кажется, вижу только одну возможность узнать истинное состояние дел. Нужно спросить самого Лорда-Протектора.

— Наконец-то я услышал от тебя нечто разумное! Отлично!

— Только спрашивать буду не я. Ведь я же не подозреваю его в изнасиловании. Спроси сам. Повидайся с Главным Управляющим. Он выслушает любого из слуг, пожелавшего обратиться к нему, — на страх и риск слуги, конечно. Но я не думаю, что он без достаточно веского повода будет наказывать кого-либо из моего департамента, ведь у меня есть кое-какие привилегии заживевшего кота. Вот и скажи ему, что ты хочешь встретиться с Лордом-Протектором. Думаю, больше ничего и не понадобится. Разве что подождать неделю или две. Если Мемток откажет тебе, дай мне

знать. Я уверен, что смогу добиться от него этой аудиенции. А потом, когда предстанешь перед Лордом-Протектором, просто спроси его напрямую.

— И мне солгут в глаза. Да я задушу эту черную обезьяну, как только увижу ее!

Мистер Фарнхэм вздохнул.

— Дьюк, у меня просто в голове не укладывается, что один человек может заблуждаться в таком множестве вещей. Если тебя удостоят аудиенции, то рядом с тобой будет Мемток. Со своим хлыстом. Лорд-Протектор будет на расстоянии футов пятидесяти от тебя. К тому же хлыст, который висит у него на поясе, — не обычная игрушка-погонялка, а смертоносное оружие. Старик — тертый жизнью калач, и убить его не так-то просто.

— Ничего, я попробую!

— С таким же успехом кузнечик может попытаться напасть на газонокосилку. Можно восхищаться его отвагой, но не его рассудительностью. Ты также ошибаешься и в том, что считаешь Их Милость способным солгать тебе. Если он действительно сделал то, что ты предполагаешь, — то есть силой заставил твою мать отдаться, — он ничуть не постыдится этого, равно как и не постыдится дать тебе честный ответ. Дьюк, пойми, он так же не станет лгать слуге, как и не подумает, например, уступить тебе дорогу. К тому же... а своей матери ты поверишь?

— Конечно, поверю.

— Тогда попроси Лорда-Протектора дать тебе возможность встретиться с ней. Я почти уверен, что он не откажет и разрешит тебе свидание на несколько минут — естественно, в его присутствии. Правила гарема он может нарушить — только когда сам пожелает. Если у тебя хватит смелости заявить ему, что ты хочешь услышать подтверждение своим подозрениям, думаю, что он будет удивлен. Но потом, скорее всего, рассмеется и согласится. На мой взгляд, это единственная для тебя возможность увидеть мать и убедиться, что она в безопасности и хорошо устроена. Другого способа встретиться с ней нет. Полагаю, у тебя есть надежда: твое дело столь необычно, что может поте-

шить Понса комизмом, как ему представляется, столь смехотворной проблемы.

Дьюк был озадачен.

— Слушай, а какого черта ты сам его не спросишь? Ведь ты видишься с ним почти каждый день. По крайней мере, я слышал такое.

— Я? Да, мы встречаемся довольно часто. Но спрашивать его об изнасиловании... Ты ведь это имеешь в виду?

— Да, если ты предпочитаешь такое выражение.

— Я ни в коей мере не подозреваю Их Милость в насилии и не собираюсь служить выразителем твоих грязных подозрений. Если нужно спросить, то имей смелость сделать это сам. — Хью поднялся. — Мы потеряли уже уйму времени. Так что или принимайся за работу, или иди и повайдайся с Мемтоком.

— Я еще не кончил.

— Нет, кончил. Это приказ, а не предложение.

— Если ты думаешь, что я боюсь хлыста...

— Господи, Дьюк, не стану же я наказывать тебя сам! Если ты доведешь меня, я попрошу Мемтока проучить тебя. Говорят, он крупный специалист. А теперь выметайся. Ты отнял у меня полдня.

Дьюк ушел. Хью некоторое время пытался собраться с мыслями. Стычки с Дьюком всегда выводили его из себя, даже когда тот был еще двенадцатилетним мальчишкой. Но его беспокоило и кое-что еще. Он использовал все свои возможности убедить сына отказаться от избранного им пути. Его абсолютно не волновало то, что составляло основной предмет беспокойства для Дьюка. Что бы ни случилось с Грейс, он был уверен, что изнасилование, как таковое, не имело места.

Дьюк, с жалостью отметил Хью, не осознал древнего Закона Победжденных, гласившего, что их женщины должны добровольно отдаваться победителю.

Подчинилась его бывшая жена или нет — было вопросом скорее академическим. В любом случае она, очевидно, была довольна своей судьбой — чисто побывательски. Но жизнь Грейс ни в коей мере не беспокоила его. Он честно старался исполнить свой долг по отношению к ней, она сама отдалась от него.

Ему только не хотелось бы, чтобы Барбаре когда-нибудь пришлось испытать на себе гнет безысходности, который способен был превратить — и превращал на всем протяжении истории — женщину в добровольную наложницу. Он любил ее, но не строил никаких иллюзий по поводу того, что она, обычный человек из плоти и крови, окажется ангелом. Даже гордые сабинянки не выдержали выпавшего на их долю испытания и сдались. «Лучше смерть, чем бесчестье» — этот лозунг никогда не был слишком популярным. В реальности предпочитался компромисс с гордостью, подчас счастливый.

Он достал бутылъ Счастья, посмотрел на нее... и поставил на место. Нет, он никогда не будет решать свои проблемы таким способом.

Хью не пытался узнать, виделся ли Дьюк с Мемтоком. Он вернулся к своей бесконечной работе, одержимый намерением умаслить Их Милость любым доступным способом, будь то бридж, прибыльные идеи или просто переводы. Он больше не надеялся на то, что босс позволит ему взять к себе Барбару и близнецов. В этом вопросе старый Понс был тверд как камень. Но быть в фаворе все равно было полезно, даже необходимо, что бы ни случилось. Кроме того, расположение «дядюшки» позволяло Хью хоть изредка видеться с Барбарой.

Он ни на миг не забывал о возможности побега. По мере того как лето подходило к концу, он все больше укреплялся в мысли, что бежать в этом году — всем четверым, да еще с грудными младенцами на руках — невозможно. Вскоре все хозяйство переедет обратно в город, а он понимал, что единственный шанс удачного побега — это бегство в горы. Ничего... Пусть еще год, пусть два и даже больше. Может быть, лучше подождать до тех пор, пока мальчишки научатся ходить. Даже и тогда побег будет более чем труден, а с грудными детьми он вообще немыслим. Но, несмотря на отдаленную перспективу, нужно, когда их еще раз хотя бы на минуту оставят одних, поделиться идеей о побеге с Барбарой, чтобы она не вешала нос и ждала.

Хью не осмелился написать ей это. Даже если Джо и не выдаст его, Понс, попади ему в руки записка,

сможет получить ее перевод, ведь где-то были ученые, знавшие английский язык. А Грейс? Он надеялся, что она не будет мстить, но угадать было трудно. Возможно, Понс все знал об этой переписке, каждый день получал переводы записок, смеялся над ними и не обращал на них внимания.

А что если разработать код? Что-нибудь вроде первого слова в первой строчке, второго во второй и так далее. Можно рискнуть.

К тому же Хью сообразил, что у них есть еще одно преимущество, которое может здорово помочь им. Беглецы редко достигали своей цели просто потому, что их выдавала внешность. Белую кожу еще можно было загримировать, но слуги на несколько дюймов ниже и на несколько фунтов легче, чем Избранные.

И Барбара, и Хью были высокого роста. В этом отношении они вполне могли сойти за Избранных. Черты лица? У Избранных лица отличались значительным разнообразием. Индусские черты смешивались с негритянскими и многими другими. Проблему представляла его лысая голова. Значит, придется украсть парик. Или сделать его. Если у них будет краденая одежда, припасенная пища, хоть какое-нибудь оружие и грим, они вполне могут сойти за «нищее черное отребье» и отправиться в путь.

Если только он не окажется слишком длинным. Если их не настигнут собаки. Если они по неведению не допустят какого-нибудь дурацкого ляпсуса.

Но слуги, которых сразу выдаст телосложение, не имеют права выходить за пределы имения, фермы или ранчо без пропуска, полученного от повелителя.

Возможно, ему удастся увидеть такой пропуск и даже подделать его. Но ни он, ни Барбара не могли открыто путешествовать по поддельному пропуску по той же причине, которая позволяла ему надеяться сойти за Избранных: для обычных слуг у них были слишком крупные габариты, и их сразу же задержали бы.

Чем больше Хью размышлял, тем больше приходил к мысли, что побег следует отложить по крайней мере до следующего лета.

Если бы только они оказались среди слуг, которых отберут для поездки в Летний Дворец на будущий год... Если бы они все четверо оказались... Об этом-то он и не подумал! Господи Иисусе! Да ведь их маленькая семья может больше никогда не собраться под одной крышей. И, возможно, из-за этого им придется бежать сейчас, в тот короткий промежуток времени, который их отделял от переезда. Бежать, несмотря на собак, на медведей, на этих злобных мелких леопардов... бежать, да еще с двумя младенцами. Боже! Было ли у какого-либо мужчины меньше шансов спасти свою семью?

Да. У него самого... когда он строил убежище.

Подготовиться, насколько это возможно... и молиться о чуде.

Хью начал припасать еду из тех блюд, которые ему приносили в комнату, — то, что можно было хранить. Он стал присматривать, где бы украсть нож или что-нибудь, из чего можно его изготовить. Все свои приготовления он тщательно скрывал от Киски.

Гораздо раньше, чем он ожидал, ему удалось достать грим. Наступил праздник, что означало оргию слуг в большом зале, где рекой лилось Счастье. В этот день силами слуг устраивались маленькие костюмированные представления. Хью выпало играть комическую роль Лорда-Протектора в небольшой веселой пьесе. Он не колеблясь согласился, ибо сам Мемток отметил, что комплекция делает его самой подходящей кандидатурой на эту роль. Хью опробовал свои актерские данные, помахав жезлом в три раза большими, чем тот, который носил Их Милость.

Представление имело успех. Хью заметил, что Понс наблюдает за его игрой с балкончика, где они с Мемтоком как-то наблюдали за раздачей Счастья слугам. Понс смотрел и смеялся. Хью, войдя в роль Повелителя, рывкнул:

— Эй, там, на балконе! Потише! Мемток, а ну-ка всыпь как следует этому насмешнику!

Тут Их Милость расхохотался пуще прежнего, и слуги чуть ли не покатались по полу от восторга. На следующий день, за бриджем, Понс похлопал Хью по

плечу и объявил, что лучшего Лорда Чепухи он еще не видывал.

В результате успешно проведенной операции были добыты: пакетик краски, которую достаточно было смешать с обыкновенным кремом, чтобы получить отличный темный грим, и парик, который скрывал его лысый череп под копной черных, волнистых волос. Это был не тот парик, в котором он играл, — тот он вернул Главному Управляющему, даже предложив Мемтоку примерить его на себя. Нет, этот парик он выбрал из нескольких, из года в год накапливающихся в костюмерной после представлений. Хью примерил его, бросил, поддав ногой, а затем украдкой подобрал и сунул под балахон, где и держал несколько дней, не зная, хватятся его или нет. Когда стало ясно, что пропажа осталась незамеченной, он спрятал парик под столиком в рабочем кабинете, задержавшись вечером немного дольше своих помощников.

Он продолжал подыскивать что-нибудь, из чего можно было выточить нож.

После разговора с сыном прошло уже три недели, и за это время они ни разу не встречались. Иногда от Дьюка поступали переводы, иногда день или два ничего не было. Хью прощал ему эти перерывы. Но когда прошла целая неделя, а от него не поступило ни одной статьи, Хью решил проверить.

Он подошел к комнате, которая была одной из «привилегий» Дьюка, как «исследователя истории», и, постучав в дверь, не получил ответа.

Он постучал еще и решил, что Дьюк или спит, или отсутствует. Тогда он приоткрыл дверь и заглянул внутрь.

Дьюк не спал, но, похоже, витал в совершенно ином мире. Он растянулся на постели совершенно голый, пребывая в самом сильном опьянении Счастьем, какое Хью когда-либо приходилось видеть.

Когда дверь открылась, Дьюк поднял голову, глупо хихикнул, взмахнул рукой и пробормотал:

— Приэтт, старый мошенник! Кээк тыи ддзелла?

Хью приблизился к нему, чтобы получше рассмотреть то, что, как он сначала подумал, ему просто

показалось. Когда он убедился, что глаза его не обманывают, его чуть не стошнило.

— Сынок! Сынок!

— Все ноеешь, Хьюги? Старый подлюга Хью, выжжигает чертофф!

Судорожно сглатывая, Хью попятился и чуть не налетел спиной на Главного Ветеринара. Хирург улыбнулся и спросил:

— Пришли навестить моего пациента? Сейчас он вряд ли в этом нуждается. — Пробормотав извинения, он проскользнул мимо Хью, подошел к кровати и поднял Дьюку веко. Затем проверил его пульс, послушал дыхание и шутливо похвалил: — Дела идут отлично, кузен. Давай-ка примем еще процедуру, и можно будет посылать тебе вкусный обед. Как ты насчет этого?

— Ааатлична, док! Заммчительно! Я ття уважаю! Очень уважаю!

Ветеринар покрутил циферблат на каком-то маленьком приборчике, прижал к бедру Дьюка и подержал немного. Уходя, он улыбнулся Хью.

— Практически здоров. Еще несколько часов он пробудет в забытии, затем проснется голодным и даже не заметит, сколько прошло времени. Тогда мы покормим его и дадим еще порцию. Прекрасный пациент! Никакого беспокойства. Он даже не знает, что случилось. А когда поймет, не будет ничего иметь против.

— Кто приказал сделать это?

Хирург был явно удивлен.

— Конечно, Главный Управляющий. А что?

— Почему мне не сообщили?

— Не знаю. Лучше спросить его самого. Для меня это вполне обычный приказ. Рутинная работа — ничего особенного. Сонный порошок в ужине, затем ночью — операция. Послеоперационный уход и обычно большие дозы транквилизаторов. Некоторые пациенты первое время немного нервничают, поэтому иногда мы вынуждены поступать несколько жестче. Но, сами видите, он воспринял все исключительно легко, будто ему удалили зуб. Кстати, все забываю спросить: как тот мост, который я вам поставил? Довольны?

— Что? Ах да... доволен. Но это неважно. Я хочу знать...

— С вашего позволения, лучше поговорите с Главным Управляющим. Теперь, если вы не возражаете, я осмелюсь покинуть вас, так как спешу к больному. Я заглянул убедиться, что с пациентом все в порядке.

Хью вернулся к себе, и тут его вырвало. Вымывшись, он отправился разыскивать Мемтока.

Мемток принял его в своем кабинете незамедлительно и пригласил садиться. Хью постепенно стал считать Главного Управляющего если и не другом, то, по крайней мере, приятелем. Мемток последнее время часто заходил к нему по вечерам. Несмотря на то что он был просто старшим слугой, в близком общении он проявил себя по-своему эрудированным человеком, наделенным недюжинными способностями и острым умом.

Создавалось впечатление, что Мемток страдает от одиночества, бывшего сродни одиночеству капитана судна, и что ему доставляет удовольствие расслабиться где-то и насладиться приятельской беседой.

Поскольку другие старшие слуги были скорее подчеркнуто вежливы со Старшим Исследователем, нежели дружелюбны, Хью также тяготился своим одиночеством и поэтому всегда был рад Мемтоку. До сегодняшнего...

Он прямо, не вдаваясь в формальности, объяснил Мемтоку, с чем он к нему пришел.

— Почему вы приказали сделать это?

Мемток был обескуражен и явно недоумевал.

— Что за вопрос? Что за неприличный вопрос? Конечно, потому, что таков был приказ Лорда-Хранителя.

— Он отдал такой приказ?

— Дорогой кузен! Оскопление никогда не делается без распоряжения Лорда. Конечно, иногда я рекомендую ему это. Но приказ о непосредственном исполнении должен исходить только от него. Однако, уж коль зашла речь, могу заверить, что подобной рекомендации я не давал. Мне просто был отдан приказ, и я его исполнил.

— Но мой-то голос должен учитываться! Ведь он работает в моем департаменте!

— О, но его перевели еще до того, как оскотление было сделано. Иначе я не преминул бы известить тебя. Приличия, приличия — вот что главное в жизни. Я всегда строго контролирую своих подчиненных. Но зато и сам никогда не подвожу их. Иначе хозяйство вести нельзя. Честность прежде всего.

— Но мне не было сообщено, что он переведен. Разве это не называется «подвести»?

— Как же, как же? Обязательно сообщили. — Главный Управляющий взглянул на множество отделений с различными бумагами на своем столе и вытащил из одного записку. — Вот она.

Хью стал читать:

«СЛУЖЕБНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ — ИЗМЕНЕНИЕ — ОДИН СЛУГА, ПОЛ — МУЖСКОЙ (дикарь, обнаруженный и принятый в семью, известный под кличкой «Дьюк»). Описание... — Хью пропустил его, — ... освобождается от своих обязанностей по Департаменту Истории и переводится на личную службу Их Милости. Приказ вступает в силу немедленно. Местопробывание и питание: прежнее, до дальнейших распоряжений...»

— Но я не видел этой бумаги!

— Это моя архивная копия. А тебе послан оригинал. — Мемток указал на левый нижний угол листка. — Вот подпись твоего заместителя в получении. Всегда приятно, когда подчиненные умеют читать и писать. Меньше беспорядка. Например, болвану Главному Хранителю Угодий можно вдалбливать что-либо до хрипоты, а потом старый козел будет утверждать, что слышал совсем не то. Даже хлыст улучшает его память всего на один день. Весьма прискорбно. Нельзя же, в самом деле, вечно наказывать одного из старых слуг. — Мемток вздохнул. — Я бы порекомендовал Их Милости сменить его, если бы помощник не был еще глупее.

— Мемток, я никогда не видел такой записки.

— Возможно. Но она была направлена к тебе в Департамент и твой заместитель расписался в получении. Поищи у себя в кабинете. Ручаюсь, что ты най-

дешь ее. Или ты хочешь, чтобы я пощекотал твоего помощника? Буду только рад.

— Нет, нет.

Мемток, скорее всего, был прав, и приказ, наверное, лежал у него на столе непрочитанным. Департамент Хью разросся — теперь в нем было две или три дюжины человек. Создавалось впечатление, что количество их растет с каждым днем. Большинство сотрудников были абсолютными бездарями. Они только отнимали у него драгоценное время. Хью уже давно распорядился, чтобы его не беспокоили по пустякам. Распоряжение это он отдал своему заместителю — честному, очень образованному клерку. Иначе Хью вообще бы не смог заниматься переводами. Здесь вступал в действие Закон Паркинсона. Клерк, выполняя его приказ, полностью взял на себя все бумажные дела. Примерно раз в неделю Хью быстро пробежал глазами поступившую за этот период корреспонденцию и отдавал ее заместителю, чтобы тот подшил ее в архив, сжег или поступил по своему разумению с этими бесполезными бумажками.

Возможно, приказ о переводе Дьюка валялся сейчас среди непрочитанных бумаг. Если бы только он наткнулся на него раньше... Слишком поздно, слишком поздно! Хью сгорбился в кресле и закрыл лицо руками. Слишком поздно! Ох, сынок мой, сынок!..

Мемток почти ласково коснулся его плеча.

— Кузен, ну возьми же себя в руки. Ведь твои привилегии не были ущемлены, правда? Сам видишь, что это так!

— Да, да. Я понимаю. — промямлил Хью, не отрывая рук от лица.

— Тогда отчего же ты так переживаешь?

— Он был... он мой... мой сын.

— Он? Что же ты ведешь себя так, словно он твой племянник? — Мемток воспользовался специфическим словом, обозначающим «старший сын старшей сестры», и был искренне озадачен странной реакцией дяди. Он еще мог бы понять заботу матери о сыне — о старшем сыне, по крайней мере. Но отец? Дядя! Да у Мемтока — он был уверен в этом — тоже были сыновья среди слуг. Начальница прислуги называла его

даже «Мемток — малый не промах». Но он не знал своих детей и даже представить себе не мог, чтобы их судьба его когда-нибудь заинтересовала. Или чтобы он проявил хоть какую-нибудь заботу о них.

— Потому что... — начал Хью. — А впрочем, ладно. Вы только исполнили свой долг. Все нормально.

— Но... ты все еще огорчен. Я, пожалуй, пошлю за бутылочкой Счастья. И на сей раз выпью с тобой.

— Нет, нет, благодарю вас.

— Ну, будет, будет! Тебе это необходимо. Счастье прекрасно тонизирует, а ты как раз скис. Им только не нужно злоупотреблять.

— Благодарю, Мемток, но я не хочу. Сейчас мне нужно быть особенно собранным. Я хочу повидать Их Милость. Прямо сейчас, если можно. Вы не дадите мне такую возможность?

— Не могу.

— Черт возьми, я же знаю, что можете! И знаю, что, если вы попросите, он примет меня.

— Кузен, но ведь я сказал «не могу», а не «не хочу». Их Милости здесь нет.

— О-о-о!

Хью попросил, чтобы ему разрешили повидаться с Джо, однако Главный Управляющий ответил, что молодой Избранный отбыл вместе с Лордом-Протектором. Мемток пообещал дать знать, как только кто-нибудь из них вернется.

Хью не стал обедать, ушел к себе и погрузился в горькое раздумье. Он не мог не мучить себя мыслью, что в случившемся отчасти была и его вина, — нет, не та, что он сразу же не читал всей входящей корреспонденции, поступавшей к нему в Департамент, — здесь имело место простое невезение. Даже если бы он проверял весь этот «мусор» каждое утро, он все равно мог опоздать, — ведь оба приказа, скорее всего, были отданы одновременно.

Мучило его то, что, очевидно, он сам спровоцировал последнюю ссору с Дьюком. Нужно было солгать мальчику, сказать, что его мать, как ему доподлинно известно, является обыкновенной служанкой или кем-нибудь в этом роде у сестры Лорда-Протектора, что Грейс пребывает в полной безопасности и ни один

мужчина ее даже не видит. Что она всем довольна и счастлива, живет прекрасно, что другая версия — это просто сплетня, которыми слуги заполняют свой дурацкий досуг.

Дьюк поверил бы этому, потому что очень хотел поверить.

Почему все так случилось?.. Вероятно, Дьюк отправился на встречу с Их Милостью. Возможно, Мемток устроил ему аудиенцию или, может быть, Дьюк решил прорваться силой и шум драки достиг ушей Понса. Теперь Хью стало ясно, что сын, следовавший его совету повидаться с верховным владыкой, вполне мог устроить подобную сцену, после которой Понс так же запросто приказал оскотить смутьяна, как он обычно приказывал подать машину. Все это очень походило на правду...

Хью пытался убедить себя, что никто не ответствен за поступки другого человека. Он всегда так считал и не сомневался в этом. Но сейчас он чувствовал, что его сердце глухо к доводам рассудка.

Чтобы как-то отвлечься от тягостных мыслей, он взял письменные принадлежности и сел писать письмо Барбаре. До сих пор ему еще не представилась возможность рассказать ей о своем плане побега и не было времени разработать код. Он обязательно должен предупредить ее, что следует быть начеку.

Барбара знала немецкий язык. Хью же помнил из него только какие-то отрывки, поскольку изучал его всего один год в школе. Он владел русским в достаточной мере, чтобы вести незатейливый разговор. Барбара, пока они жили дикарями, успела подхватить от него несколько русских слов, что позволяло им общаться, не вызывая ревности Грейс.

Хью составил послание, затем с превеликим трудом перевел письмо на мешанину из немецких, русских, разговорных английских слов, жаргона битников, литературных аналогий, примитивной латыни и специальных идиоматических выражений. В конце концов у него получился текст, который наверняка сможет разгадать Барбара, но не переведет на Язык ни один специалист по древним языкам, даже в том маловеро-

ятном случае, если он одновременно будет знать немецкий, английский и русский.

Если послание увидит Грейс, для нее оно будет выглядеть белибердой, поскольку она не знала ни русского, ни немецкого. Дьюк пребывал в наркотическом забытии. Джо может попробовать догадаться, что все это значит, но Хью доверял бывшему слуге. Тем не менее он попытался, нарушив синтаксис и намеренно исказив написание некоторых слов, завуалировать смысл таким образом, чтобы его не понял даже Джо.

Под этой абракадаброй скрывался следующий текст:
«Дорогая!

Уже некоторое время я планирую наш побег. Не знаю пока, как его устроить, но хочу, чтобы ты была готова днем и ночью схватить детей и следовать за мной... Если сможешь, запаси немного провизии, прочную обувь и попробуй раздобыть нож. Мы пойдем в горы. Сначала я собирался дождаться следующего лета, чтобы малыши успели немного подрасти. Но случилось кое-что, что изменило мои планы: Дьюк оскотен. Я не знаю почему и слишком огорчен, чтобы обсуждать случившееся. Следующим могу оказаться я. Даже хуже того... Помнишь, Понс говорил, что представляет наших сыновей прислуживающими на банкете? Дорогая, жеребцы никогда этим не занимаются. Так что судьба жеребцов их не ожидает — они обещают вымахать слишком высокими. Мы не имеем права допустить, чтобы над нашими детьми надругались!

Промедление смерти подобно... Столичная резиденция Протектора находится где-то недалеко от того места, на котором прежде располагался Сент-Луис. Мы просто НЕ СМОЖЕМ оттуда пройти весь путь до Скалистых Гор с мальчиками на руках. К тому же я совсем не уверен в том, что нас всех четверых пошлют в Летний Дворец на будущий год.

Так что мужайся. С этого времени не прикасайся к Счастью. Единственная наша надежда на то, что в решающий момент мы будем готовы действовать

Я люблю тебя.

Хью».

Вошла Киска. Он велел ей смотреть телевизор и не отвлекать его. Девочка повиновалась.

Она уже спала, когда Хью поставил последнюю точку в своем послании. Он порвал черновики, спустил клочки в водоворот и только тогда отправился спать. Но уснуть ему не удалось: он вспомнил глупое хихиканье Дьюка, его бессмысленное лицо, лицо человека, одурманенного наркотиками. Пришлось встать и в нарушение указаний, данных им самим Барбаре, утопить свои печали и страхи в бутылке со Счастьем.

Глава семнадцатая

На следующий день Хью уже читал ответную записку Барбары:

«Дорогой!

Когда ты заказываешь три при бескозырке, мой ответ — семь, без козырей, и рука не дрогнет. Или разыграем большой шлем — или влетим... Но никто не посмеет сказать, что мы были наказаны за нерешительность.

Любовь навеки...

Б.».

Больше этот день ничем примечателен не был. И следующий тоже... Хью привычно диктовал перевод, хотя мыслями был далеко. Он стал очень осторожен в еде и питье, поскольку знал теперь, каким «гуманным» способом хирург овладевает жертвой. Он ел только те блюда, которые до него пробовал Мемток, и старался не брать фрукты и пирожные, сервированные близко от него, особенно если их предлагал слуга. За столом он ничего не пил, утоляя потом жажду водой. Завтракал Хью у себя, отдавая предпочтение неочищенным фруктам и вареным яйцам.

Хью сознавал, что все эти предосторожности не спасут его. Чтобы перехитрить его, не нужно было быть специалистом класса Борджиа. Даже в том случае, если не удастся трюк с усыплением, его просто

обработают хлыстом. Но тогда у него будет хоть прозрачная надежда опротестовать приказ, потребовать, чтобы его отвели к Лорду-Протектору.

Что же касается хлыстов... Он начал вспоминать уроки каратэ, упражняясь в своей комнате. Удар каратэ, нанесенный достаточно быстро, заставил бы заскучать любого обладателя хлыста. Впрочем, надежды у Хью не было никакой. Просто ему не хотелось сдаваться без боя. Дьюк был прав: лучше погибнуть сражаясь, как и подобает мужчине.

Хью продолжал запасать пищу, припрятывая часть своих завтраков (сахар, соль, хлеб). Он предполагал, что эти продукты не отравлены, поскольку они не действовали на Киску (сам он их не ел).

Обычно Хью ходил босиком, а когда выходил на улицу, надевал фетровые шлепанцы. Однажды он пожаловался Мемтоку, что гравий причиняет ему боль сквозь тонкий войлок. Тогда ему была выдана пара кожаных сандалий.

Он приручил Главного Инженера имения, поведав ему, что в молодости отвечал за проектирование у своего прежнего хозяина. Инженер был весьма польщен проявленным к его персоне вниманием... Будучи самым младшим из ответственных слуг, он привык больше выслушивать жалобы и нарекания, чем видеть дружеское участие. Хью не раз сидел с ним после обеда и пытался выказывать свою осведомленность в специальных вопросах просто тем, что внимал собеседнику и поддакивал ему.

Однажды Хью получил приглашение инженера осмотреть его хозяйство и провел довольно утомительное утро, пробираясь между трубами и рассматривая чертежи. Инженер с трудом писал и читал, зато прекрасно разбирался в чертежах. Само по себе такое времяпрепровождение было бы интересным, если бы Хью не обуревали заботы. Ведь он действительно имел кое-какое отношение к технике в прошлом. Стараясь запомнить расположение изображенных на чертежах объектов, он мысленно сопоставлял их с теми, которые были ему известны. Цели и намерения Хью были более чем серьезны: несмотря на то что он почти все лето прожил во дворце, знакомы ему были только небольшие его участки внутри и маленький садик для

слуг снаружи. Ему же необходимо было изучить весь дворец. Он должен был знать выходы из любого помещения, знать, что находится за охраняемой дверью, ведущей в покои женской прислуги, и в особенности то, где размещаются Барбара и малыши.

Когда Хью добрался до двери, которая вела в женскую половину, инженер, увидев насторожившегося часового, заколебался.

— Кузен Хью, я уверен, что со мной вы вполне имеете право войти сюда, но, может, нам все-таки лучше сходить сейчас к Главному Управляющему и попросить его выписать вам пропуск?

— Мне все равно, кузен.

— В принципе, ничего по-настоящему интересного там нет. Обычные коммуникационные системы для барачников: водопровод, электричество, вентиляция, канализация, бани и все такое прочее. Все самое интересное — энергостанции, кремационные печи, управление вентиляцией и так далее — можно посмотреть и здесь. Вы ведь знаете нашего начальника: он страшно не любит, когда допускается хоть малейшее отступление от заведенного порядка. Так что, если вы не возражаете, осмотр там я произведу позже.

— Ваше дело, вы и решайте, — ответил Хью с явным выражением оскорбленного достоинства.

— Понимаете... любой знает, что вы не какой-нибудь там примитивный жеребец. — Инженер казался расстроенным. — Я вот что вам предлагаю: вы прямо скажите мне, что хотите осмотреть все до конца... Я имею в виду то, что входит в мое ведение... И я тут же отправлюсь к Мемтоку и сообщу ему, что вы изъявили такое желание. Он знает... Дядя! Да все мы знаем, что вы пользуетесь особым расположением Их Милости. Вы понимаете меня? Я не хочу сказать ничего обидного. Мемток напишет пропуск, и тогда я останусь чист, равно как и часовой, и начальник стражи. Вы только подождите здесь. Располагайтесь поудобнее. Я мигом!

— Не стоит беспокоиться! Там нет ничего такого, что я хотел бы посмотреть, — солгал Хью. — Я всегда говаривал так: «Ха-ха! Видел одну баню, значит, видел их все». Но мы еще не были в столярной и слесарной мастерских.

Они рука об руку отправились в мастерские. Хью не подавал вида, но внутри у него все кипело. Он был так близок к заветной цели! И все же никак нельзя было наводить Мемтока на мысль, что его интересуют женские помещения.

Тем не менее время, проведенное в обществе инженера, не пропало даром. Хью не только, подобно взломщику, определил слабые места здания (например, дверь, через которую выгружали привозимые товары, — ее запирали не так уж крепко, а замок легко можно было выломать), но и сделал два ценных приобретения.

Первым была стальная пружина длиной около восьми дюймов. Хью заметил ее в куче какого-то хлама в слесарной мастерской, незаметно подобрал и тут же, извинившись, прошел в туалет, где надежно привязал ее к руке.

Второе приобретение было еще более ценным: отпечатанный план самого нижнего уровня, на котором были обозначены как все инженерные объекты, так и все проходы и двери, в том числе и в женскую половину.

Хью стал восхищаться планом.

— Дядя! Какой великолепный чертеж! Собственно-го изготовления?

Инженер смущенно подтвердил его предположение. Мол, сами понимаете, в основе лежит, конечно, исходный архитектурный план, но пришлось внести много изменений и дополнений.

— Великолепно! — повторил Хью. — И как обидно, что он в единственном экземпляре!

— О нет! Экземпляров сколько угодно, ведь чертежи быстро изнашиваются. Не уютно ли один?

— С величайшим удовольствием! Особенно если на нем будет дарственная надпись автора. — Видя, что инженер колеблется, он добавил: — Позвольте мне предложить текст? Я набросаю его, а вы перепишите.

Распроставшись с Главным Инженером, Хью унес с собой план, на котором было написано: «Моему дорогому кузену Хью, собрату по ремеслу, который умеет ценить искусную работу».

Вечером он показал его Киске. Девушка была поражена. Она и понятия не имела о том, что такое чертеж,

и никак не могла представить себе, что на маленьком листе бумаги можно изобразить длинные коридоры и запутанные переходы огромного дворца. Тогда Хью продемонстрировал ей путь из его апартаментов в столовую для старших слуг, указал месторасположение центральной столовой для простых слуг и путь в сад. Она медленно подтвердила, что он правильно объясняет дорогу, морщась от непривычных умственных усилий.

— А ты, скорее всего, живешь где-нибудь здесь, Киска. Вот это помещения прислуги.

— Неужели?

— Да. Теперь давай посмотрим, сможешь ли ты сама определить, где ты живешь. Давай без подсказки, ты сама должна разобраться. Я буду просто сидеть и смотреть.

— О, помоги мне, Дядя! Давайте поглядим. Во-первых, я должна пройти по спуску... — она запнулась, обдумывая что-то, явно не относящееся к схеме, в то время как Хью продолжал сидеть с совершенно бесстрастным видом. Его подозрения, было утасшие, вспыхнули с новой силой: малютка была заслана к нему, чтобы шпионить. — Затем... вот в эту дверь, да?

— Правильно.

— Затем я иду мимо кабинета начальницы до самого конца, поворачиваю и... кажется, я живу вот тут! — Она в восторге захлопала в ладоши и засмеялась.

— Твоя комната расположена напротив столовой, да?

— Да.

— Тогда все правильно. Молодец! Просто удивительно! Давай посмотрим, на что ты еще способна.

На протяжении следующей четверти часа Киска показывала ему подробно, где и что находится на женской половине: комнаты младших и старших, столовые, спальни девственниц, спальни согревательниц постелей, ясли, палата для лежачих больных, детская комната, служебные помещения, баня, игровая площадка, двери в сад, кабинеты, апартаменты Старшей Надзирательницы — в общем, все-все. Хью, кстати, узнал, что Барбара больше не находится в палате для лежачих. Киска сама сказала об этом.

— Барба, знаете, та дикарка, которой вы все время пишете, — раньше она лежала здесь, а теперь она вот тут.

— Откуда ты знаешь, ведь эти комнаты выглядят совершенно одинаково?

— Уж я-то знаю! Это вторая из комнат для матерей с грудными детьми по правой стороне коридора, если идти из бани.

Хью отметил, что подсобный туннель, служивший для ремонта бани, проходил как раз под комнатой Барбары и даже имел люк, а затем, со все более возрастающим интересом, и то, что этот туннель пересекался с другим, который проходил под всем зданием. Неужели существует широкий, никем не охраняемый путь, соединявший все помещения для слуг? Невероятно, так как из чертежа следовало, что любой мало-мальски ушлый жеребец мог, преодолев ползком всего сотню футов, преспокойно оказаться в помещениях прислуги.

Однако откуда жеребцу знать, что туннель ведет в женскую половину?

И чего ради жеребец станет рисковать, даже если и предположит, что это так? Ведь он, подобно быку в коровьем стаде, совершенно не ограничен в возможностях утолять свое сладострастие.

Да и отсутствие больших пальцев на руках помешало бы ему справиться с запорами.

Интересно, можно ли открыть люки из туннеля?

— Ты быстро усваиваешь карту, Киска. Теперь давай посмотрим помещения, которые тебе не так хорошо знакомы. Попробуй по чертежу узнать, как пройти из этой комнаты в мой кабинет. А если ты справишься с этой задачей, то я задам тебе еще более трудную: куда тебе следует отправиться, если я тебя пошлю с запиской к Главному Управляющему?

Над первым заданием ей пришлось немного помучиться, зато второе она выполнила без малейшего колебания. Все стало ясно.

На следующее утро, за ленчем, сидя бок о бок с Мемтоком, Хью через весь стол обратился к инженеру:

— Пайпс, старина! Я насчет того замечательного чертежа, который вы подарили мне вчера. Как вы думаете, не смог бы один из ваших работников изго-

товить для него раму? Мне хотелось бы повесить его над моим рабочим столом, чтобы им могли восхищаться и другие люди.

Инженер вспыхнул и широко улыбнулся.

— Конечно, кузен Хью! Красное дерево вас устроит?

— Замечательно! — Хью повернулся к Мемтоку и сказал: — Кузен Мемток, наш кузен просто хоронит свой талант среди канализационных труб. Ведь он настоящий художник. Непременно приходите ко мне полюбоваться на его работу.

— Буду рад, кузен. Как только выберу время.

Прошло уже более недели, а ни о Джо, ни о Их Милости не было ни слуху ни духу. Целая неделя без бриджа. Без Барбары.

Наконец как-то за завтраком Мемток сказал ему:

— Кстати, все собираюсь тебе сообщить. Вернулся домой молодой Избранный. Ты все еще хочешь увидеться с ним?

— Конечно! А Их Милость тоже вернулся?

— Нет. Их Милосерднейшая сестра полагают, что он вообще может не вернуться до самого переезда. Ах, если бы ты видел, какие хоромы у нас в Столице, кузен! Какой дворец! Не то что эта хибара. День и ночь суета... и ваш покорный слуга будет рад, если за целую зиму ему хоть раза три дадут спокойно поесть. Все беготня, беспокойство, суета, суета, суета... — сказал он с затаенной гордостью. — Радуйся, что ты ученый.

Через пару часов Хью известили, что Джо ожидает его. Хью знал дорогу наверх, так как не раз поднимался туда учить Избранных играть в бридж. Поэтому он отправился один.

Джо радостно приветствовал его:

— Входи, Хью! Присаживайся. Никакого протокола, потому что здесь кроме нас, старых приятелей, никого нет. Ты только послушай, что мне удалось сделать! Если бы ты знал, как я был занят! Одна мастерская уже готова к работе в качестве опытного предприятия и начнет выдавать пробную продукцию еще до того, как Их Милость заручится покровительством. Все организовано на высоком уровне и притом так, чтобы мы смогли начать массовый выпуск в тот день, когда выхлопочем лицензию. Условия сносные:

Их Превосходительство получает половину, Их Милость — вторую половину, но полностью финансирует предприятие, я получаю десять процентов от доли Их Милости и управляю делами. Конечно, когда дело начнет развиваться по другим линиям, — кстати, все предприятие названо «Игры, ниспосланные свыше», а лицензия составлена так, что охватывает почти все развлечения, кроме разве что постельных утех, — так вот, когда дело начнет развиваться по другим направлениям, мне понадобится помощь. Для меня это настоящая проблема. Боюсь, что Понс решит взять в долю кого-нибудь из своих недалеких родственников. Надеюсь, правда, что он этого не сделает, потому что родственные чувства неуместны, когда рискуешь сбить цены. Как ты считаешь, Хью? А как ты насчет того, чтобы управлять фабрикой? Дело очень большое: у меня работает уже сто семь человек.

— Почему бы и нет? Раньше под моим началом бывало и в три раза больше народу, а в Сибизе я руководил двумя тысячами человек. Но, видишь ли, Джо, я пришел сюда совсем по другому поводу.

— Ну конечно, конечно! Выкладывай. А потом я покажу тебе чертежи.

— Джо, ты знаешь насчет Дьюка?

— А что с ним такое?

— Он оскотлен. Разве ты не знал?

— Ах, да! Знал. Это случилось как раз перед моим отъездом. Надеюсь, с ним все в порядке? Осложнений не было?

— В порядке? Джо, ты, наверное, не понял меня... Его оскотили! А ты ведешь себя так, словно ему вырвали зуб. Так ты, значит, знал? И не пытался помешать операции?

— Нет.

— Но, ради Бога, почему?

— Позволь мне договорить, ладно? Я ведь тоже что-то не припомню, чтобы ты со своей стороны пытался воспрепятствовать этому.

— Я просто не имел возможности. Я ничего не знал.

— И я тоже. Именно это я пытаюсь втолковать тебе, а ты все норовишь вцепиться мне в глотку. Я узнал обо всем только постфактум.

— О, тогда прости. Мне показалось, ты хотел сказать, что хотя и знал, но не пошевелил пальцем, чтобы помешать осклоплению.

— Нет, это не так. Если бы даже я и знал, то не представляю, чем бы я мог быть полезен. Разве что попросил бы Понса сначала потолковать с тобой. Но еще неизвестно, как закончился бы такой разговор. Так что, может быть, и к лучшему, что мы остались в стороне. Ну, а теперь насчет чертежей... Взгляни вот на эту схему.

— Джо!

— Что?

— Разве ты не видишь, что я не в состоянии думать сейчас о фабриках игральные карт? Ведь Дьюк — мой сын!

Джо свернул чертежи.

— Прости, Хью. Давай тогда поболтаем, если это облегчит твою горе. Я ведь представляю, как тебе тяжело сейчас. Выговорись и постарайся забыть свои печали.

Джо слушал, Хью говорил. Наконец Джо покачал головой.

— Хью, в одном ты можешь быть совершенно спокоен. Дьюк никогда не встречался с Лордом-Протектором. Так что твой совет Дьюку — хороший, на мой взгляд, совет — не имеет никакой связи с тем, что его выхолостили.

— Надеюсь, ты прав. Если бы я был уверен, что это моя вина, я бы, наверное, перерезал себе глотку.

— Но поскольку ты не виноват, то и нечего травить себя.

— Постараюсь. Джо, но что могло вынудить Понса принять такое решение? Ведь с тех пор как нас по недоразумению чуть не кастрировали, он отлично знает, как мы к этому относимся. Так зачем ему понадобилось уродовать моего сына? А я считал его своим другом...

Джо выглядел расстроенным.

— Ты в самом деле хочешь знать правду?

— Я ее должен знать.

— Так вот... сейчас ты ее узнаешь. Это дело рук Грейс.

— *Что?* Джо, ты, наверное, ошибаешься. Конечно, не спору, у Грейс есть недостатки. Но она никогда бы не пожелала *такого...* да еще своему собственному сыну!

— Нет, конечно, нет. Я сомневаюсь, что она доби-
валась именно этого. Но все равно она явилась иници-
атором. Почти с самого дня нашего прибытия сюда
она, не переставая, ныла Понсу, как она хочет, чтобы
ее Дьюки был с ней, как она одинока без него: «Понс,
я так одинока! Понси, ты совсем не любишь свою
Грейси! Понси, я не отстану от тебя до тех пор, пока
ты не скажешь «да». Понси, почему ты не хочешь?» —
и все таким, знаешь, детским, плачущим голоском. Ты,
Хью, наверное, не был свидетелем этих сцен...

— Ни разу не присутствовал.

— Мне, пожалуй, следовало бы свернуть ей шею.
Понс почти не обращал на нее внимания, если только
она не начинала щипать его. Тогда он раздражался
хохотом, валил ее на ковер, и они возились на полу.
Потом он обычно приказывал ей замолчать и некото-
рое время она сидела тихо. В общем, он обращался с
нею, как с одним из своих котов. Честно говоря, я не
думаю, что он хоть раз... я хочу сказать, из того, что
я видел, трудно заключить, что он хоть раз в малейшей
степени интересовался ею как...

— Я тоже не интересуюсь. А кто-нибудь преду-
преждал ее, что будет предшествовать воссоединению
с сыном?

— Не думаю. Понсу и в голову никогда бы не
пришло, что такие элементарные вещи нужно объяс-
нять... а я уж, само собой, никогда бы не стал обсуж-
дать с ней подобные проблемы. Да она и не любит
меня, ведь я слишком часто отнимаю у нее ее милого
Понси. — Джо потер переносицу. — Так что я со-
мневаюсь в том, что ей было это известно. Конечно,
она и сама могла бы догадаться, но, извини, — ведь
Грейс все-таки твоя жена, — мне кажется, что она
глуповата.

— Да еще упивается Счастьем — по крайней мере
я ни разу не видел ее трезвой. Конечно, она недалеко-
го ума. Да и не жена она мне. Моя жена — Барбара.

— Вообще-то, ни Грейс, ни Барбара, с формальной точки зрения, не могут считаться твоими женами: слугам это не положено.

— А я не с формальной. Я говорю о том, что есть на самом деле. Но хотя Грейс мне больше не жена, я все же в какой-то степени рад, что она, возможно, не знала, чего будет стоить Дьюку воссоединение с ней.

Джо задумался.

— Хью, она, конечно, не знала... но боюсь, что оскотление сына ее мало заботит... К тому же вряд ли правильно говорить, что возвращение к матери чего-то стоило Дьюку.

— Не понимаю. Объясни, может, я малость поглупел.

— Ну, если Грейс и огорчена тем, что Дьюка оскотили, то она ничем этого не проявила. Она довольна донельзя. Он тоже, кажется, ничего не имеет против.

— А ты видел их? После всего случившегося?

— О да! Я завтракал вместе с Их Милостью, и они оба тоже присутствовали. Это было не далее как вчера.

— А я думал, что Понса нет.

— Он ненадолго вернулся и снова уехал. Теперь уже на Западное побережье. Дела. Мы буквально вгрызлись в этот бизнес. Понс пробыл здесь всего пару дней. Но успел преподнести Грейс подарок на день рождения. Я имею в виду Дьюка. Да, конечно, у нее не было никакого дня рождения, к тому же здесь дни рождения не отмечают — справляют именины. Но она заявила Понсу, что собирается устроить день рождения, и приставала к нему все время — а ведь ты знаешь Понса: он снисходителен к животным и детям. Поэтому он решил сделать ей сюрприз. И сейчас же, как вернулся, подарил ей Дьюка. Черт возьми, они даже отхватили комнату в личных покоях Понса! Теперь эта парочка совсем не спускается вниз, даже ночует наверху.

— Ладно, мне безразлично, где они ночуют. Ты начал рассказывать мне, как к оскотлению отнеслась Грейс. И сам Дьюк.

— Ах да! Не могу точно сказать, когда именно она узнала о том, что с ним сделали. Однако она сердечно поговорила даже со мной — настолько была рада.

Рассказывала мне, как Понс все прекрасно устроил, и убеждала, что Дьюк выглядит просто великолепно в своих новых одеждах. И все такое. Она разodela его в ливрею, вроде тех, которые носят слуги наверху. Ведь в таком рубище, как у тебя, здесь не ходят. Она даже нацепила на него украшения. Понс на все согласен. Формально Дьюк — слуга Понса, но не думаю, чтобы он хоть палец о палец ударил. Он просто любимая игрушка Грейс. И ей это очень нравится.

— А самому Дьюку?

— Вот это-то самое интересное, Хью! Дьюк ничуть не огорчен тем, что с ним произошло. Он теперь как сыр в масле катается. И чуть ли не покровительствует мне. Можно подумать, что это не он, а я ношу лакейскую ливрею. Имея такую защиту, как Грейс, которая, по его мнению, крутит боссом как хочет, Дьюк решил, что устроен капитально. И это действительно так, Хью. Но я ничего не имею против. Я понимаю, что он уже привык к этому транквилизатору, который принимают слуги, и ему все видится в радужном свете.

— Так ты, значит, считаешь, что это очень хороший способ капитально устроиться?.. Когда тебя хватают, спаивают, кастрируют, а потом держат в постоянном опьянении так, что тебя больше ничего не волнует? Джо, ты удивляешь меня!

— Хью, постарайся отбросить свои предрассудки и взгляни на вещи трезво. Дьюк счастлив. Если не веришь, я проведу тебя и ты сможешь поговорить с ним. Или с обоими. Как хочешь.

— Нет! Боюсь, что для меня это будет слишком тяжелым зрелищем. Я согласен, что Дьюк счастлив. Но ведь если напоить человека этим чертовым Счастьем, он будет счастлив и тогда, когда ему отрежут руки-ноги и начнут перепиливать горло. Того же эффекта можно добиться и с помощью морфия. Или героина. Или опиума. В таком «счастье» нет ничего хорошего. Это настоящая трагедия.

— О, не надо устраивать мелодраму, Хью! Все относительно. Сам рассуди: Дьюка все равно рано или поздно кастрировали бы. Держать слугу такого роста в качестве жеребца противозаконно. Следовательно, мужские способности Дьюку просто-напросто не нужны. Поэтому, с практической точки зрения, нет ника-

кой разницы, случится ли оскотление через год, после смерти Понса или уже случилось. Так что единственно значимым для Дьюка является то, что он счастлив и живет в обстановке роскоши, а не надрывается где-нибудь в шахте или на рисовых полях.

— Джо, знаешь, как ты стал разговаривать? Как какой-нибудь белый апологет рабства, рассуждающий о том, как здорово живет черненьким: сиди себе на завалинке, пощипывай струны банджо да песенки распевай.

Джо заморгал.

— Неправда...

Хью почувствовал, что его распирает злоба. Слова его стали безжалостны.

— Давай, давай! Утверждай, что это неправда! Ведь я не могу перечить тебе. Ты теперь Избранный. А я ничтожный слуга. Масса Джо, позвольте я поправлю ваш балахон. А в котором часу сегодня собирается Клан?

— Молчать! — Джо продолжил уже спокойно: — Я не собираюсь пикироваться с тобой. Возможно, тебе действительно все представляется в таком свете. Пусть так. Но неужели ты ждешь, что я буду соболезновать? Просто все радикально переменялось — и как раз вовремя. Раньше я был слугой — теперь я уважаемый бизнесмен, причем у меня есть все шансы стать благодаря браку племянником в какой-нибудь благородной семье. Неужели ты думаешь, что я теперь брошу все это? Я не смог бы пойти на попятную, даже если бы захотел. Да еще ради Дьюка! Я бы ни для кого не стал рисковать своим положением — не буду лицемерить. Когда-то я был слугой, теперь слуга — ты. Так что тебя возмущает?

— Джо, но ведь ты был просто наемным работником, с которым всегда хорошо обращались. Ты же не был рабом!

Глаза молодого человека вдруг заблестели, а лицо напряглось и приняло выражение такой непреклонности и суровости, которого Хью раньше никогда не видел.

— Хью, — вкрадчиво процедил Джо, — тебе никогда не приходилось проезжать на автобусе через Алабаму? В качестве «нигтера»?

— Нет.

— Тогда лучше помолчи. Ты просто не знаешь того, о чем говоришь. — Он нахмурился. — Ну ладно, хватит. Давай поговорим о деле. Я хочу, чтобы ты знал, что я сделал и чем собираюсь заняться. Эта идея насчет игр — самая лучшая из когда-либо приходивших мне в голову.

Хью с интересом посмотрел на Джо, однако оспаривать авторство идеи не стал. Он продолжал слушать, в то время как молодой человек говорил, все больше увлекаясь. Наконец Джо отложил перо и откинулся назад.

— Ну, как тебе перспективы? Есть какие-нибудь соображения? Помню, когда я предложил это дело Понсу, ты внес кое-какие важные дополнения. Так что, если ты сможешь остаться полезным, для тебя в моем предприятии всегда найдется теплое местечко.

Хью колебался. Ему казалось, что планы Джо слишком обширны для рынка, который был всего лишь потенциальным и спрос на котором еще нужно было создавать. Но он сказал только:

— Может быть, стоило бы с каждой колодой, не повышая цены, продавать книжку с правилами?

— О нет! Их мы будем выпускать отдельно и дополнительно заработаем на их продаже.

— Я не говорю о полном Хойле. Просто брошюрку с некоторыми играми, из самых простых. Криббедж. Парочку солитеров. Еще одна или две игры. Если сделать так, то покупатели сразу же смогут начать играть. И продажа карт соответственно увеличится.

— Хм... Надо подумать. — Джо сложил бумаги и отодвинул их в сторону. — Хью, ты так вывел меня из себя, что я забыл поделиться с тобой еще кое-какими соображениями.

— Слушаю.

— Понс, конечно, крепкий старик, но не может же он жить вечно. Поэтому я намерен к тому времени, когда он прикажет долго жить, занять свое собственное дело. Чтобы быть финансово независимым. Попробую вкладывать куда-нибудь доходы или что-нибудь в этом роде. Я думаю, тебе не нужно говорить, что я не очень-то горю желанием видеть своим боссом Мрику (сам понимаешь, эта информация должна остаться меж-

ду нами). И я что-нибудь обязательно придумаю, чтобы самому стать со временем первым номером. — Он усмехнулся. — Когда Мрика займет место Лорда-Протектора, меня здесь уже не будет. Я удалюсь в собственное имение, скромное, конечно, и мне понадобятся слуги. Догадываешься, кого я собираюсь взять туда с собой?

— Нет, не догадываюсь.

— Не тебя... хотя ты вполне мог бы стать моим слугой, ведающим бизнесом. Если, конечно, окажется, что ты действительно справляешься с делом. Нет, я имею в виду Дьюка и Грейс.

— Что?!

— Ты удивлен? Мрике они не понадобятся, это ясно. Он ненавидит Грейс из-за того влияния, которое она имеет на его дядю, и, ясное дело, Дьюка он жалуется не больше. Они оба ничему не обучены, поэтому и стоять будут совсем недорого, если только я не покажу, что заинтересован в них. Но они будут мне очень полезны. Они говорят по-английски, и я смогу разговаривать с ними на языке, которого больше никто не понимает. А это очень пригодится, когда крутом окажутся другие слуги. Самое же главное... В общем, пища здесь неплохая, но иногда хочется отведать какое-нибудь простое американское блюдо, а ведь Грейс, когда захочет, отлично готовит. Вот я и сделаю ее поварихой. Дьюк готовить не умеет, но он может научиться прислуживать за столом, открывать дверь и все такое прочее. Лакей, одним словом. Как тебе моя идея?

Хью с расстановкой сказал:

— Джо, а ведь они нужны тебе не потому, что Грейс умеет готовить.

Джо нагло улыбнулся.

— Да, не только поэтому. Мне кажется, что Грейс будет отлично выглядеть в качестве моей кухарки, а Дьюк — моего лакея. О, я буду гуманно обращаться с ними, Хью, можешь не беспокоиться! Если они будут с усердием работать и хорошо вести себя, никто их не накажет. Хотя мне кажется, что пару раз наказать их все-таки придется — чтобы они знали свое место. — Он многозначительно покрутил жезл. — Должен признаться, мне будет довольно приятно немного поучить

их уму-разуму. Я им кое-что должен. Три года, Хью. Три года бесконечных придирок Грейс, которая никогда ничем не была довольна... И три года такого покровительственно-презрительного отношения со стороны Дьюка, когда он бывал дома.

Хью молчал. Джо полюбопытствовал:

— Ну? Так что, тебе нравится моя идея?

— Я был о тебе лучшего мнения, Джо. Я всегда считал тебя джентльменом. Но, похоже, я ошибался.

— Вот как? — Негр сжал свой жезл. — Ладно, малыш, мы отпускаем тебя. Все.

Глава восемнадцатая

Хью уходил из покоев Джо раздосадованным. Он понимал, что вел себя по-дурацки... нет, просто-таки преступно неосмотрительно. Как он мог допустить, чтобы разговор принял столь нежелательный оборот? Джо был необходим. До тех пор пока Барбара и близнецы не будут надежно укрыты в горах, Хью требовалась любая посторонняя поддержка, на которую можно было хоть в малейшей степени рассчитывать. Джо, Мемток, Пайпс, кто угодно... Но на Джо Хью имел самые большие виды. Джо был Избранным, что давало Хью возможность узнавать из первых рук полезную информацию об этом мире; через Джо можно было попытаться раздобыть необходимые для побега вещи. В крайнем случае Хью даже предполагал попросить Джо помочь им бежать.

Но после того что между ними произошло... Идиот! Совершеннейший дурак! Рисковать судьбами Барбары и мальчиков только потому, что он не в состоянии обуздать свой характер!..

Положение дел стало хуже некуда, и во многом Хью винил себя.

Тем не менее опускать рук не следовало. Он отправился к Мемтоку. Теперь, как никогда раньше, необходимо было найти какой-нибудь способ связаться с Барбарой тайно, поговорить с ней. А это означало, что

нужна партия в бридж. Пусть даже в присутствии Лорда-Протектора, но он поговорит с ней, хотя бы по-английски. Ход событий требуется подстегнуть.

Когда Хью подошел к кабинету Главного Управляющего, тот как раз выходил из дверей.

— Кузен Мемток, можно вас на пару слов?

Всегда нахмуренное лицо управляющего прояснилось.

— Конечно, кузен. Только нам придется немного пройтись, ничего? Неприятности, неприятности, неприятности... Казалось бы, ответственным слугой должен быть человек, которому не нужно утирать сопли. Ничего подобного! Рабочий при холодильнике жалуется Главному Мяснику, тот жалуется Шеф-повару, а ведь вопрос чисто технический, и, по идее, Гну следовало бы связаться с технарями и все уладить самому, верно? Как бы не так! О, нет! Все идут со своими несчастьями ко мне. Ты, кажется, немного сведущ в инженерном деле?..

— Да, — согласился Хью, — но теперь я немного устал. Прошло слишком много лет. (Около двух тысяч, друг мой!)

— Техника есть техника. Пойдем со мной и позволь мне воспользоваться твоей просвещенной консультацией.

(Чтобы выяснить, не лгу ли я. Ну уж нет! Постараюсь затуманить тебе мозги, как следует.)

— Конечно, пошли. Если только мнение ничтожного слуги может иметь какое-нибудь значение.

— Все проклятый холодильник!.. С ним каждое лето что-нибудь не так. Скорей бы вернуться во Дворец!

— Да позволено ли будет спросить, назначена ли дата переезда?

— Позволено, позволено. Через неделю. Так что у тебя есть время подумать о том, как лучше упаковать имущество Департамента и подготовиться к отъезду.

— Так скоро?

— Тебя-то что тревожит? Ведь вам и паковать-то нечего. Архив да немного мебели. А ты знаешь, сколько тысяч предметов предстоит перевезти мне? Сколько всего раскрадывают, теряют или просто портят эти идиоты! Дядя милостивый!

— Да, должно быть, это просто ужасно, — под-
дакнул Хью. — Но осмелюсь напомнить, понимая ва-
шу сверхзагруженность хлопотами: я просил вас
известить меня в случае приезда Их Милости. А моло-
дой Избранный сообщил мне, что Их Милость два дня
назад приезжал и уехал снова.

— Ты недоволен?

— Упаси Дядя! Я просто спрашиваю.

— Их Милость действительно физически присутст-
вовал здесь некоторое время. Но официально он не
возвращался. Мне показалось, что он неважно себя
чувствовал, помоги ему Дядя!

— Да сохранит его Дядя! — искренне подхватил
Хью. — Понятно, что при подобных обстоятельствах
вы не решились испрашивать мне аудиенцию. Но осме-
люсь выразить надежду на ваше участие в моей прось-
бе в следующий приезд Их Милости.

— Поговорим об этом позже. Нужно посмотреть,
что там случилось у этих беспомощных...

Шеф-повар и Главный Инженер встретили их у
входа во владения Гну, и вся группа направилась в
холодильное помещение. Они прошли через кухню и
попали в разделочную, где им пришлось задержаться,
пока не принесли теплые одеяния, напоминающие пар-
ки. Суетливо-кипучий Мемток отказался облачаться.
Подпрыгивая от нетерпения, он ворчливо заметил, что
одежда слишком замызгана.

Разделочная кишела слугами — рубщиками, пова-
рами, подсобными рабочими. На столах громоздились
туши скота, груды рыбы, дичи и домашней птицы. Хью
отметил про себя, что тридцать восемь Избранных и
четыреста пятьдесят слуг потребляют значительное ко-
личество мяса. Помещение показалось ему угнетаю-
щим, хотя сам он в своей жизни забил и разделал
немало животных.

Не выдать внешне своего потрясения от того, что
он вдруг увидел на полу, ему помогло только природ-
ное чувство самообладания. Это был кусок, отрублен-
ный от человеческого тела, — изящная, пухлая, очень
женственная рука.

Хью стало нехорошо; у него заложило уши и по-
плыло в глазах. Он моргнул несколько раз, но рука не

исчезала. Рука, очень похожая на маленькую ручку Киски...

Он осторожно вздохнул, стараясь подавить поднимавшуюся в нем тошноту, и стоял отвернувшись до тех пор, пока не удалось восстановить полный контроль над собой. Ему внезапно открылась правда, до сих пор скрывавшаяся за странными несоответствиями и идиомами, казавшимися ему бессмысленными шутками.

Гну тем временем горячо спорил с подручным, а Мемток стоял рядом и ждал. Наконец инженер, последним из всех, справился с теплой одеждой, и они направились в морозильный отсек. По пути Шеф-повар машинально пнул обрубленную руку, которая отлетела к куче отбросов, и шутливо заметил:

— Вот это мясо вам не придется пробовать, Управляющий, — если, конечно, не вернется старик.

— Я всегда все пробую, — холодно ответил Мемток. — Их Милость требует, чтобы стол был отменным независимо от того, здесь он или нет.

— О да, конечно, — согласился Гну. — Именно это я всегда и твержу своим поварам. Но... Да вот хотя бы этот кусок прекрасно иллюстрирует беспокоящую меня проблему. Слишком много жира. Видите, он слишком жирен и после приготовления останется таким же. А все из-за того, что это мясо прислуги. Хотя, на мой взгляд, самым лакомым — нежным, но упругим — было бы жаркое из мальчишки-выхолостка, забитого в возрасте от шести до двенадцати лет.

— Никто твоего мнения не спрашивает, — осадил его Мемток. — Значение имеют только вкусы Их Милости. А он считает, что прислуга более нежна.

— О, конечно, конечно, я согласен! Я ничего такого особенного и не хотел сказать!

— Ладно, успокойся, Гну. В принципе, я согласен с тобой. Я просто должен был заметить, что в данном вопросе твое мнение — и мое тоже — не имеет никакого значения.

Процессия ответственных слуг прошествовала в холодильный отсек. Инженер, кивнувший и улыбнувшийся Хью при встрече, до сих пор не проронил ни слова. Теперь же он принялся пространно объяснять, в чем заключается «проклятая проблема замораживания». Хью отчаянно пытался сконцентрировать все свое внимание

на словах Пайпса, чтобы хоть как-то отвлечься от ужасающего зрелища — содержимого холодильного помещения.

Большинство хранившихся здесь туш были го-вяжьими. Но в середине комнаты на крюках висели, как он уже ожидал увидеть, человеческие трупы — выпотрошенные, вычищенные, обезглавленные и замороженные. Они были нацеплены вверх ногами. Молодая прислуга и мальчики. Заиндевелые тушки в лениво клубящемся морозном тумане.

Хью сглотнул и поблагодарил судьбу за то, что трагическая маленькая ручка дала ему возможность подготовиться и не потерять сознание.

— Ну, кузен Хью, что скажешь? — вернул его из забытья голос Мемтока.

— Что ж, я согласен с Пайпсом.

— То есть своими силами нам сейчас не справиться?..

— Я согласен не с этим выводом. Инженер, несомненно, рассуждает здраво. Как он утверждает, проблеме можно решить — и радикально. Нужно отказаться от намерения чинить оборудование сейчас и, подождав с неделю, приступить к его демонтажу и полной замене.

Лицо Мемтока приобрело кислое выражение.

— Слишком дорого.

— Это со временем окупится. За несколько бычков хорошего оборудования не купишь. Экономить тут нечего. Верно, Пайпс?

Инженер радостно закивал.

— Именно это я всегда и говорил, кузен Хью! Вы абсолютно правы.

Мемток все еще хмурился.

— Ладно, подготовь расчеты. И перед тем как представишь их мне, покажи кузену Хью.

— Есть, сэр!

Мемток приостановился и похлопал одно из мальчишеских тел.

— Прекрасные бычки! Вот что, на мой взгляд, настоящее мясо. А, Хью?

— Замечательное, — согласился Хью, пытаясь придать своему лицу нормальное выражение. — Возможно, ваш племянник? Или один из сыновей? — участливо осведомился он.

Наступило ледяное молчание. Никто не шевелился, только Мемток, казалось, стал выше ростом. Он чуть приподнял свой хлыст, сжав его так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Затем он выдавил из себя что-то вроде кривой улыбки и издал неприятный смешок.

— Кузен Хью, ты когда-нибудь развеселишь меня до смерти своими хохмами. Ну, у тебя и шутки! Эта особенно хороша. Гну, напомни мне, чтобы я не забыл рассказать ее вечером остальным.

Шеф-повар обещал обязательно напомнить и хихикнул. Инженер разразился хохотом. Мемток еще раз усмехнулся, довольно прохладно.

— Боюсь, что не вправе претендовать на столь высокую честь, Хью. Все эти тушки — выкормыши с ранчо, поэтому среди них нет ни одного моего кузена. Конечно, я знаю, что в некоторых имениях принято... но Их Милость считает, что подавать к столу домашних слуг вульгарно, даже если смерть наступила в результате несчастного случая. Кроме того, слуги, не будучи уверены в своем будущем, становятся беспокойными.

— Логично.

— Да и гораздо приятнее закусывать теми, от кого все равно нет никакого толку. Ну ладно, хватит об этом. Мы теряем время. Хью, обратно пойдем вместе. — Когда они отделились от остальных, Мемток спросил: — Так что ты там хотел сказать?

— Прошу прощения.

— Будет, будет, ты сегодня что-то очень рассеян. Ты говорил насчет возвращения Их Милости...

— Ах да! Мемток, не могли бы вы в качестве огромного личного одолжения сообщить мне о прибытии Их Милости сразу же? Независимо от того, официально он вернется или нет. Не просить за меня об аудиенции, а всего лишь сообщить.

— Нет, — ответил Мемток. — Не думаю, что смогу.

(Черт возьми, похоже, единственное, что остается делать, — это ползти на брюхе к Джо с унижительными извинениями и таким образом добиваться, чтобы тот вмешался в ход событий.)

— Прошу прощения... Возможно, ничтожный слуга невольно нанес оскорбление?

— Ты имеешь в виду ту остроту? О небо, конечно, нет! Может быть, кому-то она и показалась бы вульгарной, и держу пари, что кое-кому из слуг станет от нее дурно. Но я, Хью, если чем и горжусь, так это тем, что у меня есть чувство юмора, — и в тот день, когда я не смогу оценить шутку только потому, что она относится ко мне, я тут же подам прошение об отставке. Нет, просто теперь настала моя очередь разыграть тебя. Я сказал: «Не думаю, что смогу». В этой фразе заключен двойной смысл. Двусмысленная, я бы даже сказал, шутка, ты понимаешь? Я не думаю, что смогу сообщить тебе, когда вернется Их Милость, поскольку он известил меня, что вообще больше сюда не вернется. Так что увидеть его ты сможешь только в Столице... а там уж я обещаю, что скажу тебе, когда он будет на месте. — И Главный Управляющий игриво ткнул Хью под ребра. — Жаль, что ты не видишь выражения своего лица. Моя шутка далеко не так остроумна, как твоя. Тем не менее челюсть у тебя прямо-таки отвалилась. Вот умора!

Хью извинился и ушел к себе. Вымывшись очень тщательно (гораздо тщательнее, чем обычно), он до самого обеда просидел на диване в тупом оцепенении. Перед уходом в столовую он слегка подбодрил себя порцией Счастья, небольшой, но достаточной, чтобы благополучно пережить обед теперь, когда он знал, почему «свинина» так часто подается к столу Избранных. Правда, у Хью были основания предполагать, что мясо, идущее в пищу слугам, — настоящая свинина. Тем не менее он больше не намерен был есть грудинку. Равно как и ветчину, отбивные, колбасы... Придется стать вегетарианцем — до тех пор, по крайней мере, пока они с Барбарой не окажутся в горах, на свободе.

Принятая доля Счастья вполне позволила ему даже осведомиться у Мемтока, занятого дегустацией жаркого:

— Ну как? Жирновато?

— Хуже обычного. Гну совсем распустил своих лодырей. Попробуй.

— Нет, спасибо. Я и так представляю. Я сам, пожалуй, смог бы готовить лучше. А уж в качестве Шеф-повара держал бы себя очень строго и взыскательно.

Хотя поварам со временем, возможно, и удалось бы смягчить меня изысканным жарким из кузена Гну.

Мемток так расхохотался, что даже подавился.

— Ой, Хью, не смей меня больше смешить за едой. А то ты когда-нибудь уморишь меня до смерти.

— Ваш покорный слуга нижайше надеется, что этого никогда не произойдет. — Хью поковырял кусочек мяса в тарелке, отодвинул его в сторону и съел несколько орехов.

Вечером он засиделся в кабинете допоздна. Киска уже заснула, а он все еще составлял письмо. Ситуация требовала немедленного извещения Барбары, а сейчас это было возможно только через Киску. Задача заключалась в том, чтобы Барбара без предупреждения догадалась, что послание закодировано, смогла расшифровать его и была бы единственной, способной сделать это. Та причудливая смесь, которой он воспользовался в прошлый раз, на сей раз не годилась, — он должен был передать Барбаре инструкции, в которых бы она не пропустила ни единого слова и однозначно истолковала малейшие оттенки смысла изложенного.

В итоге письмо приобрело следующий вид:

«Милая!

Если бы ты была рядом, то я с удовольствием поболтал бы с тобой о литературе. Ты, конечно, помнишь, что я люблю творчество Эдгара Аллана По. Можешь вспомнить и то, как я называл его единственно достойным автором таинственных историй. Прочитать, а затем перечитывать его — сущее удовольствие, поскольку с одного раза По не раскусишь. Ответь-ка попробуй сразу на все вопросы, возникающие по ходу дела в его «Золотом жуке», «Убийстве на улице Морг» или в «Пропавшем письме», да и в любом другом его произведении! Таким же образом — то есть по нескольку раз — стоит перечесть почти всего По. Способом, который один только и может раскрыть читателю окончательно все потаенные мысли писателя, является внимательное чтение каждой фразы с самого первого слова, а не вскользь. Конец нашего разговора об этом действительно великом и многогранном человеке мог бы наступить еще не скоро, но, увы, уже поздно, поэтому приходится завершать послание; в следующий

раз предлагаю обменяться мнениями о творчестве Марка Твена.

С любовью...

Поскольку Хью никогда раньше не обсуждал с Барбарой творчество Эдгара Аллана По, он был совершенно уверен, что она начнет искать в письме скрытое сообщение. Вопрос был в том, сможет ли она его обнаружить. Тайное послание должно было читаться так:

«ЕСЛИ ТЫ МОЖЕШЬ ПРОЧИТАТЬ ОТВЕТЬ ТАКИМ ЖЕ СПОСОБОМ КОНЕЦ».

Хью уничтожил черновики и задумался. Дело было сделано. Следующая проблема решалась сложнее. Требовался портативный автономный источник освещения. Хью был готов променять свое вечное блаженство за обыкновенный фонарик.

Апартаменты Хью освещались полупрозрачными сферами, расположенными по углам потолка. Принцип работы этих устройств был Хью совершенно непонятен. Они не нагревались, не нуждались, похоже, в проводке и вообще во внешнем источнике питания. А яркость регулировалась небольшими рычажками.

Подобный светильник, только размером с мячик для гольфа, был вмонтирован в ридер. Для того чтобы извлечь его из читающего устройства, Хью пришлось сломать верхнюю панель. В конце концов светящийся шар оказался у него в руках, однако яркость перестала поддаваться регулировке. Это было почти так же плохо, как и отсутствие освещения.

Хью, не долго думая, спрятал импровизированный фонарь под мышкой. Свет пробивался наружу, но уже не с такой силой.

Он удостоверился, что Киска спит, погасил сферы в комнатах, приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Коридор освещался только одним светильником на столбике, находившемся на пересечении проходов, ярдах в пятидесяти. К сожалению, идти нужно было именно в том направлении. Хью не ожидал, что в это время еще работает освещение.

Он дотронулся до накрепко привязанного к левой руке «оружия» — некоего подобия ножа, который он заострил с помощью камня, подобранного возле садовой дорожки. Чтобы довести его до ума, над ним надо

было еще работать и работать. Однако возможности Хью были ограничены: трудиться приходилось украдкой — по ночам, когда Киска уже засыпала, или выкраивать время днем, пренебрегая переводами. Но все-таки иметь хоть какое-то оружие было необходимо, тем более, что оно было для него всем: и ножом, и стамеской, и отверткой, и фомкой.

Нужный Хью люк, ведущий в туннели обслуживания, находился в проходе, отходившем от освещенного перекрестка вправо. В принципе, годился любой люк, но этот был расположен на пути к комнате ветеринара. Так что, если его застигнут, у него будет наготове оправдание, что он идет к врачу.

Крышка люка легко откидывалась на шарнире. Запиралась она защелкой, которую всего-навсего нужно было отодвинуть, чтобы открыть крышку. Хью осветил шахту люка сияющей сферой: дно туннеля находилось на глубине около четырех футов. Он полез вниз и столкнулся с первой неприятностью.

Эти люки и туннели предназначались для людей, которые были на фут ниже и фунтов на пятьдесят легче Хью Фарнхэма. Поэтому диаметр лаза был рассчитан на соответствующую ширину плеч и бедер.

Но он должен одолеть этот чертов туннель!

Хью попытался представить себе, как он будет протискиваться по нему, имея на руках по крайней мере одного грудного ребенка. Но и с этим он обязан справиться. И он справится, обязательно.

Он чуть не устроил себе западню. Буквально в самый последний миг, почти скрывшись в шахте люка, он обнаружил, что на внутренней стороне крышки, абсолютно гладкой, нет никакой ручки, а запор защелкивается снаружи автоматически.

Теперь Хью понял, почему никто не беспокоился по поводу возможного внезапного появления жеребца в помещениях прислуги. Но это было и значительным преимуществом. Хью сразу оценил его.

Если все будет спокойно на другом конце туннеля, то он заберет Барбару, они вчетвером спустятся в туннель, выберутся по нему наружу в любом доступном месте и направятся в горы пешком. Нужно будет отыскать какой-нибудь ручей и часть пути пройти по воде, чтобы сбить со следа собак.

Итак, вперед и только вперед! Без пищи, практически с голыми руками, если не считать самодельного ножа, без какого-либо снаряжения, кроме еды и «ночной рубашки», и без всякой надежды на лучшее... Вперед! Нужно или спасти семью, или погибнуть вместе с ней. Но погибнуть свободным!

Кто знает, может быть, в один прекрасный день его сыновья-близнецы, которые, закалившись в борьбе за существование, наверняка будут в чем-то мудрее его, возглавят восстание против царящих здесь ужасов. Но все, что было в его силах сделать, все, на что он мог надеяться, — это освободить детей, не дать умереть им с голоду и постараться вырастить их сильными, гордыми, настоящими мужчинами.

Таковы были его планы. Он не стал терять ни минуты на сетования по поводу пружинного запора. Все равно попасть к Барбаре сейчас было невозможно. Ему нужно сначала связаться с ней и назначить время, потому что ей самой придется возиться с люком на своем участке туннеля. А сегодня он должен только провести рекогносцировку.

Лента, которой его нож был привязан к руке, как выяснилось, прекрасно удерживала запор в открытом положении. Он попробовал: защелка не выдвигалась. Теперь крышку можно было открыть изнутри.

Но ставший почти звериным инстинкт самосохранения подсказал ему: лента может не выдержать до тех пор, пока он вернется, и тогда он окажется в ловушке.

Следующие полчаса он в поте лица ковырял защелку ножом и пальцами. В конце концов ему удалось сломать пружину. Тогда он полностью вынул защелку. Люк внешне выглядел абсолютно нормально, но теперь его можно было открыть изнутри простым толчком.

Закрыв над головой люк, он спустился вниз и попробовал ползти по туннелю на четвереньках, держа светильник в зубах, но почти сразу остановился. Проклятый балахон мешал ему двигаться. Он подоткнул его до талии, но балахон упорно сползал обратно. Тогда он вернулся к шахте люка, снял с себя упрямое одеяние, оставил его здесь и, обнаженный, с привязанным к руке ножом и светильником во рту, снова устремился к цели. Теперь продвигаться стало легче, но полностью встать на четвереньки ему так и не удалось. Руки в локтях приходилось сгибать и ползти на карачках, с

неудобно задранным задом. «Приятным сюрпризом» оказались места пересечения трубопроводов, которые Хью преодолевал буквально на брюхе.

Было трудно определить осиленное расстояние. Однако, как выяснилось, через каждые тридцать или около того футов в стенах туннеля имелись стыки. Он стал считать их и попытался в уме сопоставить пройденное расстояние со схемой.

Вот уже позади два люка... Поворот налево и перекрестный туннель под следующим люком... Проползти еще около ста пятидесяти футов и повернуть направо...

Приблизительно через час он оказался под люком, который, по его мнению, был ближайшим к Барбаре.

Если только он не заблудился в недрах Дворца... Если он правильно помнил сложную схему... Если схема была точной (может быть, за последние две тысячи лет все-таки научились своевременно вносить поправки в чертежи?)... Если только Киска не ошиблась в определении местонахождения Барбары... Если Барбара еще находилась там же...

Скрючившись в немыслимой позе, он приложил ухо к крышке люка и уловил детский плач.

Минут через десять он услышал над головой баюканье, кто-то прошел мимо, затем вернулся и встал на крышку.

Хью напрягся и приготовился к отступлению. Места было так мало, что самым разумным казалось ползти задом наперед, таким способом он и пытался продвигаться.

Но это было настолько неудобно, что он вернулся к шахте и там, ценой невероятных усилий и ободранной кожи на боках, сумел развернуться...

Обратный путь показался ему вечностью. Он даже решил, что заблудился, и начал раздумывать, от чего умрет скорее — от голода или от жажды. Или, может быть, какой-нибудь ремонтник утром испытает нервное потрясение, обнаружив его здесь?

Тем не менее он упорно продолжал ползти.

Руки его наткнулись на балахон раньше, чем он разглядел его. Пятью минутами позже он был одет, а через семь минут уже стоял в коридоре.

Он буквально заставил себя не пуститься бегом в свои апартаменты.

Киска не спала.

Он и не подозревал об этом до тех пор, пока она не вошла вслед за ним в ванную. Широко раскрыв глаза, Киска с ужасом произнесла:

— О дорогой мой! Бедные колени! Бедные локти!

— Я споткнулся и упал.

Она не стала спорить, а только настояла на том, что сама вымоет его и смажет ссадины. Когда затем она направилась было к его грязной одежде, он резко приказал ей отправляться в постель. Он ничего не имел против того, чтобы она занялась его балахоном, но в нем лежал его нож; ему и так пришлось долго маневрировать, заслоня собой замызганное рубище, прежде чем удалось прикрыть нож складками одежды.

Киска молча удалилась. Хью спрятал нож, вернулся в комнату и обнаружил, что малютка плачет. Он стал гладить ее и виноватым тоном сказал, что не хотел быть с ней грубым, потом налил ей в утешение дополнительную порцию Счастья. Затем он посидел с ней до тех пор, пока она не забылась в безмятежном сне.

После выпавших на его долю испытаний он даже и не стал пытаться заснуть без наркотика. Киска дремала, выпростав одну руку из-под одеяла. Ее ручка зримо напомнила Хью о той, которую он видел полдня назад в разделочной.

Он совершенно выбился из сил, и напиток сразу же усыпил его. Но покоя не было и во сне. Ему приснилось, что он на званом обеде, при черном галстуке и одетый соответствующим образом. Но вот только меню ему что-то не нравилось. Венгерский гуляш... французское жаркое... мясо по-китайски... сэндвичи с мясом... фазанья грудинка... — но все это было жирной свининой. Хозяин дома настаивал, чтобы он пробовал каждое блюдо. «Ну же, ну! — подбадривал он с ледяной улыбкой на устах. — Откуда вы знаете, что вам это не понравится? Один бычок трех сбережет. Вы должны полюбить такую пищу.»

Хью стонал во сне, но никак не мог проснуться.

Утром Киска ни о чем не спрашивала, за что совершенно разбитый Хью был ей весьма признателен. Двух часов кошмарного сна было явно недостаточно, но он должен был идти в свой кабинет и делать вид, что

работает. Там он просто сидел, уставившись на схему над рабочим столом, и даже не пытался смотреть на экран включенного ридера. После ленча он ускользнул к себе и попытался вздремнуть. Но в дверь осторожно постучал инженер и, рассыпавшись в извинениях, попросил взглянуть на смету холодильной установки. Хью налил гостью щедрую дозу Счастья и сделал вид, что внимательно изучает ничего не говорящие ему цифры. Когда прошло достаточное количество времени, он похвалил молодого человека и написал Мемтоку записку, в которой рекомендовал смету к утверждению.

В письме Барбары, которое он получил вечером, всячески приветствовалась идея организации литературно-дискуссионного клуба по переписке и содержались весьма интересные мысли о творчестве Марка Твена. Но Хью интересовали только первые слова предложений:

«Я ПРАВИЛЬНО ПОНЯЛА ТЕБЯ МИЛЫЙ ВОПРОС».

Глава девятнадцатая

«ДОРОГАЯ МЫ ДОЛЖНЫ БЕЖАТЬ НА ТОЙ НЕДЕЛЕ ИЛИ ДАЖЕ РАНЬШЕ БУДЬ ГОТОВА В НОЧЬ ПОСЛЕ ПИСЬМА СОДЕРЖАЩЕГО СЛОВА СВОБОДА ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОДИНОЧЕСТВО».

В течение следующих трех дней письма Хью к Барбаре были длинными, и в них обсуждалось все, что угодно, начиная с того, как Марк Твен пользуется лексическими идиомами, и кончая влиянием прогрессивных методов обучения на расшатывание грамматических норм. Ее ответы, продолжавшие литературную тематику, также были пространными. В них подтверждалось, что она все поняла и в назначенное время будет готова открыть люк, сообщалось, что у нее нет ни запасов продовольствия, ни обуви, но последнее не беда, так как подошвы ее ног сильно огрубели, и что единственное, о чем она беспокоится, — это чтобы не расплакались близнецы или не проснулись ее соседки по комнате, особенно две из них, которые еще кормят своих детей по ночам грудью. Но пусть Хью ни о чем не беспокоится — она постарается все устроить.

Хью решил спрятать бутылку Счастья в люке, ближайшем к комнате Барбары. В письме он велел ей сказать товаркам, что она украла ее, и напоить их так, чтобы они не просыпались, а также дать и близнецам

немного, чтобы те не плакали, в какие бы передрыги ни попали.

Лишний раз рисковать, относя бутылку, Хью смертельно не хотелось. Но он ухитрился извлечь из этой вылазки пользу. Он не только засекал время и запомнил все изгибы лабиринта до мельчайших подробностей, но и взял с собой набитый свитками куль, который наверняка был значительно тяжелее ребенка. Куль он привязал к груди полоской материи, оторванной от чехла, закрывавшего ридер. Две такие подвязки, одну для себя, другую для Барбары, он изготовил с учетом того, чтобы привязанного ребенка можно было нести и за плечами.

Эксперимент показал, что транспортировать детей таким способом довольно трудно, но возможно. Хью отметил для себя места, где нужно быть особенно осторожным и продвигаться потихоньку, чтобы не придавить «драгоценную ношу» и не зацепиться за что-нибудь.

Отрепетировав бегство и убедившись, что принципиальных трудностей нет, он вернулся к себе. Киска на сей раз не проснулась — он предусмотрительно угостил ее чрезмерной дозой Счастья.

Хью вернул на место свитки, спрятал нож и светильник, промыл колени и локти и смазал их, затем сел и написал длинное дополнение к предыдущему письму Барбаре, в котором объяснил, как найти бутылку. В послании высказывались некоторые соображения по поводу философских воззрений Хемингуэя и отмечалось, что, как ни странно, в одном из своих произведений писатель говорит, что «свобода — это прежде всего одиночество», а в другом утверждает прямо противоположное...

На следующий вечер он вновь дал Киске усиленную дозу Счастья, сказав, что в бутылке осталось совсем немного и ее нужно допить, а завтра он принесет новую.

— Но тогда я совсем поглупею, — пробормотала Киска. — И перестану нравиться вам.

— Пей, пей! И не говори чепухи. Для чего же и жить, как не для удовольствия?

Через полчаса Киска уже не могла без посторонней помощи добраться до постели. Хью побыл с нею до

тех пор, пока она не начала всхрапывать. Потом встал, бережно прикрыл ее одеялом, поцеловал на прощание и некоторое время постоял, с жалостью глядя на малытку.

Через несколько минут он уже спускался в люк.

Там он снял балахон, сложил в него все, что ему удалось достать, — пищу, обувь, парик, две баночки с кремом, в который был добавлен коричневый пигмент. Хью не очень-то рассчитывал на грим и особо не верил в него, но, если рассвет их застигнет до того, как они дойдут до гор, он собирался загримировать всех, сделать из балахонов какое-то подобие штанов и накидки, которые, как ему было известно, были обычной одеждой свободных крестьян и Избранных — «нищего черного отребья», как называл их Джо, — и попытаться продержаться таким образом до темноты.

Одну из подвязок он нацепил на себя, другую положил в тючок и пополз. Он торопился, так как время теперь решало все. Если даже Барбаре удастся подпоить товарок, если повезет без осложнений спуститься в туннель, если передвижение по нему займет не более часа (что проблематично при наличии детей), — все равно им не выбраться за пределы имения раньше полуночи. В распоряжении у них будет всего пять часов до рассвета, за которые они должны добраться до гор. Интересно, смогут ли они продвигаться со скоростью три мили в час? Вряд ли, поскольку обуви у Барбары нет, на руках у них будут близнецы, местность им незнакома, а ведь идти придется в темноте.

Горы, как он предполагал, начинались милях в пятнадцати от имения. Им предстояло очень тяжелое путешествие, даже если события будут разворачиваться по плану.

Хью протискивался по туннелю, не жалея локтей и коленей...

Добравшись до места, где была припрятана бутылка, он с удовлетворением отметил, что она исчезла. Тогда он расположился поудобнее и, стараясь унять бешено бьющееся сердце, попытался замедлить дыхание, расслабиться и ни о чем не думать.

Это помогло. Он начал даже впадать в легкую дремоту, но мгновенно пришел в себя, увидев, как поднимается крышка люка.

Барбара действовала совершенно бесшумно. Она передала ему одного из сыновей, которого он сразу же положил подальше в туннель, затем второго — он разместил его рядом с первым. Потом протянула трогательный маленький узелок с пожитками и прикрыла крышку люка.

Как только Барбара оказалась внизу, он поцеловал ее.

Она, всхлипывая, прильнула к нему. Хью сурово прошептал ей на ухо, чтобы она не шумела, и объяснил, что делать. Она тут же затихла: им предстояла нелегкая работа.

В тесной шахте подготовиться к продвижению было мучительно трудно. Здесь негде было развернуться и одному, не говоря уже о двоих. Только безвыходность положения позволила им сделать все, что нужно. Сначала Хью помог Барбаре снять короткое одеяние, которое носила прислуга, затем она легла ногами в туннель, и он привязал к ней одного из близнецов, основательно затянув узлы. Укрепив второго ребенка на себе, он соорудил из одежды Барбары узелок и привязал его рукавами к своей левой лодыжке, чтобы при движении тот волочился за ним.

Когда все это было закончено (ему показалось, что прошли часы), Барбара отползла еще дальше назад, и он, с невероятными усилиями развернувшись в узкой шахте люка, ухитрился оказаться в нужном положении в туннеле, не ушибив при этом маленького Хьюги. Или, может быть, это был Карл Джозеф? Он забыл спросить. Во всяком случае, почувствовав теплое тельце ребенка, прижатое к его собственному телу, услышав мирное посапывание мальчика, Хью ощутил прилив свежих сил и отваги. Видит Бог, они справятся! Всякий, кто встанет у них на пути, погибнет!

Он пополз вперед, держа светильник в зубах и стараясь передвигаться как можно быстрее. Он не задерживался, чтобы подождать Барбару, так как заранее предупредил ее, что не остановится, если она не позовет его.

Она так ни разу и не окликнула его. Однажды с его ноги соскользнул узелок. Они приостановились и Бар-

бара снова привязала его. Это и стало их единственной передышкой. Скорость перемещения была неплохой, но Хью снова показалось, что прошла целая вечность, прежде чем они наткнулись на торбу с припасами, которую он оставил возле своего люка.

Отвязав детишек, измученные беглецы перевели дух.

Хью помог Барбаре приспособить перевязь так, чтобы ребенка теперь можно было нести на спине, и объединил их припасы в один общий узел, оставив при себе нож, балахон и светильник. Он показал ей, как нужно держать светящийся шарик во рту, чтобы наружу пробивался только тоненький лучик света, и передал его Барбаре.

— Ты похожа на привидение, — прошептал он. — А теперь слушай внимательно. Я сейчас вылезу. Будь готова передать мне одежду. Я должен произвести разведку.

— Я могу помочь тебе одеться прямо здесь.

— Нет. Если меня застукают выбирающимся из люка, будет драка и балахон замедлит мои движения. Да он, в принципе, и не понадобится до тех пор, пока мы не дойдем до кладовой, где у меня намечена следующая остановка. Если наверху все тихо, то ты должна будешь осторожно передать мне наши пожитки и ребенка. Учти, потом тебе придется нести и его, и наши вещи, — мне нельзя занимать руки. Понимаешь, милая, я не хотел бы никого убивать, но если кто-нибудь встанет нам поперек дороги, ему несдобровать. Ты понимаешь меня?

Она кивнула.

— Значит, я понесу все? Хорошо, мой повелитель, я вполне справлюсь.

— До кладовой недалеко, и, скорее всего, по пути мы никого не встретим. Как только мы окажемся снаружи, я возьму у тебя часть вещей и посмотрим, не подойдут ли тебе мои сандалии.

— За мои ноги не беспокойся, с ними все будет в порядке.

— В таком случае будем надевать сандалии по очереди. У кладовой мне придется заняться замком на двери — с неделю назад я заметил там арматуру. Она должна быть на месте. Короче говоря, я сломаю

замок, а потом мы быстро-быстро двинемся в путь. Наше исчезновение обнаружится только за завтраком, потом потребуется некоторое время, чтобы удостовериться в нашем побеге, и еще больше времени, чтобы организовать погоню. Так что если не случится ничего непредвиденного, фора у нас солидная.

— Конечно, мы успеем.

— И еще одно... Когда я возьму у тебя одежду и закрою крышку, оставайся на месте. Сиди тихо и не выглядывай из люка.

— Хорошо.

— Меня может не быть примерно час. Не исключено, что придется симулировать боль в животе и зайти к ветеринару. Тогда я вернусь, как только смогу.

— Ладно.

— Барбара, в крайнем случае, тебе придется ждать двадцать четыре часа. Не дай Бог, конечно. Ты сможешь столько пробыть здесь и все это время не давать малышам плакать? Если потребуется?

— Я готова на все, Хью.

Он поцеловал ее.

— А теперь спрячь светильник. Я хочу выглянуть наружу.

Хью чуть приподнял крышку и снова опустил ее.

— Очень удачно, — прошептал он. — Даже фонарь погасили. Ну, я пошел. Будь готова передать мне вещи. Но прежде всего Джо. И смотри не выдай себя ничем.

Он поднял крышку, беззвучно откинул ее, подтянулся и выбрался в коридор.

Яркий луч света ударил ему прямо в глаза.

— Довольно, — сухо сказал кто-то. — Ни с места.

Хью настолько молниеносно ударил ногой по руке, державшей хлыст, что обладатель не успел им воспользоваться. Хлыст отлетел в сторону. Хью рванулся и нанес подстерегавшему два сокрушительных удара ребром ладони — именно так, как описывалось в учебнике. Этого оказалось достаточно, чтобы сразить противника наповал.

Хью наклонился над люком.

— Давай! Быстро!

Барбара подала ему ребенка, затем вещи. После этого он протянул ей руку и помог выбраться наверх.

— Посвети, — прошептал он. — А то его фонарь погас, а мне нужно избавиться от тела.

Она посветила ему.

Мемток...

Хью с горестным изумлением покачал головой, опустил тело в люк и закрыл крышку. Барбара была уже наготове: один ребенок прочно привязан за спиной, второй — в левой руке, в правой — вещи.

— Пошли! Иди за мной, не отставай! Меняем планы!

Он дошел до перекрестка, нащупывая рукой дорогу, вдоль стены.

В кромешной тьме Хью так и не понял, откуда его достали разрядом хлыста. Нестерпимая жгучая боль пронзила все его тело, и он провалился в беспамятство.

Глава двадцатая

Долгое время мистер Хью Фарнхэм не чувствовал ничего, кроме боли. Когда она немного отпустила его, он обнаружил, что находится в камере, наподобие той, в которой он провел первые дни в имении Лорда-Протектора.

Он пробыл в ней три дня. По крайней мере, так ему показалось, потому что кормили его за это время шесть раз. Перед раздачей пищи его обволакивала невидимая «паутина», кто-то входил, оставлял пищу, менял парашу и уходил. Слуга, который делал все это, не отвечал ни на какие вопросы.

На четвертый день, утром, в камеру вошел его старый знакомый и «кузен» Главный Ветеринар. У Хью были более чем веские основания подозревать о причине его визита, и он стал требовать, чтобы его отвели к Лорду-Протектору, перейдя в конце концов на крик.

Врач никак не отреагировал на его бурное возмущение. Он вколол что-то Хью в бедро и вышел.

Хью с облегчением отметил, что сознания он не потерял, но, когда поле исчезло, он почувствовал, что все равно не может шевельнуться и впадает в тяжелое оцепенение. Через некоторое время вошли двое слуг, подняли его и положили в какой-то ящик, похожий на гроб.

Хью смутно ощущал, что его куда-то несут. Тряски он не испытывал и только дважды почувствовал, как ящик куда-то поднимали. Затем ящик поставили и через несколько минут (часов? дней?) подхватили и снова понесли. В конце концов он оказался в другой камере, которая отличалась от первой только тем, что стены в ней были светло-зелеными, а не белыми. Вскоре состояние оцепенения покинуло его, но, когда слуга принес пищу, Хью снова был опутан паутиной невидимого поля.

Однообразное, аморфное существование длилось сто двадцать два кормления. Хью отмечал их число ногтем на стене. Это занятие отнимало у него ежедневно (если два приема пищи соответствовали дню) не более пяти минут. Остальное время он беспомощно размышлял о судьбе Барбары и детей или спал. Сон был гораздо хуже бодрствования, потому что во сне он снова и снова совершал побег, и каждый раз его ловили — правда, всегда в разных местах. Вновь и вновь ему приходилось убивать своего друга Главного Управляющего. Дважды во сне им удавалось добраться до самых гор, прежде чем их настигала погоня. Но рано или поздно их все равно ловили. В этот момент Хью обычно с криком просыпался, зовя Барбару.

Больше всего он беспокоился о ней и о близнецах, хотя малыши были для него какими-то не совсем реальными.

Ему ни разу не приходилось слышать, чтобы прислугу за что-нибудь серьезно наказывали. Но ему также никогда не приходилось слышать о прислуге, совершившей побег, который к тому же еще и отягощен убийством. Так что Хью пребывал в полном неведении о судьбе близких. Он знал только одно — что Лорд-Протектор предпочитает к столу мясо прислуги.

Он старался убедить себя, что старик Понс ничего не сделает с прислугой, которая кормит грудью, — а кормить ей предстояло еще долго. Прислуга обычно растит детей до двух лет, как ему было известно со слов Киски.

Он беспокоился и о Киске. Не накажут ли малышку за то, к чему она практически не имела никакого отношения? И опять он ни в чем не мог быть уверен. В этом мире существовало свое понимание справедли-

вости, подчас странное и абсурдное для цивилизованного человека того далекого прошлого, в котором когда-то жил Хью. Отправление же правосудия вообще оставалось для него тайной за семью печатями.

Большую часть времени он проводил в «конструктивном» самобичевании, то есть размышлял о том, что ему следовало бы сделать, а не о том, что он сделал.

Теперь он видел, что его планы были просто смехотворными. Ему не стоило так быстро поддаваться панике и торопиться с побегом. Куда лучше было бы упрочить связи с Джо, ни в чем не противоречить ему, играть на его тщеславии, работать на него, а тем временем добиваться, чтобы он согласился откупить Барбару и ее детишек. Джо был располагающим к себе человеком, а старый Понс — весьма щедрым, поэтому он мог бы даже не продавать Джо трех бесполезных слуг, а просто подарить их. Тогда мальчикам на протяжении многих лет ничего не угрожало бы, а со временем Хью вполне мог бы рассчитывать стать доверенным слугой, занимающимся деловыми операциями и имеющим право свободного доступа куда угодно по делам своего повелителя. В таком случае он изучил бы все пружины, приводившие в действие механизмы этого мира, как никакой другой домашний слуга, и уж тогда наверняка смог бы спланировать побег, который оказался бы удачным.

Какое бы общество ни создал человек, напомнил он себе, в нем всегда можно добиться успеха. Слуга, имеющий дело с деньгами, всегда найдет способ немного украсть. Возможно, здесь тоже существовало что-то вроде «подпольной железной дороги», по которой беглецов переправляют в горы. Как все-таки глупо, что он поторопился!

Обдумывал он и другие перспективы, более широкие, — восстание рабов, например. Он представлял себе туннели, использующиеся не для побега, а как место, где тайно обучают грамоте; слышал произносимые шепотом клятвы, делающие давших их кровно связанными с определенным Избранным, против имени которого вытягивался длинный перечень преданных общему делу убийц. Он так и видел слуг, торопливо превращающих куски металла в ножи.

Эта «конструктивная» мечта нравилась ему больше всего. Но почему-то слабо верилось в то, что она может воплотиться. Неужели эти покорные овцы когда-нибудь созреют для восстания? Правда, его отнесли к тому же виду, но исключительно из-за цвета кожи. На самом же деле он и слуги были совершенно разной породы. Столетия направленной селекции сделали свое дело: Хью отличался от любого представителя этой безликой массы так же, как лесной волк от комнатной собачки.

И все же... И все же откуда ему знать? Ведь он общался только с оскопленными слугами да с Киской. Неизвестно еще, как влияло на боевой дух мужчин то, что они лишались больших пальцев в самом раннем возрасте и что их постоянно подгоняли хлыстами.

Часто Хью размышлял над вопросами расового неравенства или, вернее, об абсурдной идее «расового равенства». Никто ведь не подходил раньше к этой проблеме с научной точки зрения. Слишком много эмоций обуревало и ту и другую сторону. Никому не нужны были объективные данные.

Хью вспомнил район Пернамбуко, который он посетил, отбывая службу на флоте. Владельцами богатых плантаций там были преисполненные собственного достоинства, выхоленные, получившие образование черные, в то время как слугами и рабочими на их полях — плутоватыми, задиристыми, явно не способными ни на что другое, кроме как батрачить, — были белые. Хью редко решался рассказывать этот анекдот в Штатах: ему не верили даже те из белых, которые кичились тем, что являются сторонниками «движения за оказание помощи американским неграм в самосовершенствовании». У Хью создалось впечатление, что почти все эти «гуманные» сердца желали неграм самосовершенствоваться только до собственного уровня, но полное уравнивание в правах с чернокожими они были бы не в состоянии пережить.

Хью знал, что положение вещей может быть совершенно иным. Когда-то он видел неравенство... — теперь ему пришлось испытать его на собственной шкуре.

Знал Хью и то, что даже в проблеме расовой принадлежности все было не так просто. Многие граждане Рима были черны как смоль, а многие рабы могли

бы быть приведены Гитлером в качестве эталона арийской расы. Поэтому в крови любого белого наверняка была примесь негритянской крови. Как же звали того сенатора с юга, который сделал себе карьеру на пропаганде доктрины о превосходстве белого человека?.. Хью узнал забавный факт: этот человек умирал от рака и перенес такое множество переливаний крови, что можно было говорить уже не о малой толике негритянской, а о целой бочке ее. Флотский хирург рассказывал об этом Хью и изложил историю потом в своих медицинских статьях.

Хью решил, что вся эта сложная проблема расовых различий вряд ли будет когда-нибудь проанализирована объективно, потому что почти никому не нужна правда.

Взять хотя бы простой пример. Хью, как и большинство его современников, считал, что негры в общем-то были лучшими, чем белые, певцами. И те же самые люди, которые громче других кричали о «равенстве рас», будь то негры или белые, казалось, были просто счастливы признать, что чернокожие хотя бы в этом обладают превосходством. Поэтому все заверения в стремлении к равенству, с какой бы стороны они ни звучали, были столь же лицемерными, как заповедь из «Скотного Двора» Оруэлла, гласившая: «Все животные равны, но некоторые из них равны более, чем остальные».

Что ж, он-то знал, кто сейчас считается представителем «низшей расы», несмотря на то что статистически тоже имеет свою примесь черной крови. Этого парию зовут Хью Фарнхэм. Теперь он был полностью согласен с Джо: если уж возможности неравны, то лучше оказаться наверху!

На шестьдесят первый день (если он действительно был таковым), проведенный им в камере, за ним пришли, вымыли его, остригли ногти, умастили тело ароматическим кремом и представили пред очи Лорда-Протектора.

Хью испытывал унижение от своей вынужденной наготы, но справедливо заключил, что это оправданная

мера: следовало предупредить малейшее угрожающее движение пленника, который столь опасен, что может убивать даже голыми руками. Сопровождали его два молодых Избранных, которые, как решил Хью, были военными. Их хлысты, отличные от «погонялок» слуг, явно не были бутафорскими.

Путь в апартаменты Их Милости оказался неблизким: здание, похоже, было огромным. Комната, куда они в конце концов пришли, весьма походила на покои Понса в Летнем Дворце, где Хью когда-то играл в бридж. Из большого окна открывался вид на широкую реку.

В комнате находился сам Лорд-Протектор, тут же были близнецы, которые ползали по полу, и Барбара, скованная невидимыми путами, в которые, войдя, попал сразу и Хью.

Она улыбнулась ему, но ничего не сказала. Он внимательно оглядел ее. Барбара казалась целой и невредимой, только немного похудела, да под глазами у нее были темные круги.

Он хотел заговорить, но она движением головы предостерегла его. Тогда Хью взглянул на Лорда-Протектора и обнаружил, что рядом с ним расположился Джо, а Грейс с Дьюком, демонстративно не обращая внимания на происходящее, жуют Счастье и увлеченно играют в карты в углу комнаты. Он перевел взгляд на Их Милость.

Судя по всему, тот перенес тяжелую болезнь. В помещении было тепло — Хью не испытывал холода и нагишом, — однако Понс был тщательно укутан, плечи его покрывала шаль. Выглядел он глубоким стариком.

Но когда он заговорил, оказалось, что голос его не потерял звучности и силы.

— Можешь идти, капитан. Мы отпускаем тебя.

Эскорт удался. Их Милость окинул Хью печальным взглядом. Наконец он сказал:

— Ну что, парень, наделал ты дел, а? — Он опустил глаза, поиграл с чем-то у себя на коленях. Хью увидел, что это белая мышь. Внезапно он почувствовал к ней симпатию. Похоже было, что мышке не нравилось сидеть на коленях у Понса, но и бежать было

некуда, так как на полу ее подстерегали коты — Мэг наблюдала за ней с нескрываемым интересом.

Хью не ответил. Вопрос показался ему чисто риторическим. Тем не менее он был удивлен. Понс накрыл мышку ладонью и взглянул на Хью.

— Что же ты молчишь? Скажи что-нибудь.

— Вы говорите по-английски?..

— Не нужно глупо таращить глаза. Я ведь ученый, Хью. Неужели ты думаешь, что я могу окружить себя людьми, говорящими на языке, которого я не знаю? Да, я говорю на нем и читаю. Я каждый день занимался с опытнейшими преподавателями плюс разговорная практика с ходячим словарем, — он кивнул в сторону Грейс. — Или ты полагаешь, что мне не хочется самому прочитать все свои книги, не завися при этом от сделанных тобою тяп-ляп переводов? Я дважды прочел «Сказки просто так» — они очаровательны. И сейчас читаю «Одиссею». — Он снова перешел на Язык. — Но мы здесь не для того, чтобы беседовать о литературе. — Поданный Понсом знак был почти незаметен, но в комнату тут же вошли четверо слуг. Они поставили перед Их Милостью стол, разложили на нем какие-то вещи. Хью узнал их: самодельный нож, парик, две баночки с кремом, пустая бутылка из-под Счастья, маленькая сфера, уже погасшая, пара сандалий, два балахона — один длинный, другой короткий, оба измятые и грязные, — и на удивление высокая стопка бумаг, тоже изрядно потрепанных.

Понс посадил мышку на стол, переложил несколько вещей с места на место и задумчиво сказал:

— Я не так глуп, Хью. Имея дело со слугами всю жизнь, я раскусил тебя раньше, чем ты сам утвердился в своем решении. Такого человека, как ты, нельзя помещать вместе с преданными слугами, — это приводит к их разложению. У них тут же начинают появляться разные ненужные мысли. Я сам собирался дать тебе возможность бежать, как только ты перестанешь быть мне нужен. Так что тебе не следовало торопиться с побегом.

— Неужели вы думаете, что я поверю в это?

— Какая разница, поверишь ты или нет? Я просто не мог бы держать тебя слишком долго: одно гнилое яблоко портит остальные, как любил говорить мой

дядя. Не мог я и продать тебя, потому что какой-нибудь ни о чем не подозревающий человек заплатил бы немалые деньги за слугу, способного подорвать устои всего его хозяйства. Нет, мне определенно пришлось бы дать тебе возможность бежать.

— Даже если и так, я бы никогда не убежал без Барбары и сыновей.

— Я же говорю тебе: я не дурак. Будь добр, запомни это. Я как раз и собирался использовать Барбару и ваших очаровательных малышей как средство вынудить тебя бежать, но только когда я счел бы это необходимым. А ты все испортил. Теперь я должен наказать тебя в назидание другим слугам. Это пойдет им на пользу. — Он нахмурился, взял в руки грубый нож. — Плохо сбалансирован. Хью, неужели ты всерьез рассчитывал добыть свободу с таким жалким оружием в руках? Ты даже не разжился обувью для своей несчастной подруги. А если бы ты немного подождал, тебе была бы предоставлена возможность украсть все, что необходимо.

— Понс, вы играете со мной, как с этой мышкой. Ведь на самом деле вы вовсе не собирались способствовать моему побегу, по крайней мере, настоящему побегу. Я в конце концов оказался бы на вашем столе.

— Перестань! — На лице старика появилась гримаса неудовольствия. — Хью, я нездоров: кто-то опять пытался отравить меня — скорее всего племянник, — и на сей раз это ему почти удалось. Поэтому не нужно противоречить мне — у меня начинаются спазмы в животе. — Он окинул Хью оценивающим взглядом: — Жесткий, старый, дикий жеребец — это дрянь. Слишком воняет. Кроме того, джентльмен никогда не станет есть члена своей семьи, какой бы проступок тот ни совершил. Так что давай оставим этот дурной тон. У тебя нет никаких оснований держаться вызывающе. Ведь я не сержусь на тебя, просто ты сорвал мои планы. — Он взглянул на близнецов и сказал: — Хьюги, перестань дергать Мэг за хвост. — Голос его не был ни громок, ни строг, но ребенок тут же повиновался. — Вот эти двое наверняка были бы хороши на вкус, однако они принадлежат к моей семье. Но даже будь они чужими, все равно я нашел бы им другое применение. Они так милы и так похожи друг на

друга... Да, раньше в моих планах им была уготована иная, лучшая судьба. Пока не стало ясно, что они необходимы для того, чтобы вынудить тебя бежать. — Понс вздохнул. — Я вижу, что ты по-прежнему не веришь ни единому моему слову, Хью. Ты просто не понимаешь системы. Впрочем, слугам этого не дано. Тебе не приходилось выращивать яблоки?

— Нет.

— Так вот, хорошее, вкусное яблоко, твердое и сладкое, никогда не вырастает само по себе. Такой плод может появиться только в результате кропотливой селекционной работы над дичком, подчас таким мелким и кислым, что он не годится даже на корм скоту. Кроме того, требуется еще особый уход и защита. С другой стороны, слишком ухоженные растения могут потерять упругость, стать рыхлыми, мягкими — выродиться, одним словом... Это палка о двух концах. И подобная проблема постоянно возникает со слугами. Нужно неустанно удалять возмутителей спокойствия, не давать им возможности плодиться. Однако эти же самые возмутители спокойствия, особенно наиболее ретивые из них, являются бесценным генетическим фондом, который нельзя разбазаривать. Поэтому тех бунтарей, которые становятся смутьянами неосознанно, мы безжалостно выкорчевываем, — чаще всего просто кастрируем. Самых же закоренелых — таких, как ты — мы понуждаем бежать. Если им удастся выжить, — а некоторым это удастся, — мы в конце концов захватываем беглецов и их потомство и немного позже сознательно обновляем дикой кровью вырождающуюся генетическую линию. Наш несчастный друг Мемток появился на свет как раз в результате такого скрещивания. Он был на четверть дикарем — само собой разумеется, он и не подозревал об этом — и прекрасным жеребцом, который отлично помог улучшить линию. Но слишком долго держать слугу в жеребцах опасно. Тогда его ознакомили с преимуществами, даваемыми оскоплением. Большинство моих старших слуг имеют примесь дикой крови. Некоторые из них — сыновья Мемтока. Например, инженер. Нет, Хью, ты никогда не оказался бы ни на чьем столе. И тебя не стали бы кастрировать. Я бы с удовольствием держал тебя при себе как

ручного: ты забавен и к тому же отличный партнер по бриджу. Но я не мог позволить тебе долго находиться в контакте с верными слугами, даже изолировав тебя нелепым титулом. Вскоре ты, видимо, установил бы связь с подпольем.

От изумления Хью даже открыл рот.

— Что, удивлен, а? Но ведь там, где существуют классы угнетателей и угнетенных, всегда есть подполье. Именно всегда, потому что, когда оно отсутствует, умные правители создают его искусственно. Однако, поскольку оно имеется, мы следим за ним, подчиняем его и используем. Среди старших слуг связником является ветеринар, которому абсолютно все доверяют и который совершенно бесстыдно лишен сентиментальности. Мне лично он несимпатичен. Если бы ты доверился ему, то получил бы указания, советы и помощь. А я бы с радостью использовал тебя на покрытие хотя бы сотни прислуги, а потом отпустил бы на все четыре стороны. Чего ты удивляешься? Даже Их Превосходительство, чтобы предотвратить вырождение, держит жеребцов, которым приходится нагибаться, входя в помещение для случки, — а ведь всегда существовала опасность, что ты и эти два очаровательных младенца погибнут и в результате ваш замечательный генетический потенциал будет безвозвратно утрачен. — Их Милость поднял стопку доставленных Киской записок. — Вот это... От моего Главного Управляющего требовалось только удерживать тебя от опрометчивых поступков. Ведь он не знал о тайных функциях ветеринара. Мне даже пришлось немного нажать на Мемтока, чтобы получить эти копии, — и это в то время, когда любой догадался бы уже, что жеребец с таким нравом, как у тебя, всегда найдет возможность связаться со своей подругой. Мои подозрения по поводу твоей пронырливости переросли в уверенность, когда ты предложил ее в качестве партнера. Это была наша с ней первая игра в бридж, помнишь? Может быть, и нет. Но после я послал за Мемтоком, и точно, ты уже, оказывается, давно начал переписку. Хотя сначала они не хотели в этом признаваться, потому что вовремя не доложили.

Хью почти не слушал. Он не мог отогнать от себя мысль о том, что подобные вещи рассказывают только

жертве. Никто из них четверых из этой комнаты живым не выйдет. Впрочем, скорее всего, это не касается близнецов. Ведь Понсу нужна свежая кровь. Но он и Барбара... — у них наверняка даже не будет возможности перемолвиться словечком перед смертью.

А Понс тем временем говорил:

— Но у тебя есть еще шанс исправить ошибки. А ты их наделал немало. Одна из написанных тобою записок, по словам моих ученых, была слишком бессмысленной. И тогда я понял, что ты занялся тайнописью и что-то замышляешь. После этого все письма подвергались тщательному исследованию. И, конечно же, мы нашли ключ к твоему коду — впрочем, его и кодом-то трудно назвать, настолько он наивен. Но если бы ты знал, Хью, чего нам это стоило! Мемток всегда недооценивал дикарей, он даже представить себе не мог, на что они способны, когда их загоняют в угол. — Понс нахмурился. — Черт бы тебя побрал, Хью, твоя безжалостность мне дорого обходится. Я не продал бы Мемтока и за десять тысяч бычков, да и за двадцать, пожалуй, тоже. А теперь и твоя жизнь висит на волоске. Ну, обвинение в попытке к бегству — это еще полбеды. Обойдемся легким наказанием на глазах других слуг. Этого вполне будет достаточно. Уничтожение собственности хозяина можно скрыть, если никто ничего не пронюхал. Кстати, тебе известно, что согревательница твоей постели была в курсе большинства твоих планов? Знала обо всем! Прислуга ведь падка на всякие тайны.

— И она вам все рассказывала?

— Нет, будь она проклята, она не рассказала и половины всего, что знала. Остальное пришлось потом извлекать из нее хлыстом. И тогда оказалось, что она знает столько, что мы не могли ей позволить встречаться с остальными слугами. Ей пришлось исчезнуть.

— Вы убили ее? — Хью почувствовал прилив отворачивания. Он спросил, зная, что все его слова и вопросы, в сущности, уже бессмысленны. Хью еще не понял, куда гнет Понс.

— А тебе-то что? Она недостойна жить дальше, изменив хозяину. Но я все же не так расточителен, как ты думаешь. У этой дурочки просто не было

никакого понятия о морали, и она не отдавала себе отчета в своих действиях. Должно быть, ты загнипнотизировал ее. Хью, повторяю, я не человек порыва. Я никогда не швыряюсь своей собственностью направо и налево. Я продал ее так далеко, что она с трудом будет понимать тамошний язык. Уж там-то вряд ли кто-нибудь поверит ее басням.

Хью перевел дух.

— Я очень рад.

— Что, понравилась тебе эта прислуга? Что в ней особенного?

— Она была просто невинным младенцем. И я не хотел причинять ей вред.

— Все может быть. А теперь, Хью, предлагаю тебе способ возместить убытки, понесенные мною по твоей вине, и в то же время извлечь выгоду для себя.

— То есть как это?

— А очень просто. Твоя эпопея стоила мне самого толкового слуги. В моем имении нет больше человека его калибра. Поэтому ты займешь его место. Никакого скандала, никакого шума, никакого волнения внизу, под лестницей, — все слуги, ставшие невольными свидетелями происшедшего, уже проданы в далекие края. А тому, что случилось с Мемтоком, можешь придумать любое объяснение. Или даже утверждать, что ничего не знаешь. Барба, ты в состоянии удержаться от сплетен?

— Конечно, если от этого зависит благополучие Хью!

— Вот и умница. А то мне очень не хотелось бы делать тебя немой. Игры стали бы не такими захватывающими. Впрочем, Хью, наверное, будет слишком занят, чтобы играть в бридж. Хью, вот тебе тот самый мед, из-за которого медведь попал в капкан: ты начинаешь исполнять обязанности Главного Управляющего — с ними ты наверняка сможешь справиться, как только вникнешь в детали, — а Барба с близнецами перебираются к тебе, чего ты все время добивался. Или ты становишься моим старшим слугой, или вы все лишаетесь жизнью. Таков выбор. Что скажешь?

Хью Фарнхэм был так изумлен, что никак не мог справиться с голосом, чтобы изъяснить согласие. Между тем Их Милость добавил:

— Еще одна вещь. Я не могу позволить тебе начать жить с ними прямо сейчас.

— Нет?

— Нет. Я все еще хочу получить твое потомство от нескольких слуг, пока тебя не оскопили. Но это ненадолго, если ты так крепок, как кажешься.

— Нет! — сказала Барбара.

Хью Фарнхэму предстояло принять ужасное решение.

— Барбара, подожди. Понс! А как насчет близнецов? Их тоже оскопят?

— О-о-о... — утомленно протянул Понс. — Ну и силен же ты торговаться, Хью. Предположим, что их не выхолостят. Скажем так: я некоторое время буду использовать их в качестве жеребцов и не буду отрезать им большие пальцы рук. А лет в четырнадцать или пятнадцать я дам им возможность бежать. Тебя это устраивает? — Старик замолчал, зайдясь в кашле. Он весь содрогался. — Проклятие, ты утомляешь меня!

Хью упорно гнул свое.

— Понс, но ведь вас может не оказаться в живых через четырнадцать или пятнадцать лет.

— Верно. Не очень вежливо напоминать об этом.

— А нельзя ли заручиться гарантией вашего наследника Мрики, что наша договоренность останется в силе при любых обстоятельствах?

Понс пригладил волосы и улыбнулся.

— Ушлый ты малый, Хью! Из тебя получится отменный Главный Управляющий! Так вот, конечно же, договориться с ним об этом я не могу. Именно поэтому я и хочу кое-что получить от тебя, а не дожидаться, пока повзрослеют мальчишки. Но выбор у тебя есть и сейчас. Я могу позаботиться о том, чтобы вы сопровождали меня в последний путь, — все вы, и мальчишки тоже. Или оставайтесь в живых и попытайтесь сами заключить новую сделку, если только это удастся. «Король умер, да здравствует король!» — так в древности выражалась мысль о том, что, если умирает один Протектор, ему на смену приходит другой. Так что, как знаешь. Я готов и на то и на другое.

Хью все еще обдумывал невеселые предложения, когда снова заговорила Барбара:

— Их Милость...

— Да, детка?

— Лучше бы вы мне вырезали язык. Прямо сейчас, здесь, в этой комнате. Потому что мне вовсе не нравится весь этот замысел. И я не буду держать язык за зубами. Нет!

— Барба, Барба, хорошие девочки так себя не ведут.

— А я и не девочка! Я женщина, жена, мать! Я не буду больше называть вас «дядюшкой» — вы злой человек! Я никогда не стану играть с вами в бридж, с языком или без языка. Мы беззащитны... но от меня вы ничего не добьетесь. Посмотрите, что вы нам предлагаете. Вы хотите, чтобы мой муж согласился на оскотление в обмен на то, что он сможет провести несколько жалких лет со мной и нашими детьми — ровно столько, сколько ваше тело милостью небес будет ходить и дышать. А что потом? Вы и тут обманываете нас. Мы умираем или оказываемся отданными на милость вашему племяннику, который еще хуже, чем вы. Уж я-то знаю! Все согревательницы ненавидят его лютой ненавистью: они рыдают, когда их посылают прислуживать ему, и рыдают еще горше, когда возвращаются от него. Но я бы не позволила Хью согласиться на ваши предложения даже в том случае, если бы вы обещали ему долгую жизнь. Нет! Никогда, никогда! Только посмейте принудить меня к такому жалкому, рабскому счастью — и я убью своих детей! Потом себя! А после этого и Хью покончит с собой, я уверена! — Она плюнула изо всех сил в направлении Понса и разрыдалась.

Их Милость сказал:

— Хьюги, я ведь говорил тебе, чтобы ты не дергал кошку за хвост. Она может поцарапать тебя. — Он с трудом встал и произнес: — Теперь ты уговаривай их, Джо, — и вышел из комнаты.

Джо вздохнул и приблизился к ним.

— Барбара, — мягко сказал он, — возьми себя в руки. Ведь то, что ты говоришь, не пойдет ни в коей мере на пользу Хью, даже если тебе так и кажется. Тем более что человеку в возрасте Хью такая потеря не должна казаться слишком большой.

Барбара взглянула на Джо так, словно увидела впервые в жизни, и плюнула ему прямо в лицо.

Он отшатнулся и поднял руку. Хью резко предупредил:

— Джо, если ты хоть пальцем тронешь ее, а меня когда-нибудь освободят, я сломаю тебе руку.

— У меня и в мыслях не было трогать ее, — медленно ответил Джо. — Я просто хотел вытереть лицо. Я не ударю Барбару, Хью. Я восхищаюсь ею. Просто мне кажется, что она рассуждает не совсем здраво. — Он поднес к лицу платок. — Видимо, нет смысла спорить.

— Нет, Джо. Прости, я сожалею, что сделала это.

— Ничего, Барбара. Ты просто расстроена и... ведь ты никогда не обращалась со мной как с нигтером. Так что, Хью?

— Барбара уже решила для себя. А у нее слова никогда не расходятся с делом. Впрочем, я думаю, она права. Оставаться в живых здесь просто не имеет смысла никому из нас.

— Жаль, что ты так думаешь, Хью. Как бы то ни было, а мы с тобой всегда хорошо ладили. Ну что ж, если это твое последнее слово, я, пожалуй, пойду и извещу Их Милость. Хорошо?

— Иди.

— Иди, Джо.

— Прощай, Барбара. Прощай, Хью. — Он вышел.

Обратно вернулся один Лорд-Протектор, двигаясь с осторожностью старого и больного человека.

— Так, значит, вы вон что решили, — сказал он, садясь и запахивая шаль. Он потянулся за мышкой, по-прежнему сидевшей на столе. Появились слуги и убрали разложенные на нем вещи беглецов. Понс продолжал: — Не могу сказать, что я очень удивился... ведь я играл в бридж с вами обоими. Что ж, тогда есть еще одна возможность. Ваши жизни — компенсация. Я не могу оставить их вам просто так. Поэтому мы используем вас — пошлем назад.

— Куда назад, Понс?

— Как куда? Конечно же, в ваше собственное время. Если получится, естественно. Возможно, и получится. — Он погладил мышку. — Вот эта мышка уже проделала подобное путешествие. Правда, ее посылали в прошлое всего на две недели. И это ей ничуть не

повредило. Хотя, конечно, трудно судить, как подействует на человека скачок через два тысячелетия.

Снова появились слуги и стали раскладывать на столе: мужские часы, десятицентовую канадскую монету, пару поношенных горных ботинок, охотничий нож, грубо выделанные мокасины, пару джинсов, потрепанные хлопчатобумажные шорты большого размера, автоматический пистолет 45-го калибра с портупеей, две выцветших рубашки, одна из которых была перешита, полкоробка спичек, небольшую записную книжку и карандаш.

Понс взглянул на вещи.

— Было у вас что-нибудь еще? — Он вытащил из пистолета обойму и взвесил ее на ладони. — Если нет — одевайтесь.

Невидимые пути разжали свои объятия.

Глава двадцать первая

— Не понимаю, чему вы удивляетесь, — сказал им Понс. — Хью, ведь ты должен помнить, что я велел своим ученым выяснить, каким образом вы попали сюда. Никаких чудес. Я говорил вполне серьезно. И они почувствовали, что я буду очень огорчен, если не удастся разрешить проблему при таком изобилии данных. Похоже, ученые добились успеха. Во всяком случае им удалось отправить вот эту малышку. Она вернулась сегодня, почему я и послал за вами. Теперь мы выясним, работает ли аппарат так же хорошо, как настольная модель. Мне кажется, что для перемещения в прошлое требуется не такое уж большое количество энергии — не нужно никаких атомных бомб, — если ее приложить точно в нужном направлении. Но все это мы скоро узнаем.

— Но как же вы узнаете? — спросил Хью. — Мы-то узнаем, сработает установка или нет, но вы-то?

— А, вон что! Мои ученые не так уж глупы, когда знают, за что взяться. Один из них вам все объяснит.

Позвали ученых — двух Избранных и пятерых слуг. Никаких предисловий не последовало. Хью почувствовал, что с ним обращаются так же безразлично, как с мышкой, которая хотела и не решалась спуститься на пол, где ее поджидала гибель. Хью было предложено

снять рубашку, и двое ученых-слуг прикрепили к его правому плечу небольшой предмет.

— Что это? — Предмет казался необычайно тяжелым для своих размеров.

Слуги не ответили, а старший Избранный сказал:

— Тебе все объяснят. Подойди сюда. Взгляни. — Взглянуть, как выяснилось, следовало на бывшую собственность Хью — подробную геодезическую карту графства Джеймс. — Ты знаешь, что это такое? Или нужно объяснять?

— Знаю. — Хью прибег к речи равных, но Избранный игнорировал это, продолжая обращаться к нему как к низестоящему.

— Тогда ты должен знать, что вас нашли... здесь. — Хью согласился, когда палец ученого показал на место, где когда-то стоял его дом. Избранный задумчиво кивнул и добавил: — Ты понимаешь значение этих отметок? — он указал на маленький крестик и цифры возле него.

— Конечно. У нас это называлось «репер», или эталонная отметка. Точно указанное местоположение и высота над уровнем моря. Это базисная точка для всей карты.

— Превосходно! — Избранный указал на аналогичную точку у вершины Маунтин-Джеймс. — А теперь скажи нам, если знаешь, — но только не лги, это не пойдет тебе на пользу, — как велика погрешность отклонения этих точек на вертикали и горизонтали.

Хью немного подумал, поднял руку, развел указательный и большой пальцы примерно на дюйм. Избранный прищурился.

— В те варварские времена не могло быть такой точности. Мы считаем, что ты лжешь. Попытайся еще раз. Или признайся, что понятия не имеешь.

— А я утверждаю, что вы сами не знаете, о чем говорите. Ошибка может быть даже меньше. — Хью хотел рассказать им, что он сам возглавлял изыскательные партии в Сибизе и проводил геодезические измерения, когда занялся подрядами. Но решил, что делиться воспоминаниями ни к чему.

Избранный взглянул сначала на него, потом на Их Милость. Старик внимательно слушал, но лицо его оставалось бесстрастным.

— Ладно. Допустим, что отметки нанесены точно и соотносятся друг с другом. Что является для тебя исключительным везением, поскольку одной из них нет, — он указал на первую, около того места, где был их дом, — а другая, — он указал на вершину Маунтин-Джеймс, — по-прежнему на месте, в прочнейшей скальной породе. А теперь покопайся в памяти и не пытайся снова солгать, так как это прежде всего касается тебя самого... и имеет значение для Их Милости, поскольку твоя ложь может свести на нет усилия множества людей, чем Их Милость наверняка будет очень недоволен. Так вот: где поблизости от исчезнувшей точки и на той же высоте — во всяком случае не выше — находится... находилось, я хочу сказать, в те первобытные времена ровное, гладкое место?

Хью задумался. Он-то точно знал, где располагался этот репер: в основании Саутпортского Банка. Представлял он собой медную пластинку, углубленную в камень позади мемориальной таблички, примерно на высоте восемнадцати дюймов от тротуара, на северо-восточном углу здания. Табличку укрепили там вскоре после открытия Саутпортского торгового центра. Хью, проходя мимо, часто смотрел на нее. Сам факт существования эталонной отметки был для него успокоительным — он был для души символическим гарантом стабильности.

Одной стороной здание выходило на стоянку автомобилей, принадлежавшую банку, супермаркету «Сейфвей» и еще паре магазинов.

— Ровное и гладкое место тянется отсюда и до сих пор на расстоянии... — Хью прикинул ширину стоянки в футах и перевел в современные единицы. — Или немного больше. Это на глаз. Размеры неточные.

— Но место действительно ровное? И не выше отметки?

— Оно даже ниже и с небольшим уклоном, чтобы вода там не задерживалась.

— Отлично. А теперь взгляни сюда. — Это снова была собственность Хью, на сей раз карта штата.

— Предмет, который на тебе, можно считать часами. Не стоит объяснять тебе принцип их действия — ты все равно не поймешь. Достаточно сказать, что они

измеряют время (по периоду радиоактивного распада). Поэтому они так тяжелы. Корпус изготовлен из свинца, чтобы погасить радиацию. — Избранный указал на город на карте. Хью отметил про себя, что здесь находился университет штата. Избранный сделал движение рукой, и ему передали клочок бумаги. Он спросил Хью: — Ты можешь прочесть, что здесь написано? Или нужно объяснять?

— Здесь написано «Государственный университетский банк», — ответил Хью. — И мне действительно помнится, что в этом городке в свое время было подобное заведение. Хотя с уверенностью сказать не могу. Я с ним никогда не имел дела.

— Было, было, — уверил его Избранный, — совсем недавно обнаружили развалины банка. Ты должен добраться до него. Там была и сохранилась до сих пор подвальная комната, в самой нижней части фундамента. Эти часы нужно поместить туда. Ты понимаешь?

— Понимаю.

— По велению Их Милости эта комната до сих пор не вскрыта. После того как вас пошлют в прошлое, ее вскроют. Часы будут там, и мы измерим их показания. Теперь тебе ясно, почему это жизненно важно для эксперимента? Мы не только узнаем, что вы благополучно перенесли путешествие, но и точно определим промежуток времени, разделяющий наши эпохи. На основании полученных данных мы сможем гораздо точнее настраивать приборы. — Избранный теперь говорил в приказном тоне: — И указания, смотри, выполняй с точностью. Или тебя строго накажут.

При этих словах Хью встретился взглядом с Понсом. Старик не смеялся, но в его глазах прыгали веселые огоньки.

— Сделай это, Хью, — попросил он. — Будь молодцом.

Хью заверил ученого:

— Я все сделаю. Я понимаю.

Избранный сказал:

— С благосоизволения Их Милости, покорный слуга готов взвесить дикарей и отправить их к месту запуска.

— Мы передумали, — сообщил Понс. — Мы будем наблюдать за отправлением. — И добавил: — Как нервы, Хью? В порядке?

— Вполне.

— Всем испытавшим первое перемещение было предложено вернуться; не помню, говорил я тебе об этом или нет. Джо сразу же отказался. — Старик взглянул через плечо. — Грейс, ты не передумала, малышка?

Грейс подняла глаза.

— Понси! — укоризненно сказала она. — Ведь ты же знаешь, что я никогда не покину тебя.

— Дьюк?..

Оскопленный слуга даже не поднял глаз. Он просто отрицательно помотал головой.

Понс поторопил ученого:

— Нужно поспешить взвесить их. Сегодня мы намерены ночевать дома.

Взвешивание было произведено где-то в недрах здания (Хью догадался, что это столичная резиденция Понса). Перед тем как их поместили на платформу весов, Лорд-Протектор достал обойму, которую ранее извлек из пистолета Хью.

— Хью! Ты обещаешь не делать глупостей?

— Обещаю.

— При определенной сноровке ты вполне можешь прикончить меня. Но подумай, что потом будет с Барбарой и твоими малышами.

(Я уже думал об этом, старый ты негодяй.)

— Понс, а почему бы вам не отдать обойму Барбаре? Пусть она положит ее к себе в карман. В таком случае, даже если мне и взбредет в голову что-нибудь, я не успею зарядить пистолет достаточно быстро.

— Толково придумано. Держи, Барба.

Старший ученый был недоволен общим весом отправляемого в прошлое груза.

— С разрешения Их Милости, ничтожный слуга осмеливается доложить, что собственный вес обоих взрослых, должно быть, сильно уменьшился с тех пор, как делались расчеты.

— И чего же ты хочешь от нас?

— О, ничего, ничего, с благосоизволения Их Милости. Просто предстоит небольшая задержка. Масса

должна быть точной. — Избранный начал торопливо накладывать на платформу металлические диски.

Это навело Хью на мысль.

— Понс, вы действительно думаете, что ваша штука сработает?

— Если бы я знал наверняка, не было бы надобности испытывать ее. Надеюсь, что она функционирует.

— Если перенос удастся, нам с самого начала понадобятся деньги. Особенно если мне придется пересечь почти половину штата, чтобы захоронить ваши часы.

— Логично. Ведь вы, кажется, там пользовались золотом? Или серебром? Я понял тебя. — Он сделал жест рукой. — Прекратите взвешивание.

— У нас в ходу было и то и другое, но обязательно должно было стоять клеймо нашего протектората. Понс, в моем доме было много американских серебряных долларов, которые вы забрали. Нельзя ли получить их обратно?

Получить деньги оказалось можно — они были во Дворце, и старик не имел ничего против того, чтобы их использовали для восполнения недостающего веса. Старший ученый был весьма обеспокоен задержкой: он объяснил своему Повелителю, что расчеты были сделаны на определенное время и на определенную массу, чтобы доставить подопытных за несколько дней до начала войны, плюс-минус погрешность на ошибку. Но запас времени подходил к концу, и если не произвести запуск в самое ближайшее время, то придется снова пересчитывать параметры и перенастраивать приборы. Хью не понимал большинства подробностей и перестал слушать.

Понсу, похоже, доводы ученого тоже наскучили, и он резко оборвал его:

— Если понадобится, сделаешь расчеты заново. Все.

Чтобы разыскать слугу, который знал, где находятся изъятые у дикаря предметы, найти их и доставить, потребовалось больше часа. Понс молча играл с мышью. Барбара возилась с близнецами, потом перепеленала их с помощью служанок. Хью попросил, чтобы перед запуском им дали возможность сходить в туалет. Им разрешили выйти, правда, под охраной. После этой процедуры вес снова изменился и все пришлось начинать заново.

Серебряные доллары по-прежнему были закручены в колбаски по сто монет в каждой. Весили они довольно много, и Хью был рад, что за время одиночного заключения он сбросил лишний вес, накопленный в бытность его Главным Исследователем. Но для покрытия разницы потребовалось всего около трехсот долларов да еще пуля и несколько клочков фольги.

— С позволения Их Милости, покорный слуга считает, что подопытных следует незамедлительно поместить в контейнер.

— Исполняй! Не трать попусту наше время!

Приволокли контейнер. Он представлял собой металлический ящик, гладкий, пустой внутри, без каких-либо выступающих частей. Высота его была такой, что Хью головой упирался в потолок, а площадь едва позволяла разместиться всем четверым. Хью забрался первым и помог расположиться Барбаре. Потом им передали детей. Хьюги тут же начал плакать и толкать братишку.

Понс выглядел расстроенным.

— Прислуга избаловала детишек. Хью, я решил не присутствовать при отправлении — я очень устал. Прощайте оба, и счастливо добратесь. Из вас никогда бы не получились верные слуги. Но мне будет очень не хватать наших партий в бридж. Барбара, нужно серьезно заняться воспитанием малышей. Смотри, не избалуи их вконец. Они хорошие мальчишки. — Он повернулся и быстро вышел.

Крышку закрыли и заперли. Теперь они были одни. Хью тут же воспользовался возможностью поцеловать жену. Поцелуй вышел несколько неуклюжим, потому что они оба держали на руках по ребенку.

— Теперь мне все равно, что с нами будет, — выдохнула Барбара, оторвавшись от супруга. — Именно твоей ласки мне больше всего и не хватало. Ой, милый, Джо опять мокрый. А как там Хьюги?

— Не отстают от брата ни в чем: тоже мокрый. Но ты ведь, кажется, сказала, что тебе теперь все равно.

— Мне-то да, но попробуй объясни это детям. Сейчас я с радостью отдала бы сотню долларов за десяток чистых пеленок.

— Дорогая, а тебе никогда не приходило в голову, что человечество по крайней мере миллион лет пре-

красно существовало без пеленок? А нам, возможно, предстоит обходиться без них не больше часа. Так что давай не будем о них думать.

— Да нет, я только хотела сказать... Послушай! Кажется, они передвигают нас.

— Сядь на пол и упрись ногами в стенку, пока дети еще целы. Что ты говоришь?

— Я просто хотела сказать, дорогой, что меня вовсе не волнуют пеленки. Меня вообще ничто не беспокоит теперь, когда ты со мной. Но если нам все же не суждено погибнуть, — если эта штука сработает, — то я хотела бы быть практичной. А что может быть практичнее пеленок?

— Поцелуй, например. Любовь.

— Да, конечно. Но они все равно приводят к пеленкам. Милый, а ты не мог бы переложить Хьюги в другую руку, а этой обнять меня? Ой, они снова нас куда-то двигают. Хью, как по-твоему, этот аппарат сработает? Или мы просто внезапно умрем? Ладно, путешествие в будущее я еще как-то могу себе представить — во всяком случае мы совершили его. Но никак не могу вообразить себе путешествие в прошлое. Я имею в виду, что прошлое ведь уже было. Правильно? Разве не так?

— В принципе, да. Но ты, по-моему, неправильно ставишь проблему. Я понимаю так, что парадоксов времени не существует — их просто не может быть. Если нам удастся совершить этот прыжок во времени, значит мы его уже совершали. Все это произошло. А если аппарат не сработает, то потому, что он уже не сработал в прошлом.

— Но ведь ничего этого не случилось еще. Я то же самое и говорила.

— Нет, нет. Мы ведь не знаем, случилось это уже или нет. Если случилось, то все будет в порядке. А если нет, то нет.

— Дорогой, я совсем запуталась.

— Не беспокойся. «Персты, перо держащие, выводят букву и, только выведя ее, свой продолжают труд...». О том, как обстоит дело, мы узнаем лишь постфактум... Мне кажется, нас выводят на финишную прямую: мы больше не покачиваемся, чувствуется только легчайшая вибрация. Я предполагаю, что нас запустят

с территории бывшего графства Джеймс. Если так, то, пока мы туда долетим, пройдет около часа. — Он обнял ее крепче. — Поэтому час счастья в нашем распоряжении есть.

Она подхватила:

— Так ведь я о том и толкую. Любимый, мы с тобой столько перенесли, что сейчас я уже ни о чем не беспокоюсь. Если нам отведен всего лишь час, я буду наслаждаться каждой его секундой. Если нам отведено сорок лет, я буду наслаждаться каждой секундой этих лет. А если нас разлучат, то мне не нужно никаких отсрочек. Как бы то ни было, пока мы, слава Богу, вместе. И будем вместе до самого конца.

— Да, до самого конца.

Она счастливо вздохнула, перепеленала мокрого спящего младенца, уткнулась в плечо мужа и прошептала:

— У меня такое чувство, что это снова наш самый первый день. Помнишь? Я имею в виду убежище. Там было так же тесно, но еще жарче, и никогда я не была так счастлива. Мы тогда тоже не знали, доживем ли до следующего дня или нет. В ту ночь.

— По крайней мере, не надеялись. Иначе сейчас у нас не было бы близнецов.

— В таком случае я рада, что мы собирались погибнуть. Хью, а ведь здесь в нашем распоряжении места не меньше, чем было тогда, как ты считаешь?

— Женщина, ты просто ненасытна. Мы можем шокировать мальчиков.

— Мне, во всяком случае, не кажется, что один раз больше чем за год — это ненасытность. А мальчики еще слишком малы, чтобы их можно было чем-то шокировать. О, милый, ну давай! Ты же сам сказал, что, возможно, через час нас не станет.

— Твое предложение очень заманчиво. Теоретически я полностью «за». Но ребятишки здорово мешают, да к тому же здесь на самом деле не так много места, и, даже если бы рядом не возилась мокрая малышня, я совершенно не представляю, как это технически возможно.

— Что ж... Наверное, ты прав. Действительно, расположиться негде. Мы можем раздавить малышей. Но

если нам все-таки предстоит погибнуть, то оставить дело просто так будет очень стыдно.

— Я отказываюсь допускать вероятность гибели. И больше никогда, даже на словах, не сделаю такого допущения. Все мои планы строятся на том, что мы останемся в живых. Жизнь продолжается. Что бы там ни было — жизнь продолжается.

— Согласна! Семь, без козырей!

— Так-то лучше.

— Удваиваю. И еще раз удваиваю. Хью, как только мальчики подрастут настолько, что смогут удержать в руке тринадцать карт, мы начнем учить их играть в бридж. Тогда у нас будет своя семейная четверка.

— Согласен. А если они не смогут научиться, мы оскопим их и попробуем сделать новых детишек.

— Не произноси при мне больше слова «оскопить».

— Прошу прощения.

— И вообще, давай прекратим говорить на этом Языке, дорогой. Мальчики должны расти, слыша только английскую речь.

— Еще раз прошу прощения. Ты права. Но я могу сорваться иногда. Я столько переводил, что иногда начинаю думать на этом чертовом Языке. Так что не сердись, если у меня иногда и вырвется словечко.

— Словечко-другое — это не страшно. Кстати о словечках... Не обменивался ли ты кое-какими любезными словечками с Киской?

— Нет.

— А почему? Я бы ничего не имела против. Вернее, почти ничего. Она была очень мила. Она готова была возиться с детьми в любое время, когда ей только разрешали. Она очень любила наших мальчиков.

— Барбара, я не хочу думать о Киске. Мне больно вспоминать о ней. Я надеюсь только на одно — что ее новый владелец добр к ней. Ведь она совершенно беззащитна — как котенок с едва открывшимися глазами. Беспомощна. Киска напоминает мне обо всем самом чертовски проклятом, что только есть в рабстве.

Она сжала его руку.

— Надеюсь, что с ней обращаются хорошо. Но, милый, зачем себя мучить, ведь все равно ей ничем не поможешь.

— Я понимаю и именно поэтому не хочу говорить о ней. Но мне ее не хватает. Как дочери. Да, пожалуй, она была мне дочерью. И никогда «согревательницей постели».

— Я ни секунды не сомневалась в этом, дорогой. Здесь, конечно, может быть, и тесновато... Однако мне не хотелось бы, чтобы ты обращался со мной, как с дочерью. Лично я намерена держать твою постель раскаленной докрасна!

— Хм... Ты хочешь напомнить мне о моих преклонных годах?

— О, мои натруженные ноги! Он еще говорит «преклонные годы»! С практической точки зрения мы станем ровесниками — нам обоим будет примерно по четыре тысячи лет, считая туда и обратно. А я преследую сугубо практические цели. Ты понял?

— Понял, понял. Но ведь тысячелетний возраст вряд ли способствует достижению «практических целей».

— Тебе так легко не отделаться, — грозно сказала она. — Со мной шутки не пройдут.

— Слушай, у тебя мысли работают только в одном направлении. Ладно, сделаю все, что в моих силах. Я буду просто лежать и беречь силы. А тебе предоставляю возможность совершить все остальное. Ха, да мы, кажется, приехали!

Ящик несколько раз передвинули, и некоторое время он пребывал в неподвижности, затем так неожиданно взлетел вверх, что у путешественников зануло под ложечкой, столь же внезапно остановился, вздрогнул и наконец застыл окончательно.

— Вы находитесь в экспериментальной установке, — прогремел голос ниоткуда. — Имейте в виду, что вас, возможно, ожидает падение с небольшой высоты. Советуем обоим встать, взять в руки по одному ребенку и быть готовыми к падению. Понятно?

— Да, — крикнул Хью, помогая Барбаре встать. — С какой высоты? — Ответа не последовало. Тогда Хью сказал: — Дорогая, я не понял, что они имели в виду. «С небольшой высоты» может означать и один фут, и пятьдесят... Обхвати Джо руками, чтобы он не ушибся, и согни немного ноги в коленях. Если толчок

будет сильным, то не напрягай ноги, а мягко опустишь на землю. Будь готова к сильному удару, ведь этим шутникам мало дела до сохранности наших костей.

— Понятно. Держи крепче Хьюги.

И они упали.

Глава двадцать вторая

Хью так и не понял точно, с какой высоты им пришлось падать, но в конце концов решил, что она была не более четырех футов. Все произошло моментально: они стояли в ярко освещенной камере, в тесноте, а в следующее мгновение уже оказались под открытым небом, в ночной тьме.

Падая, он ушиб правое бедро, и в тело ему впились два твердых свертка с долларами, которые лежали у него в заднем кармане брюк. Он тут же перекатился на бок, оберегая ребенка.

Затем он сел. Барбара лежала подле него. Она не шевелилась.

— Барбара! Что с тобой?

— Ничего, — тихо ответила она. — Кажется, села. Просто перепугалась.

— А с маленьким Джо все в порядке? Хьюги-то цел и невредим, но сказать, что его пеленки просто мокры, — значит не сказать ничего.

— С Джо тоже все в порядке.

Как бы в подтверждение этих слов Джо тут же громко расплакался. Брат тотчас присоединился к нему.

— Думаю, он тоже перепугался до смерти. Помолчи, Джо. Видишь, мама занята. Хью, где мы?

Он огляделся.

— Мы, — возвестил он, — на автомобильной стоянке банка и торгового центра, примерно в четырех кварталах от моего дома. Похоже, мы вернулись в собственные времена. Во всяком случае, вон тот «форд», справа, на который мы чуть не свалились, — шестьдесят первого года выпуска.

Стоянка была пуста, если не считать машины. Хью вдруг пришло в голову, что их прибытие могло означаться не просто хлопком, а взрывом, если бы они приземлились футах в шести правее. Он отметил эту вероятность с безразличием: они уже столько вынесли, что еще одна миновавшая их опасность казалась чем-то заурядным.

Он встал и помог подняться Барбаре. Она поморщилась, вставая, и в тусклом свете, падавшем на стоянку из окна банка, Хью сразу заметил это:

- Что-нибудь не в порядке?
- При падении я, кажется, подвернула ногу.
- Идти можешь?
- Могу.
- Я понесу обоих ребятишек. Здесь недалеко.
- Хью, куда мы направляемся?
- Домой, конечно. Куда же еще?

Он заглянул в окно банка, стараясь взглядом отыскать календарь. Он увидел его наконец, но не смог разобрать цифры.

— Интересно, какое сегодня число. Милая, ты знаешь, мне кажется, что путешествие во времени связано с некоторыми парадоксами. Я думаю, для кого-то мы можем стать сильным потрясением.

— Для кого?

— Например, для меня. В моем более раннем воплощении. Может быть, мне следует сначала позвонить, чтобы не застать себя врасплох? Хотя нет, он... то есть я, просто не поверит такому. Ты действительно можешь идти?

— Конечно.

— Прекрасно. Возьми на секундочку наших маленьких чудовищ — я хочу взглянуть на часы. — Он снова заглянул через окно в банк, где на стене висели часы. — Отлично. Давай детей обратно. И скажи, если тебе потребуется отдых.

Они отправились в путь. Барбара хоть и прихрамывала, но не отставала. Они молчали, так как Хью все еще не мог осмыслить случившееся. Вновь увидеть город, который он считал уничтоженным, такой тихий и мирный теплой летней ночью, было для него неожиданно сильным потрясением. Он старательно избегал думать о том, что может обнаружить у себя дома. Однако одна мысль упорно свербилась ему: если окажется, что убежище еще не построено, то оно не должно быть построено никогда.

Постепенно он свыкся с этой мыслью и сосредоточился на радостном сознании того, что Барбара была женщиной, которая никогда не откроет рта, если чувствует, что мужчина хочет, чтобы она помолчала.

Наконец они свернули на дорожку, ведущую к его дому. Барбара прихрамывала, а Хью почувствовал, что у него затекли руки: для своего возраста малыши отнюдь не были хилыми. У дома стояли две машины. Он остановился у первой, дал поддержать детей Барбаре, чтобы открыть дверцу, и сказал:

— Залезай внутрь, усаживайся и дай ноге отдохнуть. Мальчишек я оставляю с тобой и проведу рекогносцировку.

Дом был ярко освещен.

— Хью! Не нужно!

— Почему?

— Это моя машина. Это та самая ночь!

Он смотрел на нее. Потом тихо сказал:

— Все равно необходимо осмотреться. Оставайся здесь.

Вернулся назад он минуты через две, распахнул дверцу и повалился на сиденье, с шумом выдохнув воздух.

Барбара позвала его:

— Милый! Милый!

— О Боже мой! — Он закашлялся и некоторое время ничего не мог вымолвить. — Она там! Грейс! И я тоже... — Он опустил голову на руль и всхлипнул.

— Хью!

— Что? О Боже мой!

— Успокойся, Хью. Пока ты ходил, я завела машину. Ключ был здесь. Я оставляла его, чтобы Джо ее

отогнал. Так что мы можем ехать. Ты в состоянии вести машину?

Он постепенно успокаивался.

— В состоянии. — Секунд десять ему понадобилось на осмотр панели управления. Он немного отодвинул сиденье назад, включил задний ход и выехал на улицу. Через четыре минуты он свернул на шоссе, ведущее в горы, внимательно следя за знаками. Он сообразил, что в эту ночь, находясь за рулем без водительских прав, не стоит нарываться на полицию.

Где-то в отдалении пробили часы. Он взглянул на наручные и заметил, что они отстают на одну минуту.

— Включи радио, дорогая.

— Хью, прости, пожалуйста, оно у меня как-то вышло из строя, и я все никак не могла собраться отдать его в ремонт.

— Ох!.. Ну ладно. Я имею в виду, что новости сейчас не имеют значения. Я все пытаюсь прикинуть, как далеко мы успеем отъехать за час. За час с минутами. Ты не помнишь, когда первая ракета поразила нас?

— Кажется, ты сказал, что было одиннадцать сорок семь.

— И мне тоже так кажется. Я даже уверен в этом, просто хотел, чтобы ты подтвердила. Тогда все совпадает. Ты готовила крем-сюзет, потом вы с Карен подали его, как раз тогда, когда начались десятичасовые новости. Я ел очень быстро — он был просто изумителен, — когда старый, лысый дурак позвонил в дверь. То есть я сам позвонил. Я вышел к нему. Допустим, это было в десять двадцать или чуть позже. Так что сейчас мы слышали, как пробило половину одиннадцатого, и то же самое показывают мои часы. У нас в распоряжении около семидесяти пяти минут, чтобы убраться от эпицентра как можно дальше.

Барбара ничего не ответила. Они выехали за пределы города. Хью нажал на газ, и скорость сразу подскочила с осторожных сорока пяти миль в час до верных шестидесяти пяти.

Минут через десять она сказала:

— Милый! Мне очень жаль. Жаль, что Карен погибнет, я хочу сказать. Больше мне сожалеть не о чем.

— А я вообще ни о чем не жалею. Даже о Карен. Да, меня действительно потряс недавно ее веселый смех, но только теперь я могу осмыслить его. Барбара, сегодня впервые в жизни я почувствовал, что верю в бессмертие. Ведь Карен сейчас жива — там, позади, — а мы уже видели, как она умирала. Поэтому в каком-то труднопередаваемом смысле Карен живет вечно — где-то в неизвестном нам средоточии времен и миров. Не проси меня объяснить это, но я чувствую, что прав.

— Я думала так же, Хью. Только не решалась сказать.

— Можешь всегда говорить мне все, что хочешь, черт возьми! Нет, не так. Ты *должна* говорить мне все, что хочешь... Так что теперь я больше не испытываю печали по Карен. И, честно говоря, ничуть не жалею Грейс. Некоторым людям удастся добиться успеха тем, что они всегда следуют намеченным курсом. Она как раз из таких. А что касается Дьюка, то мне и думать-то о нем противно. Я возлагал на сына столько надежд! Ведь он был моим первенцем. Но я никогда не принимал участия в его воспитании и поэтому не смог сделать сына таким, каким хотел его видеть. К тому же, как заметил Джо, Дьюку не так уж и плохо. Сытость, безопасность и Счастье — похоже, единственное, к чему он стремился и чего достиг. — Хью пожал плечами, не отрывая рук от руля. — Поэтому мне лучше забыть о нем. С этого момента постараюсь больше никогда о нем не думать. — Через некоторое время он заговорил снова: — Дорогая, ты не могла бы, хоть у тебя на руках и детишки, как-нибудь снять с моего плеча эту шутовину?

— Конечно, могу.

— Тогда сдерни ее, пожалуйста, и выброси в кювет. Я предпочел бы, чтобы она оказалась в эпицентре взрыва, если мы еще не выбрались из него. — Он нахмурился. — Мне не хочется способствовать попыткам этих людей путешествовать во времени. Особенно мне противна мысль о содействии Понсу.

Барбаре пришлось изрядно повозиться, прежде чем удалось отвязать часы. Действовать ей пришлось в неудобном положении, к тому же одной рукой. Выбросив их в темноту за окном автомобиля, она сказала:

— Хью, я не думаю, что Понс ожидал, что мы примем его предложение. Мне кажется, он сознательно поставил такое условие, на которое я никогда бы не согласилась, даже если бы ты и решился принести себя в жертву.

— Конечно! Он воспользовался нами, как морскими свинками — или как своей белой мышью — и вынудил нас «согласиться». Барбара, ты знаешь, я, в принципе, могу выносить и даже в чем-то понимать откровенных сукиных сынов. Но, на мой взгляд, Понс гораздо хуже, чем все они вместе взятые. Ведь у него всякий раз были как будто самые добрые намерения. Он всегда мог доказать как дважды два, что пинок, который он тебе дает, служит тебе на пользу. Я презираю его.

Барбара возразила:

— Хью, а сколько белых людей нашего времени, если бы они обладали такой же властью и могуществом, как Понс, пользовались бы ими с такой же мягкостью, как он?

— Что? Да нисколько. Даже твой покорный слуга не был бы способен на это. Кстати, насчет «белых людей» — это мимо цели. Цвет кожи тут ни при чем.

— Согласна. Я забираю назад слово «белых». Но я уверена, что ты единственный, кого власть не смогла бы заставить утратить человечность.

— Даже я не устоял бы. Да и никто вообще. Я однажды уже получил возможность применить власть, и воспользовался ею так же отвратительно, как Понс. Я имею в виду тот случай, когда я приказал, чтобы Дьюку пригрозили ружьем. Мне следовало просто сбить его с ног приемом каратэ, может, даже убить его. Но не унижать. Так что никто, Барбара. Никто. И все же Понс был особенно отвратителен. Возьми, к примеру, Мемтока. Мне по-настоящему жаль, что я убил его. Он был человеком, который вел себя лучше, чем диктовало ему его естество. В Мемтоке было очень много злобы, даже садизма. Но он держал эти стороны натуры под очень жестким контролем, чтобы как можно лучше исполнять свои обязанности. Но Понс... Барбара, милая, наверное, это вопрос, в котором мы никогда не придем к согласию. Ты чувствуешь к нему симпатию, потому что он хорошо относился к тебе и

всегда был мил с нашими малышами. Но именно из-за этого я и презираю его: он любил показать свою «королевскую милость», будучи менее жестоким, чем мог бы быть, но никогда не забывал напомнить своей жертве о том, как он мог бы быть жесток, если бы на самом деле не был таким славным, добрым старичком и таким милостивым владыкой. И я презираю его за это. Я начал испытывать к нему презрение еще задолго до того, как узнал, что ему к столу подают убитых молоденьких девушек.

— ЧТО???

— А ты разве не знала? Ведь мы с Понсом говорили об этом в последний раз. Разве ты не слушала?

— Я думала, твои слова просто оскорбительная шутка в его адрес.

— Ничего подобного. Понс — людоед. Он-то себя, конечно, людоедом не считает — мы для него не люди. Но он ест только девушек. Примерно по одной в день подается ежедневно к их семейному столу. Девушки в среднем в возрасте Киски и ее телосложения.

— Но... но... но... Хью, я ведь ела то же, что и он, много раз. Значит, я... Значит...

— Конечно. И я тоже. Но только до того, как узнал, что у меня в тарелке.

— Милый... останови, пожалуйста, машину. Меня сейчас стошнит.

— В таком случае ты просто испачкаешь близнецов. А остановить машину меня сейчас не заставит ничто.

Она с трудом открыла окно и высунулась наружу. Через некоторое время Хью спросил:

— Ну как, дорогая, тебе лучше?

— Немного.

— Милая, пойми, факт каннибализма ни в малейшей степени не говорит против него. Ведь он действительно не видел в этом ничего плохого, и нет никакого сомнения в том, что коровы тоже считали бы нас извергами, если бы умели думать. Но все остальное... вот тут-то он прекрасно знал, что делает. Потому что всегда стремился к тому, чтобы жертва в конце концов согласилась с ним... Палач добивался, чтобы она добровольно взошла на плаху и еще дала ему на чай.

— Я больше не хочу говорить о нем, дорогой. У меня в голове все перемешалось.

— Прости. Я полупьян, хотя не выпил ни капли, и болтаю сам не знаю что. Больше не буду. Посмотри, не едет ли кто-нибудь за нами — я собираюсь поворачивать налево.

Она оглянулась. Когда они свернули на проселочную дорогу, находившуюся в ведении штата, узкую и не слишком ровную, он сказал:

— Я, кажется, придумал, куда мы поедем. Сначала я хотел просто убраться подальше. Теперь у нас есть цель. И, возможно, там мы будем в безопасности.

— Что это за место, Хью?

— Заброшенная шахта. Она называется Ховли Лоуд. Когда-то я вложил в нее деньги и потерял их. Может быть, теперь она окупит себя. Там отличные просторные штольни, и к ней легко добраться по этой дороге. Если только я смогу отыскать вход в темноте, то мы успеем схорониться в ней до ракетного удара.

Он сосредоточился на дороге, переключая передачи на подъемах и спусках, резко тормозя перед рытвинами, а затем заставляя машину с натужным гудением переползать через них.

После очередного резкого поворота Барбара, чуть не вывалившись из машины, заметила:

— Дорогой, я понимаю, что ты горишь желанием спасти нас всех. Но я не вижу особой разницы, погибнем мы от водородной бомбы или в автокатастрофе.

Он улыбнулся, но скорости не сбавил.

— Барби, мне приходилось водить «джип» даже в полной темноте. Уверяю тебя, мы не разобьемся. Мало кто представляет себе все возможности машины, в которой толковый водитель и ручное переключение передач. В горах оно просто необходимо. Я бы не решился заехать сюда на другой машине.

Они добрались до небольшой площадки почти на вершине горы. Дальше дорога раздваивалась. На развилке виднелся свет. Заметив его, Хью сказал:

— Посмотри, сколько на часах.

— Одиннадцать двадцать пять.

— Отлично. Мы теперь отдалены от нулевой отметки на пятьдесят с лишним миль. Я имею в виду мой дом. А отсюда до Ховли Лоуд не больше пяти минут

езды. Теперь я знаю, как туда добраться. Кажется, бензин у нас как раз кончается, а у Шмидта открыто. Прихватим немного бензина и кое-какой провизии тоже — да, я помню, что у тебя в машине есть и то и другое. Но запас нам не повредит. Мы все равно успеем до того, как опустится занавес.

Он притормозил у бензоколонки и выскочил из машины.

— Беги внутрь и начинай набирать провизию. Положи блинцев на пол и закрой дверцу. Ничего с ними не случится. — Он тем временем сунул наконечник шланга в бак машины и начал качать топливо старомодным насосом.

Барбара, заскочив внутрь станции, тут же выглянула и крикнула:

— Там никого нет!

— Тогда посигналь. Голландец, скорее всего, в своем домике, позади станции.

Барбара несколько раз нажала на кнопку клаксона. Заплакали ребяташки. Хью повесил шланг на место.

— Теперь мы должны ему за четырнадцать галлонов. Давай войдем. У нас в распоряжении есть еще минут десять.

Уголок Шмидта был бензозаправочной станцией, небольшой закуской и маленьким универмагом одновременно. Тут было все, что могло понадобиться людям, живущим поблизости, — рыбакам, туристам и охотникам, которые любят забираться в глушь. Хью не стал терять время на поиски хозяина. Обстановка говорила сама за себя. Свет был полностью включен, ставни на дверях подняты, на плите шипел кипящий кофе, радио было настроено на частоту сигнала тревоги. Внезапно оно заговорило:

«Воздушная тревога! Третья воздушная тревога! Кроме шуток! Немедленно в убежища, в любые убежища, черт бы вас всех побрал! Через несколько минут на ваши пустые головы посыпятся атомные бомбы. Лично я, черт побери, собираюсь сейчас забросить к дьяволу этот дурацкий микрофон и кубарем скатиться в подвал. Ведь до начала бомбежки осталось всего пять минут! Так что, раздолбай чертов, скорее прячьтесь в свои норы, не высовывайтесь и перестаньте слушать чушь, которую я тут порю. Все в убежища!!!»

— Скорее бери пустые коробки и начинай наполнять их. Не нужно ничего укладывать, просто бросай в них все. А я буду выносить их наружу. Мы завалим ими заднее сиденье. — Хью тут же последовал собственному совету и загрузил одну из коробок, сделав это гораздо быстрее, чем Барбара. С коробкой в руках он бросился наружу, потом бегом вернулся. У Барбары уже была готова другая коробка, а третья заполнена наполовину.

— Хью, подожди. Одну секунду. Ты только посмотри.

Последняя коробка не была пустой. Там лежала кошка, которая ничуть не испугалась незнакомых людей. Она спокойно взирала на них, а четверо пищащих малышей в это время сосали ее. Хью взглянул ей в глаза. Потом он вдруг закрыл коробку.

— Ладно, — сказал он. — Положи что-нибудь не очень тяжелое в другую коробку — придавим ею котов, чтобы их логово не опрокинулось во время езды. Скорее! — Он бегом кинулся к машине, держа в руках коробку с кошачьим семейством, которое писком выражало свое недовольство.

Барбара вскоре последовала за ним с наполовину наполненной коробкой и поставила ее в машине на коробку с кошками. Затем они оба ринулись обратно.

— Забери все сгущенное молоко, которое найдешь. — Хью на мгновение остановился, чтобы швырнуть на прилавок колбаску с долларами. — И еще прихвати всю туалетную бумагу. Нам осталось не более трех минут.

Они покинули станцию только через пять минут, но зато заднее сидение автомобиля теперь полностью было загружено.

— Я разжилась дюжиной чайных полотенец и шестью большими пачками «Чако».

— Чего-чего?

— Пеленками, дорогой, пеленками. Надеюсь, что их хватит надолго. И еще я прихватила две колоды карт. Может быть, не следовало делать этого?

— К чему лицемерить, любимая? Придерживай малышей и убедись, что дверца закрыта как следует. — Он отъехал на несколько сот ярдов, все время выглядывая. — Вот она! Дорога к шахте!

Ехать было сложно. Хью вел машину очень медленно и осторожно.

Преодолев один из поворотов, они увидели темное отверстие, зияющее в горе.

— Отлично, мы успели! И можем прямо заехать внутрь. — Он прибавил скорость, но тут же резко нажал на тормоз. — Боже милостивый! Корова!

— И теленок, — добавила Барбара.

— Придется оставить их.

— Хью, но ведь это же *корова!*.. с теленком!

— Э-э-э... но как мы будем кормить их?

— Хью, может быть, здесь ничего и не сгорит. А ведь это настоящая, живая корова.

— Ладно-ладно, хорошо. Если придется, забьем их в конце концов и съедем.

Шахту в тридцати футах от входа перегораживала деревянная стенка с крепкой дверью. Понуждая корову двигаться, Хью подал вперед машину, прижав ее к каменной стене, чтобы не загораживать дверь.

Корова тут же сделала попытку прорваться на свободу. Барбара открыла дверцу со своей стороны и этим задержала ее. Теленок мычал. Ему вторили близнецы.

Хью выбрался наружу, для чего ему пришлось перелезть через Барбару и близнецов, подошел к деревянной двери и открыл ее. Она была заперта только на засов.

— Включи фары. А то ничего не видно.

Барбара включила освещение, настаивая на том, чтобы корову с теленком тоже загнали внутрь. Хью пробормотал себе под нос что-то вроде «Чертов Ноев ковчег», но согласился, в основном потому, что корова загораживала дорогу. Дверной проем, хотя и широкий, был на дюйм уже, чем буренка, и та упорно не желала протискиваться сквозь него. Тогда Хью наставил ее головой вперед и отвесил ей здоровенного пинка. Теленок без понуканий сам последовал за матерью.

Только сейчас Хью понял, почему корова и теленок оказались здесь. Кто-то, видимо из местных жителей, приспособил устье шахты под коровник. Внутри хранилось двадцать или около того копен сена. Как только корова увидела такое изобилие, все мысли о свободе тут же покинули ее.

Коробки были занесены внутрь. Из двух вытряхнули содержимое и в каждую посадили по близнецу. Рядом с ними поставили убежище котят, закрепив все три коробки так, чтобы их нельзя было опрокинуть или выбраться из них.

Когда они разгружали предметы первой необходимости из машины, все вокруг вдруг осветилось, как днем. Барбара ахнула:

— О Господи! Мы не успеем!

— Продолжай разгружать. До того как нас застанет звуковая волна, пройдет еще несколько минут. А вот насчет взрывной волны — не знаю.

Они уже выгружали из машины канистры с бензином и с водой, когда земля задрожала и им стало казаться, что где-то под ними несутся поезда гигантского метрополитена. Хью быстро отнес канистры внутрь, но затем вернулся.

— Хью, иди сюда!

— Сейчас. — Прямо за машиной лежало сено, которое он притащил сюда. Он собрал его, просунул в дверь, вернулся и подобрал остатки — не ради спасения сена, а чтобы уменьшить угрозу пожара в случае воспламенения бензина в баке автомашины. Он сначала даже хотел вывести машину наружу и спустить под откос, но потом решил не рисковать. Если жар будет так силен, что горючее в баке воспламенится, можно уйти в глубину и схорониться в боковых туннелях.

— Барбара! Ты нашла фонарик?

— Да! Прошу тебя, иди сюда, пожалуйста!

Он вошел внутрь и закрыл за собой дверь.

— Теперь нужно отодвинуть все это сено подальше от входа. Ты будешь светить, а я понесу охапки. Только смотри под ноги. Дальше начинаются сырые места. Именно поэтому мы и закрыли в свое время шахту. Слишком дорого обходилась откачка.

Они перенесли провизию и предметы первой необходимости в боковой туннель, футов на сто в глубь горы. По пути им попалось место, где вода доходила до щиколоток, но боковой туннель оказался совершенно сухим. Полные воды мокасины Барбары при ходьбе хлюпали.

— Извини, — сказал Хью. — Эта гора — настоящая губка. Буквально из каждой проделанной дырки начинает бить фонтан воды.

— Я, — заявила Барбара, — женщина, которая высоко ценит воду. И на то у меня есть веские причины.

Хью ничего не ответил, так как в это время все кругом осветила вспышка от взрыва второй бомбы. Она была, видимо, очень мощной, если сияние сквозь щели в деревянной стенке распространилось на такую глубину. Он взглянул на часы:

— Как раз вовремя. Теперь нам придется вторично смотреть то же самое кино, Барб. На этот раз, я надеюсь, будет не так душно в зале.

— Не знаю, не знаю.

— Будет ли не так душно? Полагаю, будет значительно прохладнее. Даже если снаружи все будет гореть. Кажется, я знаю место, где мы можем укрыться и остаться в живых. Мы и кошки продержимся там, даже если внутрь попадет дым от пожаров. Вот корове с теленком, возможно, придется туго — их туда не затащить.

— Хью, я не то имею в виду.

— А что же?

— Хью, я не сразу сказала тебе... Я так испугалась и расстроилась и не хотела расстраивать тебя. У меня никогда не было машины с ручным переключением передач.

— Что? Тогда чья же это машина?

— Моя. Я хочу сказать, что в ней действительно торчали мои ключи — и в багажнике — припасенные мною вещи. Но у меня было автоматическое переключение.

— Милая, — медленно произнес он, — наверное, ты слегка переволновалась.

— Я так и знала, что ты примешь меня за сумасшедшую, именно поэтому я и не говорила тебе ничего до тех пор, пока мы не окажемся в безопасности. Но, Хью, выслушай меня, дорогой: я действительно никогда в жизни не имела автомобиля с ручным переключением. Я не сумела бы вести такую машину. Я просто не знаю, как переключать передачи.

Он задумался.

— Тогда я ничего не понимаю.

— И я тоже. Милый, когда ты вернулся от своего дома к машине, ты сказал: «Она там, Грейс». Ты имел в виду, что видел ее?

— Конечно, видел. Она клевала носом перед телевизором, наполовину отключившись.

— Миленький, Грейс действительно сначала клевала носом перед телевизором. Но ведь ты уложил ее в постель, пока я готовила крем-сюзет. Разве ты не помнишь? Когда объявили тревогу, ты пошел за ней и на руках принес ее вниз — она так и была в ночной рубашке.

Несколько мгновений Хью Фарнхэм стоял неподвижно.

— Так оно и было. Я все так и сделал, — согласился он наконец. — Ладно, давай занесем сюда остатки вещей. Самый большой взрыв будет примерно через полтора часа.

— А ты думаешь, он будет?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Хью, я не знаю, что произошло. Может быть, это совсем другой мир? Или, может быть, мир тот же самый, только самую чуточку изменившийся... под влиянием нашего возвращения хотя бы.

— Не знаю, не знаю. Так или иначе, но мы должны перенести сюда остатки вещей.

Самый сильный взрыв произошел вовремя. Их потрянуло, но все обошлось без повреждений. Когда их настигла ударная волна, потрянуло опять. Но никаких неприятностей не случилось, и на сей раз разве что сдали нервы у некоторых слишком впечатлительных животных. Близнецам же, похоже, суровая жизнь начала нравиться.

Хью засек время, потом задумчиво произнес:

— Если это и другой мир, то он от нашего отличается совсем незначительно. И все же...

— Что, милый?

— И все же он отличается. Например, ты не забыла, что машина у тебя была другая. А я помню, что уложил Грейс в постель очень рано. После этого мы еще поговорили с Дьюком. Так что он отличается от нашего. — Тут он вдруг улыбнулся. — И он может быть отличен от нашего в очень важных вещах. Если будущее может изменять прошлое, то, вероятно, и

прошлое воздействует на будущее. Может быть, Соединенные Штаты и не будут полностью уничтожены. Может быть, ни та ни другая сторона не пойдет на такой самоубийственный шаг, как использование биологического оружия. Может быть... Черт возьми, может быть, гнусному Понсу никогда не удастся сделать молоденьких девушек объектом своих гастрономических пристрастий! — И добавил: — Черт возьми, я бы что угодно сделал ради этого. И как дорого бы я дал, чтобы своими глазами убедиться, что он лишился своего подлого удовольствия!

— Мы попытаемся! И наши мальчики попытаются!

— Да, но все это завтра. Мне кажется, что сегодняшняя фейерверк окончен. Мадам, смею ли я надеяться, что вы не побрезгуете уснуть на куче сена?

— Вот так просто взять и уснуть?

— До чего же ты похотлива! У меня был долгий и трудный день.

— Но у тебя и в тот раз позади был долгий и трудный день.

— Посмотрим.

Глава двадцать третья

Они пережили ракеты, они пережили бомбы, они пережили пожары, они пережили эпидемии, которые вовсе не оказались такими опустошительными и, вполне возможно не были вызваны применением бактериологического оружия. Во всяком случае, обе воюющие стороны горячо отрицали это. Они пережили длительный период беспорядков, когда гражданское правительство корчилось в агонии, как змея с перебитым позвоночником. Они продолжали жить. Жизнь продолжалась.

Вывеска над их жилищем гласила:

СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА
ФАКТОРИЯ РЕСТОРАН БАР
американская водка
кукурузный ликер
яблочное бренди
настоящая родниковая вода
парное молоко
солонина с картошкой
мясо и иногда хлеб
копченая медвежатина
вяленая дичь
крем-сюзе по заказам

**!!!В КАЧЕСТВЕ ПЛАТЫ ПРИНИМАЕМ ЛЮБЫЕ
КНИГИ!!!**

**дневной присмотр за детьми
БЕСПЛАТНЫЕ КОТЯТА!!!**

**кузнечные работы, ремонт механизмов, работа по ли-
стовому металлу — металл предоставляет заказчик
ФАРНХЭМСКАЯ ШКОЛА БРИДЖ-КОНТРАКТА**

Уроки по договоренности.

Каждую среду вечером — встречи.

!!!ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!!!

**Позвоните в колокольчик, дождитесь ответа. Прибли-
жайтесь к дверям с поднятыми руками. Не сходите
с тропинки — участок заминирован. За прошедшую
неделю мы потеряли троих покупателей. Мы не мо-
жем позволить себе потерять еще и ВАС!**

ТОРГОВЛЯ НАЛОГОМ НЕ ОБЛАГАЕТСЯ.

**ХЬЮ И БАРБАРА ФАРНХЭМ И СЫНОВЬЯ
СВОБОДНЫЕ ВЛАДЕТЕЛИ.**

**А высоко в небе, над вывеской, развевался само-
дельный звездно-полосатый флаг — и жизнь их про-
должалась по-прежнему.**

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

Экспедиция к Проксиме Центавра, организованная Фондом Джордана в 2119 году, была первой в истории попыткой достичь ближайших звезд нашей Галактики. О судьбе, постигшей экспедицию, можно только догадываться...

Фрэнк Бак. Романтики современной астрографии (изд-во «Люкс Лимитед»).

Часть 1

ВСЕЛЕННАЯ

— Осторожно! Мьют!

Кусок железа врезался в переборку прямо над головой Хью с такой силой, что, не промахнись прашник — проломил бы череп наверняка. Хью Хойланд резко пригнулся, оттолкнулся ногами от пола и, пролетев несколько метров по коридору, выхватил нож. Перевернувшись в воздухе у поворота, он встал на ноги. За поворотом коридор был пуст. Оба товарища догнали его.

— Ушел? — спросил Алан Махони.

— Ушел, — ответил Хойланд. — Я видел, как он нырнул в люк. Кажется, у него было четыре ноги.

— Четыре или две — нам все равно теперь не поймать мьота, — сказал Морт Тайлер.

— Вот еще, ловить его! — воскликнул Махони. — На кой Хафф он нам сдался!

— А я был бы не прочь поймать его, чтобы потолковать кое о чем, — ответил Хойланд. — Клянусь

Джорданом*, возьми он на два дюйма ниже — быть бы мне в Конвертере.

— Перестаньте через каждые два слова богохульствовать, — укоризненно сказал Тайлер. — Слышал бы вас Капитан! — И он благоговейно приложил ладонь ко лбу, как и подобает при упоминании Капитана.

— Джордана ради, — резко ответил Хойланд, — не умничай, Морт. Тебя еще не произвели в ученые, а я вряд ли менее благочестив, чем ты, но не вижу греха в том, чтобы иногда дать выход чувствам. Даже ученые так выражаются в сердцах, я сам слышал.

Тайлер открыл было рот, но промолчал.

— Слушай, Хью. — Махони дернул Хойланда за руку. — Давай уйдем отсюда. Мы так высоко никогда еще не забирались. Я хочу вернуться туда, где нормальная тяжесть.

Хойланд, сжимая рукоять ножа, жадно смотрел на люк, в котором скрылся противник.

— Ладно, малыш, — согласился он. — Впереди дорога долгая, пора возвращаться.

Он повернулся и пошел к люку, через который они выбрались на этот ярус. Вверх приходилось подниматься по крутым лестницам, но сейчас Хью просто оттолкнулся от крышки люка и начал плавно спускаться на палубу пятнадцатью футами ниже. Тайлер и Махони последовали за ним. Так они продвигались вниз — через десятки люков и зловещих, слабо освещенных палуб. С каждым разом прыжок чуть-чуть ускорялся и приземлялись они чуть-чуть тяжелее. В конце концов Махони не выдержал:

— Хью, хватит прыгать. Я ногу зашиб. Давай пойдем лестницами.

* Джордан — англоязычная форма итальянского имени Джордано; «Фонд Джордана», впервые упомянутый в эпиграфе, — таким образом, Фонд имени Джордано Бруно; Хайнлайн, надо сказать, во всех своих произведениях последовательно воздавал дань памяти деятелям науки. В то же время по-английски Джордан — это Иордан, название реки, которая, согласно Библии, была последним рубежом, отделявшим народ Израиля от земли обетованной, и в этом смысле Фонд Джордана — организация, созданная для достижения земли обетованной, то есть звезд. Совпадение звучания в английской речи обоих этих понятий придает избранному Хайнлайном названию смысловую полифонию. (Здесь и далее звездочками отмечены примечания составителя.)

— Ладно, но так будет дольше. Кстати, далеко нам еще?

— Отсюда до фермы палуб семьдесят, — ответил Тайлер.

— А ты почему знаешь? — подозрительно спросил Махони.

— Знаю, потому что считал, балда ты этакий.

— Ну да! Считать умеют только ученые. Ты думаешь, если тебя учат читать и писать, так ты уже все знаешь?

Хойланд вмешался прежде, чем спор перерос в ссору:

— Заткнись, Алан. Может, он действительно умеет считать. Морт на такие дела мастак. Да и судя по тяжести, он прав.

— А лезвия в моем ноже он посчитать не хочет? — не унимался Алан.

— Заткнись, тебе говорят. Ты что, Закона не знаешь? За пределами деревни дуэли запрещены.

Они продолжали свой путь в тишине, легко бежали по лестницам, пока возросшая сила тяжести не заставила перейти на шаг. Вскоре показался ярко освещенный ярус, где расстояние между палубами было раза в два больше, чем наверху. Воздух здесь был влажный и теплый.

— Наконец-то... — сказал Хью. — Однако я не вижу нашей фермы. Мы, наверное, вышли с другой стороны.

— А вот и какой-то фермер, — сказал Тайлер. Сунув мизинцы в рот, он свистнул, а потом крикнул: — Эй, приятель! Куда это мы попали?

Крестьянин не спеша оглядел всех троих, потом объяснил, как найти Главную дорогу, ведущую к их деревне. Они прошли с полторы мили энергичным шагом по широкому, довольно оживленному туннелю. Навстречу им попадались по большей части крестьяне, толкавшие перед собой груженные тележки. Потом они увидели, как на носилках, которые держали четверо здоровенных слуг, с достоинством покачивался Ученый. Его оруженосец шествовал впереди, разгоняя с дороги простолюдинов... А вскоре вся тройка пришла в общинную своей деревни — просторное помещение в три палубы высотой. Здесь они разошлись. Хью

направился в казармы кадетов — молодых холостяков, живущих отдельно от родителей. Он умылся, потом отправился к дяде, Эдуарду Хойланду, у которого работал за еду. Когда Хью вошел, тетя взглянула на него, но ничего не сказала: женщине подобало хранить молчание.

— Привет, Хью, — сказал дядя. — Опять бродил по окрестностям?

— Доброй еды, дядя... Конечно, бродил...

Эдуард Хойланд, солидный здравомыслящий человек, снисходительно усмехнулся:

— Где был и что видел?

Тетя бесшумно выскользнула за дверь и вернулась с ужином для Хью, поставила перед ним тарелку, но ему даже в голову не пришло поблагодарить за заботу. Он проглотил кусок, прежде чем ответить.

— Был наверху. Добрались почти до невесомости. А потом мьют чуть не разнес мне череп.

Дядя хмыкнул:

— Свернешь себе шею в этих трущобах, парень. Ты бы лучше занимался хозяйством и ждал дня, когда я умру и оставляю его тебе.

На лице Хью появилось упрямое выражение.

— А вам разве не любопытно, дядя?

— Мне? Ну, когда я был молодым, тоже много шатался. Прошел всю Главную дорогу, потом вернулся обратно в деревню. И в Темном секторе бывал, меня там мьюты разве что за пятки не хватили. Видишь шрам?

Хью видел этот шрам не впервые, а дядин рассказ уже наскучил ему до тошноты. Подумаешь, прошел однажды Главную дорогу! Сам-то Хью хотел побывать везде, все увидеть и все узнать. Взять хотя бы верхние ярусы. Если человеку не дано так высоко забираться, то с чего Джордану было их создавать?

Но мысли эти он держал при себе и продолжал есть. Эдуард Хойланд сменил тему:

— Мне надо повидать Свидетеля. Джон Блэк заявил, что я должен ему трех свиней. Хочешь пойти со мной?

— Да нет, пожалуй. Хотя да, пойду.

— Поспешай тогда.

По дороге они зашли в казарму и Хью отпросился идти с дядей по делу.

Свидетель жил в маленьком вонючем помещении на краю общинной, где был легко доступен всем нуждающимся в его услугах. Он сидел на пороге, ковыряя ногтем в зубах. Его ученик, прыщавый близорукий подросток, сидел на корточках за его спиной.

— Доброй еды, — сказал дядя.

— И тебе доброй еды, Эдуард Хойланд. Ты пришел по делу или просто составить старику компанию?

— И то и другое, — дипломатично ответил дядя, а затем изложил суть своего визита.

— Так в чем проблема? — удивился Свидетель. — В контракте ведь ясно сказано:

Джон Блэк дал Эдуарду овес,

Чтоб Эд свиней ему принес,

Как поросята подрастут,

Из них двух Джону отдадут.

Подросли поросята, Эдуард Хойланд?

— Подросли, — ответил дядя. — Но Блэк требует трех, а не двух.

— Порекомендуй ему холодную примочку на голову. Свидетель свое слово сказал. — И старик жиденько рассмеялся.

Они немного посплетничали. Эдуард Хойланд как мог удовлетворял ненасытную жажду старика ко всякого рода подробностям. Хью хранил благопристойное молчание во время беседы старших. Но когда дядя наконец поднялся, он сказал:

— Я задержусь ненадолго.

— Как хочешь. Доброй еды, Свидетель.

— Доброй еды, Эдуард Хойланд.

Когда дядя отошел достаточно далеко, Хью сказал:

— Я принес вам подарок, Свидетель.

— Покажи.

Хью вынул кисет с табаком, который захватил, когда заходил в казарму. Свидетель принял его, не сказав ни слова, и бросил ученику, чтобы тот спрятал.

— Заходи, — произнес Свидетель и повернулся к ученику: — А ты, принеси-ка кадету стул.

Хью начал рассказ, и старик тщательно выпытывал все касающееся его последних вылазок, ругая при

этом Хью за неумение запоминать события до мельчайших подробностей.

— Ничего вы, молодые, не умеете. Даже этот паршивец. — Свидетель ткнул пальцем в ученика. — Даже он ничего не умеет, хоть и способней тебя раз в десять. Поверишь ли, и тысячи строк в день запомнить не может, а ведь должен занять мое место, когда умру. Да, когда я был учеником, мне тысячи строк едва хватало, чтобы заговорить себя и поскорее уснуть. Свистки вы все без горошины.

Хью не возражал, он ждал, пока старик выговорится.

— Ты хотел что-то спросить у меня, паренек?

— Вообще-то да, Свидетель.

— Ну так выкладывай. Язык, что ли, проглотил?

— Вы когда-нибудь поднимались в невесомость?

— Кто, я? Конечно, нет. Я же учился на Свидетеля. Мне нужно было запомнить все, что написали Свидетели до меня, а на мальчишеские забавы у меня времени не было.

— Я думал, может, вы мне скажете, что там есть.

— А, ну это совсем другое дело. Нет, сам я туда никогда не забирался, но слышал рассказы многих людей, которые там побывали. Очень многих, тебе столько людей не увидеть и за всю жизнь. Я ведь старый. Я помню отца твоего отца и его отца тоже. Что же именно ты хочешь знать?

— Что именно? — Как задать вопрос? Как выразить словами смутную боль в груди? И все-таки: — Какое во всем этом предназначение, Свидетель? Зачем все эти ярусы над нами?

— Что? Джордан с тобой, сынок, я же Свидетель, а не ученый.

— Я думал, что вы, может быть, знаете... Извините...

— Но я действительно знаю. Строки из Книги Начала — вот что тебе нужно.

— Их я уже не раз слышал.

— Так послушай еще раз. Ответы на все вопросы есть в этих строках, если только у человека хватает мудрости увидеть их. Внемли мне. Хотя нет, дадим возможность моему ученику показать себя. Эй, ты! Прочти нам из «Начала», да с выражением.

Ученик облизал губы и начал:

Вначале был Джордан
в раздумье глубоком,
Вначале был Джордан
во тьме одинокой,
Из тьмы и безлюдства
родилось желанье,
Желанье затем
перешло в ожиданье,
Из ожиданья родился План —
Джордан решил, и час настал:
Из тьмы и мрака Он Корабль создал!
Миля за милей уютных жилищ
И для плодов золотых хранилищ.
Палубы, люки, свет и воздух —
Все для людей,
еще не созданных,
Вот человека сотворил он
И учредил для него Закон:
Создателя должен чтить
человек,
Плану великому посвятить свой век.
Каждому Законом отведено место,
Каждому строго определен удел.
Человеку не дано знать Цели,
Главное — чтобы он Создателю
Повиноваться умел.
Одним — говорить, другим — слушать.
Среди людей воцарился порядок.
Он создал Экипаж для черной работы
И ученых для соблюдения Плана,
Помазанник Джордана — Капитан —
Человеческим родом стал
править сам. Непорочен лишь Джордан,
а люди грешны.
Зависть, жадность и гордость
загрязнили умы.
Первым Хафф согрешил, будь он
проклят навек!
От него эту скверну вкусил человек.
Разразился мятеж и погиб Капитан.
Кровью мучеников...

Мальчик запнулся, и старик наотмашь ударил его по лицу.

- Начиная снова!
- С самого начала?
- Нет, с той строки, с которой сбился.

Мальчик продолжал монотонно декламировать строфу за строфой, пространно рассказывая древнюю историю греха, мятежа и смутного времени. Как мудрость в конце концов взяла верх и как тела вождей мятежа скормили Конвертеру. Как некоторым мятежникам удалось избежать Полета и положить начало племени мыотов. Как после молитв и жертвоприношений был избран новый Капитан.

Хью беспокойно заерзал, шаркая ногами по полу. Без сомнения, в священных строках были ответы на все вопросы, на то они и священные, но у него, видно, ума не хватало найти их. Но почему? В чем же вообще смысл жизни? Неужели жить — значит всего лишь есть, спать и в конце концов отправиться в Дальний Полет? Разве Джордан не желал, чтобы его поняли? Откуда же тогда боль в груди? Этот голод, который нельзя утолить даже доброй едой?

Утром к дверям дядиного жилища подошел посыльный.

— Ученый хочет видеть Хью Хойланда, — отчеканил он.

Хью понял, что его вызывает Лейтенант Нельсон — Ученый, отвечающий за духовное и физическое состояние обитателей того сектора Корабля, в котором располагалась родная деревня Хью. Он быстро собрался и заторопился вслед за посыльным.

— Кадет Хойланд прибыл, — доложил он.

Ученый оторвался от завтрака и сказал:

— А, да. Входи, мой мальчик. Садись. Ты ел?

Хью утвердительно кивнул головой, не отрывая глаз от диковинных фруктов, лежащих на тарелке. Нельсон проследил за его взглядом.

— Попробуй эти финики. Новая мутация. Я приказал доставить их с дальней стороны. Ешь, пожалуйста. В твоем возрасте всегда можно съесть еще немножко.

Хью с гордостью принял приглашение. Делить трапезу с Ученым ему еще не приходилось. Лейтенант откинулся в кресле, вытер пальцы о рубашку, оправил бороду и приступил к делу:

— Последнее время я совсем не видел тебя, сын мой. Расскажи мне, чем ты занимаешься.

Не успел Хью ответить, как Ученый заговорил снова:

— Хочешь, я сам тебе скажу? Ты изучаешь верхние ярусы, мало беспокоясь о том, что это запретная зона. Так или нет?

Хью пытался что-то прояснить, но Ученый снова перебил:

— Ну ничего, ничего. Я вовсе не сержусь. Но просто все это заставило меня подумать, что тебе пора выбирать свое место в жизни. Есть ли у тебя какие-либо планы на будущее?

— Сказать по правде, определенных планов нет, сэр.

— А что у тебя с этой девушкой, Идрис Бакстер? Собираешься жениться?

— Не знаю, сэр. Я бы не прочь, да и отец ее тоже, насколько мне известно. Вот только...

— Что «только»?

— Он хочет, чтобы я пошел к нему на ферму в ученики. Предложение, конечно, неплохое. Его ферма да дядин надел — это хорошее хозяйство.

— Но ты не уверен, что тебе именно этим хочется заниматься...

— Сказать по правде, не знаю.

— Правильно. Ты не для этого создан. У меня относительно тебя другие планы. Скажи, ты никогда не задумывался, почему я научил тебя читать и писать? Ага, задумывался? Но держал свои мысли при себе? Вот и молодец. А теперь слушай меня внимательно. Я наблюдаю за тобой со дня твоего рождения. Воображение твое развито намного лучше, чем у других простолюдинов. В тебе больше, чем в них, любопытства, больше энергии. Ты прирожденный лидер и уже ребенком выделялся среди других детей. Когда ты родился, твоя слишком большая голова сразу вызвала пересуды. Некоторые даже предлагали закончить дело Конвертером. Но я не согласился. Мне было очень интересно, что из тебя получится. Жизнь крестьянина не для тебя. Твой удел — быть Ученым. — Лейтенант смолк и внимательно посмотрел на растерянного, потерявшего дар речи Хью. Потом заговорил снова: — Именно так дела и обстоят. Человека твоего склада

следует сделать либо одним из правителей, либо отправить в Конвертер.

— Если я вас правильно понял, сэр, то у меня и выбора нет?

— Откровенно — да. Оставлять мыслящих людей в рядах Экипажа — значит сеять ересь. Это недопустимо. Однажды так случилось, и род человеческий чуть было не погиб. Ты выделился из общей массы своими дарованиями. Теперь твое мышление следует направить на путь истинный, открыть секреты чудес, дабы ты стал охранителем устоев, а не источником смуты и беспокойства.

Вошел посыльный, нагруженный узлами, и сложил их в углу.

— Да это же мои пожитки! — воскликнул Хью.

— Совершенно верно, — подтвердил Нельсон. — Я за ними послал. Теперь ты будешь жить здесь, заниматься под моим наблюдением, если, конечно, у тебя на уме нет чего-нибудь другого.

— О нет, сэр, что вы! Должен сознаться, я просто немного растерян. Скажите, я теперь... Ну, то есть вы против моей женитьбы?

— А, вот ты о чем... — безразлично ответил Нельсон. — Если хочешь, просто возьми девку себе. Отец теперь возражать не посмеет. Но позволь предупредить: тебе будет не до нее.

Хью пожирал одну за другой древние книги, которые давал ему наставник, забыл даже об Идрис Бакстер и своих дальних экспедициях. Часто ему казалось, что он напал на след какой-то тайны, но каждый раз он оказывался в тупике и чувствовал себя еще больше запутавшимся, чем раньше. Постичь премудрости науки и тайны Ученых было более трудным делом, чем он предполагал.

Однажды, когда он ломал голову в размышлениях о непостижимо странных и непонятных характерах предков и пытался разобраться в их запутанной риторике и непривычной терминологии, в его комнатку вошел Нельсон и отцовским жестом положил руку на плечо:

— Как идет учеба, мальчик?

— Да, пожалуй, нормально, сэр, — ответил Хью, отложив книгу в сторону. — Но кое-что я не совсем понимаю. А сказать по правде, не понимаю совсем.

— Чего и следует ожидать, — невозмутимо ответил Нельсон. — Я умышленно оставил тебя наедине с мудростью, чтобы ты увидел ловушки, расставленные для природного ума, не вооруженного знанием. Много из того, что ты прочел, не понять без разъяснений и толкований. Чем ты сейчас занят? — Он взял книгу и посмотрел на обложку: — «Основы современной физики». Это одно из самых ценных древних писаний, но непосвященному не разобраться в нем без помощи. Прежде всего ты должен понять, мой мальчик, что наши предки, при всем их духовном совершенстве, придерживались иных взглядов на мир, чем мы. В отличие от нас, рационалистов до мозга костей, они были неисправимыми романтиками, и те незыблемые истины, которые оставлены нам в наследство, часто излагались у них аллегорическим языком. Возьми, например, Закон всемирного тяготения. Дошел ты уже до него?

— Да, я читал о нем.

— Понял ли ты его? Мне кажется, что нет.

— Я не увидел в нем никакого смысла, — робко сказал Хью. — Прошу прощения, сэр, но все это показалось мне какой-то белибердой.

— Вот блестящий пример того, о чем я тебе говорил. Ты воспринял этот Закон буквально. «Два тела притягивают друг друга пропорционально квадрату расстояния между ними». Казалось бы, эта формула звучит как правило, констатирующее элементарное состояние физических тел. Но нет! Ничего подобного! Перед нами не что иное, как древнее поэтическое изложение закона близости, лежащего в основе чувства любви. Тела, о которых идет речь, — это человеческие тела. Масса — это их способность к любви. У молодых потенциал любви намного выше, чем у стариков; если их свести вместе, они влюбятся друг в друга, но, если разлучить, чувство любви быстро проходит. Все очень просто. А ты пытался найти какой-то скрытый глубокий смысл там, где его нет.

Хью усмехнулся:

— Такая трактовка мне в голову не приходила...

— Если тебе что-либо неясно, спрашивай.

— У меня много вопросов, так сразу я даже с ними и не соберусь. Но вот что я хотел бы знать, отец мой. Можно ли считать мьютов людьми?

— Так... Вижу, ты наслушался праздной болтовни... И да и нет. Верно то, что мьюты когда-то произошли от людей, но они ведь давно уже не относятся к Экипажу, ведь они согрешили и нарушили Закон Джордана. О, это очень сложный вопрос, — продолжал учитель, увлекшись, — здесь можно спорить и спорить. Дискутируется даже этимология слова «мьют». Некоторые Ученые считают, что было бы более правильным называть эти существа «мяты», поскольку — и это, безусловно, верно — начало их роду было положено избежавшими Конвертера мятежниками. Но верно также и то, что в их жилах течет кровь многочисленных мутантов, расплодившихся в Темные века. Отсюда и «мьют» — «мутант»*. В те давнишние времена, как ты сам понимаешь, не существовало еще нашего мудрого обычая — осматривать каждого новорожденного и отправлять в Конвертер тех, кто отмечен печатью греха, а значит, родился мутантом.

Хью обдумывал услышанное, потом спросил:

— А почему же среди нас, людей, все еще появляются мутанты?

— Это как раз легко понять. Семя греха все еще живет в нас и временами воплощается в людей. Уничтожая этих паршивых овец, мы оберегаем стадо и тем самым приближаемся к осуществлению великого Плана Джордана — завершению Полета в нашем доме небесном, Далекоем Центавре.

Хойланд напряженно свел брови.

— Это мне тоже не совсем ясно. Многие из древних писаний говорят о Полете как о действительном процессе движения куда-то. Как если бы сам Корабль

* По-английски «мутант» (mutant) и «мятежник» (mutineer) при усечении до первого слога дают одно и то же слово «мьют»; этот корень рождает ассоциации и с целым рядом других понятий: немота, ворчание, бормотание и т. д. Как и в случае с именем Джордан, Хайнлайн выбрал слово, богатое смысловой полифонией.

был бы какой-то тележкой, которая может двигаться из одной деревни в другую. Как это понять?

Нельсон хмыкнул:

— Как понять? Вот уж действительно вопрос. Как может двигаться то, внутри чего движется все остальное? Ответ ясен. Ты опять спутал древнюю аллгорию с реальностью. Само собой разумеется, что Корабль неподвижен. Корабль — это Вселенная. Но, конечно, она движется в духовном смысле слова. С каждым нашим праведным поступком мы продвигаемся все ближе и ближе к божественному предназначению Плана Джордана.

— Я, кажется, понимаю, — кивнул Хью.

— Видишь ли, Джордан мог создать Вселенную и не в виде Корабля. Он мог придать ей любую форму. На заре человечества, когда наши предки были более поэтичными, чем мы, святые соперничали друг с другом, строя гипотезы о возможных мирах, которые мог бы создать Джордан, будь на то его воля. Существовала даже школа, разработавшая целую мифологию о перевернутом вверх дном мире, состоящем из бесчисленного множества пустых пространств, в которых только кое-где мерцали огоньки и жили бестелые мифологические существа. Они называли этот вымышленный мир «небом» или «небесным миром», видимо, по контрасту с реальной действительностью Корабля. Я думаю, что все это делалось к вящей славе Джордана. И кому дано судить, по нраву Ему были эти мечты или нет? Но в наш просвещенный век на нас возложена более серьезная работа, чем на наших предков.

Астрономия Хью не интересовала. Даже его нетренированному уму было ясно, насколько она нереальна и не от мира сего. Он же был занят вопросами более практическими.

— Если мьюты — плод греха, то почему же мы не предпримем попыток уничтожить их? Разве такое деяние не ускорит выполнение Плана?

После короткой паузы Ученый ответил:

— Ты задал прямой вопрос и заслуживаешь прямого ответа. Подумай сам: ведь в Корабле достаточно места только для определенного числа членов Экипажа. Если мы начнем размножаться безо всяких ограничений, то наступит время, когда доброй еды на всех

не хватит. Так не будет ли лучше, если некоторые погибнут в стычках с мьютами, чем допустить ситуацию, при которой нас станет так много, что мы будем вынуждены убивать друг друга из-за еды? Видишь, в Плане Джордана даже мьютам отведено место.

Аргументация казалась убедительной, но все же не до конца. Во всяком случае, для Хью.

Но когда его, как младшего Ученого, допустили к практической деятельности по управлению жизнью Корабля, он обнаружил, что существуют и другие теории. Согласно установленному обычаю, он некоторое время обслуживал Конвертер. Работа была необременительная. В основном приходилось принимать отходы, доставляемые носильщиками из всех деревень, да вести учет поступлений. Но, работая там, он познакомился с Биллом Эртцем, Заместителем Главного инженера, который был совсем ненамного старше его.

Хью обсуждал с ним теории, усвоенные из бесед с Нельсоном, но реакция Эртца просто потрясла его.

— Заруби себе на носу, малыш, — сказал ему Эртц, — что наша работа — это практическое дело для практически мыслящих людей. Забудь всю эту романтическую чепуховину. План Джордана, тоже мне! Все эти рассказы только и годятся для того, чтобы держать крестьян в повиновении, но ты-то на это не клюй. Никакого Плана и в помине нет, кроме, конечно, наших собственных планов. Кораблю нужны свет, тепло и энергия, которыми ведаем мы, Ученые. Экипажу без них не прожить, что касается этой мягкотелой терпимости по отношению к мьютам, то, помни мое слово, скоро кое-что изменится. Держи язык за зубами, а сам будь поближе к нам.

Из этого разговора Хью понял, что ему следует примкнуть к группировке молодых Ученых. Молодые создали свою собственную, крепко спаянную организацию, состоящую из практически мыслящих, работающих людей, которые были намерены улучшить условия жизни во всем Корабле. Они были крепко спаяны потому, что каждый молодой кандидат в Ученые, не оказавшийся способным воспринять их взгляды, либо вскоре оказывался снова среди крестьян, либо, что

случалось еще чаще, был обвинен в серьезном служебном проступке и оказывался в Конвертере.

И Хойланд начал понимать, что молодые Ученые были правы.

Они были реалистами. Корабль есть Корабль. Факт, не требующий толкования. А что касается Джордана, то кто его видел? Кто с ним хоть раз беседовал? И в чем это заключается Его малопонятный План? Смысл жизни в том, чтобы жить. Человек рождается, живет и уходит в Конвертер... Все очень просто, безо всяких мистерий, божественных полетов и Центавров. Все эти мифы и сказки не что иное, как пережитки детства рода человеческого, тех времен, когда человек еще не умел разобраться в реальности бытия и не обладал достаточной смелостью, чтобы смотреть правде в глаза и объективно ее воспринимать.

Хью перестал забивать себе голову астрономией, мистической физикой и прочей мифологией, которую привык было почитать. Священные строки из Книги Начала и все эти старые сказки о Земле — это еще что за хаффовщина, «Земля» какая-то? — теперь только забавляли его. Он знал, что верить в них могут лишь дети да тупицы.

Да и работы у него теперь было по горло. Молодые вынашивали свои проекты, и первое место занимало планомерное истребление мутантов. Они сами толком не представляли, чем займутся потом, но рассчитывали полностью использовать все ресурсы Корабля, включая и верхние ярусы. Молодежи удавалось проводить свои планы в жизнь, не вступая в открытое противоборство со старшими, потому что старшее поколение Ученых мало интересовалось вопросами повседневной жизни Корабля. Нынешний Капитан разжирел так, что редко покидал свою резиденцию, а все дела от имени Капитана вершил его Старпом, член группы молодых. Главного инженера Хью за все это время видел всего один раз, да и то на религиозной церемонии сдачи вахты у Конвертера.

Проект истребления мьютов требовал систематических рекогносцировок верхних ярусов. В одну из таких вылазок Хью и попал в засаду.

Этот мьют был лучшим прашником, чем тот, давний. Спутники Хойланда сочли его мертвым и оставили на

поле боя, отступив под давлением превосходящих сил противника.

Джо-Джим Грегори играл сам с собой в шашки. Раньше он играл сам с собой в карты, но Джо — правая голова — заподозрил, что Джим — левая голова — передергивает. Они поссорились, но потом помирились, поскольку давно уже поняли, что двум головам на одной паре плеч просто необходимо уметь находить компромиссы.

Шашки были куда как лучше. Обе головы видели доску, и почвы для конфликта не возникало.

Игру прервал громкий стук в дверь. Джо-Джим обнажил метательный нож и согнул руку для броска.

— Входи! — рявкнул Джим.

Дверь открылась, и стучавший вошел спиной — все знали, что к Джо-Джиму входить можно только так, чтобы сразу не угодили ножом.

Вошедший был приземист — не выше четырех футов — и коренаст. В нем чувствовалась гигантская физическая сила. На широких его плечах лежало обмякшее человеческое тело.

Джо-Джим убрал нож.

— Положи его на пол, Бобо, — приказал Джим.

— И закрой за собой дверь, — добавил Джо.

— Съедем, а? — На полукоткрытых губах Бобо выступила слюна.

— Может быть, и съедем, — неуверенно ответил Джим. — Это ты его подбил?

Бобо кивнул маленькой головой.

— Хорошо, Бобо, — одобрительно сказал Джо. — Куда попал?

— Бобо попал ему сюда. — Карлик ткнул толстым пальцем чуть ниже грудной клетки пленника.

— Метко, — одобрил Джим. — Мы, пожалуй, и ножом бы лучше не попали.

— Бобо меткий, — охотно согласился карлик. — Показать? — И он достал пращу.

— Уймись, — беззлобно сказал Джо. — Нам показывать не надо. А вот его хорошо бы заставить говорить.

— Бобо сделает, — согласился коротышка и по простоте душевной попытался ткнуть лежащего без сознания человека ножом под ребра.

Джо-Джим отогнал его пинком и сам занялся телом, применяя методы хотя и болезненные, но значительно менее радикальные, чем методы Бобо. Юноша открыл глаза.

— Съедем, а? — стоял на своем Бобо.

— Нет, — ответил Джо.

— Ты когда ел в последний раз? — осведомился Джим.

Бобо потерял живот и печально затряс головой, всем своим видом показывая, что это было, увы, давно. Джо-Джим открыл шкаф и вынул оттуда кусок мяса. Джим понюхал его, Джо брезгливо отвернулся. Джо-Джим бросил кусок Бобо, который, радостно подпрыгнув, поймал его на лету.

— А теперь убирайся, — приказал Джим.

Бобо засеменил к выходу и закрыл за собой дверь. Джо-Джим повернулся к пленнику и пнул его ногой.

— Говори, — сказал Джим, — кто ты, Хафф тебя дерит?

Юноша вздрогнул, медленно провел рукой по голове, потом, увидев вдруг Джо-Джима, попытался рывком вскочить, но непривычно малая сила тяжести нарушала координацию движений. Поднявшись, однако, на ноги, он потянулся к ножам. Ножа на поясе не было. Зато Джо-Джим обнажил свой.

— Веди себя хорошо, и тебя не обидят. Твое имя? — спросил Джо.

Юноша облизал запекшиеся губы и обвел глазами комнату.

— А что с ним возиться? — сказал Джим. — На мясо только и годится. Давай лучше позовем Бобо.

— С этим всегда успеется, — ответил Джо. — Я хочу с ним потолковать. Как тебя зовут?

Пленник снова посмотрел на нож и пробормотал:

— Хью Хойланд.

— Это нам ничего не говорит, — заметил Джим. — Чем ты занимаешься? Из какой ты деревни? И что делал в стране мьютов?

На эти вопросы Хойланд не отвечал, даже когда его кольнули ножом под ребро.

— Хафф с ним, — буркнул Джо. — Он, видно, всего лишь глупый крестьянин. Плюнь на него.

— Так что, прикончим?

— Не сейчас. Пока просто запрем.

Джо-Джим открыл дверь маленькой каморки, впихнул в нее Хью и, заперев, вернулся к игре.

Хью растянулся на полу и погрузился в невеселые и бесплодные раздумья, благо времени у него оказалось более чем достаточно. Сколько он пробыл взаперти, Хью уже не мог понять. Он много раз засыпал и просыпался, терзаемый голодом и жаждой.

Когда Джо-Джим снова почувствовал интерес к пленнику и открыл дверь, Хью валялся в углу в полуобмороке. Джо-Джим выволок его наружу.

Встряска немного оживила Хью. Он сел и огляделся по сторонам.

— Будешь говорить? — поинтересовался Джим.

Хойланд открыл рот, но не смог произнести ни звука.

— Он так обезвожен, что у него язык к гортани прилип, — сказал Джо. Потом он повернулся к Хью: — Если мы тебе дадим воды, будешь говорить?

Хойланд обалдело посмотрел на него и из всех оставшихся сил закивал головой.

Джо-Джим протянул ему кружку с водой. Хью жадно припал к ней.

— Хватит с тебя, — вырвал наконец кружку из его рук Джо-Джим. — Говори!

Хью начал и выложил все до мельчайших подробностей.

Он ожидал, что его образование и ранг Ученого произведут впечатление на Джо-Джима. Но ожидания эти не оправдались. Близнецы были прирожденными скептиками и спорщиками. Они быстро выкачали из Хью все, что могли, и махнули на него рукой. Хойланд чувствовал себя уязвленным. Разве он не Ученый, в конце концов? Разве он не умеет читать и писать?

— Заткнись, ты! — сказал ему Джим. — Чтение — дело плевое. Я умел читать, когда твой отец еще не родился. Думаешь, ты у нас первый ученый пленник? Вот еще невидаль — ученые! Шайка невежд!

Пытаясь завоевать уважение к своему интеллектуальному «я», Хью начал излагать теории молодых Ученых, отмечающие все религиозные интерпретации и воспринимающие Корабль как он есть. Он ожидал, что Джо-Джиму такой подход будет по душе, но близнецы еще больше стали издеваться над ним.

— Вот уж действительно, — фыркнул Джим, закашлявшись от смеха, — вы, молодые, — идиоты еще хуже старых.

— Но ты же сам говорил, — обиженно ответил Хью, — что все наши религиозные догмы просто чепуха. Мои друзья именно из этого и исходят. Они хотят положить конец всей этой устаревшей ерунде.

Джо начал было отвечать, но Джим перебил его:

— Что ты с ним возишься, Джо? Он же безнадежен.

— Нет, он вовсе не безнадежен. Мне нравится с ним спорить. Впервые нам попался человек хоть с какими-то проблесками ума. Просто интересно посмотреть, голова у него на плечах или держалка для ушей.

— Ладно, спорь с ним, — согласился Джим. — Может, он и поймет, что к чему. Но только, пожалуйста, потише. Я пока сосну.

Левая голова закрыла глаза и захрапела. Джо и Хью продолжали вполголоса беседовать.

— Все вы дурни, старые и молодые, — говорил Джо, — но каждый на свой лад. То, чего молодые не могут понять, они просто отрицают. Не существует, мол, этого, и все дела. А старцы — те наоборот. Они не отрицают непонятного, они просто подгоняют его под свои догмы, а потом уверяют и себя и вас, что все правильно поняли и что именно так дела и обстоят. Но никто из вас никогда и не пытался просто поверить прочитанному и воспринять все, как есть в действительности. Как же, вы ведь слишком умны, чтобы упрощать! Если вы чего-то не поняли, значит, следует искать здесь совсем противоположный смысл!

— Что ты имеешь в виду? — спросил Хью подозрительно.

— Что я имею в виду? Возьми хотя бы этот пресловутый Полет. Как ты его себе представляешь?

— Никак. Полет, по-моему, вообще ничего не означает. Так, басня для крестьян.

— Хорошо, пусть будет басня. Но в чем она заключается?

— Полет — это место, куда человек попадет после смерти, или даже то, что он делает после смерти. Человек умирает и отправляется в Полет на Центавр.

— А что такое Центавр?

— Центавр — это... Но учти, что я тебе просто излагаю ортодоксальную доктрину. Сам-то я в нее давно не верю. Так, значит, Центавр — это то место, куда человек попадает в конце Полета после смерти, место, где все всегда счастливы и где много доброй еды.

Джо фыркнул. Джим перестал храпеть, открыл один глаз, потом закрыл его и опять заснул.

— Именно это я и имел в виду, — продолжал шепотом Джо. — Не хочешь ты шевелить мозгами. Неужели тебе никогда не приходило в голову, что Полет и есть именно полет, а не что-либо другое? И что старые книги следует понимать буквально — как в них и написано. Корабль вместе со своим экипажем просто летит куда-то, передвигается в пространстве.

Хойланд обдумал слова Джо.

— Ты просто смеешься надо мной. То, что ты говоришь, никак невозможно физически. Как же Корабль может передвигаться в пространстве, когда сам он и есть пространство? Мы можем передвигаться внутри Корабля, но, говоря о Полете, мы, конечно же, вкладываем в это слово чисто духовный смысл.

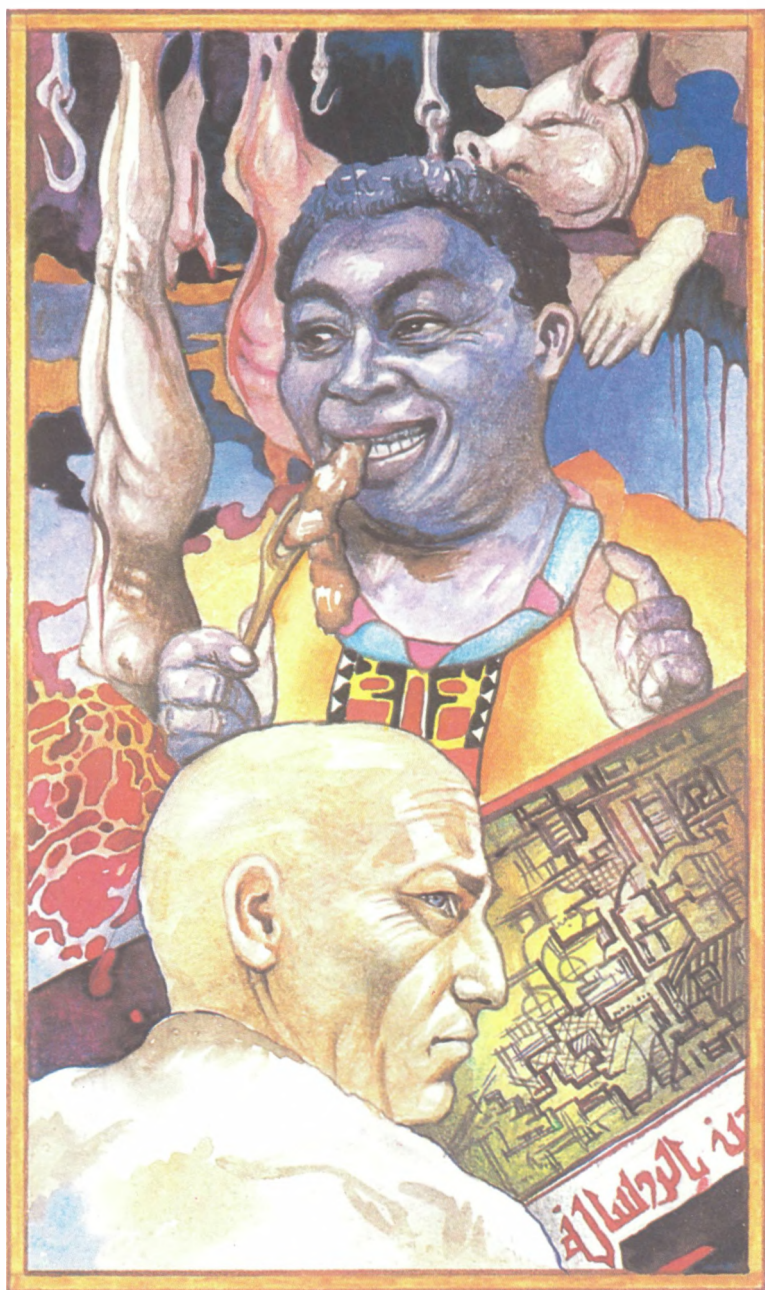
Джо призвал на помощь имя Джордана.

— Послушай, — сказал он, — вбей наконец в свою тупую башку такую мысль. Представь себе пространство намного большее, чем наш Корабль. И что Корабль движется в нем.

Хью честно попытался представить себе такую картину. Потом покачал головой.

— Бессмыслица, — сказал он. — Как же может существовать нечто большее Корабля? Корабль — это и есть Вселенная.

— Хафф тебя подери! Вне Корабля, поймешь ты наконец или нет? Вообрази себе пространство вне Корабля. Иди мысленно вниз до самого последнего яруса, а потом представь, что ты прошел сквозь него.

— Но ведь дальше нижнего яруса некуда идти. Потому он и есть нижний.

— Представь себе, что ты взял нож и начал сверлить дыру в полу нижнего яруса. Что получится?

— Что? Сломаю нож, вот и все. Пол же очень твердый.

— Вообрази себе, что пол мягкий. Вообрази, что ты проковырял дыру. Что ты обнаружишь? Подумай!

Хью закрыл глаза и попытался представить, как он сверлит дыру в полу нижнего яруса. Смутно, очень смутно в сознании его забрезжила картина, переворачивающая всю душу, все привычные представления. Он вышел в сделанную им дыру и падает, падает, падает в нее, в бесконечную пустоту.

— Нет, нет, я не верю, — выдохнул он. — Это ужасно!

Джо-Джим встал.

— Я тебя заставляю поверить, — хмуро сказал он. — Заставлю, если даже придется свернуть тебе для этого шею. — Он подошел к двери и крикнул: — Бобо, эй, Бобо!

Джим дернулся и открыл глаза.

— Что происходит? Что случилось?

— Мы сейчас отведем Хью в невесомость.

— Это еще зачем?

— Вбить в его тупую голову немного ума.

— В следующий раз.

— Нет, сейчас.

— Хафф с тобой, ладно. Да не трясись ты, я уже все равно проснулся.

Умственные способности Джо-Джим Грегори были так же уникальны, как и его физический облик. Он был бы выдающейся личностью при других обстоятельствах, и неудивительно, что держал себя хозяином и заставлял мутантов служить себе. Испытывая он жажду власти, ему ничего не стоило бы сплотить мутантов и покорить Экипаж Корабля. Но властолюбием Джо-Джим не страдал. Он был прирожденным интеллектуалом, наблюдателем, стоящим в стороне. Его стремление к действию ограничивалось созданием уютной и удобной обстановки, способствующей размышлениям.

Родись он двумя обычными близнецами среди Экипажа, их наверняка ожидал бы сан Ученых. А сейчас

Джо-Джим мучился отсутствием достойного партнера для интеллектуальных упражнений и утешался как мог чтением книг, наворованных его слугами, три поколения которых он уже пережил.

Прочитанное всегда живо обсуждалось обеими половинами его двойной личности. В итоге Джо и Джим выработали весьма разумную и связную концепцию физической природы мира и его исторического развития. Понятие художественной литературы было, пожалуй, единственным, чего они не смогли усвоить; романы, которыми когда-то была снабжена библиотека экспедиции Фонда Джордана, они воспринимали как столь же достоверную информацию, что содержалась в научной и справочной литературе. На этой почве они серьезно расходились во взглядах. Джим считал величайшим человеком в истории Аллана Квотермейна*. Джо придерживался того же мнения о Джоне Генри**.

Оба страстно любили поэзию, Киплинга они читали на память целыми страницами. Почти наравне с Киплингом оба чтити Райслинга***, «слепого певца космических дорог».

Вошел Бобо. Джо-Джим показал на Хью.

— Он сейчас выйдет отсюда, — сказал Джо.

Бобо радостно захлопал себя по животу.

— Вот ведь обжора. — Джо двинул его кулаком в бок. — Нет, ты его не трогай. Ты и он — кровные братья. Понял?

— Нельзя есть?

— Нельзя. Ты будешь драться за него, он за тебя.

— Хорошо. — Карлик пожал плечами, покоряясь неизбежному. — Кровные братья. Бобо знает.

— Тогда пошли. Туда, где все летает. Ты иди вперед.

* Аллан Квотермейн — герой серии романов («Аллан Квотермейн», «Копи царя Соломона», «Жена Аллана», «Она», «Она и Аллан», «Люди тумана» и др.) известного английского писателя Генри Райдера Хаггарда (1856—1925).

** Генри — фамилия распространенная; в истории науки, техники, политики, искусства оставили след многие Генри; какого именно Джона Генри имел в виду Хайнлайн — сказать нельзя.

*** Райслинг — герой одного из лучших рассказов самого Хайнлайна (см. в сб.: Эллинский секрет. Лениздат, 1966).

Они лезли вверх гуськом, один за другим. Карлик шел первым и внимательно осматривал дорогу. За ним следовал Хойланд. Джо-Джим замыкал шествие. Джо смотрел вперед, Джим — через плечо назад.

С каждой пройденной палубой вес все уменьшался. И вот они достигли яруса, выше которого дороги не было — потолок был глухой, без люка. Силы тяжести здесь почти не чувствовалось. Хью особой радости от экспедиции не испытывал — с непривычки его начало мутить. Зато Бобо явно наслаждался парением в невесомости. Он плавал в воздухе подобно большой неуклюжей рыбе, хватаясь за выступающие из стены поручни.

Так же, хватаясь за поручни, расположенные в определенном порядке, Джо-Джим продвигался вперед, как паук по паутине. Хью пытался подражать им. Постепенно он приноровился отталкиваться, пролетать изрядное расстояние, отталкиваться снова. Остановились они, когда путь им преградила стена. Джо-Джим двинулся вдоль стены направо, ощупывая ее рукой. Наконец он нашел то, что искал, — дверь высотой в человеческий рост, запертую так плотно, что и обнаружить ее можно было только по сложному геометрическому узору на поверхности. Джо-Джим посмотрел на дверь и почесал свою правую голову. Потом правая и левая головы тихонько о чем-то пошептались. Джо-Джим нерешительно поднял руку.

— Нет, нет, — сказал Джим.

Джо-Джим снова посмотрел на дверь.

— Как так? — спросил Джо.

Они снова начали шептаться. Наконец Джо кивнул, и Джо-Джим опять поднял руку. Он обводил пальцами контуры рисунка на двери, не прикасаясь, однако, к нему. Потом уперся ладонью в стену, оттолкнулся от двери и замер в ожидании. Через секунду раздался еле слышный свист проходящего через щель воздуха. Дверь вздрогнула, приоткрылась дюймов на шесть и остановилась. Джо-Джим был заметно обескуражен. Он осторожно всунул пальцы в образовавшуюся щель и потянул дверь за край. Дверь не двигалась с места.

— Бобо, открой ее! — крикнул Джо.

Сморщив лоб, Бобо оглядел щель. Потом уперся ногами в стену, вцепился в дверь руками, поднатужил-

ся и потянул. По лицу его катился пот, спина напряглась, на шее выступили жилы. Хью услышал, как у карлика затрещали суставы. Было похоже, что он сейчас лопнет от натуги, потому что отказаться от этой несложной затеи у него не хватало ума.

Но дверь неожиданно скрипнула и подалась, вырвавшись из крепко сжатых пальцев Бобо. Ноги карлика, упертые в стену, пружиной швырнули его в сторону, и он растопырил руки, пытаясь схватиться в полете за поручень. Через секунду Бобо вернулся обратно, потирая сведенную от напряжения икру.

Джо-Джим первым вошел в проход. Хью за ним.

— Где мы находимся? — потребовал объяснений Хью, любопытство которого разгорелось настолько, что даже заставило забыть о подходящих слуге манерах.

— В Главной рубке, — ответил Джо.

Главная рубка! Священнейшее и запретнейшее помещение Корабля, само расположение которой забылось и стало тайной! Для старых Ученых она была либо слепым догматом веры, либо предметом мистических толкований, а молодые Ученые вообще перестали верить в ее существование.

Хотя Хью и считал себя человеком просвещенным, одни эти слова привели его в благоговейный трепет. Главная рубка! Да ведь здесь же, говорят, обитает дух самого Джордана!

— Что стоишь столбом? Пошли! — оглянулась голова Джо.

— Но ведь дух Джордана...

— Вот те на! — воскликнул Джо раздраженно. — Ты же говорил, что вы, молодые, в Джордана больше не верите.

— Конечно, но ведь...

— Прекрати. Иди вперед, а не то прикажу Бобо тащить тебя.

Хью неохотно последовал за Джо-Джимом.

Они прошли коридор, достаточно широкий, чтобы в нем могли разминуться два человека, и очутились под аркой, ведущей непосредственно в Главную рубку. Любопытство перебороло страх, и Хью выглянул из-за плеча Джо-Джима. Глазам его открылось просторное, футов двести длиной, хорошо освещенное помещение

сферической формы — внутреннее пространство огромного шара. Поверхность этого шара светилась тусклым матовым серебром. В геометрическом центре сферы Хью обнаружил скопление приборов футов пятнадцать в поперечнике. Увиденное ничего не говорило его неопытному глазу, он бы и описать не смог. Просто приборы висели неподвижно без какой бы то ни было опоры.

От арки, под которой они стояли, шел только один путь — туннель из металлической решетки.

Джо-Джим приказал Бобо оставаться на месте, а сам полез в туннель. Он лез по решеткам, как по лестнице. Хью последовал за ним внутрь непонятного сооружения. Постепенно из общей массы оборудования пульта управления стали видны отдельные детали, но Хью они все равно ничего не говорили. Он отвернулся и принялся рассматривать поверхность шара, окружавшего их.

Это было ошибкой. Белая матовая поверхность не давала чувства перспективы. Может быть, она отстояла от него всего на сотню футов, а может быть, и на всю сотню миль. Хью никогда не видел ни высоты большей, чем расстояние между двумя палубами, ни открытого пространства большего, чем общинная его деревни. Его охватил ужас, тем больший, что причин этого чувства он не мог понять. Дух давно забытых лесных предков пробудился в нем, и первобытный страх судорогой свел живот. Хью вцепился в Джо-Джима.

Джо-Джим резко ударил его по лицу.

— Ты что это? — рявкнул Джим.

— Я не знаю, что со мной, — выдавил наконец Хью. — Не знаю, но мне здесь не по себе. Давайте уйдем отсюда.

Джим посмотрел на Джо и сказал брезгливо:

— Можем и уйти. Попусту только время тратим на эту мокрицу, все равно он ничего не поймет.

— Прекрасно поймет, — ответил Джо. — Лезь в кресло, Хью, вот сюда.

Пока братья спорили, Хью внимательно осмотрел туннель, которым они добрались до пульта управления, проследив взглядом весь путь, проделанный ими от арки. Неожиданно сфера приобрела в его глазах осязаемость, а страх исчез. Все еще дрожа, он повиновался приказу Джо.

Кресла пульта были установлены так, чтобы все приборы и панели находились в пределах досягаемости для космонавтов, но Хью, разумеется, не имел об этом ни малейшего представления. Он откинулся в кресле, радуясь, что устроился наконец прочно и надежно.

На панели перед креслом Джо-Джима происходило что-то таинственное. Внезапно зажглись красные буквы: «Второй навигатор пост принял».

Что такое «второй навигатор»?

Вдруг Хью увидел на панели перед своим креслом те же слова и понял, что это человек, который должен сидеть здесь. Но что же означает «второй навигатор»?

Буквы на приборной доске перед Джо-Джимом погасли. В левом углу светилась лишь большая красная точка.

— Приготовься, — сказал Джо. — Сейчас погаснет свет.

— Нет, не надо, не выключай, — запротестовал Хью.

— А я и не собираюсь. Ты сам выключишь. Посмотри слева от себя. Видишь маленькие белые огоньки?

Хью повернулся и увидел на левом подлокотнике восемь маленьких огоньков, расположенных двумя группами, по четыре одна над другой.

— Каждый контролирует освещение одного квадранта, — объяснил Джо. — Прикрой их рукой, и свет погаснет.

Неохотно, но уже не в силах подавить растущее любопытство, Хью повиновался. Матовые стены потемнели, а потом их свечение угасло совсем. В крошечной тьме мерцали лишь огоньки приборной доски.

Хью била нервная дрожь. Он убрал руку, восемь маленьких огоньков горели теперь голубым светом.

— Сейчас я покажу тебе звезды, — сказал Джо.

В темноте рука Джо-Джима легла на другой узор из восьми огоньков.

Мироздание.

Со стен стеллариума на Хью смотрели отражения звезд, со скрупулезной достоверностью воспроизведенные зеркалами телескопов, — звезд, испускающих ровный безмятежный свет. Бриллианты, с небрежной

щедростью рассыпанные по искусственному небу, — бесчисленные светила лежали перед ним, над ним, окружали его со всех сторон. Один посреди звездной Вселенной!

— О-о-о! — невольно выдохнул Хью и вцепился в ручку кресла, чуть не обломав ногти, но даже не заметил боли.

Страх он больше не испытывал. Только одно чувство владело им. Грубые будни Корабля не убили в нем стремления к прекрасному, и сейчас он впервые в жизни переживал невыносимо сладостную муку встречи с ним. Прекрасное ошеломило его и вызвало боль.

Только окончательно придя в себя, Хью заметил сардоническую усмешку Джима и услышал едкое покашливание Джо.

— Хватит или еще? — осведомился Джо.

Не дожидаясь ответа, Джо-Джим включил освещение дублирующим устройством, расположенным в левом подлокотнике его кресла.

Хью вздохнул. У него болела грудь и бешенно билось сердце. Он вдруг понял, что за все это время ни разу не перевел дыхания.

— Ну, умник, — сказал Джим, — убедился?

Хью снова вздохнул, сам не зная почему. Когда зажегся свет, ему опять стало хорошо и уютно, но он никак не мог избавиться от ощущения невосполнимой потери. Сердцем он чувствовал, что, увидев однажды звезды, он никогда уже не будет счастлив, как прежде. Тупая боль в груди, смутная, неосознанная тоска по утраченному никогда уже не оставят его, хотя в невежестве своем Хью еще не мог осознать этого.

— Что это было? — тихо спросил он.

— Оно самое, — ответил Джо. — Мир. Вселенная. Именно то, о чем я тебе говорил.

Хью отчаянно пытался понять, что имел в виду Джо.

— Это и есть мир вне Корабля — красивые маленькие огоньки?

— Совершенно верно, только они не маленькие. Они просто очень далеки от нас, за десятки тысяч миль, а может быть, и больше.

— Что?!

— То, что ты слышал, — усмехнулся Джо. — Космос огромен. А некоторые из этих звезд размером с Корабль, если не больше.

— Больше Корабля? — выдохнул Хью.

— Без толку все это, — возразил Джим. — Только время на него, остолопа, зря тратим.

— Полегче, братец, полегче, — возразил Джо. — Не надо заставлять малыша бегать прежде, чем он научился ползать. Мы ведь тоже не сразу все поняли. Насколько я помню, ты долго не хотел верить своим глазам.

— Ложь, — сердито буркнул Джим. — Это тебя пришлось долго убеждать.

— Ну ладно, дело прошлое, — согласился Джо. — Все же нам с тобой тоже понадобилось время разобраться, что к чему.

Хойланд слушал близнецов краем уха. Их споры были делом обычным. Хью же думал сейчас только о том, что произошло с ним.

— Джо, — спросил он, — что случилось с Кораблем, когда мы увидели звезды? Он стал прозрачным?

— Не совсем так, — ответил Джо. — Ты видел не сами звезды, а их изображение. Есть такие устройства с зеркалами. Я тебе дам потом прочесть книгу о них.

— Но можно посмотреть и на настоящие звезды, — вклинился в разговор Джим, уже остывший после минутной размовки. — Здесь есть одно место...

— Точно, — подтвердил Джо. — Я совсем забыл о Капитанской рубке. Она сделана из стекла, и оттуда все хорошо видно.

— Капитанской?!

— Разумеется, не нынешнего Капитана. Этот сюда ногой не ступал. Просто там на двери написано: *Капитанская рубка*.

— Мы пойдем туда?

Джо было согласился, но Джим запротестовал:

— В следующий раз. Сейчас пора возвращаться. Я есть хочу.

Они спустились по туннелю к арке, разбудили Бобо и отправились в долгий путь вниз.

Не скоро удалось Хью уговорить Джо-Джима на новую экспедицию, но он не расстраивался: время не пропало даром. Джо-Джим пустил его в свою библиотеку. Такого количества книг Хью за всю свою жизнь

не видел. А немногие из них, которые он читал раньше, теперь наполнились живым смыслом и воспринимались совсем по-другому.

Хью не мог оторваться от библиотеки, он жадно впитывал новые мысли, переваривал их, пытаясь усвоить. Хью забывал про еду, от него бежал сон, и только раскалывающаяся от боли голова и резь в пустом желудке напоминали ему, что надо заботиться и о теле. Утолив голод, он снова брался за книги и читал, пока буквы не начинали расплываться перед глазами.

Служить Джо-Джиму было не тяжело. Хотя Хью и полагалось находиться при хозяине все время, тот позволял ему читать сколько угодно, лишь бы пленник оказывался всегда под рукой. Хью вменялось в основную обязанность играть в шашки с одной из голов, когда другой голове играть надоедало. Но и это время никак нельзя было считать полностью потерянным, потому что, играя, Хью почти неизменно переводил разговор на обсуждение истории Корабля, его устройства и оборудования.

Беседовали они и о людях, построивших его и отправившихся на нем в путь, об их прошлом, о Земле — этом странном и непонятном для них мире, где жили снаружи, а не внутри.

Хью пытался понять, как люди удерживались на Земле. Он спросил об этом Джо и наконец получил представление о гравитации.

Душой он в нее так и не поверил — слишком уж она казалась невероятной, но впоследствии, когда перед ним забрезжили первые смутные проблески искусства космической навигации и управления Кораблем, принял ее рассудком.

Наконец он уговорил Джо-Джима еще раз сводить его в Главную рубку. Джо рассказал Хью то немногое, что знал сам о приборах управления.

Давно забытым инженерам-проектировщикам Фонда Джордана было дано задание построить корабль, который будет функционировать, даже если полет затянется на срок больший, чем предполагаемые шестьдесят лет. Ученые с блеском выполнили эту задачу. При создании главного двигателя, систем управления и механизмов, предназначенных для обеспечения нормальных жизненных условий, был разработан принцип,

в корне отличающийся ото всех существовавших когда-либо. Корабль — это творение человеческого гения — был построен навечно. Даже если бы погиб весь экипаж, он продолжал бы полет, по-прежнему освещенный, по-прежнему со свежим, хорошим воздухом, с двигателями, готовыми к пуску. И теперь, когда лифты, конвейеры и другие вспомогательные устройства были давно забыты и заброшены, вся основная оснастка корабля обслуживала свой невежественный человеческий груз и ждала пробуждения ума достаточно острого, чтобы найти к ней ключ.

Вот почему, когда неопытная, но ищущая рука Хью легла на квадратик огоньков с надписью: *Ускорение*, ответ пришел немедленно. Вспыхнул красный свет над местом Главного пилота, и на табло зажглась надпись: *Главный двигатель — вахта не на посту*.

— Что это значит? — спросил Хью.

— Трудно сказать, — ответил Джо. — Мы однажды проделали то же самое в двигательном отсеке, и там зажглась надпись: *Главная рубка — вахта не на посту*.

Хью задумался, потом спросил:

— Интересно, а что получится, если ты пойдешь в двигательный отсек, а я в это время буду в Главной рубке?

— Трудно сказать, — повторил Джо.

Хойланд молчал. В его мозгу зрело решение. Он тщательно обдумывал его.

Хью долго ждал подходящего момента — надо было застать близнецов в благодушном настроении. Однажды, когда они сидели в Капитанской рубке, он решил наконец рискнуть. Джо-Джим только что хорошо поел, удобно развалился в кресле и рассматривал в иллюминатор безмятежные звезды. Хью парил рядом.

— Послушай, Джо-Джим, — начал Хью.

— Что тебе, юнец? — отозвался Джо.

— Красиво, правда?

— Что красиво?

— Звезды... — Хью махнул в сторону иллюминатора и тут же схватился за спинку кресла, чтобы не отлететь в сторону.

— Конечно, красиво. На душе от них хорошо становится.

Как ни странно, это сказал Джим. Хью понял, что момент, которого он ждал, наступил. Собравшись с духом, он выпалил:

— Почему бы нам не довести дело до конца?

— Какое дело? — спросил Джо.

— Полет. Почему бы нам не запустить Главный двигатель и не взять управление на себя? Ведь где-то там, — Хью говорил быстро, чтобы его не успели перебить, — где-то там есть похожие на Землю планеты, во всяком случае так считали наши предки. Мы должны найти их.

Джим расхохотался. Джо затряс головой.

— Мальчик, — сказал он, — ты в своем уме? Такого даже от Бобо не услышишь. Забудь и думать об этом.

— Но почему?

— Потому что это нам не по плечу. Для такого дела необходим грамотный Экипаж, обученный управлению Кораблем.

— А много ли нам нужно людей? На Корабле ведь не больше десяти постов управления. Я думаю, что десять-двенадцать человек вполне могут управлять им. Если, конечно, они будут такими же знающими, как вы оба, — добавил он лукаво.

— Что, Джо, поймал он тебя? А ведь парень прав, — усмехнулся Джим.

Джо пропустил «шпильку» мимо ушей.

— Ты переоцениваешь наши знания и возможности, Хью, — сказал он. — Я допускаю, что можно научиться управлять Кораблем, но что потом? Нам неизвестно даже, где мы находимся. Корабль дрейфовал один Джордан знает сколько веков. Мы не имеем ни малейшего представления о его курсе и скорости.

— Но ты сам показывал мне навигационные приборы, — стоял на своем Хью. — Я уверен, что вам обоим ничего не стоило бы в них разобраться, Джо, если бы вы только захотели.

— Это уж точно, — согласился Джим.

— Не хвастай, братец, — одернул его Джо.

— А я и не хвастаю, — отрубил Джим. — Я в любом приборе разберусь, если он действует.

Джо только хмыкнул.

Первая маленькая победа. Они уже спорят друг с другом, а Хью только этого и надо. И хорошо, что наименее сговорчивый из них уже на его стороне. Теперь следует закрепить успех...

— Я знаю, где взять людей, если вы согласитесь их обучить.

— Где же? — недоверчиво спросил Джим.

— Помните, я рассказывал вам о молодых Ученых?

— А, эти кретины...

— Но они же не знают того, что знаете вы. И по-своему они люди здравомыслящие. Если бы я мог вернуться к ним и рассказать о чем узнал, то я набрал бы вполне подходящую команду для обучения.

— Посмотри-ка на нас внимательней, Хью, — перебил его Джо. — И скажи, кого ты перед собой видишь?

— Джо-Джима, кого же еще?

— Ты видишь мутанта, — поправил его Джо голосом, полным сарказма. — Ты видишь мьюта, ясно тебе? Ученые не станут с нами сотрудничать.

— Неправда, — запротестовал Хью. — Я же не предлагаю обращаться к крестьянам. Они, конечно, ничего не поймут, но Ученые, о которых я говорю, — наиболее разумные из всех там, внизу. Они поймут. От вас всего лишь потребуется обеспечить безопасный проход через страну мьютов. Ведь для вас это совсем не проблема, — добавил он, инстинктивно перенося суть спора на более твердую почву.

— Это для нас раз плюнуть, — согласился Джим.

— Прекрати, — сказал Джо.

— Конечно, конечно, — заспешил Хью, почувствовав, что его настойчивость всерьез рассердила Джо. — Но, вообще, было бы интересно попробовать...

С этими словами он отодвинулся подальше от братьев. Ему было слышно, как они оживленно шепчутся, но он сделал вид, что их разговор его не интересует. Двойственность всегда была основной проблемой Джо-Джима. Будучи скорее группой, чем индивиду-

умом, он с трудом переходил от слов к делу, так как каждый его поступок требовал принятия совместного решения.

Немного погодя Хью услышал, как Джо повысил голос:

— Ладно, пусть будет по-твоему! Хью, пльви-ка сюда!

Хью оттолкнулся от стены и одним прыжком очутился близ Джо-Джима, вцепившись обеими руками в спинку капитанского кресла, чтобы затормозить.

— Мы решили отпустить тебя вниз и дать тебе шанс попробовать, — сказал Джо. — Но все равно ты идиот, — добавил он хмуро.

Бобо проводил Хью через опасные ярусы страны мьютов и оставил его в необитаемой пограничной зоне.

— Спасибо, Бобо, — сказал ему Хью на прощание. — Доброй тебе еды.

Карлик усмехнулся, кивнул и устремился вверх по лестнице, по которой они только что спустились. Хью рассчитывал найти Билла Эртца, Заместителя Главного инженера, вождя группы молодых Ученых. До беседы с ним Хью хотел по возможности избежать каких бы то ни было объяснений с другими.

Скоро Хойланд оказался в знакомом коридоре. Поворот налево, еще ярдов сто, и он очутился у двери, охраняемой часовым. Хью рванулся было вперед, но часовой преградил ему дорогу:

— Стой, ты куда?

— Мне нужен Билл Эртц.

— Главный инженер? Нет его здесь.

— Билл Эртц — Главный инженер? А что случилось с прежним? — Хью сразу смекнул, что выдал себя, но часовой был глуп и ленив.

— С прежним? Да он давно ушел в Полет, — зевнул страж. — А Главный инженер Эртц у себя в резиденции.

— Спасибо. Доброй еды.

— Доброй еды.

Хью пришлось подождать в приемной, прежде чем его впустили к Главному инженеру. Увидев Хью, Эртц привстал из-за стола.

— Вернулся, значит, — сказал он. — Вот так сюрприз. А мы-то думали, ты давно мертв, и списали как ушедшего в Полет.

— Это естественно.

— Садись, рассказывай. У меня сейчас есть немного времени. Здорово ты изменился, я бы тебя не узнал. Совсем седой стал. Видно, нелегко пришлось?

Седой? Хью и не подозревал этого. Но ведь и Эртц сильно изменился. Морщины, брюшко... Джордан, сколько же он был в плену?

Эртц побарабанил пальцами по столу, построил гримасу.

— Возникает проблема, — сказал он. — Боюсь, что на старый пост я назначить тебя не смогу, его занимает Морт Тайлер. Но мы подыщем тебе место, подобающее твоему рангу.

У Хью не сохранилось никаких приятных воспоминаний о Мorte Тайлере. Лицемер. Только и заботится о том, чтобы соблюсти приличия и угодить начальству. Так-так, значит, Тайлер выбился все-таки в Ученые и занял прежнюю должность Хью, но сейчас это не имеет значения.

— Послушай, Билл, — начал он. — Я хотел бы с тобой переговорить о...

— Конечно, возникает и проблема старшинства, — продолжал свое Главный инженер. — Пожалуй, следует передать дело на рассмотрение Совета как вопрос, не имеющий прецедента. Мьюты и раньше, случалось, захватывали наших Ученых, но, насколько мне известно, ты первый, кому удалось вернуться от них живым.

— Есть более важная тема для разговора, — опять перебил его Хью. — Я увидел много удивительного, Билл. Удивительного и жизненно важного. Ты обязательно должен все это знать. Поэтому я прямо к тебе и пришел. Слушай, мне...

Эртц внезапно стал сосредоточенным.

— Конечно же! И как я сразу не сообразил? У тебя ведь была небывалая возможность досконально изучить страну мьютов. Выкладывай все, что знаешь!

— Я совсем не о том, — ответил Хью. — Все гораздо сложнее, чем просто информация о мьютах, хотя дело касается и их тоже. Я думаю, нам придется изменить теперь всю политику по отношению к ним.

— Говори, говори, я слушаю.

Хью начал рассказывать о великом открытии, об истинной природе Корабля, выбирая слова как можно тщательнее и стараясь говорить убедительно. Он лишь мельком коснулся трудностей, связанных с реорганизацией жизни Корабля, но зато не жалел красок, расписывая почет и уважение, которые достанутся тому, кто этот процесс возглавит.

Говоря, Хью наблюдал за лицом Эртца. Когда он выложил главное — что Корабль всего лишь движущееся тело в безбрежном пространстве, — лицо Эртца выразило крайнюю растерянность. Однако потом на нем застыла маска бесстрастного спокойствия, по которой ничего нельзя было понять. Только в глазах вспыхивали искорки, когда Хью говорил, что Эртц как раз и есть тот человек, который мог бы возглавить новое движение, опираясь на свой авторитет заслуженного руководителя и признанного вождя прогрессивно мыслящих Ученых.

Кончив говорить, Хью напряженно ждал ответа. Эртц молчал, продолжая назойливо барабанить пальцами по крышке стола. Наконец он сказал:

— Это очень важные вопросы, чтобы судить о них второпях, Хойланд. Мне необходимо тщательно обдумать услышанное.

— Разумеется, — согласился Хью. — Только я хочу добавить, что о безопасном переходе наверх уже есть договоренность. Я могу отвести тебя туда, чтобы ты увидел все собственными глазами.

— Да, это было бы лучше всего, — ответил Эртц. — Ты голоден?

— Нет.

— Тогда нам обоим нужно отдохнуть. Давай поспим немного, а потом будем думать на свежую голову. Можешь расположиться здесь, в комнате за моим кабинетом. Но говорить ты ни с кем не должен, пока я не обдумаю все сам. Если твои новости разгласить без должной подготовки, может начаться смута.

— Ты прав, — снова согласился Хью.

Эртц провел Хью в комнату за своим рабочим кабинетом, в которой, по всей видимости, отдыхал иногда, и сказал:

— Выспись, а там поговорим.

— Спасибо, — ответил Хью. — Доброй еды.

— Доброй еды.

Только оставшись один, Хью почувствовал, как он устал. Нервное возбуждение от беседы с Эртцем сменилось депрессией. Он растянулся на кровати и сразу уснул.

Проснувшись, Хью обнаружил, что дверь комнаты заперта снаружи. Более того, исчез его нож.

Прошло очень много времени, прежде чем он услышал шаги у двери. Вошли два утрюмых стражника.

— Вставай, пойдешь с нами, — сказал один из них.

Хью смерил их взглядом и отметил, что оба безоружны. Так, значит, шанса сорвать нож с пояса одного из них нет. Но если у безоружных конвоиров нельзя добыть оружие, то можно попробовать вырваться и уйти от преследования. Однако в следующей комнате стояли еще двое, такие же массивные и утрюмые. Эти были вооружены. Один изготовил нож к броску, другой был готов в любой момент всадить свой под ребра Хью с близкого расстояния.

Теперь Хойланд понял, что деваться некуда. Все предусмотрено. Давно уже привыкнув не противиться неизбежному, он спокойно пошел вперед. Увидев Эртца и убедившись, что именно тот командует арестовавшими его людьми, Хью сказал:

— Привет, Билл. С чего это вдруг такие предосторожности? Что случилось?

Эртц чуть-чуть замешкался с ответом.

— Ты сейчас предстанешь перед Капитаном.

— Хорошо, Билл, спасибо, — ответил Хью, — но разумно ли обращаться с таким делом к нему, не подготовив предварительно кое-кого?

Эртц даже не стал скрывать раздражения, вызванного столь очевидной тупостью.

— Если ты этого еще не понял, позволь объяснить, что ты предстанешь перед Капитаном для суда за ересь!

Хью реагировал так, как будто ничего подобного ему раньше и в голову не приходило.

— Тогда меня не по адресу ведут, Билл, — спокойно заметил он. — Обвинение в ереси и суд, может быть, и правильный подход к сложившейся ситуации, но я ведь не крестьянин какой-нибудь, чтобы волочить меня под конвоем к Капитану. Меня должен судить Совет: я Ученый.

— Ты в этом уверен? — усмехнулся Эртц. — Я уже консультировался по этому вопросу. Хью Хойланд давно исключен из списков. Кто ты и что ты, будет теперь решать Капитан-Помазанник.

Хью сохранял спокойствие. Ситуация складывалась не в его пользу, и не было смысла раздражать Эртца. Главный инженер подал знак, безоружные конвоиры схватили Хью за руки, и он, не сопротивляясь, пошел за ними.

Хью с интересом разглядывал Капитана. Старик мало изменился, разве что еще больше растолстел.

Капитан удобно устроился в кресле и взял со стола рапорт.

— В чем дело? — спросил он брюзгливо. — Я ничего не понимаю.

Обвинителем против Хойланда выступал Морт Тайлер. Такого поворота событий Хью отнюдь не предвидел, и этот факт не мог не усугубить его опасений. Он даже покопался в памяти, пытаясь найти хоть какую-нибудь зацепку, способную пробудить сочувствие к нему со стороны Тайлера, но так ничего и не нашел.

Морт прочистил горло и начал:

— Речь идет о некоем Хью Хойланде, Капитан, который был одним из наших младших Ученых.

— Ученых? Почему же его делом не занимается Совет?

— Потому что он больше не Ученый, Капитан. Он перебежал к мяотам, а сейчас вернулся, чтобы сеять ересь и смуту и подрывать вашу власть.

Капитан окинул Хью враждебным взглядом человека, не терпящего покушения на свои prerogatives.

— Это правда? — прорычал он. — Что ты сам скажешь, Хойланд?

— Это ложь, Капитан, — ответил Хью. — Все, что я говорил, лишь подтверждает истинность наших древних верований, по которым мы живем. Я никогда не пытался отрицать наше Учение, напротив, я сумел

найти доказательства его правоты, еще более глубокие...

— Ничего не могу понять, — перебил его Капитан. — Его обвиняют в ереси, а он утверждает, что верит в Учение. Если ты невиновен, то как же здесь очутился?

— Я могу объяснить, — сказал Эртц.

— Надеюсь, что хоть ты это сможешь, — буркнул Капитан. — Давай выкладывай.

Эртц доложил о возвращении Хойланда и о его странных рассказах. Придерживаясь фактов, Главный инженер сумел все же придать им определенную окраску.

Хью немедленно заговорил:

— Суть моих утверждений, Капитан, состоит в том, что в верхних ярусах есть места, где воочию можно убедиться в основной истине нашей веры: в том, что Корабль действительно движется; где можно увидеть План Джордана в действии. Это не опровержение, это подтверждение веры. Я не прошу верить мне на слово, сам Джордан подтвердит мою правоту.

Почувствовав нерешительность Капитана, в разговор вклинился Морт Тайлер:

— Капитан, я считаю своим долгом проанализировать и изложить все возможные версии этого невероятного дела. Есть два наиболее разумных объяснения смехотворной истории, рассказанной Хойландом. Либо это просто-напросто закоренелый еретик, либо тайный мьют и участник заговора, имеющего цель заманить нас в ловушку и передать в руки мьютот. Но есть и третье объяснение, более милосердное по отношению к обвиняемому, и в глубине души мне кажется, что справедливо именно оно. В досье Хойланда указано, что при его рождении Инспектор был серьезно обеспокоен размером головы ребенка и ставил вопрос об отправке его в Конвертер. Но поскольку отклонение от нормы было незначительным, Инспектор все-таки пропустил Хойланда. Мне кажется, что ужасные мучения, которые Хойланд претерпел в плену у мьютот, окончательно повредили его и так неустойчивый разум. Бедняга просто не ведает, что творит.

Хью посмотрел на Тайлера не без уважения. Очень тонко — и репутацию ему очистил полностью, и обвинение в ереси снял, и Полет стопроцентно обеспечил!

Капитан махнул рукой:

— Хватит отнимать у меня время. — Он обернулся к Эртцу: — Рекомендации по этому делу есть?

— Так точно, Капитан. Конвертер.

— Ну и хорошо. Но я не понимаю, Эртц, почему меня обязательно нужно беспокоить по всяким мелочам. Ты сам должен уметь поддерживать дисциплину в своем ведомстве.

— Слушаюсь, Капитан.

Капитан отвернулся от стола, готовясь встать.

— Рекомендация принята и утверждена. Все свободны.

Хью охватила ярость от такой глупости и несправедливости. Они даже не захотели познакомиться с реальными доказательствами его правоты и невиновности. Он услышал, как кто-то крикнул: «Подождите!» — и понял, что кричал он сам. Капитан поглядел на него.

— Подождите, — продолжал Хью. Слова сыпались сами собой. — Подождите! Дела это не меняет, вы ведь так уверены в своей мудрости, что даже глаз не раскроете, когда вам всего лишь предлагают посмотреть! Но все-таки, все-таки он движется!

Времени на размышление у Хью было предостаточно. Он опять сидел под арестом и ждал, пока Конвертеру потребуется очередная порция массы для производства энергии, и частью этой порции должен быть как раз он сам. Хью снова и снова анализировал свои ошибки. То, что он сразу, без подготовки, выложил все Биллу Эртцу, оказалось самым главным просчетом. Не стоило полагаться на старую дружбу, которая, скажем прямо, никогда не была особенно близкой. Сначала следовало его прощупать, а не лезть сломя голову. Второй просчет — Морт Тайлер. Услышав имя Тайлера, Хью опять же следовало выяснить, насколько Эртц прислушивается к его мнению и каким влиянием пользуется Морт. Он же Тайлера знал давно и должен был помнить, что его следует опасаться.

Вот Хью и сидит теперь здесь, заклеенный то ли как мутант, то ли как еретик. Ярлык, впрочем, дела не меняет — все едино, за что казнить. Хью подумал, что

мог бы попробовать объяснить судьям, откуда взялись мутанты. Сам он узнал об этом, читая старые записи в тщательно наворованной библиотеке Джо-Джима. Нет, эту идею придется отвергнуть... Рождение мутантов было вызвано космической радиацией, но как рассказать людям о поступающей извне радиации, если они вообще не могут понять, что такое «извне»? Нет, он сам все испортил до того, как его поволокли к Капитану.

Скрип двери прервал мысленное самобичевание. Кормили Хью не часто, и для очередной еды было еще рано. Неужели за ним уже пришли? Хью твердо решил, что в Конвертер отправится не один. Хоть кого-нибудь из них прихватит с собой.

Но он ошибся. Раздался голос, преисполненный мягкого достоинства:

— Сынок, сынок, как же это ты?

Его первый учитель, Лейтенант Нельсон, изможденный и постаревший, склонился над ним.

Встреча расстроила обоих. Старик, у которого собственных детей не было, возлагал на своего ученика большие надежды, лелея даже мечту, что когда-нибудь Хью достигнет места Капитана. Самому Хью он об этом никогда не говорил, не желая портить юношу зазнайством. Старик страшно горевал, когда его мальчик исчез. И вот вернулся мужчиной, но опозорен и приговорен к смерти.

Хью был огорчен не меньше старика. Он очень любил своего учителя, нуждался в его одобрении и хотел бы доставить ему радость, но, рассказывая свою историю, он с горечью убеждался, что Нельсон просто неспособен расценивать ее иначе как сумасшествие и скорее предпочтет, чтобы Хью принял быструю смерть в Конвертере, чем остался бы жить и высмеивать древнюю веру.

Встреча была такой мучительной для них обоих, что вскоре старик поднялся, чтобы уходить.

— Могу я чем-нибудь помочь, сынок? Кормят тебя хорошо?

— Вполне, — солгал Хью.

— Прислать что-нибудь?

— Нет, спасибо. Впрочем, не могли бы вы прислать мне немного табака? Я уже давно не жевал.

— Хорошо. Хотел бы ты повидать кого-нибудь из близких?

— Разве можно? Я думал, свидания здесь запрещены.

— Вообще-то запрещены, но я могу добиться исключения. Только дай мне слово, что никому не расскажешь о своей ереси.

Хью схватился за новый шанс. Дядя? Нет, не годится. Они всегда ладили, но никогда друг друга не понимали. Друзья? Он плохо сходился с людьми и друзей заводил с трудом. Да и Эртца он ведь считал другом! Неожиданно Хью вспомнил приятеля своего деревенского детства, с которым частенько играл. Алан Махони. Он, правда, почти не виделся с Аланом с тех пор, как переселился к Нельсону, но все-таки...

— Алан Махони все еще живет в нашей деревне?

— Да.

— Если он согласится прийти, я был бы рад с ним повидаться.

Придя к Хью, Алан нервничал, чувствовал себя не в своей тарелке, но был откровенно рад видеть старого товарища и очень расстроился, узнав о приговоре. Хойланд хлопнул его по спине:

— Молодец! Я не сомневался, что ты придешь.

— Как только узнал. В деревне ведь никому ничего о тебе не известно, даже Свидетелю.

— Расскажи, как ты жил все это время? Женился?

— Да нет. Давай не будем тратить время на разговоры обо мне. Расскажи лучше, в чем тебя обвиняют.

— Не могу, Алан. Я дал слово Лейтенанту Нельсону.

— Чего стоят слова, когда надо выбираться из беды! Влип ты ведь крепко.

— А то я сам не знаю.

— Кто-нибудь имеет на тебя зуб, Хью?

— Видишь ли... Во всяком случае, скажем так: наш старый дружок Морт Тайлер и пальцем не пошевелил, чтобы мне помочь.

Алан присвистнул и кивнул:

— Это проясняет дело.

— То есть? Тебе что-то известно?

— Как тебе сказать... Он женился на Идрис Бакстер после того, как ты исчез.

— Да, действительно проясняет, — Хью помолчал.

— Слушай, Хью, — сказал Алан. — Не сидеть же сложа руки и ждать, когда тебя поволокут в Конвертер. Тем более, что здесь замешан Морт Тайлер. Надо вытащить тебя отсюда.

— Как?

— Не знаю еще. Налет устроить, что ли. Есть несколько хороших ребят, которые не прочь помахать ножами.

— Боюсь, что тогда вместе со мной в Конвертере окажешься и ты, и твои хорошие ребята. Нет, это не пойдет.

— Так что же, дать им бросить тебя в Конвертер?

Хью смотрел на Алана. Имеет ли он право обращаться к нему с подобной просьбой? И он решил:

— Слушай, готов ли ты на все, чтобы выручить меня?

— Ты же знаешь, — обиженно ответил тот.

— Тогда ты пойдешь наверх и найдешь карлика по имени Бобо...

Алан лез все выше и выше. Так далеко он не забирался даже в юношеские годы, когда Хью водил его в отчаянные, полные безрассудного риска экспедиции. Сейчас он был старше, менее подвижен и не испытывал никакого желания находиться здесь. К вполне естественному страху перед реальными опасностями примешивался испуг, вызванный предрассудками и невежеством. Но все же он продолжал идти вперед.

Карлик увидел его первым. Выпущенный из пращи снаряд угодил Алану прямо в живот, он только успел крикнуть: «Бобо, Бобо!» — и потерял сознание.

Бобо спиной вошел в жилище Джо-Джима и сбросил свою ношу к ногам хозяина.

— Свежее мясо! — гордо объявил он.

— Ну и возьми его себе, — безразлично ответил Джим.

Карлик поковырял скрюченным пальцем в ухе.

— Смешно, — сказал он. — Знает Бобо.

— Подожди-ка, — оторвался от книги Джо.

Хью подготовил Алана к встрече с двухголовым мутантом, поэтому тот, придя в себя, рассказал обо всем, что случилось. Джо-Джим слушал молча и бесстрастно. Бобо тоже слушал внимательно, но ничего не понимал.

Когда Алан кончил, Джим заметил:

— Твоя была правда, Джо. Ничего у него не вышло. — Повернувшись к Алану, он добавил: — Останешься вместо Хью. В шашки играть умеешь?

Алан переводил взгляд с одной головы на другую.

— Вы даже не попыгаете помочь ему?

— А с какой стати? — удивился Джо.

— Но он же рассчитывает на вас. Ему больше неоткуда ждать помощи. Я поэтому и пришел, разве вы не понимаете?

— Даже если бы мы согласились, — рявкнул Джим, — что бы мы могли сделать, дурья твоя голова? Отвечай!

— Да просто-напросто нападём на них и отобьём Хью!

— А чего ради мы должны рисковать шкурой, спасая твоего друга?

— Что, драться будем? — наострил уши Бобо.

— Нет, Бобо, нет. Просто разговоры, — ответил Джо.

— А-а... — разочарованно протянул Бобо и снова смолк.

Алан посмотрел на него:

— Ну хоть Бобо отпустите со мной!

— Нет, — отрезал Джо. — Об этом не может быть и речи.

Алан сидел в углу, обхватив в слепом отчаянии колени. Как вырваться отсюда? Внизу он мог бы еще найти помощь. Карлик, казалось, спал, хотя наверняка сказать этого не мог никто. Хоть бы Джо-Джим уснул.

Но близнецы и не думали спать. Джо пытался сосредоточиться на книге, но Джим все время отрывал его от чтения. О чем они говорили, Алан не слышал.

Вдруг Джо громко сказал:

— Хорошенькое у тебя представление насчет «по-забавиться»!

— Все одно веселей, чем шашки, — ответил Джим.

— Веселее, да? А если ты ножом в глаз получишь, что будет со мной?

— Стареешь ты, Джо. Кровь у тебя жидкая стала.

— Не старее тебя.

— Зато у меня мысли молодые.

— Знаешь что, меня от тебя с души воротит. Ладно, будь по-твоему, но меня потом не вини. Бобо!

Карлик вскочил:

— Слушаю, хозяин!

— Приведи Кабана, Длиннорукого и Коротышку. — Джо-Джим подошел к шкафу и стал доставать ножи.

Под самой дверью тюрьмы возникла какая-то сумятица. Хью встрепнулся. Уже пришли за ним, чтобы отвести в Конвертер? Вряд ли конвой будет так шуметь. А может быть, этот шум в коридоре вообще не имеет к нему отношения? А может быть?..

Точно! Влетевший в распахнутую дверь Алан сунул Хью пояс с ножнами, одновременно выталкивая пленника наружу.

Стоящий в коридоре Джо-Джим даже не заметил Хью сразу, потому что был сильно занят — методично и спокойно метал ножи, как будто упражнялся с мишенью у себя в комнате. Ухмылка Бобо казалась шире обычной из-за ножевой раны у самого рта, что, однако, никак не повлияло на меткость его пращи.

Хью узнал еще троих головорезов из обычного окружения Джо-Джима.

— Сматываемся, живо! — крикнул Алан. — Их сейчас набегит целая орава! — И устремился в правый коридор.

Джо-Джим последовал за ним. Хью наудачу, не целясь, метнул нож в стражника, показавшегося из левого коридора, не успев даже посмотреть, попал или нет. Бобо, прикрывавший отступление с тыла и раздо-

садованный слишком быстрым завершением потехи, бежал следом.

Алан снова свернул направо.

— Здесь лестница! — крикнул он.

Но ярдах в десяти от лестницы прямо перед ними захлопнулась герметическая дверь, о существовании которой Алан совсем забыл: этой лестницей почти никогда не пользовались. Бобо вцепился в дверь, но только обломал себе ногти.

— Попались, — мягко сказал Джо. — Надеюсь, Джим, что хоть это развлечение наконец придется тебе по вкусу.

Сзади, из-за поворота, высунулась голова одного из преследователей. Хью метнул нож, но расстояние было слишком велико — нож ударился о сталь стены. Голова исчезла. Длиннорукий, держа пращу наготове, не спускал с коридора глаз.

— Видишь светящуюся трубу на потолке? — Хью схватил Бобо за плечо.

Бобо кивнул. Хью показывал ему на трубку освещения, проходящую над разветвлением коридоров, которое они только что проскочили.

— Можешь попасть в место, где эта трубка соединяется с другой?

Бобо прикинул расстояние на глаз. Далековато. Он ничего не ответил. Хью услышал лишь свист пращи и треск. В коридоре стало темно.

— За мной! — крикнул Хью и побежал назад по коридору. Приблизившись к перекрестку, он закричал: — Не дышать! Осторожно! Газ!

Из разбитой трубы лениво вываливались зеленоватые клубы светящегося радиоактивного испарения.

Хью мог только благодарить судьбу за то, что когда-то работал инженером осветительных систем и хорошо знал их устройство. Направление он выбрал правильное, — линия освещения этого коридора шла как раз от соединения, разбитого Бобо, и поэтому сейчас здесь было темно. Вокруг слышался только топот бегущих людей — друзей ли, врагов — он не знал.

Наконец они выскочили на освещенный участок, где не было никого, кроме насмерть перепуганного

крестьянина, тут же пустившегося наутек. Все были на месте, но Бобо шатался и тяжело дышал.

Джо посмотрел на него.

— Газу нанюхался, — сказал он. — Кабан, стукни его по спине.

Кабан охотно повиновался.

Эта маленькая заминка позволила одному из преследователей догнать их. Он вылетел из темного коридора прямо на Кабана, то ли не сообразив, что оказался один против целого отряда, то ли не придав этому значения.

Кабан поднял было пращу, но Алан, узнавший Морта Тайлера, схватил Кабана за руку:

— Не тронь его! Он мой! — И, прижав пальцем лезвие ножа, предложил Тайлеру: — Один на один?

Тайлер двинулся вперед. Алан был тяжелее и явно сильнее. Однако Тайлер был гибче и подвижнее. Он попытался ударить Алана коленом в живот, но Алан увернулся и сбил Тайлера с ног, упав на пол вместе с ним. Мгновение спустя Алан встал и вытер нож о бедро.

— Пошли, — сказал он.

Они поднимались вверх. Кабан и Длиннорукий выходили на каждую новую палубу первыми, осматривались по сторонам и охраняли лестницу с флангов, пока не поднимутся все остальные. Коротышка прикрывал отход с тыла.

Хью уже думал, что они совсем оторвались от погони, но неожиданные крики и свист ножа, пролетевшего прямо над головой, когда он вылезал из люка на очередную палубу, убедили его в обратном. Тем более, что этот нож хотя и не сильно, но задел ему щеку.

Нож торчал из правого плеча Длиннорукого, но это его не беспокоило — он раскручивал пращу. У Кабана свои ножи кончились, он поднимал с пола клинки, брошенные в него, и метал их обратно. Следы его работы были налицо: три трупа в коридоре да футах в двадцати от них раненный в ногу человек опирался рукой о стену, тщетно шаря в пустой перевязи. Хью узнал Билла Эртца.

На свое несчастье, Эртц прошел по другой лестнице, чтобы перерезать беглецам путь и устроить им засаду. Бобо поднял пращу, но Хью остановил его:

— Этот нам нужен. Влупи ему в брюхо, но чтоб жив остался, — приказал он.

Бобо удивился, но сделал, как было велено. Эртц перегнулся пополам и рухнул на пол.

— Метко, — сказал Джим.

— Бобо, тащи его с нами, — скомандовал Хью и окинул взглядом весь отряд. — Внимание! Все наверх — и живо! По сторонам смотреть в оба!

Группа двинулась дальше, сохраняя прежний порядок. Джо выглядел раздраженным. Происходило что-то странное — Хью вдруг начал командовать его собственными людьми, да и им самим тоже. «Впрочем, сейчас не до споров», — подумал он.

Джиму же, казалось, все это было безразлично. Он развлекался.

Они прошли еще десять палуб, не встречая сопротивления. Хью приказал без нужды не трогать крестьян. Три головореза повиновались безропотно, а Бобо был слишком занят Эртцем, чтобы нарушить дисциплину. Только палуб через тридцать, когда они оказались в нейтральной зоне, Хью позволил остановиться и заняться ранами.

Серьезно пострадали только Длиннорукий и Бобо. Джо-Джим перевязывал их заранее запасенными бинтами. Хью, раненный в щеку, от перевязки отказался.

— Кровь уже остановилась, — сказал он, — и ничего тратить время на царапины. У меня дел по горло.

— Каких еще дел? Мы идем домой, и хватит ерундить, — сказал Джо.

— Ты как хочешь, — сказал Хью, — но Алан, я и Бобо идем на самый верх, в Капитанскую рубку.

— Это еще зачем? — спросил Джо.

— Иди с нами, тогда увидишь сам. Ребята, привал окончен. Вперед!

Джо хотел что-то сказать, но Джим безмолвствовал, поэтому промолчал и Джо. Близнецы последовали за Хью.

Они вплыли в дверь рубки.

— Вот, — сказал Хью Алану, показывая в иллюминатор, — вот то, о чем я тебе рассказывал.

Алан увидел звезды.

— Великий Джордан! — простонал он. — Мы же выпадем! — И закрыл глаза.

Хью встряхнул его:

— Не бойся, посмотри, как красиво.

Джо-Джим взял Хью за руку.

— Что ты задумал и зачем приволок сюда этого? — Он показал на Эртца.

— Когда он очнется и увидит звезды, мы докажем ему, что Корабль движется в пространстве.

— Зачем?

— Когда он убедится сам, я пошлю его убеждать остальных.

— И с ним случится то же, что и с тобой?

— Тогда, — пожал плечами Хью, — тогда мы просто начнем все сначала. И так до тех пор пока не убедим всех. Видишь ли, у нас просто нет другого выхода.

Часть 2

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Джо, правая голова Джо-Джима, посмотрел на Хью Хойланда:

— Ну ладно, умник. Главного инженера ты убедил. — Двухголовый ткнул в сторону Билла Эртца ножом и вновь принялся ковырять кончиком клинка в зубах левой головы. — Ну и что? Какой тебе с того прок?

— Я уже тысячу раз объяснял, — раздраженно ответил Хью. — Будем продолжать, пока все Ученые, от самого зеленого стажера до Капитана, не убедятся в том, что Корабль движется и что его движением можно управлять. Тогда мы завершим Полет и исполним волю Джордана. Сколько у тебя наберется бойцов?

— Тебе никак взбрело в голову, что мы согласимся участвовать в твоих идиотских затеях?

— Естественно. Без вас ведь ничего не выйдет.

— В таком случае можешь поставить на своих планах крест. Бобо, доставай шашки!

— Сейчас, хозяин. — Микроцефал поплелся за шашками.

— погоди, Бобо, — сказал Джим, левая голова.

Карлик застыл на месте, сморщив узкий лоб. Неспособность дать ему согласованный и непротиворечивый приказ, временами проявляемая его двухголовым хозяином, вносила единственную нотку неуверенности в безмятежное существование Бобо.

— Дай Хью сказать, — продолжал Джим. — Похоже, есть шанс поразвлечься.

— Развлекся! Ничего себе развлеченьице — получить ножом под ребро! Позволь тебе заметить, Джим, что это и мои ребра тоже. Нет, я никак не согласен.

— Я еще не предлагал тебе соглашаться. Всего лишь просил выслушать. И знаешь, не говоря уж о развлечениях, это, может быть, и есть наш единственный шанс избежать ножа под ребро.

— То есть?

— Ты же слышал, что сказал Эртц. Офицеры Корабля намерены очистить верхние ярусы. Интересно, как тебе понравится Конвертер, Джо? Боюсь только, что нам уже будет не сыграть в шашки, когда нас разложат на атомы.

— Не паникуй! Экипажу мьюты не по плечу. Сколько раз они уже пробовали с нами справиться!

— А ты что скажешь? — обернулся Джим к Эртцу.

Эртц отвечал осторожно, ни на секунду не забывая, что теперь он военнопленный, а не Главный инженер Корабля. К тому же он был выбит из колеи — слишком много всего случилось и слишком быстро. Налет, схватка, плен — и звезды. Звезды!

В его практичной, трезвомыслящей голове не только понятия о них — места такому понятию никогда не было! Более того, Эртц отлично понимал, что жизнь его висит на волоске. Стоит только Джо-Джиму сделать знак этому карлику...

— Я думаю, на этот раз Экипаж своего добьется, — Эртц тщательно подбирая слова. — Мы... они хорошо подготовились. Если только вас не больше и если вы организованы не лучше, чем предполагалось. Экипаж победит. Видите ли... В общем, всю подготовку вел я.

— Ты?

— Да. Большинство в Совете выступило против политики, позволяющей мьютам жить вне нашего континента. Она, может быть, и соответствует нашим религиозным доктринам, но время от времени мы теряем и людей, и животных.

— А чем, по-твоему, мьюты должны кормиться? — грозно рявкнул Джим. — Воздухом?

— Должен отметить, что новый политический курс вовсе не предусматривал поголовного уничтожения мьютов. Сдавшихся в плен предполагалось приобщить к цивилизации и раздать членам Экипажа в качестве рабов. Речь идет, конечно, о тех мьютах, кто... — Эртц запнулся, растерявшись, и опустил глаза.

— Ты хотел сказать: «О тех, кто не деформирован физическими мутациями», как я, например, — сказал Джо голосом, от которого мороз прошел по коже. — Так, что ли? Для таких, как я, одна дорога — в Конвертер. — Лезвием ножа Джо-Джим плашмя ударил себя по ладони.

Эртц инстинктивно дернулся вбок, его рука легла на пояс. Но ножа на поясе не было. Без оружия Эртц чувствовал себя беспомощным.

— Я всего лишь честно ответил на твой вопрос и объяснил истинное положение дел, — сказал он.

— Оставь его, Джо. Он правду говорит. И поэтому у нас нет выбора. Если мы не присоединимся к Хью, нас загонят в угол. Даже не думай его убивать, он нам еще здорово пригодится.

Говоря, Джим пытался вложить нож в ножны. Между братьями вспыхнула быстрая и молчаливая схватка за контроль над нервными центрами правой руки — схватка воль, незаметная для глаза. Джо сдался.

— Ладно, — хмуро сказал он, — но, когда меня потащат в Конвертер, я прихвачу его с собой.

— Уймись, — ответил Джим. — Я-то уж в любом случае составлю тебе компанию.

— С какой стати ты вообще ему веришь?

— Ему незачем врать. Он ничего этим не выиграет. Порасспроси Алана.

Алан Махони, закадычный дружок детских лет Хью Хойланда, слушал этот разговор вытаращив глаза. Встреча со звездами потрясла его не меньше, чем Эртца, но темный крестьянский ум не обладал гибко-

стью мышления Главного инженера. Эртц не мог не понять почти мгновенно, что само существование мира вне Корабля опровергает все, во что он когда-либо верил, и в корне меняет его жизнь и все планы. Алан же просто испытывал благоговейный восторг.

— Алан, что тебе известно о походе на мьютов?

— Что мне может быть известно? Я же не Ученый. Хотя постойте-ка. В нашу деревню прибыл новый офицер, чтобы помочь Лейтенанту Нельсону. — Он запнулся и обескураженно обвел всех взглядом.

— Продолжай.

— Ну да, он начал проводить занятия с кадетами и женатыми молодыми крестьянами. Заставлял нас упражняться с ножами и пращами. Но зачем — не говорил.

— Убедились, наконец? — всплеснул руками Эртц.

— Убедились, — хмуро ответил Джо.

Хью Хойланд спросил его с надеждой:

— Теперь ты согласен быть со мной заодно?

— Придется, — ответил Джо.

— Согласен, — сказал Джим.

— А ты, Билл?

— Разве у меня есть выбор?

— Есть. Я всем сердцем хочу, чтобы ты был с нами. План у меня такой — Экипаж в счет не идет. Нам надо убедить офицеров, Ученых. Те, у кого хватит ума поверить в очевидное, увидев звезды и Главную рубку, останутся с нами. Остальных, — он провел большим пальцем по горлу, — в Конвертер.

Бобо радостно усмехнулся и повторил его жест.

Эртц кивнул.

— А дальше?

— Под руководством нового Капитана мьюты и Экипаж вместе поведут Корабль к Далекому Центавру. Да свершится воля Джордана!

Эртц смотрел на Хью. То, что тот предлагал, было настолько грандиозно, что не сразу укладывалось в голове. Но мысли Хью приходились по душе Эртцу. Опершись руками о стол, он наклонился вперед:

— Я с тобой, Хью Хойланд.

Один из ножей Джо-Джима лег на стол между его ладонями. Джо встрепнулся, хотел что-то сказать брату, но передумал. Эртц взглядом поблагодарил близнецов.

Близнецы пошептались между собой, потом Джо громко сказал:

— Если идем, так до конца.

Зажав лезвие ножа между большим и указательным пальцами так, что наружу торчало лишь острие, Джо-Джим вонзил его в предплечье левой руки.

Глаза Эртца зажглись. Схватив только что обретенное оружие, он надрезал себе руку в таком же месте. Брызнула кровь.

— Спиной к спине! — Отпихнув стол, Эртц прижался раной к ране Джо-Джима.

Выхватив ножи, Алан, Хью и Бобо совершили обряд кровной клятвы. Они стояли, прижавшись плечами друг к другу, и кровь их стекала на пол одной струей.

— Нож за нож!

— Спиной к спине!

— Кровь за кровь!

— Кровные братья до конца Полета!

Ученый-вероотступник, Ученый-пленник, темный крестьянин, двухголовый монстр и безмозглый карлик — пять ножей, считая Джо-Джима за один, и пять голов, считая Джо-Джима за две и не считая Бобо, — пять голов и пять ножей против всего «цивилизованного мира».

— Не хочу я туда возвращаться, Хью, — понуро сказал Алан. — Почему мне нельзя остаться с тобой? Я хороший боец.

— Боец ты отличный, дружище, но сейчас от тебя будет больше пользы как от лазутчика.

— Для этого есть Билл Эртц.

— Без тебя ему не обойтись. Билл на виду: если он все время будет мотаться вверх-вниз, могут пойти пересуды. Вот тут-то ты и нужен: будешь у него связным.

— А как я, Хафф побери, объясню в деревне, где столько времени пропадал?

— Говори как можно меньше. Главное, держись подальше от Свидетеля. — Хью вдруг представил себе, как Алан пытается выкрутиться, а Свидетель, обу реваемый своей вечной жаждой подробностей,

загоняет его в угол умелыми вопросами. — Держись от старика подальше. — Повторил Хью. — Он тебя сразу расколет.

— Старик-то? Да ведь он давно уже помер. А новый Свидетель еще зелен и глуп.

— Вот и хорошо. Будь осторожен и ничего не бойся. — Хью повысил голос: — Билл! Ты готов?

— Готов. — Эртц поднялся и неохотно отложил книгу, которую читал, — иллюстрированное издание «Трех мушкетеров».

— Книга просто чудесная, — сказал он. — Слушай, Хью, неужели на Земле действительно все так и есть?

— Конечно. Книги Джо-Джима не врут.

Задумавшись, Эртц закусил губу.

— Как по-твоему, что такое «площадь»?

— «Площадь»? Насколько я понял, огромная общинная, где можно сразу собраться многим людям.

— Сначала, читая, я тоже так думал, но... как же можно тогда ездить на ней верхом?

— Что-что?

— Да вот в книге они только и делают, что садятся на площадь и скачут куда-нибудь.

— Дай-ка мне книгу, — приказал Джо. Быстро перелистав ее, он рассмеялся. — Ну и идиот же ты. Ездят на лошадях, а не на площадях. Можно сесть на лошадь и проехаться по площади, но не наоборот, понял ты, дурень?

— А что такое «лошадь»?

— Животное. Величиной с корову. Ты усаживаешься ему на спину и едешь куда хочешь.

Эртц обдумал новую информацию.

— Непрактично как-то. Когда едешь на носилках, просто говоришь Главному носильщику, куда идти, и все. А как объяснить дорогу корове?

— Легче легкого. Твой носильщик ее поведет в нужном направлении.

Эртц поразмыслил и над этим.

— Все равно непрактично. Можно ведь упасть. Нет уж, лучше пешком.

— Дело наживное, — объяснил Джо. — Требуется привычки.

— А ты умеешь ездить на лошади?

Джим фыркнул.

— Где ты видел лошадей в Корабле? — разозлился Джо.

— Ладно, не будем про лошадей. Но я хотел еще кое-что спросить. Эти парни — Атос, Портос и Арамис — дрались необычайно длинными...

— Об этом поговорим в следующий раз, — перебил его Хью. — Бобо уже вернулся, пора идти.

— Подожди, Хью. То, что я говорю, очень важно. Они дрались необычно длинными ножами.

— Ну и что с того?

— Но ведь их ножи гораздо лучше наших. Длинной с руку, а то и больше. Подумай только, какое преимущество дадут нам такие ножи, если придется драться с Экипажем.

Хью обнажил свой нож и задумчиво посмотрел на него.

— Может, ты и прав. Но зато длинный нож не метнешь.

— А кто мешает сохранить наши метательные ножи?

— Да никто, пожалуй.

Близнецы молчали, прислушиваясь к их разговору. Наконец Джо сказал:

— Билл прав. Подумай о ножах, Хью, а нам с Джимом надо кое-что почитать.

Обе головы лихорадочно вспоминали все прочитанные книги, подробно и со знанием дела перечисляющие разнообразные методы, используемые людьми для сокращения жизни своих недругов.

Джо-Джим и не заметил, как учредил Факультет исторических изысканий военного колледжа, тем более что такое цветистое название ему и в голову никогда бы не пришло.

— Читай, конечно, — согласился Хью. — Но поговори сначала со своими людьми.

— Пошли.

Они вышли в коридор, где Бобо собрал десятка два головорезов, составлявших опору Джо-Джима в стране мьютов. Для всей этой шайки, кроме Длиннорукого, Кабана и Коротышки, Хью, Билл и Алан были чужаками, а чужакам встречаться с ними было опасно для жизни.

Джо-Джим приказал мьютам хорошенько запомнить троих людей с нижних палуб. Запомнить и знать, что их следует пропускать везде и всюду беспрепятственно, оказывая помощь и содействие. Более того, в отсутствие Джо-Джима мьютам надлежит повиноваться им, как ему самому.

Среди мьютов поднялся гул. До сих пор они привыкли повиноваться только Джо-Джиму и никому, кроме него.

Один из них, с огромным носом, поднялся и заговорил:

— Я — Джек Носатый. Мой нож остр, и мой глаз меток. Джо-Джим Двухголовый мудр за десятерых, он мой хозяин, и я за него сражаюсь. Но хозяин он, а не эти трое с нижних палуб. Что вы скажете, молодцы?

Он выжидающе замолк. Мьюты нервно переминались с ноги на ногу, поглядывая на Джо-Джима. Джо уголком рта пробормотал что-то Бобо. Джек Носатый открыл было рот, чтобы продолжать, но раздался лишь треск сломанных зубов и переломанной шеи — снаряд, пущенный из пращи Бобо, заткнул ему глотку.

Бобо снова изготовил пращу, Джо-Джим оглядел притихших мьютов.

— Длиннорукий! Ты, Сороковой и Топор пойдете вниз с Бобо, Аланом и Биллом. Остальным разойтись.

Трое мьютов отделились от отряда и последовали за Бобо. Перед тем как прыгнуть в люк, Эртц обернулся.

— Да хранит вас Джордан, братья, — сказал он.

Джо-Джим помахал ему рукой.

— И тебя, — ответил Джо.

— Доброй еды, — добавил Джим.

Бобо вел их вниз. Через сорок с лишним палуб они оказались на ничьей земле между мьютами и Экипажем. Бобо обернулся к своим рубакам:

— Мудрые Головы приказали вам стоять здесь по очереди на посту. Ты первый, — показал он на Длиннорукого.

— Алан и я идем вниз, — добавил Билл. — А вы трое по очереди будете караулить здесь и передавать мои послания Джо-Джиму. Ясно?

— Ясно, — ответил Длиннорукий.

— Приказ Джо-Джима! — ответил Сороковой, пожимая плечами, как бы говоря: «Что ж тут рассуждать!»

Топор просто хмыкнул в знак согласия.

Бобо от души похлопал Билла и Алана по спинам.

— Доброй еды, — напутствовал он их.

Обшаривая столы исчезнувшего Главного инженера, Старший помощник Капитана-Помазанника Финеас Нарби обнаружил, к своему изумлению, что Билл Эртц тайком хранил парочку Ненужных книг. Были у него в столе, конечно, и обычные Священные книги, такие, как бесценные «Профилактика вспомогательного Конвертера» и «Справочник систем освещения и кондиционирования звездолета "Авангард"» — самые священные из всех Священных книг: на них стояла печать самого Джордана, и они по праву могли принадлежать только Главному инженеру.

Нарби считал себя скептиком и рационалистом. Вера в Джордана — дело праведное и благое... для Экипажа. И все же слова «Фонд Джордана», оттиснутые штемпелем на титульном листе, будили в душе трепет, которого он не помнил с тех пор, как был удостоен сана Ученого.

Нарби восхищался прекрасным четким шрифтом старинных книг. Вот ведь были писцы у древних! Не то что современные неряхи, которым и двух букв одинаково ровно не написать.

Он решил обязательно изучить подробно эти ценнейшие справочники инженерного ведомства, прежде чем передать их преемнику Эртца. Было бы очень полезно, решил Нарби, избавиться от необходимости слепо полагаться на слова Главного инженера, не зависеть от него, когда он, Нарби, сам станет Капитаном. Нарби не очень почитал Инженеров в основном потому, что сам инженерными способностями не блистал. Когда он стал Ученым, одним из тех, кто охранял духовное и материальное благополучие Корабля, и дал клятву служить верой и правдой делу Джордана, то быстро понял, что более склонен к руководству кадрами и разработке политической линии, чем к обслужи-

ванию Конвертера. Он занимал посты клерка, администратора деревни, секретаря Совета, кадровика и, наконец, поднялся до должности Старшего помощника самого Капитана-Помазанника. Это место он получил сразу же после таинственного происшествия, значительно сократившего жизнь его предшественника.

Решение заняться инженерными делами до избрания нового Главного инженера напомнило ему о необходимости подобрать подходящую кандидатуру. В обычной ситуации на пост Главного инженера, ушедшего в Полет, назначался старший Вахтенный инженер, но Вахтенный Морт Тайлер сам ушел в Полет — его труп нашли в коридоре, по которому отступали мьюты, освободившие еретика Хью Хойланда. Вопрос о кандидатуре оставался открытым, и Нарби еще не решил, кого рекомендовать Капитану.

Одно было ясно — новый Главный инженер не должен обладать таким чрезмерно развитым чувством инициативы, как Эртц. Нарби отдавал последнему должное и признавал его заслуги в отличной организации подготовки Экипажа к намеченному истреблению мьютов, но именно эти его качества хорошего организатора и руководителя беспокоили Нарби — они могли сделать Эртца слишком сильным кандидатом на пост Капитана в случае... Наедине с самим собой Нарби мог признаться, что жизнь нынешнего Капитана так неопределенно затянулась только потому, что он, Нарби, не был на все сто процентов уверен, кого Совет изберет следующим Капитаном — Эртца или его. А сейчас старому Капитану было бы в самый раз отправиться к Джордану. Старый толстый дурак давно уже отжил свое, и толку от него... Нарби просто устал утешивать старика, чтобы тот отдавал нужные распоряжения. Да, если перед Советом встанет необходимость выбора нового Капитана именно в настоящий момент, то подходящая кандидатура будет только одна...

Нарби захлопнул книгу. Решение было принято. Замыслив убрать Капитана, Нарби отнюдь не испытывал ни стыда, ни угрызений совести, ни мыслей о грехе и предательстве. Капитана он презирал, но никаких злых чувств к нему никогда не испытывал, так что в намерении убить Капитана не было и следа личной ненависти или неприязни. Нарби строил свои планы

исходя из самых благородных побуждений государственного деятеля. Он искренне верил, что действует на благо всего Экипажа, что его цель — здравомыслящая администрация, порядок, дисциплина и добрая еда для каждого. Необходимость отправить кое-кого в Полет ради достижения великих целей и всеобщего блага не вызывала у него ни малейшего сожаления, и никакого зла к этим людям он не питал.

— Какого Хаффа ты роешься в моем столе?

Нарби обернулся и увидел покойного Билла Эртца, с недовольным видом склонившегося над ним. Сначала Нарби уставился на Билла, потом медленно закрыл рот. Нарби был настолько уверен в смерти Главного инженера после его исчезновения во время налета, что увидеть Эртца сейчас перед собой живым и сердитым было для него тяжелым ударом. Но он быстро взял себя в руки.

— Билл! Джордан с нами! Мы же думали, что ты ушел в Полет! Садись, садись, да Расскажи поскорее, что с тобой приключилось.

— Сяду, конечно, если ты убереешься из моего кресла, — ядовито ответил Эртц.

— Извини. — Нарби быстро вылез из-за стола и пересел в кресло напротив.

— А теперь, — продолжал Эртц, занимая свое место, — будь любезен объяснить, почему ты копаешься в моих бумагах.

Нарби ухитрился изобразить обиду:

— Но разве это не ясно? Мы же считали тебя погибшим. Ведь кто-то должен руководить твоим ведомством до назначения нового Главного инженера. Я выполнял приказ Капитана.

Эртц смотрел ему прямо в глаза:

— Не заливай, Нарби. Мы-то с тобой знаем, кто думает за Капитана, сами частенько это делали. Даже если ты действительно считал меня мертвым, мог бы и подождать еще немножко, прежде чем лезть в мой стол.

— Но в самом деле, старина, ты уж слишком. Если человек исчезает после налета мьютов, то вполне логично предположить, что он ушел в Полет.

— Ладно, оставим это. Почему мое место не занял Морт Тайлер, как и должно быть во время моего отсутствия?

— Морт в Конвертере.

— Что, убит? Но кто приказал отправить его в Конвертер? Такая масса даст слишком большую нагрузку.

— Приказал я. Масса его тела почти совпадала с массой тела Хойланда, а Хойланд в Конвертер так и не попал.

— «Почти» и «совсем» — не одно и то же, особенно когда имеешь дело с Конвертером. Придется мне проверить. — И Эртц поднялся с места.

— Не беспокойся, — сказал Нарби, — я ведь все-таки тоже не крестьянин и в инженерном деле немного соображаю. Я приказал подогнать массу Тайлера под график переработки, который ты составил для тела Хойланда.

— Хорошо. Потом проверю. Лишнюю массу терять впустую нам тоже нельзя.

— Кстати, насчет рационального использования... — невинно сказал Нарби, — я у тебя в столе нашел пару Ненужных книг.

— Ну и что с того?

— Тебе ведь известно, что они определены как масса, подлежащая конвертерной переработке для производства энергии.

— Известно. А тебе известно, кто отвечает за производство энергии?

— Ты. Но зачем эти книги находятся у тебя в столе?

— Позволь заметить, дорогой любимчик Капитана, что только мне одному дано право судить, где хранить вещи, предназначенные для Конвертера.

— Конечно, конечно, ты прав. Послушай, если они не нужны для Конвертера прямо сейчас, можно я возьму их почитать?

— Бери, пожалуйста, но будь благоразумен. Я выдам их под расписку, а ты не распространяйся об этом.

— Спасибо. Живое было воображение у древних. Полный бред, конечно, но приятно на досуге позабавиться.

Эртц рассеянно приготовил расписку на две книги и протянул ее Нарби. Мысли Эртца были заняты совсем другим — как и когда начать обработку Нарби. Он хорошо понимал, что в деле, которое замыслили он и его кровные братья, без Финеаса не обойтись. Его позиция может иметь решающее значение. Перетянуть бы его на свою сторону...

— Фин, — сказал он наконец, когда Нарби положил на стол подписанную расписку, — я начал сомневаться в разумности нашего поведения в деле Хойланда.

Нарби удивленно взглянул на него.

— Да нет, я отнюдь не верю всем этим бредням, которые он наплел, — добавил Эртц торопливо. — Но сдается мне, что мы упустили шанс. Надо было поиграть с Хойландом и выйти через него на мьютов. Мы хотим присоединить их территорию, но все наши планы строятся на предположениях, а не на достоверной информации. Сколько их, каковы их силы, как они организованы — толком мы ничего не знаем. Более того, нам придется драться на чужой территории. Верхние палубы для нас вообще «белое пятно». Надо было притвориться, что мы верим Хойланду, и выкачать из него как можно больше сведений.

— На которые вряд ли можно было бы положить-ся, — отметил Нарби.

— Полагаться только на его слова не было нужды. Он ведь предлагал нам безопасный проход через страну мьютов, можно было бы самим посмотреть, что к чему.

— Ты это всерьез? Любой член Экипажа, доверившийся мьюту, отправится не в невесомость, а в Полет! — Нарби был ошеломлен.

— Не знаю, не знаю, — возразил Эртц. — У меня сложилось впечатление, что Хойланд сам верил в то, что говорил. Помимо того...

— Что «помимо того»? Весь этот бред о движении Корабля? Незыблемого Корабля? — Нарби ударил кулаком по столу. — Да кто поверит в подобную чушь?

— Хойланд поверил. Ну хорошо, он религиозный фанатик, я согласен. Но ведь его фанатизм на чем-то основан? Он увидел там, наверху, нечто невероятное

и воспринял его по-своему, в виде той истории, которую нам рассказал. Мы должны были использовать его предложение пойти наверх и познакомиться с его открытием хотя бы для того, чтобы разведать по дороге страну мьютов.

— Полнейшее безрассудство!

— Вот и нет. Судя по всему, он пользуется огромным влиянием среди мьютов, а то с чего бы им заваривать кашу и спасать его? Если он говорит, что гарантирует безопасный проход через их страну, значит, знает, что говорит.

— С чего это ты изменил свое мнение?

— Мое мнение изменил налет. Я бы в жизни не поверил, что шайка мьютов рискнет шкурами, чтобы спасти одного человека. Но коль скоро это произошло, я вынужден пересмотреть свои взгляды. Абстрагируясь от рассказа Хью, могу сказать только одно: мьюты готовы за него драться и, по всей вероятности, готовы подчиняться ему. А если это так, на его религиозный фанатизм следовало смотреть сквозь пальцы и использовать Хью для установления контроля над мьютами, не прибегая к войне.

Нарби пожал плечами:

— Твои рассуждения не лишены логики. Но стоит ли тратить время на рассуждения о том, что могло бы произойти? Если шанс и был, то он уже упущен.

— Как знать? Хойланд ведь бежал к мьютам. Если бы я мог как-нибудь связаться с ним, может, и удалось бы еще начать все сначала.

— И как же ты предполагаешь это сделать?

— Сам пока не знаю. Можно, например, взять охрану, полезть наверх, поймать какого-нибудь мьюта и отправить его к Хойланду.

— Рискованная затея.

— Но я не прочь попробовать.

Нарби задумался. Весь план казался ему донельзя глупым и неоправданно рискованным. Но если Эртц не прочь рискнуть... Шансов, конечно, мало, но чем Хафф не шутит? Если Эртцу удастся осуществить свой план, то у него, Нарби, будут развязаны руки для выполнения самых заветных планов. Уж кто-кто, а Нарби понимал, что покорение мьютов силой будет делом долгим и кровавым, да и вообще вряд ли осуще-

ствимым. А если у Эртца ничего не выйдет, то опять же Нарби ничего не теряет, кроме самого Эртца. А на нынешнем этапе игры о жизни Главного инженера вообще вряд ли стоит сокрушаться. Та-ак...

— Возьмись за это дело, Билл, — сказал он. — Человек ты смелый, а дело стоящее.

— Хорошо, — согласился Эртц. — Доброй еды.

Нарби понял намек.

— Доброй еды, — ответил он и, забрав книги, ушел.

Только вернувшись к себе, он сообразил, что Эртц так и не дал никакого объяснения своему исчезновению и долгому отсутствию.

Эртц тоже понимал, что и Нарби не был с ним полностью откровенен. Но, зная Нарби, принимал это как должное. Основа для будущих действий была заложена.

Главный инженер провел текущую проверку Конвертера и назначил исполняющего обязанности Вахтенного офицера. Убедившись, к своему удовлетворению, что его подчиненные справятся с работой и во время его дальнейших отлучек, он приказал вызвать к себе Алана Махони. Он хотел было выехать навстречу Алану на носилках, но решил не привлекать внимания к встрече.

Алан бурно приветствовал его. Для все еще неженатого, работающего на более удачливых людей кадета, все сверстники которого давно уже обзавелись семьями и собственностью, кровное братство с одним из главных Ученых Корабля стало самым выдающимся событием в жизни. Оно затмевало даже все недавние приключения, полный смысл которых его невежественный ум все равно не мог постичь.

Эртц прервал его и быстро закрыл дверь.

— Стены имеют уши, — тихо сказал он, — а у клерков помимо ушей еще и языки. Ты что, хочешь, чтобы нас с тобой сунули в Конвертер?

— Прости, Билл, я не сообразил.

— Ладно, оставь. Встретимся на лестнице, по которой спускались от Джо-Джима, десятую палубами выше этой. Считать умеешь?

— Даже в два раза больше, чем до десяти. Один да один — два, еще один — получается три, еще один — четыре...

— Молодец. Хватит. Но я больше полагаюсь на твою верность и умение обращаться с ножом, чем на твои математические способности. Встретимся как можно быстрее, и постарайся, чтобы тебя никто не видел.

В месте встречи на посту стоял Сороковой. Эртц окликнул его по имени издали, держась вне пределов досягаемости ножа и пращи, — совсем не лишняя предосторожность, когда имеешь дело с существом, дожившим до своих лет только благодаря умению обращаться с оружием.

Приказав мутанту найти и привести Хойланда, Эртц вместе с Аланом присел отдохнуть.

В жилище Джо-Джима не было ни хозяина, ни Хью. Сороковой застал там Бобо, но что с него толку? Бобо сказал, что Хью пошел на самый верх, туда, где все летают. На самый верх Сороковой забирался лишь раз в жизни и верхних палуб толком не знал. Где там найти Хью? Сороковой растерялся. Нарушать приказы Джо-Джима было небезопасно, а Сороковой раз и навсегда вбил в свою буйную голову, что приказ Эртца — то же самое, что приказ Джо-Джима. Он снова растолкал Бобо.

— Где Мудрые Головы?

— У оружейницы. — Бобо закрыл глаза и захрипел.

Это уже лучше. Где живет оружейница, знал каждый мьют. Все имели с ней дела. Оружейница была незаменимой мастерицей, торговкой и посредницей. Нет нужды говорить, что личность ее была неприкосновенной, а мастерская — нейтральной территорией, где все схватки были запрещены. Туда и направился Сороковой.

Дверь с табличкой «Термодинамическая лаборатория. Вход строго воспрещен» была распахнута настежь. Читать Сороковой не умел, а если бы и умел, все равно

бы ничего не понял. Услышав голоса оружейницы и одного из близнецов, он вошел внутрь.

— Хозяин, — начал было он.

— Закройся, — ответил Джо. Джим даже не обернулся, занятый беседой с Матерью Клинков.

— Сделаешь, как тебе говорят, — прорычал он, — и хватит попусту болтать.

Оружейница уставилась на него, упреков все четыре мозолистые руки в широкие бедра. Глаза у нее были красные, ей все время приходилось следить за плавающей печью — по морщинистому лицу на седые редкие усы стекал пот и капал на обнаженную грудь.

— Я делаю ножи, да! — отрезала она. — Честные ножи, а не дрючки для свиней, которые ты от меня требуешь. Придумают тоже — нож длиной с руку, тьфу! — И она плюнула в раскаленную докрасна печь.

— Слушай, ты, падаль, — ровным голосом ответил Джим, — или сделаешь, что говорят, или я тебе пятки поджарю в твоей же печке. Ясно?

У Сорокового отвисла челюсть. Да, могущественней его хозяина не было! Никто и никогда, кроме него, не посмел бы так разговаривать с Матерью Клинков!

Оружейница сразу сдалась.

— Но так ведь делать ножи не положено, — жалобно всхлипнула она. — Их же не метнешь. Да я вам сейчас покажу. — Она схватила со стола пояс с ножками и метнула ножи через всю комнату в крестообразную мишень — все четыре сразу. Лезвия вонзились в четыре конца крестовины. — Видел? А твой дрючок разве так метнешь?

— Хозяин, — снова начал Сороковой, но Джо-Джим не оборачиваясь заткнул ему рот кулаком.

— Ты права, — ответил Джим оружейнице, — но мы вовсе не собираемся метать длинные ножи. Мы ими собираемся колоть и резать на близком расстоянии. Принимайся за работу; пока не сделаешь для меня первый нож, есть не сядешь.

Старуха закусил губу.

— Плата обычная? — резко спросила она.

— Обычная. Десятину с каждого убитого твоим ножом, пока не будет выплачена их стоимость, и хорошая кормежка на все время работы.

Старуха пожала кривыми плечами:

— Ладно. — Она вытянула из-под стола длинный кусок стали и сунула его в печь.

Джо-Джим обернулся к Сороковому.

— В чем дело? — спросил Джо.

— Хозяин, Эртц велел мне найти Хью.

— Так что же ты его не ищешь?

— Бобо сказал, что Хью ушел в Невесомость.

— Ну и иди за ним туда. Хотя нет, заблудишься. Придется мне самому его найти. А ты возвращайся к Эртцу и скажи, чтобы ждал.

Сороковой заспешил вниз. Хозяин у него был что надо, но мешкать в его присутствии не стоило.

Обнаружив Кабана и Коротышку, спавших у двери, ведущей в Главную рубку, Джо-Джим понял, что Хью там, — он сам назначил их личными телохранителями Хью. Но и так было ясно, что если Хойланд пошел наверх, то наверняка в Главную рубку. Она волшебной силой притягивала его к себе. С того момента, как Джо-Джим в буквальном смысле слова втащил за шиворот пленного Хью в рубку и ткнул носом в действительность, в то, что Корабль — отнюдь не весь мир, а всего лишь песчинка, затерянная в гигантской Вселенной, судно, движением которого можно управлять, одна лишь мысль владела Хью Хойландом, одно лишь желание обуревало его — сесть за пульт управления и вести Корабль! Мечты Хью и в сравнение не шли с мечтами земных астронавтов. Стремление в Космос, жажда полетов на космических кораблях, подражание романтическим героям-астронавтам были естественными для всех земных мальчишек еще с тех пор, как взлетела первая ракета. Но Хью-то мечтал вести в Полет не просто космический корабль, а весь свой мир! Замысли земляне оснастить свою планету двигателями и ринуться сквозь Галактику — и то их мечта уступала бы в дерзновенности намерениям Хью. Новый Архимед обрел рычаг. Теперь он искал точку опоры.

Джо-Джим остановился на пороге гигантского стеллариума Главной рубки и заглянул внутрь. Хью он не

видел, но был уверен, что тот расположился в кресле Главного навигатора — огни были включены. На стенах ярко мерцало изображение звездного неба, воспроизведенного телескопами с пунктуальной точностью.

Хью, сидя в кресле, гасил сектор за сектором, оставляя лишь один на противоположной себе стороне, отличающийся от других изображением большого сверкающего шара, затмевающего своей яркостью соседние звезды. Джо-Джим полез к креслу Хью.

— А, это ты, — обернулся тот.

— Вылезай, тебя ждет Эртц.

— Хорошо, но сначала посмотри.

— Да пошли ты его... — сказал брату Джо, но Джим ответил:

— Будет тебе, право, давай посмотрим, дело ведь недолгое.

Джо-Джим вскарабкался на соседнее с Хью кресло.

— Что там еще? — буркнул Джо.

— Посмотри на эту звезду, — показал Хью на яркий шар. — Она намного больше, чем была в прошлый раз.

— Да она давно уже растет, — ответил Джим. — Когда мы сюда пришли в первый раз, ее почти совсем не было заметно.

— Значит, мы приближаемся к ней.

— Разумеется, — согласился Джо. — Факт давно известный. Еще одно доказательство того, что Корабль движется.

— А почему ты мне раньше не говорил?

— О чем?

— О звезде. О том, что она растет.

— Что нам проку с того, что она растет?

— «Что нам проку!» Да в этом же все дело! Это же конец Полета, место, указанное Джорданом!

Слова Хью привели обе головы Джо-Джима в замешательство. Мысли близнецов не шли дальше обеспечения собственной безопасности и привычных удобств, им трудно было понять, что Хью да и Билл Эртц руководствуются совсем другими соображениями: желанием возродить утраченные достижения далеких предков и довести до конца их дело — давно забытый, превратившийся в мистику Полет на Далекий Центавр.

Первым пришел в себя Джим:

— Почему ты думаешь, что именно эта звезда и есть Далекий Центавр?

— Плевать мне, Центавр она или не Центавр. Но мы к ней ближе, чем к остальным, и продолжаем приближаться. Одна звезда ничем не хуже другой, когда все равно не знаешь, где какая из них. Слушай, Джо-Джим, а ведь древние умели различать звезды.

— Умели, — ответил Джо. — Но нам-то что с того? Выбрал ты себе звезду, ну и добро пожаловать. А я пошел вниз.

— Хорошо, я тоже спускаюсь, — неохотно поднялся с кресла Хью.

Эртц изложил Джо-Джиму и Хью содержание своей беседы с Нарби.

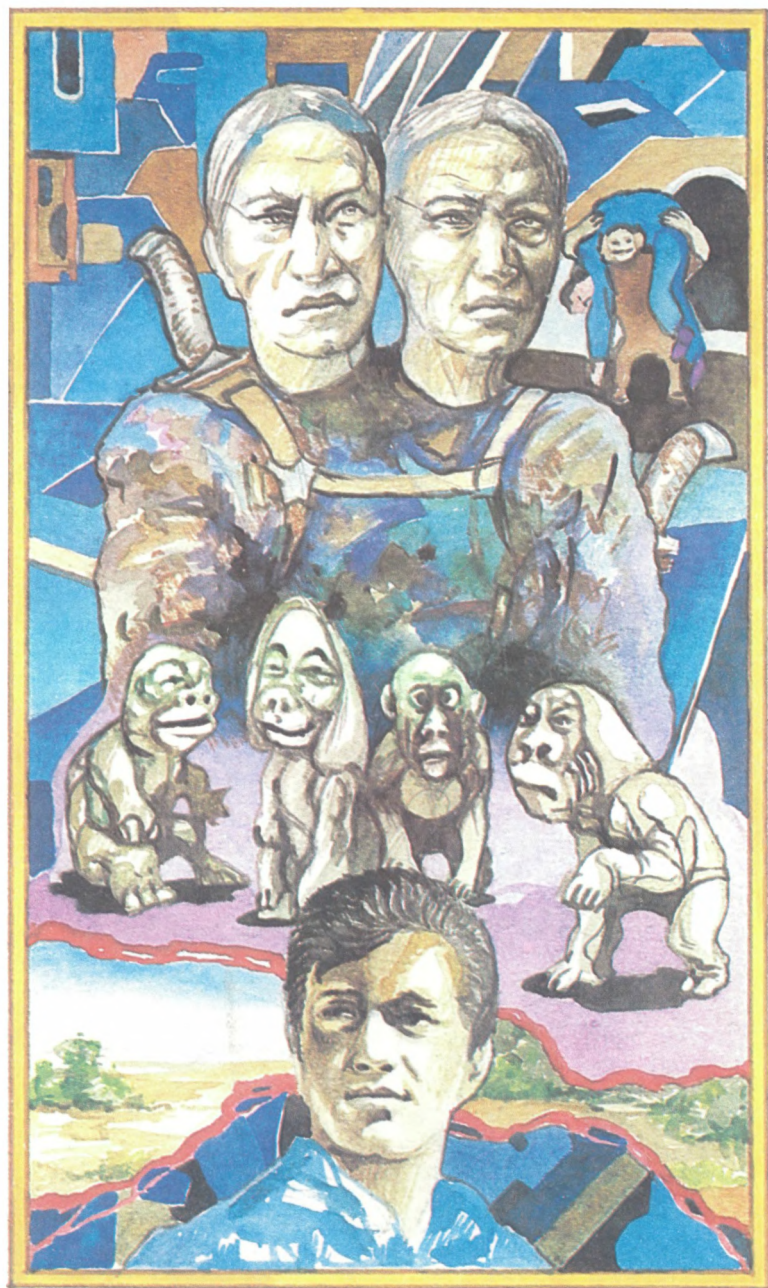
— Вот что я предлагаю, — продолжил он. — Я пошлю Алана обратно к Нарби и велю ему передать, что мне удалось вступить в контакт с тобой, Хью, и что я прошу его подняться сюда, на ничейную палубу, где покажу ему кое-что очень важное.

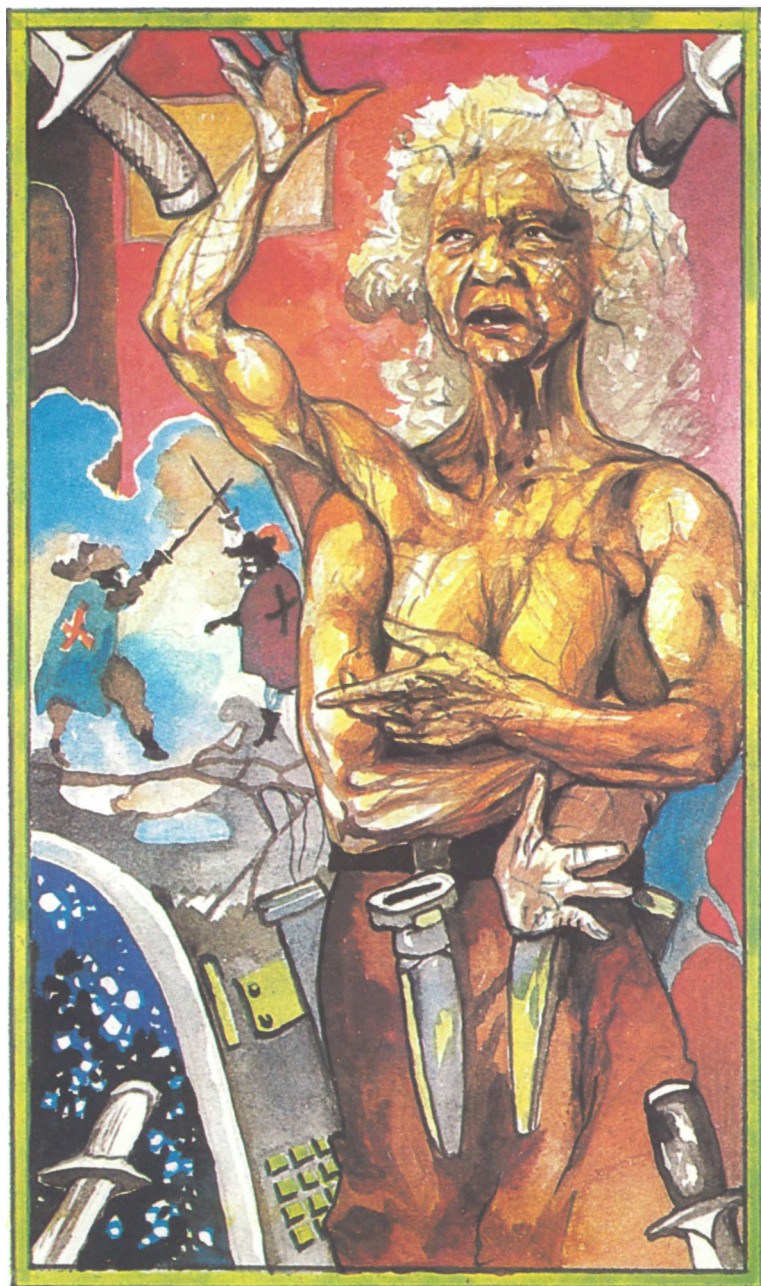
— Почему бы тебе самому не пойти и не привести его сюда? — спросил Хью.

— Потому, что так пытался сделать ты, когда пришел ко мне и хотел все объяснить. — Эртц смутился. — Ты вернулся от мьютов с невероятными рассказами, и я тебе не поверил, отдав под суд по обвинению в ереси. Если бы не Джо-Джим, быть бы тебе сейчас в Конвертере. И если бы ты не взял меня в плен и не затащил бы в Главную рубку, где я увидел все собственными глазами, я бы так тебе и не поверил. Пойми, что Нарби — орешек не менее твердый, чем был я. Мы должны заманить его сюда, а потом показать ему звезды и заставить его их увидеть. Добром, если получится, силой, если потребуется.

— Не понимаю, — сказал Джим, — что с ним цацкаться. Куда проще перерезать ему глотку.

— Перерезать ему глотку было бы славно, но вряд ли практично. Ты даже не представляешь, Джим, насколько Нарби может быть нам полезен. В Совете нет офицера авторитетнее Нарби. Более того, он давно уже вершит делами от имени Капитана. Перетянув его на свою сторону, мы вообще сможем избежать войны, в исходе которой я, честно сказать, не совсем уверен.

— Сомневаюсь, что Нарби придет. У него нюх на ловушки, — сказал Хью.

— Тем более должен идти Алан, а не я. Меня Нарби сразу начнет «колоть», а с Алана взятки гладки. Он ничего не скажет Нарби, кроме того, о чем мы договоримся.

— Точно. Знать ничего не знаю, видеть ничего не видел, — сказал Алан и добавил честно и откровенно: — Я вообще никогда особенно много не знал.

— Джо-Джима ты не видел, о звездах слыхом не слыхал. Ты просто мой телохранитель и ординарец. Нарби передашь следующее. — Эртц подробно объяснил Алану, как и что следует говорить. Удостоверившись в том, что тот все понял, он пожелал ему доброй еды.

— Доброй еды, — ответил Алан, стиснув рукоять ножа, и отправился в путь.

Послание Эртца Алан изложил Нарби шепотом, чтобы не подслушал слуга, стоявший за дверью.

— Эртц хочет, чтобы я шел с тобой в страну мьютов? — ошеломленно уставился на него Нарби.

— Не совсем туда, сэр. На ничейную палубу, где можно будет встретиться с Хью Хойландом.

— Что за абсурд! Да я просто пошлю арестовать его и доставить сюда! — взорвался Нарби.

Алан понял, что наступил решающий момент. Он нарочно повысил голос, чтобы слуга за дверью, а может быть, и клерки, услышали его.

— Эртц велел передать, что если вы испугаетесь идти, то можете оставить эту затею. Он сам поднимет вопрос на заседании Совета.

Своим дальнейшим существованием Алан был обязан только тому, что Нарби был человеком интеллекта, а не грубой силы. Посматривая на нож на поясе Нарби, Алан с тоской вспоминал свое оружие, которое сдал начальнику охраны, входя в покои Старпома.

Нарби сдержал гнев. Он был слишком умен, чтобы отнести оскорбление на счет стоящего перед ним придурка, хотя и пообещал себе уделить этой деревенщине немного особого внимания в более подходящее время. Сейчас же на принятом им решении сказались в равной мере и задетое самолюбие, и любопытство, и потенциальная угроза потери лица.

— Ты отведешь меня к Эртцу, — сказал он сурово, — и я проверю, правильно ли ты передал его слова.

Нарби хотел было взять с собой конвой, но передумал. Не стоило обнародовать дело, не разобравшись во всех политических его аспектах, да и взять охрану в данном случае то же самое, что не пойти совсем. Но он нервно спросил Алана, когда тот получил обратно свое оружие:

— Ты хорошо владеешь ножом?

— Даже очень, — бодро ответил Алан.

Нарби от души понадеялся, что Алан не хвастун. Последнее время он часто жалел, что раньше пренебрегал военной подготовкой. Следуя за Аланом, он постепенно успокаивался. Во-первых, ничего особенного не случилось, во-вторых, Алан производил впечатление опытного и надежного разведчика. Двигался он бесшумно, никогда не забывая тщательно обшарить палубу взглядом, прежде чем вылезти на нее из люка. Нарби вряд ли сохранил бы свое с трудом обретенное спокойствие, услышь он то, что слышал из тускло освещенных проходов Алан, — шорохи, по которым было ясно, что за продвижением следят с флангов. Алана эти шорохи настораживали, хотя он их и ожидал, понимая, что Хью и Джо-Джим слишком опытны, чтобы оставить проходы без прикрытия. Но, будучи настороже, он все же не испытывал беспокойства — беспокоиться стоило бы, не сумей он прикрытия обнаружить. Дойдя до условленного места, Алан остановился и свистнул.

Раздался ответный свист.

— Это я, Алан! — крикнул он.

— Выйди на открытое место и покажись!

Алан вышел вперед, не теряя, однако, бдительности. Убедившись, что его встречают друзья — Эртц, Хью, Джо-Джим и Бобо, он сделал Нарби знак следовать за ним.

При виде Джо-Джима и Бобо восстановившееся было самообладание Нарби лопнуло. Он понял, что попался в ловушку. Выхватив нож, Старпом метнулся назад, однако Бобо крутанул свою пращу еще быстрее. На мгновение все застыли, но Джо-Джим резко выбил оружие из рук карлика.

Нарби удирал что было сил. Хью и Эртц тщетно звали его назад.

— Бобо, возьми его! Живьем, — скомандовал Джим.

Бобо рванулся вперед.

Вскоре он вернулся и, уложив Нарби на пол, заметил:

— Быстро бегают.

Нарби лежал, почти не двигаясь, стараясь восстановить дыхание. Бобо вытащил из-за пояса отнятый у Старпома нож и попробовал его на жестких волосах левой руки.

— Хороший клинок, — одобрительно хмыкнул он.

— Верни ему нож, — приказал ему Джо.

Бобо удивился, но выполнил приказ, забрав у Джо-Джима свою прашу.

Нарби не меньше Бобо был удивлен тем, что получил свое оружие обратно. Но чувства свои он умел скрывать намного лучше карлика. Он даже сумел изобразить достоинство, принимая нож обратно.

— Послушай, — обеспокоенным голосом начал Эртц, — мне очень жаль, что так вышло. Но другого пути удержать тебя не было.

Нарби усилием воли восстановил холодное самообладание, с которым обычно воспринимал жизнь со всеми ее поворотами. «Проклятье, — подумал он, — ситуация просто идиотская. Ну, ладно...»

— Забудем об этом, — сказал он вслух. — Просто я шел на встречу с тобой, а увидел вооруженных мыотов. В странные игры ты играешь, Эртц.

— Приношу свои извинения. Следовало, конечно, предупредить тебя. — Эртц позволил себе маленькую дипломатическую ложь. — Но позволь представить тебе Джо-Джима. Он у мыотов все равно что у Экипажа офицер. А с Бобо ты уже познакомился.

— Доброй еды, — вежливо сказал Джо.

— Доброй еды, — машинально ответил Нарби.

Наступило неловкое молчание. Нарби первым нарушил его:

— Я полагаю, Эртц, у тебя были серьезные причины послать за мной.

— Серьезные, — согласился Эртц. — Настолько, что даже не знаю, с чего начать. Слушай, Нарби, ты

мне не поверишь, но я видел собственными глазами: все, что нам сообщил Хью, было абсолютной правдой. Я был в Главной рубке. Я видел звезды.

Нарби уставился на него.

— Эртц, — сказал он размеренно, — ты сошел с ума.

— Ты говоришь так, потому что не видел, — взволнованно выпалил Хью, — но Корабль движется, Корабль...

— Погоди, Хью, дай я сам, — остановил его Эртц. — Слушай меня внимательно, Нарби, сам решай, что к чему, сам делай выводы, но сейчас я хочу рассказать тебе то, что видел и понял я. Меня отвели в Капитанскую рубку — помещение со стеклянной стеной. И за стеной — необъятное пустое черное пространство, такое большое, что ничего больше быть не может, больше Корабля! И в нем горят звезды! Звезды, о которых мы читали в древних мифах!

— Ты ведь считаешься Ученым. — На лице Нарби изумление смешивалось с отвращением. — Где же твоя логика? «Больше Корабля»! Абсурд! Одно понятие противоречит другому: Корабль есть Корабль. Все остальное — лишь часть его. Ты увидел или убедил себя, что увидел что-то из ряда вон выходящее, но чем бы ни было явление, увиденное тобой, оно не может быть больше того объема, в котором содержится. Таковы элементарные законы физической природы мира.

— Словами этого не объяснишь... — снова начал Эртц.

— Конечно, не объяснишь, и я про то же.

Близнецы перешептывались друг с другом с видом полнейшего омерзения. Наконец Джо громко сказал:

— Хватит болтать! Пошли.

— Верно, — охотно согласился Эртц, — давай отложим спор до тех пор, пока ты не удовлетворишься собственными глазами. Фин, пора в путь, идти нам далеко.

— Идти? Куда еще идти?

— Наверх, в Главную рубку.

— Не смей меня. Я иду вниз.

— Нет, Нарби. Вниз ты сейчас не пойдешь. Я и вызвал тебя сюда только для того, чтобы отвести в Рубку.

— Не валяй дурака. Мне туда идти незачем, у меня и так хватает здравого смысла во всем разобраться. Тем не менее ты заслуживаешь поощрения за установление дружественных контактов с мыютами. Полагаю, мы можем выработать определенные принципы сотрудничества с ними...

Джо-Джим шагнул вперед.

— Попусту тратишь время, — ровным голосом сказал Джим. — Мы идем наверх, и ты идешь с нами.

— Об этом не может быть и речи, — покачал головой Нарби. — Но не исключено, что я соглашусь позже, когда мы выработаем принципы сотрудничества.

С противоположной стороны к нему придвинулся Хью Хойланд.

— Если ты не понял, что к чему, то позволь тебе объяснить: ты идешь с нами наверх. Сейчас.

Нарби взглянул на Эртца. Эртц кивнул:

— Именно так дела и обстоят, Нарби.

Нарби злобно выругался про себя. Великий Джордан! Ну и влип. Где только была его голова, когда он согласился идти на встречу с Эртцем? Идиотская ситуация, просто идиотская. А этот двухголовый только и ждет, чтобы он, Нарби, полез в драку. Он опять выругался про себя и сдался, сохраняя, насколько было возможно, хорошую мину при плохой игре.

— Хорошо, я пойду, чтобы не затевать бессмысленных споров. Показывайте дорогу.

— Держись за мной, — ответил Эртц.

Джо-Джим подал условный сигнал пронзительным свистом, и к отряду мгновенно присоединилось с полдюжины мутантов, то ли выросших из-под палубы, то ли горохом скатившихся с потолка. Нарби даже стало плохо от страха, внезапно охватившего его с новой силой: он только сейчас понял до конца, как далеко завела его неосторожность.

Шли они долго — Нарби с не привычки еле тащился за остальными. По мере подъема равномерное ослабление силы тяжести помогало ему, но оно же вызывало и приступы тошноты. Конечно, как и все, рожденные на борту Корабля, он в какой-то мере адаптировался к ослабленной силе тяжести, но на верхние палубы не

забирался со времен бесшабашной юности, и сейчас ему приходилось нелегко. Незадолго до конца пути он совсем выбился из сил. Джо-Джим отослал охрану вниз и приказал было Бобо нести его, но Нарби отмахнулся. Согласно плану Хью, они пошли прямо в Капитанскую рубку. В какой-то мере Нарби уже был подготовлен к тому, что его ожидает, как сбивчивыми объяснениями Эртца, так и оживленными рассказами Хью, который держался подле него большую часть пути. Хью даже проникся симпатией к Нарби — наконец-то нашелся свежий слушатель!

Хью вплыл в дверь первым, сделал аккуратное сальто в воздухе и уцепился рукой за кресло. Другой рукой он широким жестом обвел гигантское окно:

— Смотри, вот они! Разве это не прекрасно?

Лицо Нарби сохраняло прежнюю невозмутимость, но он долго и пристально смотрел на звезды.

— Занятно, весьма занятно, — сказал он наконец. — Никогда не доводилось мне видеть ничего подобного.

— «Занятно»! — воскликнул Хью. — Это не то слово. Чудесно, великолепно!

— Пусть будет чудесно, — согласился Нарби. — Эти маленькие огоньки и есть те самые звезды, о которых говорится в мифах?

— Да, — ответил Хью, испытывая какое-то смутное беспокойство, — но они вовсе не маленькие. Они огромны, как Корабль. Они кажутся маленькими из-за гигантского расстояния. Видишь ту, которая поярче? Она больше, чем другие, потому что ближе. Я думаю, это и есть Проксима Центавра*, хотя точно не уверен, — сознался он в приливе откровенности.

Нарби быстро взглянул на него, потом снова на большую звезду.

— Как далеко до нее?

* Любопытно: до сих пор говорилось лишь о Далеком Центавре, как некоей мифической цели, постепенно обретающей в глазах героев черты реальности. А тут вдруг всплывает Проксима (т. е. Ближайшая) Центавра — ближайшая к нам звезда, стоящая от Солнца на 4,3 светового года. Далекий Центавр, таким образом, превращается в Ближний. К тому же, по логике, «Авангарду» следовало бы направляться к звезде-близнецу Солнца Альфе Центавре-А, а не к красному карлику Проксиме Центавра...

— Не знаю. Но буду знать. В Главной рубке есть специальные приборы для измерения расстояния, только я пока еще в них не разобрался. Дело не в этом. Главное — мы прилетим туда, Нарби!

— Вот как?

— Вот именно! И завершим Полет!

Нарби хранил непроницаемое молчание. Старпом обладал хорошо дисциплинированным умом и в высшей степени логичным мышлением. Способный администратор, он умел, при необходимости, принимать мгновенные решения, но по характеру был склонен, по мере возможности, воздерживаться от выводов и суждений, пока как следует не переварит и не усвоит полученную информацию. Сейчас, в Капитанской рубке, Нарби был еще более неразговорчив, чем обычно. Он внимательно смотрел и слушал, но почти ни о чем не спрашивал. Хью не обращал на это внимания. Рубка была его гордостью, его любимой игрушкой. Он был счастлив одним тем, что мог показать ее новому зрителю и без умолку рассказывать о ней.

На обратном пути по предложению Эртца все остановились у Джо-Джима. Кровным братьям было просто необходимо вовлечь в свое дело Нарби, в противном случае вся операция теряла смысл. Старпом против задержки возражать не стал, придя к выводу, что его безопасности во время этой беспрецедентной вылазки в страну мьютов действительно ничего не угрожает.

Он выслушал Эртца, изложившего их намерения. Но хранил молчание до тех пор, пока у того не лопнуло терпение.

— Мы ждем ответа!

— Ждете моего ответа?

— Разумеется. От тебя многое зависит.

Это Нарби знал. Знал он и то, какой ответ от него ожидается, но по привычке тянул время.

— Что ж. — Нарби важно выпятил губу и сплел пальцы. — Мне кажется, что проблему следует разделить на два пункта. Если я правильно понял, Хью Хойланд не может выполнить задуманное и исполнить древний План Джордана, пока весь Корабль не будет объединен под единой властью, пока на всем простран-

стве от страны Экипажа до Главной рубки не воцарятся единый порядок и дисциплина. Так?

— Именно. Мы должны подобрать вахту для Главного двигателя и...

— Извини, я не кончил. Да и, говоря откровенно, пробелы образования не позволяют мне понять техническую сторону вашего плана. Поэтому здесь я целиком полагаюсь на мнение Главного инженера. Техническое исполнение Плана Джордана — это как раз второй пункт нашей общей проблемы. Естественно предположить, что ради его осуществления ты неизбежно заинтересован в первом.

— Безусловно.

— В таком случае давай ограничимся сейчас первым этапом. Здесь перед нами стоят вопросы чисто политического и административного характера, в которых я разбираюсь лучше, нежели в инженерных. Итак, Джо-Джим ищет возможности добиться мира между мьютами и Экипажем. Мира и доброй еды для всех, не так ли?

— Верно, — согласился Джим.

— Отлично. Я и ряд других офицеров давно уже стремимся к тому же. Но должен признать, что мне и в голову никогда не приходили иные пути достижения этой цели, кроме применения силы. Мы готовились к долгой, тяжелой и кровавой войне. Ведь в самых древних наших летописях, которые Свидетели передают друг другу по наследству еще с незапамятных времен Мятежа, не найти упоминания ни о каких других отношениях между нами и мьютами, кроме войны. Но я рад от всей души, что открываются возможности более разумных отношений.

— Так, значит, ты с нами! — воскликнул Эртц.

— Спокойно, спокойно, не все сразу. Здесь многое необходимо обдумать. И ты, Эртц, и я, и Хойланд отлично понимаем, что отнюдь не все офицеры Корабля пойдут за нами. Как быть с ними?

— Проще простого, — вставил Хью. — Будем их приводить по одному в рубку, показывать звезды и объяснять, что к чему.

— У тебя носилки несут носильщиков, — отрицательно покачал головой Нарби. — Я ведь сказал уже, что во всем этом деле вижу два этапа. Нет нужды

убеждать человека в том, во что он никак не поверит, когда тебе требуется прежде всего его согласие на более практичные, вполне доступные его пониманию действия. Вот когда мы действительно объединим Корабль под одним руководством, тогда — и только тогда — мы сумеем без затруднений открыть офицерам тайну рубки и звезд.

— Но...

— Он прав, — остановил Хойланда Эртц. — Не стоит ввязываться в бесконечные религиозные дебаты, когда на первом плане стоит проблема чисто практическая. Очень многие офицеры станут на нашу сторону, если мы выдвинем программу умиротворения и объединения Корабля, но они же, безусловно, выступят против нас, если мы начнем с посягательств на основные каноны религии и заявим, что Корабль движется.

— Но...

— Никаких «но». Нарби прав. Его точка зрения продиктована здравым смыслом. Теперь я изложу Нарби наши соображения по поводу тех офицеров, которых мы не сумеем убедить. Ну, во-первых, конечно, наш с тобой долг провести среди них разъяснительную работу, завербовать как можно больше сторонников. Что до остальных, то Конвертер нуждается в сырье постоянно.

Нарби кивнул. Мысль об убийствах и расправах как о методах проведения политического курса нисколько не смущала его.

— Это, конечно, подход самый надежный и деловой, но будут трудности в его осуществлении.

— Вот тут-то и пригодится Джо-Джим. За ним будут стоять лучшие бойцы Корабля.

— Ясно. Стало быть, Джо-Джим властен над всеми мьютами?

— С чего ты взял? — прорычал Джо, неизвестно почему задетый за живое.

— У меня сложилось такое впечатление.

Нарби замолчал. Ему ведь действительно никто не говорил, что Джо-Джим — владыка всех верхних палуб, просто он так уверенно держался... Нарби стало не по себе. Неужели все эти переговоры были напрасны? На кой Хафф ему сдался пакт с двухголовым монстром, если тот не представляет всех мьютов?

— Я должен был объяснить сразу, — торопливо вставил Эртц. — Сейчас Джо-Джим самый сильный вождь среди мьютов. Он поможет нам захватить власть, а там при нашей поддержке станет владыкой всех верхних палуб.

Нарби быстро проанализировал ситуацию исходя из новых данных. Мьюты против мьютов при незначительном участии бойцов Экипажа — это, пожалуй, наилучший способ ведения войны. К тому же такой вариант более приемлем, чем немедленное перемирие, хотя бы потому, что к концу войны мьютов в любом случае станет меньше, чем сейчас. И их будет легче взять под контроль, что значительно сократит опасность любых потенциальных мятежей.

— Ваша идея мне ясна, — заявил он. — А как вы себе представляете последующее развитие событий?

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался Хойланд.

Эртц отлично понимал, куда гнет Нарби, Хойланд же только начал смутно догадываться.

— Кто будет новым Капитаном? — Нарби смотрел Эртцу прямо в глаза.

Заранее Эртц этого вопроса не обдумывал и лишь сейчас понял его важность. Только решив вопрос о Капитанстве, можно предотвратить кровавую борьбу за власть после переворота. Эртц и сам питал иногда надежды на пост Капитана, но он хорошо знал, что Нарби метит в Капитаны давно. К тому же теперь Эртц так же глубоко, как и Хойланд, был захвачен романтикой плана возобновления управляемого полета Корабля. Осознав, что бывшее честолюбие может помешать осуществлению новой мечты, он отказался от него почти без малейшего сожаления.

— Капитаном будешь ты, Фин. Ты согласен?

Финеас Нарби великодушно принял предложение.

— Пожалуй, да, коль скоро таковы ваши мнения. Ты и сам был бы отличным Капитаном, Эртц.

Эртц покачал головой, отлично понимая, что с этого мгновения Нарби с ними целиком и полностью.

— Я останусь на посту Главного инженера: хочу заняться двигателями во время Полета.

— Экие вы быстрые, — перебил их диалог Джо. — Я, между прочим, не согласен. С какой это стати Капитаном будет Нарби?

Финеас смерил его взглядом:

— Ты претендуешь на этот пост?

Он произнес свои слова осторожно, избегая малейшего намека на сарказм. Подумать только, мьют лезет в Капитаны!

— Нет, Хафф побери! Но причем здесь ты? Почему не Эртц или не Хью?

— Я не могу, — заявил Хью. — Мне придется заниматься навигацией, и на административные вопросы у меня времени не останется.

— Пойми, Джо-Джим, Нарби единственный из нас, кто способен склонить на нашу сторону других офицеров, — сказал Эртц.

— Не перейдут к нам, так перережем им глотки, и дело с концом!

— Если Нарби будет Капитаном, обойдемся без кровопролития.

— Не нравится мне это, и все тут, — прорычал Джо, но его брат возразил:

— С чего ты заводишься? Видит Джордан, нам-то такая ответственность не нужна.

— Я вполне понимаю ваши опасения, — вкрадчиво начал Нарби, — но думаю, что они беспочвенны. Без вашей помощи мьютами я управлять все равно не смогу. Я оставляю за собой управление нижними палубами, это для меня дело привычное, а вы, если согласитесь, будете Вице-Капитаном страны мьютот. Глупо с моей стороны братья за управление страной, которую я не знаю, и народом, обычаи которого мне неизвестны. Нет, я не приму пост Капитана, если вы не согласитесь помочь мне. Итак, ваше решение?

— Нет, — отрезал Джо.

— Очень жаль. В таком случае я вынужден отказаться от Капитанства. Без вашей помощи оно мне не по плечу.

— Перестань, Джо, — стоял на своем Джим, — давай согласимся, хотя бы временно. Не можем же мы бросить все на полпути.

— Ладно, пусть будет так, — сдался Джо, — но не нравится мне все это.

Нет нужды пересказывать утомительные подробности дальнейших переговоров. Было решено, что Эртц, Алан и Нарби вернутся вниз к своим обычным обязанностям и займутся тайной подготовкой переворота.

Хью выделил им охрану до нижних палуб.

— Значит, пошлешь к нам Алана, когда все будет готово? — спросил он Нарби.

— Да, но не жди его скоро. Нам с Эртцем потребуется время, чтобы нанять сторонников. Да и убедить старого Капитана созвать общее собрание всех офицеров Корабля будет непросто.

— Что ж, это твое дело. Доброй еды.

— Доброй еды.

В тех редких случаях, когда объявлялся общий сбор всех Ученых-жрецов и Офицеров Корабля, заседание проводилось в большом зале, расположенном на самой верхней палубе цивилизованного мира. В стародавние забытые времена, еще задолго до Мятежа, возглавленного младшим механиком Роем Хаффом, здесь размещался гимнастический зал, место развлечений и занятий спортом, о чем нынешние его хозяева и понятия не имели.

Нарби, прячущий тревогу за бесстрастным выражением лица, наблюдал за дежурным клерком, регистрирующим прибывающих. Как только придут несколько опоздавших, он вынужден будет доложить Капитану, что все в сборе, и не сможет больше оттягивать начало собрания, а сигнала от Хью и Джо-Джима все нет и нет. Неужели этот дурень Алан дал себя убить, когда шел наверх с посланием? Упал ли он с трапа и свернул свою никчемную шею? Или нож мьюта проткнул ему живот?

Вошел Эртц. Прежде чем занять свое место среди высших чинов, он подошел к Нарби, сидящему перед креслом Капитана.

— Ну как? — тихо спросил он.

— Все готово, — ответил Нарби, — но ответа пока нет.

Эртц и Нарби оглядели зал, подсчитывая своих сторонников. Не большинство, конечно, но все же... Однако в данном случае дело решится не голосованием, так что...

Дежурный клерк тронул Нарби за рукав:

— Все на месте, сэр. Нет только больных и офицера дежурной вахты Конвертера.

Нарби приказал уведомить об этом Капитана; самого его охватило предчувствие беды — что-то пошло не так.

Капитан, как обычно, не считаясь ни с кем, не торопился на собрание. Нарби был рад отсрочке, но переживал ее мучительно. Наконец старик вплыл в зал, развалиясь на носилках в окружении стражей. Как всегда, с первой минуты совещания он нетерпеливо ждал конца, поэтому, знаком приказав всем сесть, он сразу же обратился к Нарби:

— Изложите повестку дня, Нарби. Надеюсь, вы ее подготовили?

— Так точно, Капитан.

— Так огласите же ее, огласите! Чего вы ждете?

— Есть, сэр. — Нарби обернулся к клерку-чтецу и вручил ему пачку исписанных листков.

Клерк просмотрел их, на лице его промелькнуло удивление, но, не получив от Нарби никаких других указаний, он приступил к чтению:

— «Петиция Совету и Капитану. Лейтенант Браун, администратор деревни сектора N9, просит уволить его в отставку по причине преклонного возраста и плохого состояния здоровья...»

Клерк подробно перечитал рекомендации соответствующих офицеров и ведомств.

Капитан раздраженно ерзал в кресле и наконец, не вытерпев, перебил чтеца:

— В чем дело, Нарби? Вы что, не можете разобратся с текущими делами сами?

— У меня сложилось впечатление, что Капитан был недоволен решением, принятым мною в прошлый раз по аналогичному вопросу. Я не имею намерений посягать на прерогативы Капитана.

— Что за бред! Вы еще, может быть, Уставу меня учить вздумаете? По этому вопросу должен принять решение Совет и представить его на мое утверждение.

— Так точно, сэр.

Нарби забрал у клерка листки и дал ему другие, содержащие не менее пустячное дело. Деревня сектора N3, ссылаясь на неожиданную болезнь, поразившую растения их гидропонных ферм, просила оказания

помощи и временной отмены налогов. Капитан взорвался при первых же словах клерка. И если бы в этот момент Нарби не получил известия, которого так ждал, ему пришлось бы туго. Человек из его охраны пересек зал и вложил ему в руку клочок бумаги с одним только словом: *Начинай*. Нарби мельком глянул на нее, сделал знак Эртцу и обратился к Капитану:

— Сэр, поскольку вы не намерены выслушивать петиции своего Экипажа, я сразу же перейду к основному вопросу повестки дня. — Еле прикрытая наглость этих слов заставила Капитана впиться взглядом в его лицо, но Нарби продолжал как ни в чем не бывало: — Уже давно, в течение жизни многих поколений, Экипаж страдает из-за враждебности мыотов. Наш скот, наши дети, наконец, мы сами находимся в постоянной опасности. На верхних палубах не чтут Устава Джордана. Даже сам Капитан-Помазанник не имеет туда свободного доступа. Из поколения в поколение мы слышим, что такова была воля Джордана — дети должны расплачиваться за грехи отцов. Однако я никогда не мог принять постулат веры, согласно которому Экипаж должен жить в вечных муках.

Нарби сделал паузу.

Старый Капитан ушам своим не верил. Подняв руку и с трудом обрета голос, он выкрикнул:

— Ты оспариваешь Учение?

— Нисколько. Я лишь считаю, что действие Устава должно быть распространено и на мыотов.

— Вы, вы... Вы освобождены от своих обязанностей, сэр!

— Ну нет, — ответил Нарби, на этот раз и не думая скрывать издевку. — Нет. Сначала я выскажусь до конца.

— Взять его!

Но охранники Капитана не двинулись с места, хотя и чувствовали себя неловко. Охрану Капитана Нарби всегда подбирал сам. Повернувшись к ошеломленному Совету и поймав взгляд Эртца, Нарби сказал:

— Приступайте.

Эртц ринулся к двери. Нарби продолжал:

— Многие из присутствующих здесь разделяют мои взгляды, но мы всегда исходили из того, что за их утверждение придется платить. По воле Джордана мне

удалось наладить контакты с мьютами и заключить мир. Их вожди прибыли для переговоров с нами. Прошу. — И он указал на дверь.

Эртц вернулся в зал, за ним шли Хью Хойланд, Джо-Джим и Бобо. Хойланд сразу свернул направо. Следовавшие за ним головорезы Джо-Джима взяли зал в полукольцо. По левой стороне зала такая же цепочка выстроилась вслед за Джо-Джимом и Бобо. Зал был окружен.

Джо-Джим, Хью и дюжина бойцов были одеты в грубо сработанные железные доспехи, спускающиеся ниже пояса. Головы их прикрывали неуклюжие шлемы, сделанные из стальных решеток, чтобы не затруднять обзора. Одетые в доспехи бойцы, как и многие другие, были вооружены невиданными ножами в руку длиной.

Офицеры без труда остановили бы вторжение в узких дверях зала, но, застигнутые врасплох, обескураженные и растерянные, они были беспомощны, тем более что неожиданных гостей привели их собственные наиболее авторитетные вожди. Беспокойно шевелясь в креслах, хватаясь за ножи, офицеры искали во взглядах друг друга совета. Но ни у кого не хватило решимости сделать шаг, который послужил бы сигналом к началу битвы.

— Так что же, согласны вы принять мирную делегацию мьютов? — повернулся к Капитану Нарби.

Казалось бы, возраст и привычка к безбедной жизни должны были удержать Капитана от ответа, может быть, даже вообще удержать его от каких бы то ни было ответов на будущее, но он прохрипел:

— Убрать их! Убрать! А ты, ты отправишься за это в Полет!

Обернувшись к Джо-Джиму, Нарби поднял вверх большой палец. Джо-Джим шепнул что-то Бобо — и нож по самую рукоять вошел в жирное брюхо Капитана. Тот даже не вскрикнул, только жалобно всхлипнул, и лицо его приняло выражение крайнего удивления и растерянности. Неловко нащупав рукоять ножа, как бы желая убедиться, что в животе у него действительно сидит клинок, Капитан прохрипел: «Мятеж, мя...» — и тяжело рухнул лицом на стол.

Нарби ногой спихнул труп на пол и приказал двум охранникам убрать его. Те беспрекословно повиновались, обрадованные, что нашелся наконец хозяин, который будет ими командовать. Нарби обратился к застывшему в молчании залу:

— Кто еще возражает против мира с мьютами?

Престарелый офицер, в спокойствии и уюте проживший всю жизнь в отдаленной деревне, встал и выпятил костлявый палец в сторону Нарби. Седая борода его тряслась от возмущения:

— Джордан накажет тебя за это! Грех и мятеж! Ты продал душу Хаффу!

Нарби сделал знак, и слова старика застряли в горле. Острие ножа, пронзив шею, вышло из уха. Бобо был доволен собой.

— Хватит, поговорили, — объявил Нарби. — Лучше обойтись малой кровью сейчас, чем большой кровью потом. Те, кто согласен со мной, встаньте и выйдите вперед.

Эртц показал пример, шагнув первым и увлекая за собой самых верных своих соратников. Он поднял нож острием вверх:

— Салют Финеасу Нарби, Капитану-Помазаннику!

Его сторонникам ничего не оставалось, кроме как провозгласить здравицу новому Капитану.

Нарби хором салютовали и молодчики из его клики — костяк блока рационалистов Ученых-жрецов. Увидев, куда склоняется чаша весов, к ним начали присоединяться и остальные. Лишь незначительная кучка офицеров, в основном стариков и религиозных фанатиков, осталась на местах.

Увидев, что Нарби приказал собрать их всех вместе и сделал знак головорезам Джо-Джима, Эртц взял его за руку.

— Их мало, и опасности они не представляют, — сказал он. — Давай просто разоружим их и уволим в отставку.

Нарби неприязненно посмотрел на него:

— Оставить их в живых — значит посеять семена раздора и мятежа. Я вполне способен принимать решения самостоятельно, Эртц.

— Хорошо, Капитан, — закусил губу Эртц.

— Так-то оно лучше. — Нарби подал знак Джо-Джиму.

Длинные ножи работали быстро.

Хью держался подальше от места расправы. Его старый учитель Лейтенант Нельсон, администратор их деревни, заметивший когда-то способности Хью и отобравший его для учебы, был в числе убитых. Такого поворота событий Хью не предвидел.

За покорением мира следует его объединение. Верой или мечом. Бойцы Джо-Джима, усиленные людьми Капитана Нарби, прочесывали средние и верхние палубы. Мьютам, закоренелым индивидуалистам, по самому образу жизни неспособным подчиняться никому, кроме вождя собственной маленькой шайки, было не по плечу противостоять планомерному наступлению Джо-Джима, да и оружие их не шло ни в какое сравнение с длинными ножами, разящими насмерть, когда обороняющийся еще только готовился парировать удар.

По стране мьютов поползла молва, что лучше всего без боя покориться армии Двух Мудрых Голов, — сдавшимся будет обеспечена добрая еда. Иначе — верная смерть.

Но дело шло медленно: столько было палуб, столько миль мрачных коридоров, столько бесчисленных жилищ, в которых могли укрыться непокоренные мьюты. Операция замедлялась и по мере продвижения вперед, поскольку Джо-Джим ввел патрулирование и внутреннюю охрану в каждом завоеванном секторе, на каждой палубе и у каждого люка.

К глубокому огорчению Нарби, Двухголовый из этих боев выходил живым и невредимым. Джо-Джим уяснил из своих книг, что генералу нет нужды принимать непосредственное участие в схватках.

Хью не покидал Рубки. И не только потому, что был поглощен головоломными приборами, в которых пытался разобраться. Смерть Лейтенанта Нельсона вызвала у него отвращение к кровавой чистке. К насилию он привык давно, оно и на нижних палубах было в порядке вещей, но сейчас что-то смутно мучило его,

хотя осознанно он себя в гибели старика не винил. Просто он бы предпочел, чтобы обошлось без этого.

Но приборы, приборы! Да, вот чему стоило отдать сердце! Он ведь взялся за дело, перед которым спасовал бы любой грамотный землянин, заведомо зная, что управление звездолетом требует глубокой подготовки и богатого опыта полетов на более простых кораблях.

Но Хью Хойланд этого не знал. Поэтому он смело взялся за дело и добился своего.

На каждом шагу ему помогал гений создателей этого Корабля. Управление большинством механизмов всегда основано на простейших движениях: вперед-назад, направо-налево, вверх-вниз и в бесчисленном множестве их комбинаций. Настоящие трудности в работе с механизмами и машинами лежат в их эксплуатации, ремонте, профилактике и обслуживании.

Однако приборы и двигатели звездолета «Авангард» не нуждались в ремонте и замене сносившихся частей. Их изощренность превышала обычный уровень, движущиеся детали в них вообще не использовались, и трение не играло роли; они не нуждались в настройке. Хью никогда бы не смог разобраться в этом оборудовании, никогда не научился бы ремонтировать его. Но этого и не требовалось.

«Авангард» в ремонтниках не нуждался. За исключением разве что вспомогательного оборудования — подъемников, конвейеров, линий доставки еды, автомассажеров и так далее. Все это оборудование, в котором применение движущихся частей было неизбежным, сносилось и приходило в негодность еще задолго до появления первого Свидетеля. Детали и целые механизмы, потерявшие значение и смысл, либо были отправлены в Конвертер как бесполезный хлам, либо были приспособлены для практических нужд. Хью и знать не знал, что это когда-то существовало; остатки каких-то разобранных приспособлений в различных помещениях Корабля были в его глазах естественным природным явлением.

Проектировщики «Авангарда» исходили из того, что он достигнет цели не ранее, чем через два поколения. Они ставили своей задачей по мере возможности облегчить судьбу будущих, еще не рожденных пилотов, которые доведут «Авангард» до Проксимы Центавра.

Хотя такого упадка технической культуры, какой имел место в действительности, проектировщики не предвидели, они все же старались, как умели, максимально упростить управление Кораблем, сделать его наглядным, легкодоступным.

Земной подросток, в меру смысленный, выросший в развитой стране и с детства знакомый с самой идеей космических полетов, разобрался бы в пульте управления «Авангарда» за несколько часов. Хью, выросший в невежестве, в вере, что Корабль — это и есть весь мир, долгие годы не умевший выйти в своем воображении за пределы палуб и коридоров, был вынужден потратить на это много времени. Камнем преткновения были две абсолютно чуждые его восприятию концепции — глубокое пространство и метрическое время. Он научился обращаться с дистанциометром — прибором, специально разработанным для «Авангарда», — и снял с него данные о расстоянии до нескольких ближайших звезд, но результаты все равно ничего не говорили ему. Расстояние измерялось в парсеках, а они в его глазах были бессмысленны. Попытавшись с помощью Священных книг перевести парсеки в линейные единицы, он получил цифры, которые ему казались смехотворными и заведомо неверными. Проверка за проверкой чередовалась долгими раздумьями, прежде чем перед ним забрезжило хоть какое-то туманное представление об астрономических величинах.

Эти величины ошеломили и напугали его. Им овладели чувства отчаяния и безнадежности. Он покинул Рубку и занялся выбором жен. Впервые с тех давних пор, как он попал в плен к Джо-Джиму, он почувствовал интерес к женщинам и получил возможность его удовлетворить. Выбор был большой. Подросло новое поколение деревенских девушек, да к тому же военные операции Джо-Джима сделали многих женщин вдовами. Хью воспользовался своим высоким положением в новой иерархии Корабля и выбрал себе двух жен. Молодую вдову, сильную и умелую самку, привыкшую создавать домашний уют мужчине, он поселил в своем новом жилище, предоставил свободу действий в доме и позволил ей сохранять прежнее имя — Хлоя. Вторая была девушкой необузданной и дикой, как мьют. Хью и сам не знал, почему он выбрал

именно ее. Уметь она ничего не умела, но чем-то привлекала его. Имени он ей так и не придумал.

Метрическое время заставило его поломать голову не меньше, чем астрономические величины, но эмоциональных потрясений не вызвало. В мире Корабля и понятия такого не было. Экипаж имел представление об основных обиходных понятиях: «сейчас», «прежде», «было», «будет», даже таких, как «медленно» и «быстро», но идея измеряемого времени была утрачена. На Земле даже первобытные племена имели понятие измеряемого времени, хотя бы только дней и времен года, но ведь все земные концепции измеряемого времени строятся на астрономических явлениях, а Экипаж был от них изолирован давным-давно.

На пульте управления Хью нашел единственные сохранившиеся в Корабле часы, но ему пришлось долго ломать голову, прежде чем он понял их назначение и связь с другими приборами. Пока он не разобрался в этом, управление Кораблем было ему недоступно. Скорость и ее производная — ускорение — основываются на понятии измеряемого времени.

Но, как следует разжевав и усвоив две новые концепции и перечитав заново в их свете древние книги, он стал, хотя и в очень ограниченном смысле слова, астронавтом.

Хью искал Джо-Джима, чтобы спросить совета. Головы Джо-Джима всегда поразительно быстро соображали, особенно если ему была охота их напрячь. Но поскольку это случалось с ним нечасто, он так и остался во всем дилетантом.

У Джо-Джима Хью застал Нарби, уже собравшегося уходить. Для успешного проведения кампании по умиротворению мыотов Нарби и Джо-Джиму приходилось часто совещаться. К их взаимному удивлению, они хорошо ладили. Нарби был умелым администратором. Доверяя кому-то определенную ответственность, он не стоял над душой и не требовал отчета по каждой мелочи. Джо-Джим, в свою очередь, удивлял и радовал Нарби, поскольку был намного способнее всех его офицеров. Симпатий они друг к другу отнюдь не

испытывали, но чувствовали взаимное уважение к уму партнера и понимали, что их личные интересы совпадают.

— Доброй еды, Капитан, — по-уставному приветствовал Хью Нарби.

— А, привет, Хью, — ответил Нарби и снова повернулся к Джо-Джиму: — Так я буду ждать доклада.

— Да, мы его подготовим, — ответил Джо. — Вряд ли их там осталось больше дюжины. Мы либо выбьем их оттуда, либо заморим голодом.

— Я не мешаю? — спросил Хью.

— Нет, я уже ухожу. Как идут твои грандиозные дела, дружище? — Нарби улыбнулся, и улыбка эта разозлила Хью.

— Дела идут хорошо, но медленно. Представить доклад?

— Не к спеху. Да, кстати, я наложил табу на обе Рубки и на двигатель — в общем, на весь ярус невесомости. И для Экипажа, и для мьютов.

— Пожалуй, это правильно. Никому, кроме офицеров, не следует пока там шататься.

— Ты меня не понял. Я имею в виду всех, и офицеров тоже. Исключая нас, разумеется.

— Нет, так не пойдет. Единственная реальная возможность убедить офицеров в нашей правоте — это показать им звезды!

— Именно поэтому я и наложил табу. Сейчас, когда я занят консолидацией власти, я не могу позволить смущать умы моих офицеров столь радикальными идеями. Разгорятся религиозные страсти, а это подорвет дисциплину.

Хью был настолько ошеломлен и расстроен, что даже не сразу нашелся с ответом.

— Но ведь это наша цель, — сказал он наконец. — Именно для этого тебя и сделали Капитаном.

— И как Капитану мне придется принимать окончательные решения по политическим вопросам. Данный вопрос исчерпан. Тебе не разрешается водить людей в невесомость до тех пор, пока я не сочту это возможным. Придется потерпеть.

— Он прав, Хью, — заметил Джим. — Не стоит создавать почву для разногласий, пока мы не закончим войну.

— Дайте-ка мне разобраться до конца, — стоял на своем Хью. — Эти меры носят временный характер?

— Можешь считать так.

— Что ж, ладно. Но постой-ка, ведь Эртцу и мне необходимо немедленно начать обучение помощников.

— Хорошо, представь мне список кандидатов на утверждение. Кого именно ты имеешь в виду?

Хью задумался. Ему-то помощник был не особенно нужен. Хотя в Рубке шесть кресел, один человек в кресле навигатора вполне мог управиться с пилотированием Корабля. То же касалось и Эртца...

— Эртцу потребуются носильщики, чтобы доставлять массу к Главному двигателю.

— Пусть составит список. Я подпишу. Проследи за тем, чтобы все носильщики были подобраны из мьютов, уже бывавших в запретной зоне ранее.

Нарби повернулся и вышел с видом правителя, завершившего аудиенцию.

Хью посмотрел ему вслед.

— Не нравится мне все это, — сказал он Джоджиму. — Ну да ладно. Я ведь пришел поговорить совсем о другом.

— Что у тебя на уме, приятель?

— Слушай, как мы... Ну, понимаешь, завершим Полет. Сведем Корабль с планетой, как... — Он соединил сжатые кулаки.

— Верно, продолжай.

— Так вот, когда мы сделаем это, что будет потом? Как мы выйдем из корабля?

Этот вопрос застал близнецов врасплох и вызвал спор между ними. Наконец Джо перебил брата:

— Погоди-ка, Джим. Давай рассуждать логично. Если Корабль был построен для Полета, то ведь должна быть дверь, не так ли?

— Верно.

— Но на верхних палубах дверей нет. Следовательно, они должны быть внизу.

— Но там их тоже нет, — возразил Хью, — мы там все исследовали. Двери где-нибудь у вас, в стране мьютов.

— В таком случае, — продолжал Джо, — их следует искать либо в передней, либо в задней части Корабля. Но за помещением Главного двигателя нет

ничего, кроме переборок. Следовательно, искать надо в передней части.

— Глупо, — заметил Джим. — Там Главная и Капитанская рубки и больше ничего...

— Ничего? А о запертых жилищах ты забыл?

— Там-то уж точно дверей наружу нет...

— Непосредственно наружу нет, но, может быть, через эти жилища к ним можно выйти, балда ты.

— От балды и слышу. Даже если ты прав, как ты их откроешь, умник?

— Что такое «запертые жилища»? — спросил Хью.

— Ты не знаешь? В переборке, за которой расположена дверь, ведущая в Главный двигатель, есть еще семь дверей. Открыть их нам так и не удалось.

— Пойдем посмотрим. Может быть, это и есть то, что мы ищем.

— Время только терять, — буркнул Джим.

Но они пошли, прихватив с собой Бобо. Его сила могла пригодиться. Но даже вздувшиеся мышцы Бобо не справились с рычагами, которые, по-видимому, приводили двери в движение.

— Убедился? — иронически сказал брату Джим.

Джо пожал плечами:

— Ты был прав. Пошли отсюда.

— Подождите немножко, — взмолился Хью. — Кажется, на второй двери ручка чуть-чуть повернулась. Давайте попробуем еще раз.

— Без толку все это, — ответил Джим.

— Раз уж пришли, давай попробуем еще, — возразил Джо.

Бобо приналег, вжавшись плечом под рычаг и упершись в пол ногами. Неожиданно рычаг подался, но дверь не открылась.

— Сломал, — сказал Джо.

— Похоже, что так, — согласился Хью и оперся на дверь рукой. Дверь распахнулась.

К счастью для всех троих, она не вела в Космос. При их жизненном опыте неоткуда было взяться представлению об открытом вакууме и его опасностях.

Короткий узкий коридор привел к еще одной, на этот раз полуоткрытой двери. Силач Бобо распахнул ее без труда.

Еще шесть футов коридора, и они уперлись в очередную дверь.

— Не понимаю, — пожаловался Джим, пока Бобо занимался ею, — к чему эти бесконечные двери?

— Подожди, может, поймешь, — посоветовал ему брат.

За третьей дверью открылось помещение, состоящее из нескольких странных, маленьких, непривычной конфигурации жилищ.

Бобо двинулся вперед на разведку с ножом в зубах. Хью и Джо-Джим шли медленно, это странное место заворожало их.

Бобо вернулся, погасил скорость полета, опершись о переборку, вынул нож из рта и доложил:

— Нет двери. Больше нет. Бобо смотрел.

— Должна быть, — настаивал Хью, раздраженный тем, что карлик разбил его надежды.

— Бобо хорошо смотрел, — пожал плечами мутант.

— Проверим сами.

Хью и Джо-Джим разошлись в противоположные стороны, внимательно осматривая и изучая помещение.

То, что Хью нашел вместо двери, заинтересовало его больше. Находка была просто невозможной. Он хотел было позвать Джо-Джима, но Джим как раз в этот момент крикнул:

— Хью, иди сюда!

Хойланд неохотно оторвался от своей находки и пошел к близнецам.

— Слушайте, я там такое нашел...

— Плюнь на то, что ты нашел, — перебил его Джо. — Смотри сюда.

Хью посмотрел. Перед ним был конвертер. Маленький, но, несомненно, конвертер.

— Бессмыслица какая-то, — сказал Джим. — Зачем нужен конвертер в таком маленьком жилище? Ведь эта штукавина может обеспечить энергией и светом полкорабля, не меньше. Что ты об этом думаешь, Хью?

— Не знаю даже, что и думать, но если ваша находка кажется вам странной, то взглянем на мою.

— А ты что нашел?

— Пойдем покажу.

Хойланд привел Джо-Джима в маленькую комнату, одна стена которой была сделана из стекла. Стекло было темным, как-будто извне что-то загораживало вид. Напротив стены стояли два кресла, в подлокотниках которых и на приборных досках перед ними светились такие же квадратики маленьких огоньков, как в Главной рубке.

Джо-Джим попытался найти прибор, который воспроизвел бы панораму звездного неба на стеклянной стене перед ними. Попытки не увенчались успехом. Не мог же он знать, что это стекло не экран, а иллюминатор, заслоненный корпусом самого Корабля. Манипулируя наугад пальцами, Джо-Джим включил приборы, над которыми зажглась надпись: *Пуск*. Слово это ничего не говорило ему, и он не обратил на него внимания. Тем более что ничего существенного не произошло, разве что замигал красный огонек, и вспыхнула еще одна надпись: *Открыт герметический шлюз*.

Джо-Джиму, Хью и Бобо очень повезло, что шлюз был открыт. Затвори они за собой двери и оставь их далекие предки в конвертере хоть несколько граммов массы, пригодной для превращения в энергию, все трое весьма неожиданно для себя очутились бы в корабельной шлюпке, запущенной в Космос без какой бы то ни было подготовки к полету, — в маленьком космическом суденышке, систему управления которым лишь смутно начали постигать по аналогии со схемой приборов Главной рубки.

Им вряд ли удалось бы ввести шлюпку обратно в док, вероятнее всего, они разбились бы о Корабль.

И никто из них не подозревал, что найденное ими «жилище» само по себе было маленькой космической ракетой. Им и в голову никогда не приходило, что Корабль может быть оснащен шлюпками.

— Выключи свет, — попросил Хью.

Джо-Джим выполнил его просьбу.

— Итак... — продолжал Хью. — Что вы думаете по поводу этой находки?

— Дело ясное, — ответил Джим. — Это еще одна рубка. Раньше мы не знали о ней, потому что не могли открыть дверь.

— Нелогично, — возразил Джо. — Зачем Корабль столько?

— А зачем человеку две головы? — вопросом на вопрос ответил его брат. — С моей точки зрения, твоя — явное излишество.

— Не сравнивай. Мы с тобой такими родились. Но Корабль-то строили по проекту.

— Ну и что? Носим же мы два ножа, разве нет? Мы что, так и родились с ними? Запас карман не тянет.

— Но как отсюда управлять Кораблем? — запротестовал Джо. — Ничего же не видно. Уж если дублировать управление, то в Капитанской рубке, откуда видны звезды.

— А это что? — спросил Джим, показывая на стеклянную стенку.

— Пошевели мозгами, — отвечал Джо. — Эта стена выходит внутрь Корабля, а не наружу. Здесь нет приборов для воспроизведения звездного неба.

— Может, мы их просто не нашли.

— Хорошо, но тогда зачем здесь конвертер? Уверяю тебя, его установили не случайно.

— Ну и что?

— Наверняка он как-то связан со всеми этими приборами.

— Почему ты так думаешь?

— А потому! С чего бы устанавливать в одном отсеке и приборы, и конвертер, если они друг к другу никакого отношения не имеют?

Хью, все время обескураженно молчавший, поднял голову. В аргументах братьев даже противоречия казались обоснованными и логичными. Запутанная ситуация. Но конвертер, конвертер...

— Послушайте! — вдруг выпалил Хью.

— Что ты еще надумал?

— А что если... а что если эта часть Корабля движется?

— Естественно. Весь Корабль движется.

— Да нет же, — сказал Хью нетерпеливо. — Я совсем о другом. Что если эта часть Корабля может двигаться самостоятельно? Пульт управления и конвертер! Вот в чем секрет — эта секция может отделиться от Корабля и лететь сама по себе!

— Сомнительно.

— Возможно. Но если я все же прав, то мы нашли искомое. Это и есть выход наружу.

— Как так? — спросил Джо. — Что за чушь! Здесь же нет двери.

— Но если эту штуку отвести от Корабля, то наружу можно выйти через дверь, в которую мы вошли!

Две головы одновременно повернулись к нему, потом посмотрели друг на друга. Джо-Джим повторил свой эксперимент с приборной доской.

— Видишь? — сказал Джим. — «Пуск». Пуск — это значит привести Корабль в движение.

— Почему же ничего не происходит?

— «Открыт герметический шлюз». Имеется в виду дверь, все двери, через которые мы прошли.

— Попробуем закрыть?

— Сначала надо включить конвертер.

— Давай.

— Не спеши, не спеши. Кто знает, что получится? Вылетим еще, чего доброго, а обратно вернуться не сможем. Помрем тогда с голоду.

— Хм-м-м, верно. Надо осмотреться, продумать все хорошенько.

Прислушиваясь к спору близнецов, Хью внимательно исследовал приборную доску, пытаясь разобраться, что к чему. Увидев ящичек на панели перед креслом, он сунул в него руку.

— Смотрите, что я нашел!

— Книга? — сказал Джо. — Да их у конвертера целая куча.

— Покажи, — сказал Джим.

Хью открыл найденную книгу.

— «Бортовой журнал звездолета «Авангард», — прочитал он. — 2 июня 2172 года. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости».

— Что?! — завопил Джо. — Дай посмотреть!

— «3 июня. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости».

«4 июня. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости. В 13.00 капитан объявил список поощрений и дисциплинарных взысканий. См. Административный журнал».

«5 июня. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости».

— Дай сюда!

— Подожди, — сказал Хью. — «6 июня. В 04.31 вспыхнул мятеж. Младший механик Хафф захватил несколько ярусов и, объявив себя капитаном, предложил вахте сдаться. Вахтенный офицер объявил его арестованным и вызвал каюту капитана. Ответа не было».

«04.35. Связь прервана. Вахтенный офицер отправил трех рассыльных известить капитана, а также найти коменданта гауптвахты и содействовать аресту Хаффа».

«04.41. Конвертер отключен. Перешли в свободный полет».

«05.05. Рассыльный Лэси, один из троих, посланных ранее вниз, вернулся в рубку. Доложил на словах, что остальные двое — Малькольм Янг и Артур Сирс — убиты, а его отпустили только для того, чтобы предложить вахте сдаться. Мятежники дают нам срок на размышления до 05.15».

Следующая запись в боржурнале была сделана другим почерком.

«05.45. Я сделал все возможное, чтобы связаться с другими постами и офицерами корабля, но мои попытки не увенчались успехом. Исходя из сложившихся обстоятельств, считаю своим долгом покинуть рубку управления, не дожидаясь смены, и попытаться восстановить порядок в нижних ярусах. Поскольку мы не вооружены, мое решение может быть ошибочным, но ничего другого мне не остается. Джин Болдуин, пилот третьего класса, вахтенный офицер».

— Это все? — спросил Джо.

— Нет, — ответил Хью. — «1 октября (приблизительно) 2172 года. Я, Теодор Маусон, бывший рядовой интендантской службы, был сегодня избран капитаном «Авангарда». Со времени занесения в этот журнал последней записи многое изменилось. Мятеж был подавлен или, вернее, утас сам собой, но последствия его трагичны. Погиб весь командный состав, перебиты все пилоты и инженеры. Поэтому меня и выбрали капитаном — не нашлось никого более подходящего.

Мы потеряли около девяноста процентов экипажа. Со дня мятежа не производились новые посевы, гид-

ропонные фермы запущены, запасы продовольствия приближаются к концу. Среди не сдавшихся еще мятежников уже были отмечены случаи людоедства.

Моя первостепенная задача — установить хоть какое-то подобие порядка и дисциплины среди экипажа. Следует возобновить посевы и установить постоянную вахту у Вспомогательного Конвертера, который теперь стал нашим единственным источником света, тепла и энергии».

Дата следующей записи не была указана.

«Последнее время мне было не до аккуратного ведения журнала. Сказать по правде, я даже приблизительно не представляю, какое сегодня число. Корабельные часы давно остановились. То ли из-за неполадок во Вспомогательном Конвертере, то ли из-за внешней радиации. Поскольку Главный Конвертер не функционирует, мы утратили поле радиационной защиты вокруг корабля. Мой Главный инженер уверяет, что Главный Конвертер можно пустить, но у нас нет навигаторов. Я пытался научиться навигации по сохранившимся книгам, но математика слишком сложна для меня.

Из-за радиации примерно каждый двадцатый ребенок рождается уродом. Я ввел спартанский кодекс — эти дети не должны жить. Суровая необходимость.

Я становлюсь стар и дряхл, пора подыскивать себе преемника. Я — последний на борту, кто родился на Земле, но и я мало что о ней помню: мне было пять лет, когда мои родители отправились в полет. Я не знаю, сколько лет мне сейчас, но ясно понимаю одно — до Конвертера мне осталось совсем немного.

В психологии моих людей происходит любопытный сдвиг. Они никогда не жили на планете, поэтому с течением времени им все труднее становится воспринимать какие-либо концепции, не связанные непосредственно с Кораблем, или представлять себе природные явления, не связанные с жизнью в нем. Я оставил всякие попытки пробудить их воображение и мысль; они вряд ли пойдут на пользу, если у меня все равно нет надежды хоть когда-нибудь вывести мой экипаж из мрака. Жизнь у моих людей тяжелая, они выращивают урожай только для того, чтобы потом драться за него, отбивая налеты отщепенцев, все еще прячущихся

на верхних палубах. Так зачем же растревать их души рассказами о лучшем бытии?

Я принял решение не передавать этот бортжурнал моему преемнику. Лучше я спрячу его в единственной сохранившейся после бегства мятежников шлюпке. Там он будет в безопасности, здесь же какой-нибудь идиот, не задумываясь, пустит его на топливо для Конвертера. Недавно я застал вахтенного в тот момент, когда он закладывал в Конвертер последний экземпляр бесценной «Всеземной энциклопедии». Проклятый дурень неграмотен, не умеет ни читать, ни писать. Надо издать закон об охране книг.

«Это моя последняя запись. Я долго откладывал приход сюда, чтобы спрятать журнал в безопасном месте, — подниматься на верхние палубы очень опасно. Но жизнь моя значения больше не имеет, а я хочу умереть уверенным в том, что сохранится правдивая летопись событий.

Теодор Маусон, Капитан».

Когда Хью кончил читать, близнецы, против обыкновения, долго молчали. Наконец Джо глубоко вздохнул и сказал:

— Вот, значит, как оно все было.

— Жаль его, беднягу, — тихо вымолвил Хью.

— Кого? Капитана Маусона? Почему?

— Нет, не его. Я имел в виду пилота Болдуина. Представляешь, каково ему было выходить за дверь, где его поджидал Хафф. — Хью передернуло. Человек он был просвещенный, но при всей широте своих взглядов подсознательно представлял себе Хаффа («Первым Хафф согрешил, будь он проклят вовек!») существом ростом с двух Джо-Джимов, силой с двух Бобо и с клыками вместо зубов.

Хью заимствовал у Эртца несколько носильщиков, которые стаскивали трупы жертв военных действий к Главному Конвертеру на топливо, и приказал им доставить в шлюпку запасы воды, продовольствия и массу для конвертера. Нарби он об этом не сообщил и вообще утаил от него найденную шлюпку. Почему — сам не знал, просто Нарби раздражал его.

Между тем звезда на экране Главной рубки росла и росла, пока не превратилась в яркий сверкающий диск. Такой яркий, что на него больно было смотреть. Изменилось и ее положение — она переместилась почти в центр. Если Корабль продолжит свой неуправляемый дрейф, то опишет вокруг звезды гиперболу и снова исчезнет в глубинах Космоса.

Хью долго, очень долго вычислял траекторию полета. Сохранись на Корабле земное исчисление времени, он увидел бы, что у него ушло на это несколько недель. Еще дольше Эртц и Джо-Джим проверяли его расчеты и с трудом заставили себя поверить в правильность полученных ими цифр — до того они казались нелепыми. И еще больше времени ушло на то, чтобы убедить Эртца, что для сближения двух тел в пространстве необходимо прилагать силу, направленную в сторону, противоположную желаемой, то есть упереться пятками, изо всех сил затормозить и погасить силу инерции. Пришлось провести целый ряд экспериментов в свободном полете в невесомости, прежде чем Эртц поверил в это. Сам-то он просто собирался разогнать Корабль и на полном ходу направить его на звезду.

Хью и Джо-Джим рассчитали силу торможения, необходимую для погашения скорости «Авангарда» и вывода его на орбиту вокруг звезды, чтобы затем начать поиск планет. Эртц с трудом усвоил разницу между звездой и планетой. Алан вообще ничего не понял.

— Если мои расчеты верны, — сказал Эртцу Хью, — пора разгонять Корабль.

— Главный двигатель готов, — ответил Эртц. — У нас уже достаточно массы.

— Нужно идти к Нарби за разрешением.

— Это еще зачем?

— Он же Капитан, — пожал плечами Хью.

— Хорошо. Зови Джо-Джима и пойдем.

В помещении Джо-Джима они нашли Алана.

— Коротышка сказал, что двухголовый ушел к Капитану, — сообщил им Алан.

— Прекрасно. Мы как раз хотели позвать его туда. Алан, старик, мы начинаем!

— Уже? Вот здорово! — выпучил глаза Алан.

— Идем с нами к Капитану.

— Подождите, я только предупрежу свою бабу. — И он побежал в свое жилище, находившееся рядом.

— Балует он ее, — заметил Эртц.

— Иногда это от нас не зависит, — ответил Хью с отсутствующим видом.

Алан быстро вернулся, успев, однако, переодеться.

— Пошли! — возбужденно крикнул он.

Алан гордо вышагивал к кабинету Капитана. Он теперь стал значительным лицом — идет себе рядом с влиятельными друзьями, а охрана знай честь отдает. Давно прошли времена, когда его держали на побегушках.

Но часовой у двери не отступил, как обычно, в сторону, хотя и отдал честь.

— Дорогу! — резко сказал Эртц.

— Слушаюсь, сэр, — ответил часовой, не двигаясь с места. — Ваше оружие, пожалуйста.

— Ты что, идиот, не узнаешь Главного инженера?

— Так точно, сэр, узнаю. Прошу сдать оружие. Таков приказ.

Эртц пихнул его в плечо. Часовой уперся ногами в пол.

— Прошу извинить, сэр. Капитан строго-настрого приказал всем входящим к нему оставлять оружие у входа. Всем без исключения.

— Проклятье!

— Он хорошо помнит, что случилось с прежним Капитаном, — тихо вставил Хью. — Умный он парень, наш Нарби. — С этими словами он отстегнул нож и отдал его часовому.

Эртц пожал плечами и сделал то же самое. Обескураженный Алан последовал их примеру, смерив стража испепеляющим взглядом.

Когда они вошли в кабинет, Нарби беседовал с Джо-Джимом. На лицах близнецов застыло утрюмое

выражение. Бобо казался голым без привычных пращи и ножей.

— Вопрос закрыт, Джо-Джим, — продолжал Нарби. — Таково мое решение. Я оказал вам любезность, изложив причины, побудившие меня принять его, но ваше согласие или несогласие значения не имеет.

— В чем дело? — поинтересовался Хью.

Нарби поднял голову.

— Хорошо, что ты пришел, Хью, а то твой друг мьют начинает забывать, кто здесь Капитан.

— В чем дело? — повторил Хью. — Что здесь происходит?

— Он, — прорычал Джим, тыча пальцем в Нарби, — думает разоружить всех мьют.

— Но ведь война окончена, не так ли?

— Не было такого уговора. Мьюты должны были влиться в Экипаж. Разоружи сейчас мьют, и Экипаж их всех перережет. У него-то ножи останутся.

— Придет время — у всех отберем, — заверил Нарби, — но я сделаю это тогда, когда сочту нужным. Что у тебя, Эртц?

— Спроси Хью.

Нарби обернулся к Хойланду.

— Я пришел уведомить вас, Капитан, — по-уставному отчеканил Хью, — что мы намерены запустить Главный двигатель и перейти к управляемому Полету.

Если слова Хью и удивили Нарби, то никак уж не привели в растерянность.

— Боюсь, что вам придется обождать. Я все еще не считаю возможным допускать офицеров в невесомость.

— В этом нет необходимости, — сказал Хью. — Поначалу Эртц и я вполне справимся сами. Ждать больше нельзя. Если мы не начнем сейчас, то при жизни нашего поколения Полет завершен не будет.

— Не будет так не будет.

— Что?! — выкрикнул Хью. — Нарби, ты что, не хочешь завершить Полет?

— Я не намерен проявлять поспешность.

— Что за ерунда, Фин? — спросил Эртц. — Что это на тебя нашло? Нам действительно пора начинать.

Нарби молча барабанил пальцами по столу. Потом сказал:

— Поскольку здесь высказываются некоторые сомнения относительно того, кому принадлежит власть, придется вам разъяснить, что к чему. Хойланд, в той мере, в какой твои забавы не мешали мне управлять жизнью Корабля, я готов был смотреть на них сквозь пальцы и позволять тебе развлекаться, ибо по-своему ты был весьма полезен. Но поскольку твои бредовые идеи становятся источником разложения Экипажа, угрозой моральному здоровью, спокойствию и безопасности народа Корабля, я вынужден положить им конец.

От изумления Хью лишился дара речи. Наконец он выдал:

— Бредовые? Ты сказал — бредовые?

— Вот именно. Только псих или невежественный религиозный фанатик может уверовать, будто Корабль движется. Но поскольку и ты, и Эртц имели честь удостоиться научного образования, то невеждами вас считать нельзя и, значит, вы оба, безусловно, свихнулись.

— Во имя Джордана! — воскликнул Хью. — Ты сам, собственными глазами видел бессмертные звезды, и ты же называешь нас безумцами!

— Что все это значит, Нарби? — холодно спросил Эртц. — Ты что финтишь? И не вкручивай нам мозги, мы-то знаем, что ты был наверху и удостоверился в том, что Корабль движется.

— Я с интересом наблюдал за тобой, Эртц, — сказал Нарби. — Но никак не мог понять: то ли ты решил использовать психоз Хойланда в своих интересах, то ли сам сошел с ума, как и он. Только теперь мне стало ясно, что ты тоже свихнулся.

Эртц сдержал гнев.

— Будь любезен объясниться. Ты же был в Главной рубке, и как ты можешь утверждать, что Корабль не движется?

— Я был о тебе лучшего мнения, как об инженере, — усмехнулся Нарби. — Рубка не что иное, как ловкая мистификация. Фокус! Ты сам видел, что огни в ней включаются и выключаются — очень остроумное приспособление с инженерной точки зрения, надо сказать. Судя по всему, оно служило для культовых обрядов, чтобы возбуждать в верующих благоговение перед древними мифами. Но нам оно ни к чему. Вера

Экипажа и так крепка. Сейчас Рубка может возбудить лишь нездоровые страсти, поэтому я ее уничтожу, а двери, ведущие в нее, опечатаю.

Не удержи его Эртц, Хью вцепился бы в Нарби.

— Спокойно, Хью, — сказал Эртц и продолжал: — Допустим, что даже Главный двигатель — просто муляж, но что ты скажешь о Капитанской рубке? Ты ведь видел там настоящие звезды, а не их изображение.

— Эртц, да ты еще глупее, чем я думал! — Нарби расхохотался. — Должен сознаться, однако, что сначала Капитанская рубка и меня заинтриговала, хотя во все эти звезды я никогда не верил! Но Главная рубка помогла мне во всем разобраться. Капитанская рубка такой же фокус, как и она. Очень остроумное инженерное решение, безусловно. За ее иллюминатором находится еще одно помещение примерно такого же размера, но неосвещенное. На фоне этой тьмы маленькие огоньки действительно создают эффект бездонного пространства. Принцип тот же, что и в Главной рубке. Я просто поражен тем, что вы сами этого не поняли. Если очевидные факты противоречат логике и здравому смыслу, это означает, что вы неправильно истолковали их и они лишь кажутся вам очевидными. Единственный по-настоящему очевидный, основной факт природы — реальность Корабля, прочного, незыблемого, неподвижного мира. Все, что противоречит этой объективной реальности, не более чем иллюзия, самообман. Вооруженный этим Учением, я начал искать секрет показанного мне фокуса и нашел его!

— Ты хочешь сказать, — спросил Эртц, — что действительно нашел путь по ту сторону стеклянной стены и собственными глазами видел механизмы, создающие иллюзию звезд?

— Нет, — ответил Нарби, — В этом нет необходимости. Необязательно порезаться, чтобы убедиться в остроте ножа.

— Та-а-ак, — протянул Эртц. И сказал после короткой паузы: — Предлагаю тебе компромисс. Если Хью и я действительно сошли с ума, то вреда от нас все равно не будет, поскольку мы держим язык за зубами. Но мы попробуем запустить двигатель и дока-

зять, что Корабль движется. Если ничего не выйдет, ты был прав, а мы ошиблись.

— Капитан не торгуется, — заявил Нарби. — Однако я обдумаю твоё предложение. Вы свободны.

Эртц повернулся, чтобы уходить, с трудом сдерживая негодование, но взгляд его упал на каменные лица Джо-Джима.

— А как же с мьютами? — спросил Главный инженер. — Почему ты позволяешь себе так обращаться с Джо-Джимом? Не забывай, что ты стал Капитаном благодаря его ребятам.

На мгновение Нарби утратил выдержку, и маска собственного превосходства исчезла с его лица.

— Не вмешивайся не в своё дело, Эртц. Я не позволю держать здесь банды вооружённых дикарей. Таково моё окончательное решение.

— С пленными ты можешь поступать как хочешь, — сказал Джим, — но наш отряд оружия не сдаст. Таково моё окончательное решение. Им всем была обещана добрая еда до конца жизни, если они будут драться за тебя. Разоружаться мы не будем.

Нарби смерил его взглядом.

— Джо-Джим, — сказал он. — Я всегда считал, что хороший мьют — это мертвый мьют. Ты делаешь сейчас все, чтобы укрепить меня в этом мнении. Думаю, тебе небезынтересно будет знать, что к настоящему времени твою банду уже разоружили и перерезали.

Ворвалась ли стража по сигналу или заранее отданному приказу, понять было трудно. В спины захваченных врасплох кровных братьев уперлись клинки ножей.

— Арестовать их! — приказал Нарби.

Бобо взвизгнул и взглядом спросил Джо-Джима, что делать.

— Давай, Бобо! — крикнул Джим.

Лягнув держащего его стражника, карлик прыгнул на человека, приставившего нож к спине Джо-Джима. Растерявшись, тот потерял драгоценных полсекунды. Сбив его на пол ударом ноги в живот, Джо-Джим вырвал у него из рук нож.

Хью катался по полу в обнимку со своим противником, сжав его кисть, державшую оружие. Джо-Джим

нанес стражнику удар, и Хью вскочил на ноги с ножом в руках. Двухголовый огляделся и увидел кучу из четырех человек — Эртца, Алана и еще двоих. Удары он наносил осторожно, чтобы не перепутать, какой голове принадлежит тело.

— Возьмите их ножи, — приказал он своим друзьям, поднявшимся на ноги. Его слова потонули в диком вопле. Бобо, так и не успевший отобрать оружие у врага, прибегнул к своему природному оружию. Раскромсанное его зубами лицо охранника залилось кровью.

— Где его нож? — спросил Джо.

— Не могу дотянуться, — виновато ответил Бобо.

Причина была очевидна — нож торчал из-под правой лопатки карлика. Джо-Джим легонько потянул за рукоять. Лезвие было всажено глубоко и не выходило.

— Идти сможешь?

— Конечно, — прохрипел Бобо.

— Пусть пока останется в ране. Алан! За мной! Хью и Билл, прикрывайте с тыла. Бобо — центр.

— Где Нарби? — спросил Эртц, прижав рукой рассеченную щеку.

Но Нарби исчез — выскользнул в дверь позади своего стола. И эта дверь была заперта снаружи.

Клерки бросились врассыпную, когда кровные братья вырвались в приемную. Джо-Джим всадил нож в часового у двери, прежде чем тот успел поднять тревогу. Быстро разобрав свое оружие, они устремились на верхние ярусы.

Двумя палубами выше нежилых территорий Бобо зашатался и упал. Джо-Джим поднял его.

— Выдержишь?

Карлик молча кивнул, на губах его выступила кровь.

Еще палуб через двадцать стало ясно, что Бобо дальше идти не сможет, хотя его и поддерживали по очереди. Сила тяжести уже заметно уменьшилась. Алан поднатужился и поднял силача, как ребенка. Они продолжали лезть вверх.

Алана сменил Джо-Джим. Они продолжали лезть вверх. Джо-Джима сменил Эртц. Затем Эртца сменил Хью.

Наконец они дошли до яруса, на который переселились после переворота. Хью, положив Бобо на пол,

направился было в сторону жилищ, но Джо-Джим остановил его:

— Ты куда?

— Домой, куда же еще?

— Ну и дурак. Именно туда за нами и придут.

— Куда же идти?

— В Корабле нам больше нет места. Пора отсюда сматываться. Идем в шлюпку.

— Верно, — согласился Эртц. — Теперь на нас ополчится весь Корабль.

— Шанс на спасение сомнительный, но другого все равно нет, — сдался Хью. И опять повернул к жилищам.

— Нам же в другую сторону! — крикнул Джим.

— Надо забрать наших женщин.

— К Хаффу женщин! Тебя схватят. Нельзя терять ни мгновения.

Но Эртц и Алан побежали за Хью.

— Ладно, — фыркнул Джим, — идите за вашими бабами. Но поторапливайтесь.

Джо-Джим сел, положив голову карлика на колени, и тщательно осмотрел его. Лицо Бобо посерело, на правой лопатке огромным красным пятном расплывалась кровь. Он вздохнул и потерся головой о бедро Джо-Джима.

— Бобо устал, хозяин.

Джо-Джим гладил его по голове.

— Терпи, — сказал Джо, — сейчас будет больно.

Приподняв раненого, Джо-Джим выдернул нож. Струей хлынула кровь.

Джо-Джим посмотрел на смертельно длинное лезвие и прикинул глубину раны.

— Ему не выжить, — шепнул Джо, Джим поймал его взгляд.

— Значит?

— Да, — кивнул Джо.

Джо-Джим ткнул извлеченным из раны ножом себе в бедро, но остался недоволен и выбрал один из собственных, острых как бритва ножей. Лево́й рукой он поднял подбородок Бобо.

— Смотри на меня, Бобо, — приказал Джо.

Бобо поднял на него глаза, пытаясь что-то сказать. Джо не сводил с него взгляда.

— Бобо молодец, Бобо сильный.

Карлик слабо улыбнулся. Нож вонзился в яремную вену, не задев горла.

— Бобо молодец, — повторил Джо.

Бобо снова раздвинул губы в усмешке.

Когда глаза карлика остекленели и он перестал дышать, Джо-Джим поднялся и пошел в ту сторону, откуда должны были вернуться остальные. На ходу он проверил свое оружие, подгоняя его так, чтобы было сподручнее.

Хью выбежал ему навстречу, запыхавшись.

— Заминка вышла, — переведя дыхание, пояснил он. — Коротышка мертв. И никого из твоих бойцов нет. Видно, Нарби не соврал, их и вправду перерезали. Держи. — И он протянул Джо-Джиму длинный нож и специально изготовленные доспехи с большим решетчатым шлемом, способным прикрыть обе головы сразу.

И Эртц, и Алан, и Хью тоже надели доспехи. Джо-Джим заметил свежий кровоподтек на губе младшей жены Хью. Держалась она смирно, а в глазах ее бушевала буря. Старшая жена, Хлоя, воспринимала все спокойно. Жена Эртца тихонько всхлипывала, жена Алана была так же обескуражена, как и ее хозяин.

— Как Бобо? — спросил Хью, помогая Джо-Джиму застегнуть доспехи.

— Бобо больше нет.

— Ясно. Ну что ж, пойдем.

Идти им было трудно, женщины не привыкли к невесомости. У переборки, отделяющей шлюз от шлюпки Корабля, засады не было, хотя Джо и показалось, что он увидел человека, нырнувшего в люк. Но никому, кроме брата, он об этом не сказал.

Дверь опять заело, а Бобо теперь с ними не было. Мужчины налегли на нее. Наконец она подалась.

— Заталкивай женщин внутрь, — скомандовал Джим.

— Да поживей, — добавил Джо. — Гости пожаловали.

Он был на страже, пока его брат занимался дверью. Крики из глубины коридора подтвердили его слова.

Джо-Джим прикрывал тыл, пока остальные вталкивали в шлюпку женщин. Младшая жена Хью, как всегда, в самый неподходящий момент забилась в

истерике и попыталась рвануться назад, но в невесомости это трудно было сделать. Хью от всего сердца пнул ее ногой и загнал в шлюпку.

Джо-Джим метнул нож, чтобы сдержать наступающих врагов. С полдюжины атакующих отпрянули назад. Потом, видно по команде, шесть ножей одно временно прорезали воздух.

Джим почувствовал удар, но боли не было. Он решил, что нож угодил в броню.

— Кажется, пронесло, Джо! — крикнул он, но ответа не услышал.

Джим повернул голову к брату. В нескольких дюймах от его глаз из прутьев решетки шлема торчал нож. Его лезвие глубоко ушло в лицо Джо. Джо был мертв. Хью высунулся в дверь.

— Скорее, Джо-Джим!

— Закрой дверь! — рявкнул Джим.

— Но...

— Закрой дверь, тебе говорят! — С этими словами Джим отпихнул его и закрыл дверь. Хью лишь мельком увидел нож, воткнувшийся в лицо Джо. Потом он услышал, как повернулся рычаг.

Джим встретил атакующих лицом к лицу. Оттолкнувшись от переборки непривычно отяжелевшими ногами, он ринулся на врагов, обеими руками сжав свой страшный, в руку длиной, клинок. Ножи противника сыпались на него, отскакивая от стальных доспехов. Он крутанул клинком и рассек одного стражника почти надвое.

— За Джо!

Удар отбросил его в сторону. Он перевернулся в воздухе, выпрямился и размахнулся снова.

— За Бобо!

Враги нависли над ним со всех сторон. Окруженный, он бил наугад, лишь бы попасть.

— А этот, на закуску, за меня!

Нож вонзился ему в бедро, но он даже не заметил этого.

— Один за всех!

Кто-то прыгнул ему на спину. Неважно, вот перед ним еще один, сталь возьмет его не хуже, чем любого другого.

— Все за од... — Он не договорил.

Хью пытался открыть дверь, запертую снаружи, но у него ничего не получалось. Если здесь и был управляющий дверью механизм, то где его искать? Он приложил ухо к стальной плите, но герметичная дверь звуков не пропускала.

Эртц дернул его за руку:

— Где Джо-Джим?

— Остался там.

— Что?! Открывай дверь, живо, втащим его сюда.

— Не могу, она не поддается. Он хотел там остаться, он сам захлопнул дверь.

— Но мы должны спасти его, мы же кровные братья!

Внезапно Хью осенило.

— Вот поэтому он и остался, — тихо сказал Хью, и рассказал Эртцу то, что успел увидеть. — Для него Полет закончился. Займись конвертером, Билл. Нам нужна энергия.

Они вышли из шлюза и задраили за собой последнюю дверь.

— Алан, — крикнул Хью, — загони баб в угол, чтоб под ногами не путались!

Усевшись в кресло пилота, он выключил огни. Зажглась надпись: *Двигатель готов*. Эртц делал свое дело.

— Пошел! — сказал сам себе Хью и включил пуск.

Толчок, прилив тошноты — и он с ужасом почувствовал, что все начало вращаться. Откуда ему было знать, что это разворачивается пусковая шахта?

Иллюминатор перед ним наполнялся звездами. Они летели! Но часть экрана закрывала огромная бесформенная масса, которую Хью никогда не видел, разглядывая звезды в иллюминатор Капитанской рубки. Сначала он не мог понять, что это такое, но, когда наконец сообразил, преисполнился благоговейным восторгом: это был Корабль, и он смотрел на него снаружи. Хотя разум его давно уже воспринял истинную природу Корабля, мысль о том, что он увидит Корабль извне, никогда не приходила ему в голову. Звезды — да, поверхность планеты — да, к этому он был уже готов, но наружная поверхность Корабля...

Хью с трудом оправился от шока.

— Что это? — спросил Алан.

Хойланд попытался объяснить. Алан лишь покачал головой:

— Не понять мне этого.

— Ничего. Позови Эртца. И женщин тоже, покажем им.

— Ладно. Но только, — в Алане вдруг заговорил здравый смысл, — бабам показывать не стоит. Напугаются, дуры, они ведь никогда не видели звезд.

Удача, инженерный гений предков и крохи знаний. Повезло, что Корабль оказался у звезды с планетной системой; повезло, что они смогли спустить шлюпку; повезло, что Хью сумел разобраться в пульте управления, прежде чем они затерялись бы в глубоком Космосе и умерли от голода.

Гений предков снабдил их суденышко огромным запасом энергии и большой скоростью. Его создатели предвидели, что звездоплавателям все это понадобится для исследовательских экспедиций в звездной системе, к которой направлялся «Авангард». Они строили шлюпку с максимальным запасом прочности, и Хью использовал его до предела.

Повезло им и в том, что они очутились в сфере планетарного притяжения, и в том, что орбита, по которой Хью направил шлюпку, совпадала с орбитами планет. Описывая эллипс, он вышел к гигантской планете. Хью долго маневрировал, забыв о сне и еде, чтобы выйти на орбиту вокруг нее, но вышел в конце концов так близко, что увидел ее спутники.

Удача сопутствовала ему до конца. Он намеревался было в своем невежестве совершить посадку на гигантскую планету. Удайся ему это — им всем осталось бы жить ровно столько времени, сколько требуется, чтобы открыть люк. Но отчаянное маневрирование, выход на орбиту вокруг планеты съели почти все топливо конвертера.

Обложившись древними книгами, Хью без отдыха решал и решал уравнения, составленные предками для определения законов движения тел: считал и пересчитывал, выводя из терпения даже всегда спокойную

Хлою. Вторая жена, безымянная, держалась от него подальше.

Но все полученные им ответы гласили, что даже если они сунут в конвертер всю свою одежду и оружие, чтобы выйти к большой планете, ему придется пустить на топливо часть его бесценных книг.

Он скорее бы сунул в конвертер своих жен.

В конце концов Хью решил совершить посадку на один из спутников планеты.

И опять везение. Совпадение настолько невероятное, что трудно в него поверить. Спутник гигантской планеты был пригоден для жизни. Но подумайте сами — ведь для возникновения планеты такого типа, как наша Земля, тоже требуется комбинация обстоятельств, столь же невероятных. Наш собственный мир, который мы попираем ногами, тоже относится к разряду «Такого не бывает!». Вероятность его существования просто смехотворно мала.

Так вот, именно такое везение и сопутствовало Хью Хойланду — везение невероятное.

Гений земных предков завершил дело. Хотя Хойланд и освоил маневрирование в Космосе, при посадке он наверняка разбил бы любой корабль, построенный до «Авангарда». Однако проектировщики «Авангарда» знали, что шлюпками корабля будут управлять, в лучшем случае, пилоты второго поколения, и строили их исходя из этого.

Хью ввел шлюпку в атмосферу и с видом победителя лег на курс, который доставил бы их всех прямоком в могилу, не возьми на себя управление включившийся автопилот.

Хью метался в кресле и ругался так, что даже заставил Алана оторваться от иллюминатора и перенести свое удивленное восхищение с планеты на друга. Но вернуть управление шлюпкой Хью был бессилён. Что бы он ни пытался делать, шлюпка шла сама по себе и на высоте тысячи футов легла на параллельный поверхности курс.

— Хью, звезды исчезли.

— Сам вижу.

— Джордан, что же это? Куда они делись, Хью? Хью рывкнул на Алана:

— Не знаю и знать не хочу! Катись на корму к бабам и не приставай с идиотскими вопросами.

Алан неохотно ушел, поглядывая в иллюминатор на ясное небо и на поверхность планеты. Ему было интересно, но не более, — он давно уже потерял способность восторгаться.

Только через некоторое время Хью сообразил: что группа приборов, которыми он раньше и не пытался манипулировать, не понимая их назначения, как раз и отдает автопилоту приказ о посадке. Поскольку выяснилось это методом проб и ошибок, место для посадки Хью выбрал почти наугад. Но немигающие стереоглаза автопилота непрерывно подавали информацию в селекторное устройство, которое исследовало ее и приняло решение. Корабль мягко приземлился в прерии неподалеку от опушки леса.

Эртц кинулся к Хойланду:

— Что произошло, Хью?

Хью устало махнул рукой в сторону иллюминатора:

— Приехали.

Он был слишком измотан и духовно, и физически, чтобы обставить посадку какой-нибудь торжественной церемонией. Годы борьбы, суть которой он сам понимал более чем смутно, голода и жажды, годы пожирающих его душу стремлений почти не оставили ему способности испытать радость, когда наконец он добился своего и достиг цели. Но они приземлились, они завершили Полет, начатый Джорданом! Он чувствовал себя не то чтобы счастливым, но умиротворенным и усталым бесконечно.

— Выйдем? — спросил Эртц.

— Давай.

Алан подошел, когда они отдраивали люк, за его спиной толпились женщины.

— Прилетели, Капитан?

— Заткнись, — ответил Хью.

Женщины глядели в иллюминатор. Алан гордо и неправильно объяснял им, что к чему. Эртц открыл наружную дверь. Они вдохнули свежий воздух.

— Холодно, — заметил Эртц.

На самом деле температура была, в лучшем случае, градусов на пять ниже никогда не менявшейся темпе-

ратуры на борту «Авангарда». Но откуда было знать Эртцу, что такое погода?

— Чепуха, — буркнул Хью, неосознанно раздосадованный малейшей критикой в адрес «его» планеты. — Это тебе кажется.

— Возможно, — не стал спорить Эртц. Наступила неловкая пауза. — Пойдем, — сказал он наконец.

— Пойдем.

Превозмогая нерешительность, Хью оттолкнул его и прыгнул вниз. До земли было всего футов пять.

— Прыгайте, здесь здорово!

Эртц присоединился к нему. Оба невольно жались к Кораблю.

— Мир огромен, — прошептал Эртц.

— Мы же знали, что он именно таков и есть, — отрезал Хью, обеспокоенный охватившим его чувством потерянности.

— Эй, — Алан осторожно выглянул наружу. — Можно спускаться?

— Прыгай!

Алан одним прыжком присоединился к ним.

— Вот это да! — присвистнул он.

Их первая вылазка закончилась футах в пятидесяти от Корабля. Они шли, держась кучкой, смотря под ноги, чтобы не споткнуться и не упасть на этой странной неровной палубе. Все было нормально, но Алан поднял голову и вдруг впервые в жизни не увидел потолка над собой. Головокружение и острый приступ агорафобии. Он застонал, закрыл глаза и упал.

— Что случилось? — спросил Эртц и тоже посмотрел вверх. Приступ свалил и его.

Хью боролся с головокружением. Страх и боль бросили его на колени, но, упершись рукой в землю, он пытался подняться. Ему было легче — он так долго смотрел на бескрайние просторы планеты в иллюминатор.

— Алан! — завизжала его жена, высунувшись из люка. — Алан! Вернись!

Алан открыл один глаз, посмотрел на Корабль и пополз к нему на брюхе.

— Алан! — скомандовал Хью. — Прекрати! Сядь!

Алан повиновался с видом человека, от которого требуют слишком многого.

— Открой глаза!

Алан осторожно открыл глаза, но поспешно зажмурился снова.

— Сиди спокойно — и придешь в себя, — добавил Хью. — Я уже в порядке.

Чтобы доказать это, он выпрямился в полный рост. Голова у него еще кружилась, но он стоял. Эртц, лежавший до этого ничком, приподнялся и сел.

Солнце перевалило зенит. Прошло достаточно времени, чтобы сытый проголодался, а они сытыми отнюдь не были. Крайне простым способом уговорили выйти наружу женщин — вытолкав их пинками. Отходить от Корабля те боялись и сгрудились в кучу. Но мужчины уже освоились и расхаживали даже в одиночку. На виду у женщин Алану было нипочем отойти от Корабля на целых пятьдесят ярдов.

Во время одной из этих демонстраций он заметил маленького зверька, позволившего своему любопытству взять верх над осторожностью. Нож Алана сбил его, и зверек закувыркался в траве. Схватив жирную тушку за лапы, Алан гордо подбежал к Кораблю.

— Смотри, Хью, смотри! Добрая еда!

Хью одобрительно взглянул на него. Первый испуг давно прошел, и сейчас его охватило теплое чувство, как будто он наконец вернулся в свой далекий дом.

— Верно, — согласился он. — Добрая еда. Теперь, Алан, у нас всегда будет много доброй еды.

Содержание

Свободное владение Фарнхэма, роман	
<i>перевод с английского А. Киракозова</i>	7
 Пасынки Вселенной, роман	
<i>перевод с английского Ю. Зараховича</i>	381

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга четвертая

Ответственный за выпуск А. Московкин
Оператор компьютерной верстки О. Кинель

Главный редактор А. Захаренков

Редактор М. Проворова

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры Г. Бочарова, Е. Ошуркова

Художественное оформление серии: М. Захаренкова

Оформление шмуцтитлов: А. Сергунин

Цветные иллюстрации: А. Кириллов

Подписано в печать 22.10.92. Лицензия № 2-0477. Формат 84x1081/32.

Усл. печ. листов 26,04. Тираж 100 000 экз. Заказ № 778. С-5.

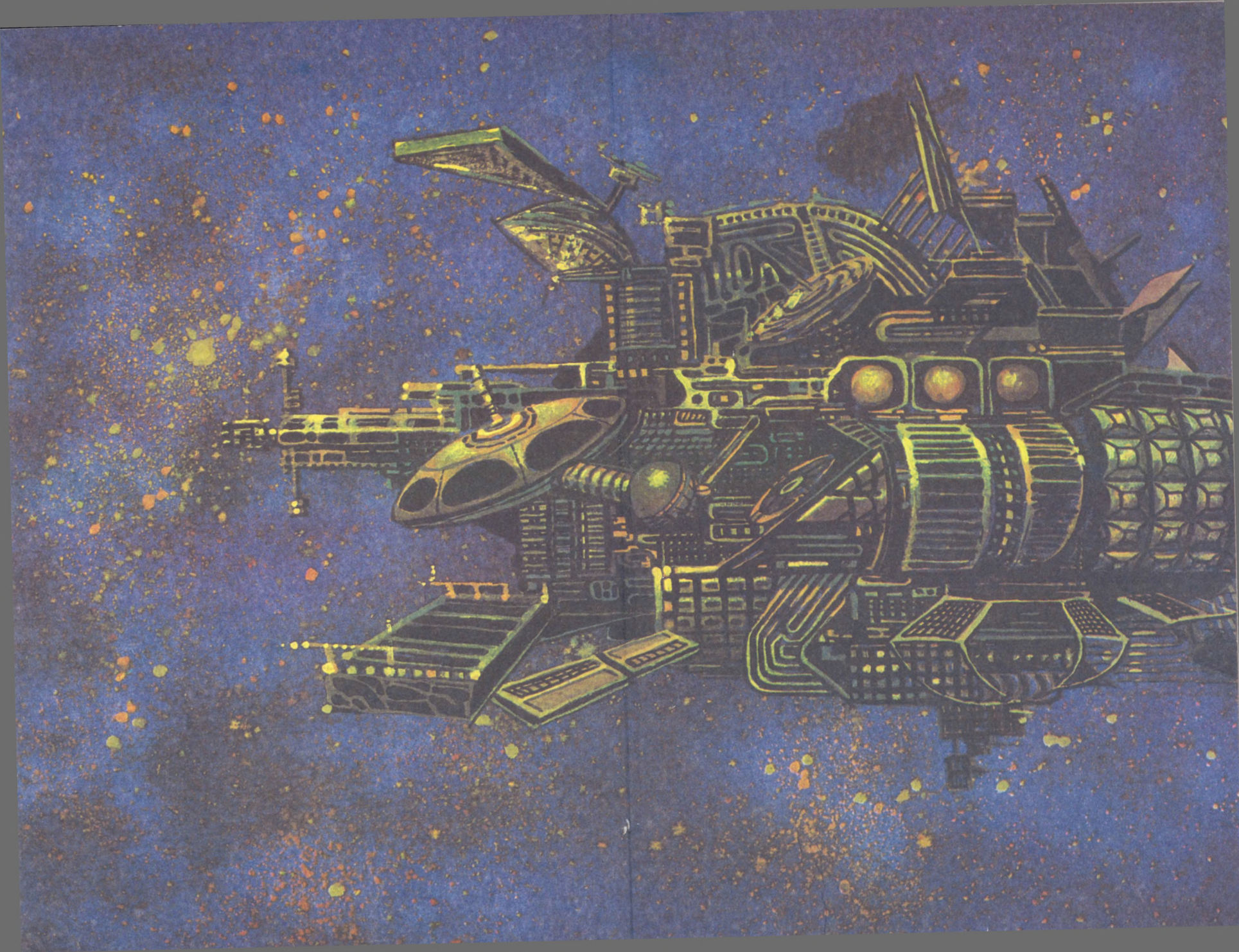
Издательская фирма «Полярис».

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.

**Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат Министерства печати и информации Российской Федерации.
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.**

**Миры Роберта Хайнлайна кн. 3: Пер. с англ.—Р.:
Полярис, 1992.—495 с.**

ISBN 5-88132-017-4

**СВОБОДНОЕ
ВЛАДЕНИЕ
ФАРНХЭМА
ПАСЫНКИ
ВСЕЛЕННОЙ**